АНКЛАВЫ ВАДИМА ПАНОВА

РАЙ САТАНЫ

ВИКТОР ТОЧИНОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Знаменитый цикл Вадима Панова «Анклавы» продолжается!

Катаклизм, вызванный запуском Станции «Наукома», поставил человечество на грань выживания. Многое на Земле необратимо изменилось. Одним из самых загадочных мест стал Таймыр. В черном тумане, окутавшем его, обитали гигантские трехглазые монстры. И с одним из них довелось столкнуться сержанту Багирову. Дальше – больше… Мифическая Страна Мертвых оказалась пугающей реальностью. Откуда Багирову было знать, что «мистический» туман лишь идеальное прикрытие для спецслужб, которые во что бы то ни стало стремятся заполучить в свои руки психотронное оружие невиданной мощи…

- Виктор Точинов
  - Пролог
  - Часть первая
    - 1. Вышел ежик из тумана
    - 2. Как становятся психами
    - 3. …Вынул ножик из кармана
    - 4. Как становятся психами – 2
    - 5. След человека
    - 6. Последняя ночь
    - 7. Незнамо где, неведомо когда
    - 8. Тревога четвертой степени
    - 9. Как браконьерствуют в тундре
  - Часть вторая
    - 1. Чудеса туземной медицины
    - 2. Неназначенные встречи
    - 3. Если гадаешь по костям, пусть это будут кости врагов
    - 4. Яволь, герр экселенц!
    - 5. Стоит в тундре теремок, он ни низок, ни высок
    - 6. Последний из Великих
    - 7. Орлы мух не клюют
    - 8. Исповедь идеалиста
  - Часть третья
    - 1. Заходите к нам на огонек
    - 2. Охота на чучундру
    - 3. Деловое предложение
    - 4. «Колесница Кришны», история вопроса
    - 5. Гостеприимство по-таймырски

- 6. Охота на чучундру – 2
- 7. Зачистка
- 8. Если долго сидеть на берегу реки, мимо проплывет труп врага
- 9. «Лисапедисты»

- Часть четвертая
  - 1. Муж, жена и «Сатана»
  - 2. Малое таймырское сафари
  - 3. Человек в железной маске
  - 4. Крысиная доля
  - 5. Контакты третьего рода
  - 6. Виртуальный посланец небес
  - 7. Большое таймырское сафари, начало
  - 8. Операция «Троянский конь»
- Часть пятая
  - 1. Казанова с железным стержнем
  - 2. Затерянный Рай
  - 3. Маска, маска, я вас знаю!
  - 4. Прогулки при ясной луне
  - 5. Даже в Раю плохо быть одному
  - 6. Мертвые мангусты попадают в рай
  - 7. Большое таймырское сафари, завершение
- Эпилог

Виктор Точинов
Рай Сатаны

Александру Лидину – писателю, переводчику, редактору, художнику и просто хорошему человеку – с благодарностью за помощь в создании этой книги

Пролог

Он двигался осторожно и медленно, миллиметр за миллиметром приближаясь к добыче. Безошибочный инстинкт охотника всегда подсказывал ему тот миг, когда осторожное приближение должно смениться стремительным броском, короткой схваткой и заслуженной победой. И этот миг близился.

Добыча – молодая казарка, уже почти сравнявшаяся размерами с родителями – не замечала нависшей угрозы, песец подкрадывался абсолютно бесшумно и с наветренной стороны. Возможно, казарка первый раз в жизни удалилась так далеко от родного выводка, влекомая отчасти голодом, отчасти свойственной юности жаждой познания мира…

В первый раз – и в последний. Сейчас она умрет, чтобы жил другой, – извечный круговорот жизни и смерти в природе. Всё как всегда, все в полном соответствии с заведенным испокон веков порядком вещей.

На самом деле заведенный в мире порядок вещей рушился… Рассыпался стремительно и неудержимо. Мировая экономика агонизировала под атаками тритонов. Небывалый всплеск преступности перерос в самую настоящую войну, полыхающую на улицах городов. По Анклавам катилась волна погромов, люди убивали проклятых мутаборских колдунов… Мало кто понимал, что происходит. Никто не знал, что делать и как выживать в распадающемся на части мире. Над планетой навис призрак большой войны, – реальный, осязаемый. Стянутые в Баренцево море флоты великих держав были готовы к удару – пальцы замерли у красных кнопок.

Ни песец, ни казарка этого не знали. Здесь, в таймырской тундре, все шло так же, как тысячи лет назад… И казалось неизменным и вечным.

Песец рванулся вперед. Рассчитанным до микронов движением.

По странному совпадению именно в этот момент за тысячи километров – в Баренцевом море, на борту авианосца «Зенг Хе» – адмирал Бодуань отдал давно ожидаемую команду:

– Атакуем!

Пасть сомкнулась на птичьей шее. Крылья хлопали бешено и впустую. По клыкам песца потекла вкусная горячая кровь.

Палубные истребители с ревом взмывали в воздух. Тяжелые десантные вертолеты ложились на боевой курс. Ракеты на пусковых отсчитывали последние секунды перед стартом.

…Песец дремал, наевшийся и отяжелевший, когда до его маленького уютного мира добралась судорога, корежившая мир большой. Тундра содрогнулась, сбросив песца с моховой кочки. Небо вспыхнуло полярным сиянием, неуместным днем и в это время года. Сверху послышался звук – оглушительный, грохочущий и ревущий одновременно. Звук становился все сильнее, но его источник песец уже не увидел – прижав уши, зверек стремительно несся по тундре: скорее, скорее, унести лапы из страшного и опасного места…

Что безопасных мест в мире не осталось, песец не знал.

Часть первая
Чужак в чужом краю

1. Вышел ежик из тумана

В туман чудовищные звери не сунулись. Не нравился им туман чем-то… Судя по звукам, топтались на самом краю клубящегося желтовато-серого марева, но в глубину не полезли.

Сержанту Багирову по прозвищу Баг туман нравился ничуть не больше, но у него выбора не было. Надо выбираться из хреноватых здешних мест – туда, где светит солнце и живут люди. А вход в странные, нелюдские места лежал как раз в таком вот тумане. Значит, и выход неподалеку, хочется надеяться…

Позади раздался не то рев, не то рык – знакомый голосок, так же надрывалась тварь, схлопотавшая от сержанта гранату из подствольника. А может быть, та самая, отлежалась и встала, – хрен знает, как местные зверюги переносят попадание кумулятивного заряда, может, он им не страшней, чем слону дробина. Раньше Баг посмеялся бы над таким предположением: направленный взрыв есть направленный взрыв, ему все равно, что разносить, титанопласт или плоть чудища, не описанного в учебниках по зоологии. Теперь сержант смеяться бы не стал. Нагляделся, навидался всякого за последнюю неделю – примерно неделю, поди пойми, сколько времени прошло, если таймер и все прочие приборы не работают, солнце не всходит и не заходит и даже аппетит куда-то испарился. Судя по количеству ночевок, получалась именно неделя, но внутренние биологические часы человека нередко дают сбои, если нет никаких внешних примет течения времени…

Крестник сержанта (или сородич крестника, если все-таки не терять веру в кумулятивные гранаты) подал голос еще раз. За время паузы Баг успел пробежать всего-то пару сотен шагов. Но рев теперь прозвучал тише, звуки гасли в клубящейся дымке очень быстро. Багиров порадовался: значит, и впрямь твари раздумали продолжать погоню.

– Не нравится туман-то, а, хрен многорогий?! – крикнул сержант через плечо, переходя с бега на шаг.

Чудище и впрямь страдало переизбытком рогов, причем росли они не из головы, как бывает у всякого порядочного рогоносца, а торчали отовсюду и во все стороны – штук семь, или девять, некогда разглядывать и подсчитывать, когда на тебя танком прет этакое создание.

Многорогий хрен не отозвался, и Багиров ответил себе сам:

– Не нравится, рогатенький, не нравится…

Он никогда раньше не имел привычки разговаривать сам с собой. За последнюю неделю приобрел.

Сержант остановился, попытался сориентироваться. В своей способности бежать по прямой в отсутствие видимых ориентиров он не сомневался – круг в тумане не заложит, на рога своего знакомца не выскочит. Но и в тумане задерживаться не хотелось. Мерзкое место… Багиров стянул перчатку, осторожно провел рукой по бронику. Влажный… Только влага эта на ощупь словно бы и не вода вовсе, а нечто противное, маслянистое…

Он бросил взгляд на компас – на самый обычный, магнитный, украшавший правое запястье. Баг с оглядкой доверял электронике вообще и электронным средствам навигации в частности. Доверял, но с оглядкой. И не расставался с магнитным компасом и механическими часами.

Компас заработал. Неправильно заработал и странно, но Багиров обрадовался. Всю минувшую неделю крохотная магнитная стрелка болталась на шпеньке безвольно и бесполезно, меняя свое положение только от резкого движения руки: нет здесь, дескать, никаких линий магнитного поля, и магнитных полюсов тоже нет. Теперь же она вращалась быстро-быстро, словно страдала манией величия и вообразила себя вентилятором.

Сержант сделал несколько шагов – вращение замедлилось, затем прекратилось, стрелка замерла, покачиваясь. И вновь начала вращаться, все быстрее и быстрее, но теперь в обратную сторону. Баг удовлетворенно кивнул. Именно так чудил компас, когда сержант в первый раз оказался в тумане. Выход рядом…

Багиров стянул левую перчатку, догадываясь, что сейчас увидит. Так и есть: часы вновь тикали, секундная стрелка двигалась. Половина восьмого – все сходится, около семи вечера сержант спустился в затянутую туманом лощину, идя по следу рядового Наруты и тех, кто шел с ним… По уму, конечно же, едва лишь вырубилась вся электроника и компас начал свои проделки, надо было поворачивать обратно. Но…

Но десант своих не бросает. Нигде и никогда, ни живых, ни мертвых. Тем более что рядовой Нарута не просто ушел – его увели, наверняка захватила какая-то уходившая с поля боя банда сепов. А в плену у мятежников федералы жили недолго и умирали мучительно.

И вот как хреновато все обернулось: и рядового не спас, и сам заплутал в каких-то шайтаном сотворенных местах…

Однако надо выбираться. Он осмотрелся, насколько позволяла здешняя видимость – а она позволяла что-либо разглядеть метрах в десяти, никак не далее. Неподалеку громоздилась пара огромных валунов, в другой стороне смутно маячили полугнилые деревца – и ощущение возникло такое, что

погибли эти елочки давным-давно, да только все никак не могут догнить и упасть. Мох под ногами, кстати, был такой же – на вид неживой, но явно нежелающий сгнить и дать место новой растительности…

Ничего обнадеживающего визуальная разведка не принесла. Валунов таких сержант на пути сюда точно не видел. Елочки попадались точно такие, недогнившие, – да поди различи одну от другой.

И он пошагал по направлению к тем самым большим валунам – казалось, что местность в ту сторону слегка повышалась. Но, может, так лишь казалось, и лежали каменюги на какой-то небольшой возвышенности. Однако проверить ощущение надо, ну а дальше видно будет…

Двадцать шагов, тридцать, сорок… Багиров обернулся – были валуны и не стало, съедены влажной дымкой… Туман, один туман. Хоть бы ветер подул, снес в сторону поганое марево. Но ветер, похоже, здесь не дул никогда.

Поверхность мертвой лесотундры явно продолжала повышаться и теперь. Не круто, едва заметно, но повышалась.

Багиров закинул автомат на плечо – так, что сдернуть и полоснуть очередью можно за полсекунды – и зашагал вперед гораздо веселее, прибавив шаг.

Даже насвистывать под нос начал:

Прощайте, красотки,
Прощай, небосвод,
Подводная лодка
Уходит под лед…

И тут же поймал себя на мысли, что и в самом деле он в этом тумане словно на дне морском и бредет по чуть повышающемуся дну к берегу. Только вода, затопившая и сгубившая лесотундру, не такая густая, как ей полагается – дышать с грехом пополам можно…

Едва он примерил это сравнение, едва попробовал развить его: с морского дна вообще-то проще всплыть, чем ковылять к берегу, и будь у него, сержанта Багирова, реактивный ранцевый «прыгунок»… – как вылетел из тумана, словно пробка из бутылки шампанского.

Вылетел – и замер, опешил. Дул ветер, сметая, отгоняя в сторону клочья серой мерзости. Светило закатное солнце – прямо в глаза. Солнце, шайтан вас раздери, солнце!

Радовался он недолго. Еще ничто не закончилось… Задачи, подкидываемые жизнью, Багиров привык решать в строгой

последовательности, не ломая голову раньше времени.

Задача номер один выполнена – из гиблых мест он выбрался. Но тут же во весь рост встает задача номер два – попасть к своим. И как можно быстрее. Поскольку после недельного отсутствия он наверняка уже числится в дезертирах, и на все блокпосты разосланы ориентировки на Багирова Абдуллу Федоровича (известного также под прозвищами Баг и Биг Баг), двадцати девяти лет от роду, русского, мусульманина, бывшего сержанта и бывшего и. о. командира первого взвода роты «Гамма-7» третьей дивизии особого назначения ОКР… Разыскиваемый вооружен, отлично владеет приемами рукопашного боя и способен при задержании оказать ожесточенное сопротивление.

А служба на блокпостах нервная. Баг и сам, случись ему нести там дежурство, сначала выпустил бы очередь по ногам вооруженного дезертира с этаким послужным списком. А уж потом вступил бы в разговоры… Баг подстрелить себя не позволит, но затевать перестрелку со своими – последнее дело, тут уж точно от трибунала не отмажешься.

Так что срочно в часть и доложить: выполнял задание командира, и объяснить, отчего выполнение затянулось… Усомнившихся можно сводить к туманной лощине, пусть сунутся туда, убедятся.

Задача была ясна. Методы ее решения – не очень. Потому что вышел из тумана Багиров совсем не там, где в него вошел. Причем «не там» – это мягко сказано.

Не громоздились в отдалении над лесотундрой руины «консерватории», но это полбеды – и самой лесотундры вокруг не наблюдалось. Ровная как стол, местами заболоченная равнина, поросшая низеньким, не достигающим колена кустарником, – елочки, росшие под Печорой, показались бы на фоне здешней растительности лесными исполинами, хотя и сами ростом не могли похвастать, метра три-четыре, не выше.

Далеко ж его занесло за неделю блужданий… Но возвращаться все равно надо.

В первую очередь сержант взялся за компас, освободил стрелку. Та лишь для порядка дернулась туда-сюда и уверенно нацелилась на норд. Ну, не совсем на норд, магнитное склонение в этих широтах довольно сильное… Но река Печора в любом случае во-он в той стороне и промахнуться мимо нее никак не возможно. Хотя шагать хрен знает сколько, и лучше бы для начала попробовать вызвать помощь.

Он попробовал – аппаратура не ожила, молчала мертво. Не работало ни одно из устройств, имевшихся внутри шлема. «Балалайка» безмолвствовала и даже не светился на ней

индикатор. Электронная аптечка не подавала признаков жизни. Лазерный прицел-дальномер «абакана» помогать в прицеливании не желал, так же, равно как в измерении расстояний. Короче, всё, что имелось у Бага и работало на электричестве – работать по-прежнему не желало.

Возможно, нахождение в гиблых местах напрочь испортило всю электронику. Но Баг склонялся к другой мысли: отчего-то и почему-то там мгновенно разрядились все батареи. Потому что в фонаре электроники никакой нет, но ведь тоже не светит…

Стоять на месте и вздыхать по не включавшимся приборам никакого смысла не было. И сержант Абдулла Багиров пошагал в ту сторону, где по его прикидкам катила свои воды Печора. Даже если несколько десятков километров топать придется – дойдет, не маленький. Тем более что НЗ сохранился почти полностью, голод в гиблых местах не донимал абсолютно, – и сержант, человек бережливый, решил приберечь запас.

…Он шагал и шагал, понятия не имея, как сильно ошибается: река Печора находилась совсем в другой стороне. И расстояние до нее измерялось отнюдь не десятками километров.

2. Как становятся психами

Вновь я был там, на проклятом острове. На Острове Мертвых. И мертвецы были там же, куда ж без них… Одни лежали чинно и благородно в своих криосаркофагах, дожидаясь не то Страшного Суда, не то небывалого прорыва в медицине, позволяющего оживлять замороженные трупы. Другие, ставшие мертвыми совсем недавно, выглядели не столь благопристойно – кто-то скорчился в луже собственной крови, кто-то мало уже походил на человека, изуродованный попаданием нескольких разрывных пуль, а кое-кто – те, кто подвернулся под залп реактивных снарядов – вообще представали взору в виде разрозненных фрагментов, и положительных эмоций это зрелище отнюдь не добавляло.

Я шел посреди царства мертвых, даже не шел, а бесплотно парил, не касаясь ногами грешной земли – вернее, грешного льда, и грешного снега, и грешных металлопластиковых плит, и… в общем, ничего не касаясь. Парил одиноко и уныло, словно ангел-растяпа, посланный Господом воскресить всю эту компанию, да позабывший по рассеянности воскрешающие слова…

А потом мертвые ожили. Сами, без моего участия.

Криокамеры раскачивались, содрогались от толчков изнутри. Их прозрачные колпаки покрывались трещинами, затем начали разлетаться. Мертвые лезли наружу.

Другие мертвецы, свежие, тоже не остались в стороне. Поднимались и шли – кому было на чем идти. Лишившиеся ног – ползли, и даже разрозненные фрагменты пришли в движение.

Стремились все восставшие мертвяки в одну сторону, вернее, все в одну точку пространства.

Прямиком ко мне, к Руслану Дашкевичу. Шагали, ковыляли, ползли – ко мне. И даже куски тел, хоть и подергивались на вид хаотично, стремились сюда же, медленно приближаясь…

А я, как на грех, полностью утерял именно в этот момент свою бесплотность. И способность к парению тоже… До чего же не вовремя.

Мертвые руки со скрюченными пальцами… Оскаленные мертвые рты… Мертвое не пойми что, остающееся после взрыва ОВС… Тянулись, тянулись ко мне, чтобы утащить в свою страну мертвых: ты наш, ты тоже труп, и не воображай себя живым…

Но Мангуста голыми руками не возьмешь, даже мертвыми. И голыми мертвыми зубами не сожрешь. И началась панихида с танцами: я стрелял из автомата, я швырнул две гранаты, затем палил с двух рук из «дыроделов» – уже в упор, уже по вплотную

подступившей мертвячьей толпе.

Потом они навалились, сбили с ног, вырвать чеку из последней гранаты я уже не успел. Они разрывали меня на куски и это было очень больно. Затем я умер, зная, что навсегда, что не воскресну, – и не воскрес, и это было еще больнее…

…Боль, привычная утренняя боль в моей истерзанной левой руке… Снадобье, которое мне вкалывали по утрам, приводило в состояние бодрствования почти мгновенно. Изредка – если под утро снилось что-то хорошее, – я об этом жалел. Гораздо чаще, и сегодня тоже, – радовался.

Я открыл глаза. Кибердоктор рядом с моей кроватью с тихим жужжанием втягивал инъектор обратно в свой корпус. Спасибо, электронный дружище, что в очередной раз вытащил меня с Острова Мертвых.

Интересно, все эти ночные кошмары – плод исключительно моего воображения? Или приложил свою руку психолог Центрального Военного Госпиталя? Решил, так сказать, вышибить клин клином?

Дернул меня черт рассказать ему, психологу, как и почему я очутился в цепких лапах военных эскулапов. Во всех подробностях рассказать, с мелкими деталями. А подробности состояли в том, что на затерянном в просторах Арктики ледяном острове меня в упор расстреляли из двух автоматов. От души расстреляли, не экономя патроны, полностью опустошив магазины.

Причем, что характерно, расстреляли меня два мертвеца. Вернее, насчет одного я не до конца уверен, – хотя с такими ранами, как были у него, долго не живут. Зато второй был натуральный мертвец. Стопроцентный. Не бывает живых людей без половины головы.

Психолог старательно пытался меня переубедить, честно отрабатывая свое жалованье подполковника медицинской службы. Выдвинул ряд версий, позволяющих мне – в случае согласия с ними – что называется, сохранить лицо и не прослыть законченным психом.

Самые разные версии: начиная с банальной галлюцинации, вызвать которую могли всевозможные причины, и заканчивая всякой экзотикой, вроде сложного голографического грима, не пойми зачем превратившего расстрелявшего меня человека в псевдомертвеца.

Но я упорно стоял на своем: мертвецы и точка. Слишком многие живые превращались у меня на глазах в мертвых, и зачастую с моей активной помощью, – как-нибудь уж сумею отличить одних от других.

Репутация меня не заботила… Псих? Плевать… Был спецназовцем, был подсудимым в черном трибунале, был разыскиваемым беглецом, наемником-камикадзе тоже был… Даже мертвым побывал неоднократно – один раз меня вытаскивали из клинической смерти по дороге на Большую землю и дважды здесь, в ЦВГ. Эка невидаль – псих… Переживу.

Доктор побился со мной, помучался, да и оставил по видимости в покое… Видимость оказалась обманчивой. Потому что именно после этого начались сны-кошмары про Остров Мертвых и убивающих меня мертвецов. И я подозревал, что дело не обошлось без хитрого подполковника и сеансов наркотического гипноза, проводимых без моего ведома и согласия.

Но и метод «клин клином» не помог. Пациент Дашкевич так и не излечился от своей мании.

…В госпитале начинался новый день – до одури похожий на все предыдущие, проведенные здесь. По крайней мере, на те предыдущие, что я провел в палате интенсивной терапии; происходившее в реанимации вспоминалось смутно и отрывочно. А на терапии всё однообразно: сейчас будут утренние анализы, затем завтрак, затем обход, затем процедуры, затем обед, затем усыпляющая инъекция и послеобеденный сон… Разве что вечерами случаются внеплановые развлечения – поездки в операционную, но об операциях всегда предупреждают заранее, за пару дней. Насчет сегодняшнего вечера не предупреждали – значит, предстоит лишь ужин, двухчасовой просмотр визора и отбой.

«Скучно жить, зная наперед все, что случится…» – уныло размышлял я, заканчивая завтрак.

Мысль была абсолютно верная, но, как вскоре выяснилось, к наступившему дню никакого отношения не имела. Потому что после завтрака и обхода по мою душу явилась не процедурная сестра, а Милена – предмет воздыхания всех больных мужского пола нашего отделения, и соседних отделений, и всех больных госпиталя, за исключением находившихся в коме. Но, поговаривали, даже у совсем уж полных коматозников менялись показания кардиомониторов, когда в палату к ним заходило это рыжеволосое создание с роскошными формами… Заявилась Милена не одна, с каталкой. И бодро приветствовала меня:

– Транспорт прибыл, больной! Отправляемся на экскурсию!

– Обожаю экскурсии! – в тон откликнулся я. – Предлагаю такой маршрут: Малая Голландия – площадь Шамиля – небоскребы Васильевского.

– Мне очень жаль, – вздохнула Милена, – но музеи Малой

Голландии в понедельник выходные, на площади дорожные работы, а в небоскребах санитарный день, тараканов травят. Но ты не унывай, Русланчик, у нас сегодня маршрут еще интересней – перевязочная, а затем консилиум.

Я не унывал. Скорее даже наоборот, потому что с этими словами Милена подкатила свою экскурсионную каталку поближе и потянулась к пульту управления функциональной кроватью. А его, пульт, кто-то оставил низко, на металлическом основании моего ложа. В результате в вырезе халатика Милены взору открылся пейзаж, по всем параметрам бьющий панораму Васильевского острова со всеми его небоскребами.

Милена пробежалась пальчиками по кнопкам пульта – верхняя часть моей кровати, приподнятая для завтрака под углом сорок пять градусов, приняла горизонтальное положение, а само ложе приподнялось, оказавшись вровень с каталкой.

Рыжеволосая фея установила каталку борт о борт с кроватью, а затем вновь нагнулась – зафиксировать стопор на колесе своего транспортного средства. Хотя, между прочим, вполне могла выполнить эту манипуляцию ногой – как, собственно, и выполняют ее все прочие медсестры и санитары.

Теперь мой взгляд усладила аппетитнейшая попка, туго обтянутая халатиком символической длины. И все остальное, что к попкам прилагается, тоже усладило. Наша экскурсия начиналась на славу: знаменитый архитектурный ансамбль площади Шамиля был вынужден признать свое полное поражение по части зрелищности…

И я не удержался, протянул руку… Но тотчас же остановил ее движение. Потому что рука была правая, левой я бы не дотянулся. А моя *новая* правая рука – штука своенравная. Сильна необычайно, можно играючи дробить в кулаке булыжники в мелкий щебень и шутя выиграть чемпионат по армрестлингу, если судьи сглупят и допустят к состязаниям человека с биомеханическим протезом. С чувствительностью много хуже – на ощупь не отличить вату от камня. Нулевая обратная связь, проще говоря. Соизмерять усилия я еще толком не научился и вполне мог вместо дружеского щипка лишить Милену кусочка плоти – а здешние больные такой вандализм не простят и удавят меня ночью клистирной трубкой.

А на вид рука как рука, зеркальное отражение левой (с нее, собственно, и копировали). Только кожа чуть более загорелая и гладкая, ни царапинки, ни мозольки, ни шрамчика.

Милена, не подозревая о только что грозившей ей страшной опасности, сняла прикрывавшее меня легкое одеяло. И уж ее-то взору ничего эротичного не открылось – нижняя часть тела

больного Дашкевича представляла собой бесформенный белый кокон, из которого тянулись в изрядном количестве трубки разной толщины и провода разного цвета.

– Радуйся, Русланчик, – сказала Милена, быстро и ловко выдергивая, отстыковывая и отвинчивая украшавшую кокон лабуду.

– Есть радоваться! А чему?

– На консилиум сам пойдешь. Ты понимаешь?! Ногами! Своими!

Чем дальше, тем интереснее. С новой рукой я знаком уже больше месяца, теперь познакомлюсь с ногами. Ноги – это Руслан Дашкевич, Руслан – это твои новые ноги. И всем очень приятно.

Наверное, радость на моем лице отражалась не слишком бурная. Потому что Милена произнесла с некоей обидой:

– Ты хоть понимаешь, что с тобой сделали? Ты хоть помнишь, каким тебя сюда привезли? Да откуда тебе помнить…

Впрочем, обида ее очень быстро сменилась прежним игривым тоном, и Милена спросила, легонько постучав по моему кокону:

– Истосковался ведь по нижней своей половинке, признай?

Причем постучала она по той части моего белого доспеха, что скрывала вовсе не ноги…

Я согласно кивнул: признаю, мол.

Манипуляторы кровати с легким жужжанием подхватили меня вместе с матрасом и перегрузили на каталку. Милена что-то подоткнула, поправила, спросила заговорщицким шепотом:

– Рулить будешь?

– Порулю напоследок, если ты не против.

Она передала мне пульт-брелок, управляющий каталкой, я взял осторожно, левой рукой.

– Увидишь врача – тут же бросай мне, – в который раз предупредила Милена.

– Не промахнусь, – в который раз пообещал я.

Несколько месяцев этот брелок был для меня единственной возможностью хоть как-то управлять передвижениями тела в пространстве. Сегодня все изменится… Мало кто понимает, что это за шикарная вещь – собственные ноги. Мало кто ценит, пока не потеряет… Ну что, Мангуст, походим, побегаем, попрыгаем? Если эти биомеханические игрушки не уступают по кондициям руке, можно стать чемпионом хоть по спринту, хоть по марафону…

Рулил каталкой по коридорам я с лихой небрежностью водителя-профессионала, развив максимально возможную скорость. И, наверное, блаженно улыбался. День, представлявшийся с утра унылым и однообразным, положительно

задался…

Но не зря мудрые люди предупреждают глупых: не хвали день до вечера. Судьба-злодейка уже заготовила для меня два удара, и оба ниже пояса.

В самом прямом смысле – ниже.

3. …Вынул ножик из кармана

Нет, звания лесотундры здешняя растительность никак не заслуживала. Самая натуральная тундра, без всякого леса. То, что казалось при беглом взгляде низкорослым кустарником, вроде черничника или брусничника, при ближайшем рассмотрении обернулось карликовыми деревьями, в основном березками и ивами, но встречалась и какая-то хвойная мелочь. Сержант где-то слышал, что жители островных провинций Китая издавна увлекались странным хобби. Название его сержант позабыл, но суть в том, что надо вырастить в горшочке настоящее и взрослое, но крохотное деревце. Дело кропотливое и трудоемкое, не одно десятилетие занимающее. Вот бы этих островитян сюда, в карликовые «леса», с лопатами да горшочками… На сто лет вперед затарились бы.

Впрочем, гораздо чаще на пути сержанта попадались «безлесые» места, поросшие лишь мхом. И болота попадались, их Багиров обходил по краю: кое-где поблескивали на них зеркала чистой воды, – не то крохотные озерца, не то большие лужи, и проверять глубину этих луж не хотелось абсолютно.

А вот комары тут водились те же, что и в окрестностях Печоры, самые обычные. Лишь ветер стих – налетели, закружились вокруг. Пришлось опустить щиток шлема и дышать через фильтр-респиратор, что комфорта путешествию не добавляло. Но маленькие вампиры продолжали виться вокруг густой тучей, словно никак не хотели расстаться с надеждой прокусить защитное десантное снаряжение. Вот уж кому никакой катаклизм, никакая катастрофа не страшны, – пили кровь, пьют и будут пить.

Неясно, правда, чем питалась местная летучая и кровососущая братия до появления Бага – ни единого теплокровного существа за два часа пути сержант не приметил. Что достаточно странно: места дикие, зверье должно быть непуганое. Однако ни единой птицы на крохотных болотных озерцах, ни единой мелкой зверюшки, взобравшейся на кочку и с любопытством глазеющей на невиданного пришельца.

Комары да сержант – вот и вся здешняя фауна. И если НЗ закончится раньше, чем путешествие, только комарами и останется питаться… Ну или опытным путем проверить съедобность корешков здешней флоры, потому что не единой ягоды или гриба на своем пути Багиров тоже не встретил…

Гастрономические рассуждения о здешней флоре и фауне оказались ошибкой – немедленно захотелось есть. Уже не в

первый раз, желудок, похоже, решил отыграться за неделю простоя и постоянно требовал добавки. Но сержант не собирался становится рабом этого своего органа – ему волю дай, умнет весь паек за раз и тут же затребует длительный привал, для спокойного переваривания.

Поэтому Багиров всего лишь выудил из НЗ крошечный шоколадный брикетик, уже ополовиненный, обертку снял и спрятал в карман. Не от того, что не хотел нарушать экологическую чистоту тундры, какая уж нынче экология, и так загадили все, до чего дотянулись… Сработала привычка, сформулированная в короткой присказке: «Чем меньше следов, тем дольше здоров».

На долю секунды сержант приподнял щиток, быстро кинул шоколад в рот – летучие кровососы упустили удобный для атаки момент и бессильно ударялись о вернувшийся на место бронепластик. А шоколад был отправлен под язык, чтобы хоть как-то растянуть процесс принятия пищи. Желудок обиженно выл, возмущенный мизерностью порции.

– Жаткнишь, – невнятно приказал ему сержант, шоколад мешал четкой дикции. – Жнаешь, школько шдешь калорий жапихнуто? Как ф трех жареных лемминхах. Или ф четырех…

Вздохнул: дожил, с собственным желудком разговоры ведет… Еще день-другой одиночества – и комары сносными собеседниками покажутся.

Энзешный шоколад, хоть и мог сравниться калорийностью с тремя леммингами, а то и с четырьмя, но вкусом далеко уступал одноименному кондитерскому изделию, слишком уж много полезных и нужных организму веществ запихали в брикетик его создатели. Багиров мог остановиться, развернуть скомканную этикетку и почитать, что там мелкими буквами напечатано про содержимое… Хотя, какая разница, меню в этом ресторане не дают, выбора нет, а как дойдет дело до корешков – и этот брикетик слаще любой конфеты покажется…

Темнело… Давно уже темнело, и все никак не могло стемнеть окончательно – горизонт оставался ярко-багровым, тундра под ногами была неплохо видна, – и Баг не торопился устраиваться на ночевку: пока сил в достатке, надо отшагать как можно дальше. Но чуть позже он сообразил – настоящая ночь так и не наступит, не бывает в это время и в этих широтах полноценной темноты. Надо разбивать бивак, выбрав местечко посуше, а то так и прошагает до тех пор, пока солнце вновь не вынырнет из-за горизонта.

…Местные игрушечные деревца обладали на удивление прочной древесиной, вязкой и неподатливой, Багиров

рассчитывал играючи срубать их одним ударом десантного ножа, но не тут-то было. Пришлось пустить в ход обратную сторону клинка, усеянную на манер пилы зазубринами, но и она с трудом перепиливала тоненькие стволики. Работать в перчатках было неудобно, но снять их не позволяли вьющиеся кругом комары, в сумерках количество их увеличилось, не иначе как с ближайших болот прилетела подмога.

Кучка топлива росла слишком медленно, а без костра никак – когда Баг выбрался из проклятого тумана, по его прикидкам было градусов пятнадцать, выше нуля, естественно. Однако к вечеру ощутимо похолодало, до сих пор согревала энергичная ходьба, но на привале можно к утру дуба дать, если не развести огонь. Тактический комплект «Рысь-14» имел, разумеется, систему электроподогрева, но толку от нее ноль – по крайней мере до тех пор, пока не случится оказия подзарядить батареи.

– Вот ведь хрень какая, прямо железное дерево… – неизвестно кому сообщил Багиров, воюя с очередной карликовой березкой; разговоры с собой постепенно становились дурной привычкой.

И тут местная фауна, отсутствие которой (комары не в счет) удивляло сержанта, наконец-то проявила себя: вдалеке кто-то протяжно завыл. Волки? Багиров, человек насквозь городской, не был уверен, что сумеет безошибочно опознать волчий вой, тем более на таком расстоянии. Хотя кому тут еще выть? Вроде некому… Что волки в тундре водятся, это Баг помнил точно. Водятся и питаются северными оленями. Но за отсутствием таковых и заплутавшим сержантом не побрезгуют.

Волков он не боялся. Пускай подкрадываются, пускай пробуют загрызть спящего, – не по зубам серым титанопласт и кевлайкра. Скорее уж он, Багиров, свежатинкой разживется. Что там говорил Пророк о волках, можно их вкушать или нет? – попытался вспомнить Баг и не вспомнил. В традициях и устоях веры он был не слишком тверд. Уразу держал, разумеется, и свинину в рот не брал, а в остальные тонкости предпочитал не вникать. Да и как можно равнять волка и свинью? Волк – животина смелая, даже благородная, можно сказать. И наверное, не мог Посланник Божий отнести волков к нечистым животным… Так что пусть приходят.

Успокоив себя этим рассуждением, сержант запалил костер, – сырые карликовые деревца никак вспыхивать не желали, пришлось пожертвовать таблетку сухого горючего.

С костром стало веселее. Сержант посидел у огня, погрелся, подкрепился очередной половинкой шоколадного брикетика. Затем прикинул по компасу нужное направление и приступил к намазу – воюющие и путешествующие, как известно, имеют право

пренебречь дневными молитвами, но вечерний магриб – дело святое, от него не освобожден никто.

Общение с Аллахом не затянулось и все же обошлось Багу не менее чем в полстакана крови – но молитва в обуви и в шлеме уже кощунством попахивает…

Гудели натруженные ходьбой ноги, нестерпимо чесалось искусанное комарами лицо, но уснул Багиров быстро. Спал чутко, вполглаза, – ну как волки и в самом деле заявятся поживиться человечинкой? Не заявились, донимал лишь холод, несколько раз пришлось вставать и подбрасывать на угли костра новую порцию топлива.

Окончательно сержант проснулся, когда солнце поднялось уже достаточно высоко. Вновь задул ветерок, проклятые кровососы исчезли, – и Багиров с наслаждением стянул шлем с головы. В бою вещь бесценная, но нельзя же вечно жить в шлеме…

Теперь легкая трапеза – и снова в путь. На завтрак, разнообразия ради, Баг употребил половинку протеинового брикетика – сверхкалорийного, разумеется, и чрезвычайно полезного для организма. Вкус оказался еще хуже, чем у шоколадного… Вода во фляге болталась на донышке, сержант допил ее и отправился к ближайшему болотцу набрать новый запас. Опасность скончаться посреди бескрайней тундры от жесточайшего поноса Багирову не грозила – через час нанофильтры фляги превратят подозрительную болотную водичку в жидкость, годную к употреблению.

До пятачка чистой воды – крошечного, десяток шагов в диаметре – он не дошел. Остановился, замер, настороженно поглядывая по сторонам. Оказалось, что не только сержанту приглянулся здешний водопой. Кто-то совсем недавно уже утолял тут жажду, причем явно не заморачивался обеззараживающими гранулами или посудой с нанофильтрами.

К воде этот «кто-то» подошел очень аккуратно, ступая по кочкам – лишь примята на них жесткая болотная трава и никаких других различимых следов. Но в одном месте жаждущий не то оступился, не то невзначай шагнул мимо кочки – на илистой влажной почве остался четкий отпечаток.

Отпечаталась там не нога – лапа. Здоровенная когтистая лапа.

Баг подошел поближе, разглядывал след так и этак… Оставил рядом отпечаток своего ботинка, сравнил размеры. Подошва зверя не уступала размером рубчатой подметке сержанта, а если прибавить длину четырех когтей, глубоко вдавившихся в ил – так и вовсе превосходила.

Багирову стало зябко от мысли, что на него, спящего, пялился из темноты хозяин этой лапы.

Волк? Тот самый, что давеча завывал в отдалении? Если тут бродят волки таких размеров, то минувшая ночевка была верхом легкомыслия и беспечности… Допустим, пасть пропорциональна по размеру лапе, а зубки – пасти, тогда никакая кевлайкра не поможет, сама-то уцелеет, да кость под ней треснет, как гнилая щепка…

Или медведь? От кого-то Багиров слышал, что медведи людей уважают и побаиваются, но за одиноко бредущим путником могут следовать в безлюдных местах много дней – скрываясь, не попадаясь на глаза, поджидая, когда человек ослабеет и станет легкой добычей…

Но водятся ли здесь медведи? Если и водятся, то уж наверняка не воют на закате, нет у медведей склонности к таким вокальным упражнениям…

Еще один вариант – тварь, пришедшая из-за Тумана. Не самая крупная, мелочь по тамошним меркам, – но самая настырная, решившаяся-таки отправиться по следу Багирова…

Либо ни то, ни другое и ни третье, а какая-нибудь местная зверюга, о которой сержант и не слыхивал. Много их развелось после Толчка, кто на радиацию грешит, мутантов плодящую, кто на происки недобитых колдунов мутаборских… Даже в места населенные порой страховидные и хищные создания забредают, но там-то их быстро изничтожают, а здесь… Здесь любая зубастая нечисть годами благоденствовать может.

Однако кто бы сюда ни приходил на водопой, – уже ушел, и хватит ломать голову над зоологическими загадками. Удвоить осторожность и двигаться дальше. Вернется зверюга – найдется, чем ее встретить. Оружие есть, боеприпасы есть, да и сам пока не инвалид… Отобьется.

Воду Багиров набирал, не глядя на флягу – настороженно посматривал во все стороны и вторую руку держал рядом с автоматом.

4. Как становятся психами – 2

– …сто сорок восемь, сто сорок девять, сто пятьдесят… – отсчитывал я монотонно и уныло.

– Мне кажется, достаточно, – сказал профессор с бородой.

– Достаточно, достаточно… – поддержал коллегу лысый профессор.

Третий профессор, тот, что в очках, сделал мне знак рукой: хватит, мол, приседать. Я тут же прекратил выполнять упражнение.

Профессора задумчиво изучали стоявший перед ними экран. Что на нем изображалось, что за информацию выдавали датчики, налепленные на мои бедра и голени, я со своей позиции видеть не мог. Но профессора оставались довольны увиденным, судя по их одобрительным междометиям.

Вполне возможно, что были они не профессорами, по крайней мере не все. Но я мысленно произвел их в это ученое звание. Для повышения собственной самооценки. А то она слегка падает, когда стоишь по стойке смирно в костюме Адама, облепленный датчиками, словно подопытная морская свинка.

Четвертый участник консилиума – хорошо мне знакомый подполковник-мозговед – до профессора не дослужился, это я знал точно. Он, кстати, и нижними моими конечностями никак не интересовался – черкал что-то стилом по экранчику электронного блокнота да временами поглядывал на меня с непонятной ехидной улыбочкой.

– Мне кажется, коллеги, просто замечательно, – сказал бородач, затем повернулся ко мне:

– Как ваши ощущения, пациент?

Судя по ощущениям, я мог присесть еще раз этак семьсот или восемьсот, – никакой усталости, никакой боли в мышцах. Нечему болеть в этих мышцах… И уставать нечему. Честно говоря, ноги я вообще не ощущал. Никак. Лишь в верхней части бедер, там, где начиналась родная, менее загорелая кожа, чувствовался легкий зуд. А самих ног вроде бы и не было… Но опустишь взгляд – ноги как ноги, на своем законном месте. Я мог бы даже, не покривив душой, признать, что стали они красивее и стройнее, чем раньше. Мог, но не стал. Проблема состояла отнюдь не в красоте. И не в стройности.

Обо всех своих ощущениях я честно доложил профессуре и стал ждать, какое очередное задание они для меня придумают. Список тестов у них, похоже, был бесконечным. А мне все равно. Главное я уже понял. Главное и очень неприятное – бегать на этих

ногах я не смогу. Никогда.

Ходить, и даже довольно быстрым шагом, – сколько угодно, хоть пустыню Гоби пересекай без привалов, ноги не заболят, не устанут. Но о карьере чемпиона-спринтера придется позабыть. И о прежней моей службе – тоже.

До сих пор – вопреки всему – я надеялся на нее вернуться. Не важно, что от капитана Дашкевича осталась по сути меньшая часть, что половина органов пересажена, что родных костей в организме меньше, чем их заменивших имплантатов из титанового сплава… Все равно надеялся. Потому, что больше ничего в жизни, если совершенно честно, не умел. Потому, что надежда умирает последней.

Оказалось, что тест с приседаниями завершал мое «выступление». Ассистент отлепил датчики и последовала долгожданная команда:

– Пациент, одевайтесь.

Оделся я быстро – и не в халат, в котором сюда прибыл, а в новенький спортивный костюм. Целую вечность не надевал штаны… Пустячок, но приятно.

Бородач обратился ко мне подчеркнуто официальным тоном:

– Поздравляю, Руслан Викторович. Курс лечения в общем и целом закончен. Понаблюдаем вас еще дней пять-шесть – и на выписку. Но никаких осложнений, мне кажется, проявиться не должно. Затем амбулаторное лечение, месячного курса реабилитации наверняка хватит. Ну а раз в год, уж извините, – к нам, на операционный стол. Элементы питания надо заменять.

Он выдержал небольшую паузу и добавил:

– Вопросы есть?

Интонация намекала, что профессора – люди занятые, и если им отвечать на вопросы каждого профана-пациента, времени на лечение остальных не останется. Так что с вопросами лучше к своему лечащему врачу обращайтесь.

Я намек проигнорировал. И приступил к вопросам:

– Как я удерживаю равновесие на этих подпорках? Если вообще их не чувствую? Я видел, как люди учатся ходить на обычных протезах – не стоят, падают, тренируются до упаду, пока первые шаги сделают. А я встал и пошел. Странно…

– Эк вы, батенька, о чуде медицинской техники отзываетесь – подпорки… – неприязненно произнес профессор-очкарик. – Ваши подпорки, между прочим, как десяток самых крутых и навороченных мобилей стоят. Каждая. На них несколько патентов и авторских свидетельств получено, две кандидатские и докторская по ним защищены… Под-пор-ки…

Последнее слово он произнес по слогам и скривив губы,

словно неприличное ругательство.

Неприязнь очкарика я тоже проигнорировал. Повторил вопрос:

– Так почему я стою и не падаю?

Он надулся и отвечать не пожелал, не иначе как был одним из авторов моих «подпорок», а может, и главным автором. Просветил меня лысый профессор, коротко, не вдаваясь глубоко в технические подробности: оказывается, кроме родного вестибулярного аппарата, я теперь таскаю в себе и некий искусственный орган, нечто вроде автопилота. Он-то и помогает удерживать равновесие, подавая на искусственные мускулы корректирующие команды. Теоретически, я даже спать теперь могу на ходу, шагать и спать, – автопилот так и будет вести меня выбранным курсом. Но на практике эта теория не проверялась.

Не проверялась и ладно. Я тоже проверять не стану. Не лунатик, чтобы разгуливать спящим.

Сейчас, наверное, надо было рассыпаться в благодарности профессорам. Сказать, что по гроб жизни не забуду их героические труды по спасению моей жизни и возвращению подвижности, что родившихся детей стану называть их именами. Детей, к слову, я иметь вполне мог, и даже достаточно здоровых, по нашим временам. Этим фактом участники консилиума порадовали меня в первую очередь. И за это тоже следовало благодарить эскулапов, поскольку хотя пули-дуры и пощадили детородные органы, но семявыносящий проток пришлось восстанавливать.

Однако я, свинья неблагодарная, вместо того обидел спасителей моей потенции – уже не только очкарика, а всю троицу (мозговед не в счет, тот давно и прочно обиделся).

Вот как я это сделал:

– Скажите, господин профессор, я могу получить нормальные ноги? Хотя бы теоретически?

– Что значит – нормальные?! – буквально-таки проскрежетал очкарик.

Бородач и лысый ничего не сказали, но смотрели на меня крайне неодобрительно. С губ подполковника-мозговеда ехидная усмешка уже не сползала: псих, дескать, этот Дашкевич, самый законченный псих, с ним вон какое медицинское чудо сотворили, а он все недоволен… В психушку его, на опыты!

– Нормальные – такие, чтобы я мог бегать, прыгать, драться… – терпеливо пояснил я. – Живые ноги. Выращенные из моих стволовых клеток. Я читал о таких операциях.

– Чит-татель… – тихо и неприязненно пробормотал профессор-очкарик.

– У нас такие операции никогда не производились, – сухо проинформировал бородач.

– У вас – в смысле в госпитале?

– У нас – в смысле в стране.

Понятно… Страна большая, народу много. Слишком накладно солдатикам и даже капитанам новые руки-ноги выращивать. Бабы новых нарожают, хоть солдатиков, хоть капитанов. С готовыми руками и ногами.

– А где их производят? – решил я прояснить вопрос до конца; кто знает, когда еще удастся попасть на бесплатную консультацию сразу трех медицинских светил.

Ждал, честно говоря, получить ответ-отмазку: в зарубежных, мол, клиниках, туда и обращайся. Но лысый, к моему удивлению, начал отвечать весьма развернуто. Удивление быстро рассеялось. Профессор рассказал про некую частную клинику, из тех, что по карману лишь богатеньким верхолазам, про новаторские методики, применяемые там, про девяносто пять процентов успешных операций, – и тут же сообщил, что находилась клиника в Анклаве Сингапур, вместе с ним и канула. Затем поведал о некоем госпитале Красного Полумесяца, где тоже практиковали операции, восстанавливающие конечности, – я подумал было, что речь идет о ланданобадском госпитале, ибо точно знал, что тот лежит в руинах. Не угадал, профессор говорил о лиссабонском. Но сути дела это не меняло. Нет больше такого города, и госпиталя тоже нет.

– Достаточно, – попросил я, когда мстительный профессор начал нахваливать третью клинику, наверняка тоже лежавшую на дне морском или превратившуюся в груду обломков. – Я понял: после Катаклизма такую операцию сделать негде.

Тут в разговор впервые вступил мозговед, до сих пор рта не открывавший в течение всего консилиума:

– Ну почему же… Есть всевозможные засекреченные структуры, никогда и нигде не публиковавшие результаты своих исследований и операций. Наверняка некоторые из них занимались регенерационным клонированием и могли уцелеть. Но за информацией о них лучше обращаться в службу внешней разведки. А для пациентов со стороны платные операции производятся в Цюрихе, в клинике Фонда Вальдсхаймера. Только там, больше нигде.

Зловредный мозговед выдержал паузу, давая время порадоваться. Затем прибавил:

– Вот только стоимость операций… – Он лицемерно вздохнул. – Точную цифру не назову, но порядок примерно представляю.

Подполковник нарисовал какую-то цифру в своем блокноте, потом долго и старательно пририсовывал к ней нули. Закончил, повернул блокнот ко мне и даже руку вытянул, чтобы я мог лучше разглядеть.

– Это в рублях? – спросил я деловито, словно уже прикидывал, сколько у меня лежит в заначке, что смогу продать и у кого занять.

На самом деле сумма показалось мне астрономической. Как расстояние до далеких звезд, измеренное в километрах, – глазами цифру видишь, а зримо представить ее воплощение не получается.

– Это скорее в евродинарах, – ответил мозговед и вновь разулыбался ехидно-ехидно.

– Понятно. Вопросов больше не имею. Разрешите убыть в палату?

Думал, что утомленные моими вопросами эскулапы с радостью распрощаются. Не тут-то было.

Профессор-бородач уставился на экран, словно там появилось нечто новое, всматривался несколько секунд, удовлетворенно кивнул головой. И произнес:

– Немного задержитесь, майор Дашкевич. Осталось уладить одну формальность.

– Вы ошиблись, профессор, – капитан Дашкевич, – поправил я.

– Не ошибся, все правильно, – настаивал бородач. – Только что получено сообщение о присвоении вам воинского звания «майор».

Не успел я порадоваться досрочному повышению, как мозговед ударил мне под дых. Фигурально, но очень больно. Сказал:

– Офицерскому составу ОКР всегда присваивается очередное звание перед увольнением по медицинским показаниям. Вы не знали?

Я знал… Но увольняться из рядов не собирался. О боевых операциях придется позабыть, естественно, но офицером-оператором, по моему разумению, я вполне способен был послужить…

Спорить с профессорами на медицинские темы бесполезно, но я все же попытался обосновать свою точку зрения: вполне пригоден, дескать, по физическим кондициям для штабной работы. Хотите, подтянусь на одной руке раз триста?

Но торг здесь был неуместен.

– Мы ведь сейчас провели не только консилиум, – терпеливо пояснил бородач, – но и медицинско-аттестационную комиссию,

чтобы дважды не собираться. Вердикт единогласный: к военной службе полностью непригоден.

Он переглянулся с подполковником, тот кивнул.

Ах вот оно что… Мозговед проклятый подгадил! Настучал, что новоиспеченному майору Дашкевичу мертвецы живые чудятся… С такими тараканами в голове какая уж штабная работа. Знал бы, чем все обернется – молчал бы как рыба о приключениях на острове. Но я, когда начал задушевные беседы с подполковником, ни о каком продолжении службы не задумывался, какая к чертям служба с одной уцелевшей конечностью…

Пока я проклинал себя за беспечную болтливость, из принтера выползла какая-то бумага на официальном бланке.

– Возьмите, это выписка из приказа о присвоении нового звания, – протянул мне бумагу мозговед. – Приказ об увольнении будет подписан завтра.

Вот так… Аж целую ночь буду майором… А потом превращусь в майора в отставке. С правом ношения формы по большим праздникам.

Я принял бумагу из рук подполковника, вытянулся по стойке смирно, склонил голову в коротком полупоклоне, коли уж головного убора не было. И гаркнул уставным голосом:

– Служу отечеству, господин подполковник!

Словно и в самом деле получил не пинок под зад, а высокую награду…

В этот момент награждаемому полагается пожимать руку, я протянул свою – подполковник рефлекторно ответил встречным движением.

С его стороны это стало ошибкой, поскольку свою правую клешню я пока что контролирую плохо. А сейчас и вовсе не пытался контролировать.

– Извините, – покаянно произнес я. – Никакой чувствительности у этого чуда медицинской техники. Очень трудно соизмерять усилия. Но я буду тренироваться.

Подполковник шипел сквозь зубы нечто неразборчивое, но явно нецензурное. Лицо его стало белее снега, кисть же, напротив, покраснела и стремительно опухала.

Приятная все же штука месть… Даже такая мелкая.

5. След человека

Десять минут спустя после выхода с места ночевки Багиров поднялся на водораздел между двумя болотцами – не холм даже, а лишь слабый-слабый намек на пригорок, – и выругался. Совсем чуть-чуть вчера не дошел, вот ведь незадача…

Впереди – градусах в двадцати от выбранного сержантом курса и достаточно далеко – виднелось нечто угловатое, явно не природного происхождения, явно сделанное руками человека.

Первый признак цивилизации, первый след людей в здешних Аллахом позабытых местах.

Что можно ждать от этих людей? Ничего хорошего, скорее всего. Сомнительно, что местные жители, даже не принадлежащие к ярым сепаратистам, примут сержанта федеральных войск с распростертыми объятьями. Но позади бродила неведомая тварь, где-то рядом бродил призрак вполне реального голода… И сержант Багиров решительно изменил курс – двинулся в сторону людей и цивилизации.

Пара минут быстрой ходьбы – и он понял, что именно видит. Вездеход, застывший посреди тундры колесный вездеход. Не армейский, «Старатель» или нечто однотипное… Сепаратисты? Но они, как представляется, должны сейчас драпать от Печоры, не жалея горючки… А может, и драпали, а как закончилось топливо – бросили свою драндулетку и двинули пешком. На всякий случай сержант вставил в подствольник кумулятивную гранату – лоханка эта не бронированная и одним выстрелом можно вскрыть ее, как консервную банку.

Двигался теперь сержант значительно медленнее, готовый в любой момент залечь и открыть огонь.

А потом понял, что никакой опасности со стороны вездехода не грозит. Но и помощи он никакой здесь не получит. Вездеход стоял здесь очень долго, много лет…

Вскоре он оказался возле «Старателя» – характерная форма топливных баков свидетельствовала, что вездеход именно этой модели, некогда весьма популярной у геологов и прочего экспедиционного люда.

Громадные колеса вездехода наполовину увязли во мху, а то, что издали казалось камуфляжной раскраской, оказалось пятнами ржавчины, густо усеявшими корпус.

Сержант медленно обошел машину, осматривал внимательно… Хотя осматривай, не осматривай, – ясно, что никогда и никуда «Старатель» уже не поедет, своим ходом, по крайней мере… Отстарался.

Причем над приведением вездехода в полную непригодность поработали не только время и непогода, – люди тоже приложили руки, и весьма трудолюбиво. Кожух двигателя был поднят, многих узлов и деталей не хватало…

Аккумулятор найти Багиров не рассчитывал, да и сдох бы любой аккумулятор за такой срок. А вот генератор, да еще не заржавевший, – в нынешних обстоятельствах настоящий клад. В комплектацию «Рыси» входят несколько адаптеров, позволяющих заряжать аппаратуру от самых разных источников тока… Уж сладил бы сержант какой-нибудь ручной привод к генератору, чтобы хоть самую малость подзарядить батареи – много ли энергии надо, чтобы выйти на связь на минуту-другую?

Увы, генератор тоже был свинчен.

Ну это как раз понятно, запчасти вещь нужная. Но кто и зачем старательно продырявил топливные баки, буквально изрешетил их каким-то оружием или инструментом, треугольным в сечении? Кто содрал защитный кожух с гребного винта («Старатель» был амфибией), а затем искурочил лопасти? Машину целенаправленно приводили в негодность.

В кабину Багиров забрался, мало рассчитывая на какие-либо ценные находки. Все ценное тут давным-давно нашли… Так и оказалось: приборная панель зияла несколькими отверстиями от демонтированных приборов, остальные были старательно разбиты – тем же самым треугольным в сечении инструментом. Некоторое время сержант разглядывал датчик давления в пневмосистеме, избегнувший общей участи по неведомой прихоти разрушителя. Датчик как датчик, стрелка, разумеется, на нуле…

С сидений срезана обивка, наполнитель из чего-то мягкого в труху сгнил, ржавые пружины торчали во все стороны… Даже не посидеть толком.

Забираться в грузопассажирский отсек нет ни причины, ни желания – наверняка та же картина: разгром, раздрай и бессмысленный вандализм… Или осмысленный, что общего итога не меняет.

Баг еще раз оглядел кабину – и увидел-таки кое-что любопытное. Абсолютно бесполезное, но любопытное. В крыше, почти над дверцей водителя, красовалось отверстие, оставленное пулей солидного калибра. Причем ударила пуля изнутри, пробила крышу насквозь и улетела в неведомую даль. Обрамлявшие отверстие ржавые зубчики металла позволяли хорошо представить траекторию пули – она была направлена довольно круто вверх, что исключало вариант с выстрелом

издалека, угодившим в отсутствующее ныне стекло пассажирской дверцы и прошившим вездеход насквозь.

Интересно, интересно…

Сержант выпрыгнул из вездехода, прикинул: может быть, кто-то стрелял в водителя снаружи, стоя рядом с машиной, через распахнутую пассажирскую дверь?

Нет, не получится, сиденье помешает. Разве что росту в стрелке было метра два с половиной или он поднял оружие над головой на вытянутых руках. Но это едва ли…

Выстрел произвел человек, стоявший на подножке или сидевший на пассажирском месте. Стрелял в водителя, больше не в кого. Попал или нет – не понять, пуля с сердечником запросто могла прошить и человека, и нетолстый металл крыши… А если стрелок промахнулся, вполне мог тотчас же сделать второй выстрел, не оставивший следов на вездеходе…

Внезапно Баг разозлился сам на себя. Ну чего ради он застрял у этой кучи металлолома и пытается разгадать детективную загадку пятилетней, а то и десятилетней давности? Заняться больше нечем?

Ладно, хоть один толк от бессмысленной находки будет, раз уж она самая высокая точка в окружающем плоском рельефе… Цепляясь за ржавые скобы, сержант взобрался на крышу «Старателя», осторожно попробовал ногой – выдержит ли вес здоровенного мужчины в полном десантном снаряжении? Перспектива обрушиться вниз вроде бы не грозила. Багиров встал в полный рост, огляделся. Вокруг простиралась все та же плоская равнина. Затянутая туманом лощина давно осталась позади, скрытая едва заметными складками местности.

На западе что-то темнело, но Баг никак не мог разглядеть, то ли это грозовой фронт, то ли там виднеются приличной высоты холмы, а то и настоящие горы… Делу мог бы помочь бинокль – самый обычный, оптический, но он остался под руинами «консерватории».

Тучи, решил Багиров, просто тучи… Потому что никаких гор к западу от Печоры не было и быть не могло. Горы есть восточнее – предгорья Приполярного Урала.

Он решил соскочить с вездехода лихим прыжком, но тотчас же передумал. Нельзя рисковать, подвернутая лодыжка – смертный приговор без отсрочки исполнения и без права на апелляцию. И Баг собрался было чинно спуститься по лесенке из скоб, словно самый нестроевой из всех штатских ботаников, в жизни не нюхавший военной службы.

Собрался – и не успел. Полетел на землю, сброшенный с вездехода страшным толчком. Успел сгруппироваться, вжался в

мох, ожидая, что сейчас докатится грохот взрыва.

Взрыв не прогремел. Но тундра снова содрогнулась, скорчилась в безмолвной судороге.

Сверху раздался скрежет, Баг взглянул на его источник – поднятый кожух двигателя медленно-медленно опускался, приржавевшие петли издавали тягучий гнусный звук… Наполовину опустился и замер на полпути.

Землетрясение… Все никак не успокоится матушка-земля после Катаклизма, то и дело трясет и корежит ее в местах, где раньше никогда на людской памяти подземных толчков не случалось.

Третьего удара – оказался он значительно слабее двух предыдущих – пришлось ждать почти две минуты. Сержант провел их с пользой – вспомнил и применил к себе все известные эпитеты, касающиеся людской тупости, глупости и скудоумия.

Случается, что падения с высоты помогают вспомнить что-то забытое и важное, есть версия, что причиной тому служит воздействие краткого мига невесомости на человеческий мозг. Помог недолгий полет и сержанту – кое-что вспомнить и кое-что сообразить.

А именно тот факт, что все «Старатели» (кроме самых древних, вовсе уж ископаемых моделей) оснащались ллейтоновской батареей как запасным источником энергии. Для хоть сколько-нибудь долгих путешествий по пересеченной местности батарея, разумеется, не годится. Но дотянуть на ней до базы, если вышел из строя основной двигатель или закончилась горючка в баках, порой возможно. А если невозможно, то батарея не позволит замерзнуть экипажу застрявшего в буране вездехода, обеспечит бесперебойную работу средств связи и т. д. и т. п.

Сто́ит батарея Ллейтона недешево, а в здешних местах и по нынешним временам – вообще настоящее сокровище. Люди, решившие оставить в тундре неисправный вездеход, сняли бы ее в первую очередь, и сержант даже не задумался о том, что батарея еще здесь – слишком нелепое предположение.

Но пулевое отверстие в крыше кабины наводило на мысль, что хозяева расстались с вездеходом не по своей воле. Возможно, при этом распрощаться им пришлось не только со «Старателем», но и с жизнью…

А уж потом тут, подобно стае обезьян, порезвились новые владельцы. Знали они о небольшом аккумуляторном отсеке, укрытом под полом кабины?

Допустим, знали. Допустим, первым делом наложили руку на батарею… А вот дальнейшее допустить трудно: никак не представить, как это они аккуратно возвращают на место крышку

отсека, аккуратно привинчивают на место сиденье, – чтобы тут же варварски содрать с него обшивку. А это значит…

Ничего не значит. Батареи Ллейтона очень живучие по сравнению с другими типами аккумуляторов. Держат заряд и несколько месяцев, и год… Держат и дольше, но уже с потерями.

Но пять лет? Как минимум пять – сержант готов был присягнуть, что меньше «Старатель» здесь не ржавеет, а вот дольше – вполне возможно. О таких сроках хранения заряженных батарей Багиров не слышал. Глупо будет потратить еще уйму сил и времени, чтобы в результате трудов обнаружить абсолютно бесполезную разряженную батарею. Но не попытаться использовать крохотный шанс еще глупее…

…Полтора часа работы. Испорченный нож – кончик его пришлось обломить, поскольку ничего хоть относительно похожего на отвертку в «Старателе» не нашлось, отыскался заржавленный универсальный ключ – и на том спасибо.

Батарея оказалась на своем законном месте, на вид новенькая и свеженькая – отсек герметичный, ни капли влаги внутрь не попало.

Он достал адаптер, размотал два проводка, прицепил один «крокодил» на минус батареи.

Оставалось прицепить второй на плюс, но Багиров медлил… Очень уж не хотелось расставаться с надеждой и получать взамен очередное разочарование.

Медленно-медленно протянул руку, коснулся «крокодилом» клеммы… В момент касания проскочила крохотная искра. Багиров с трудом удержался от радостного, на всю тундру, вопля. Жива курилка, дышит… Значит, и мы поживем еще, повоюем.

6. Последняя ночь

Отбой в Центральном Военном Госпитале происходил так: в палатах гас свет, вырубались визоры, на окнах задергивались плотные шторы, поскольку ночи стояли белые. Пациенты, дабы соблюдали режим и не колоброди ли по ночам, получали усыпляющие инъекции. Впрочем, кое-кто из выздоравливающих, люди молодые и предприимчивые, от инъекций умудрялись отвертеться. И все равно колоброди ли…

Я сегодня инъекцию не получил. Вообще. Кибердоктор из моей палаты исчез, пока я общался с профессорами на консилиуме, а живая процедурная сестра перед отбоем не пришла. Обычная для военной структуры путаница и неразбериха, ничуть не удивляющая тех, кому довелось послужить в рядах ОКР.

В общем, я не спал. Но и не колоброди л, не отправился на поиски незамысловатых больничных приключений. Сидел, продолжая тупо пялиться на погасший визор, смутно видимый в свете теплящегося ночника. Настроение и без того было не очень, а тут еще этот стереобоевичок, словно в насмешку прокрученный вечером по центральному каналу…

В боевичке рассказывалось о доблестном полицейском из Европола, гонявшемся за деятелями Ассоциации поставщиков биоресурсов. За нелегальными торговцами человеческими органами, проще говоря. Доблесть доблестью, но разок европоловец дал маху и угодил в лапы своих врагов. И те живо разобрали парня на запчасти. Вернее, начали процесс разборки, и даже далеко в нем продвинулись, но завершить не успели, – нагрянула подмога.

Короче говоря, главного героя заново собрали, но уже из механических запчастей. Получился громоздкий киборг, сверкающий хромом и никелем, – снимался боевичок давненько, до появления биомеханических протезов, неотличимых на вид от нормальных конечностей. На службе киборга оставили (повезло, не напоролся на стукача мозговеда).

И железный истукан принялся мстить – обидевшим его дилерам, разумеется. Мстил незамысловато, но эффектно, демонстрируя при этом чудеса подвижности: догонял, например, на своих железных ходулях бешено мчащийся мобиль…

Не фильм, а сплошная издевка, и я ничуть не расстроился, когда визор погас на самом кульминационном эпизоде – до мести главному негодяю оставалось всего чуть.

Последняя ночь… Последняя ночь в рядах ОКР. Наверное,

надо было вспомнить все хорошее, что случалось со мной за годы службы – много времени эти воспоминания не заняли бы. Но помогли бы понять, как глупо с моей стороны рваться обратно под наши знамена – истрепанные и пропитанные кровью. Еще, наверное, стоило вспомнить всех ребят – сгоревших в «вертушках», погибших на земле, не довезенных до госпиталя… Всех поименно, начиная с мясорубки у Станции и заканчивая мясорубкой в Печоре. Эти воспоминания грозили затянуться до утра, но помогли бы понять то же самое: не валяй дурака, Мангуст, хватай свою майорскую пенсию, пока дают, и попробуй интереса ради пожить мирной жизнью – а вдруг понравится?

Ничем похожим мои мысли заняты не были… А занимался я простой арифметикой: пытался поделить число из блокнота мозговеда на пресловутую майорскую пенсию, мысленно плюсуя к ней всевозможные надбавки… Результат деления удручал: пробежаться трусцой мне не удастся даже в глубокой старости. Всю жизнь проведу на «подпорках».

В дверь палаты постучали – деликатно так, осторожненько. Я удивился: что за ночные визиты? – но негромко откликнулся:

– Не заперто.

Дверь отворилась еще до того, как я закончил говорить. Горевшие в коридоре лампы высветили на полу прямоугольник с неправильными пропорциями. Тут же в этот освещенный прямоугольник вкатился небольшой больничный столик на колесиках. Следом вошла Милена.

– Больной Дашкевич, вы забыли принять лекарство. И вечернюю инъекцию вам тоже не сделали.

Слова были самыми официальными, но тон, которым она их произнесла… Черт возьми, многие здешние пациенты отдали бы правую руку, чтобы к ним ночью пришла Милена и обратилась таким вот тоном. Хотя я уже отдал… Так что все справедливо.

Прежде чем дверь закрылась и освещенный прямоугольник исчез, я успел оценить сервировку столика. Среди медицинских баночек-скляночек на нем выделялась своими размерами колба, почти доверху залитая чем-то прозрачным. Понятно… Не иначе – универсальное больничное лекарство-антидепрессант, в просторечии – медицинский спирт. Но рядом с колбой поблескивал знакомый футляр пистолета-инъектора, – может, и вправду госпитальное начальство вспомнило, что больной Дашкевич не облагодетельствован порцией здорового сна?

– Пациент Дашкевич к инъекции готов, – отрапортовал я. – Штаны снимать?

– Позже… Сначала лекарство.

Свет она так и не включила. Чуть постояла, привыкая к

полумраку, затем подкатила столик к кровати. Протянула руку.

– Держи. Чтобы всё, как полагается…

Наши пальцы встретились, и на ладонь мне перекочевало нечто маленькое, угловатое. Майорская звездочка.

– Извини, всего одна… И ту с кителя майора Гуссейнова тайком отшпилила.

Все правильно. Традиции – вещь святая. Не важно, на одну ночь стал майором или на десять лет, – звание надо обмыть. Но на меня за день столько новостей свалилось, что я как-то позабыл про непременный ритуал. А вот Милена не забыла.

– Я думал, твое дежурство уже закончилось.

– Оно и закончилось… Я присяду рядом?

– С левой стороны, пожалуйста, – попросил я на всякий случай.

Звездочка тихонько звякнула о дно стакана, – лабораторного, с делениями, что воинским традициям в общем-то не противоречило: случалось и в алюминиевых кружках звездочки обмывать, слитым с «вертушек» техническим спиртом, имевшим мерзкий привкус резины… Всякое бывало.

В колбе, вопреки моим предположениям, оказался отнюдь не разведенный медицинской спирт. И не чистый медицинский… Водка, причем хорошей очистки.

– «Смирновская», – подтвердила Милена. – Но не могла же я ее в родной бутылке по коридору катить… Перелила.

Стаканы она наполнила до краев… Выпили. Я до дна, как положено, – и ухватил зубами звездочку. Думал, Милена лишь пригубит, но и она выпила правильно, до дна. Хотя, конечно, лабораторные эти емкости стаканами были лишь по названию, а по объему – как большие стопки.

Вообще-то у майорской звезды, коли уж она красуется на погоне в одиночестве, принято обмывать каждый лучик. Но я решил подсократить программу, традиция соблюдена, и ладно. Надо сделать скидку, все же не в компании десантуры обмываю.

– Тебя ведь ровно девять месяцев назад к нам привезли, день в день… – задумчиво произнесла Милена. – Прямо-таки срок беременности… И вот – можно сказать, родился сегодня заново.

Она коснулась моего колена, жест я разглядел, но прикосновения не почувствовал.

– Родился, – подтвердил я. – И сразу майором, не у каждого так получается… За новорожденного?

Выпили по второй, на сей раз Милена плеснула себе немножко. Теперь можно было и закусить. Выяснилось, что в футляре лежал вовсе не инъектор, а ломтики чего-то (я толком не разглядел в полутьме, чего именно) мясного, подкопченного и

очень вкусного. Настоящее мясо, не синтетика.

– Наши санитары даже поспорили про тебя: выкарабкается или нет? – ударилась в воспоминания Милена. – Белородов ящик пива проиграл…

Я поинтересовался:

– Врачи тоже спорили?

– Нет, конечно… Это ведь… ну как если бы ты десантироваться полетел и пари с вертолетчиками заключил: долетите или нет.

Логично… Но я бы не удивился, если бы выяснилось, что зловредный мозговед проспорил пару бутылок коньяка из-за моей живучести.

– Они не спорили… Просто изумлялись, – продолжала Милена. – Профессор Ковальчук всё басил: железный стержень у этого Дашкевича, и душа анкерными болтами к телу притянута…

Насчет стержня неведомый мне Ковальчук хватил лишку, несколько имплантированных позвонков из титанового сплава на железный стержень никак не тянули… Зато ортопедических анкеров в моем заново собранном организме хватало, некоторые даже из драгметаллов…

Дальнейшее шефство над колбой я взял на себя, накапал обоим по полстаканчика и произнес традиционный третий тост:

– За тех, кто не вернулся. За тех, кого к вам довезти не успели…

Милена добавила:

– И за тех, кого успели, но… Тут ведь тоже не боги работают, воскрешать не умеют…

Выпили, закусили, она заговорила с неожиданной тоской и злостью:

– Ты знаешь, каково это: лежит вот такой, как ты, молодой и красивый, лежит и умирает, и ничего не сделать, а он уж и говорить не может, только смотрит с надеждой… А рядом, за стеночкой, уже номерок выписывают.

– Какой номерок? – не понял я.

– Тот, что на ногу! На большой палец! – она почти кричала. – И вниз, в подвал, в морг, спецлифт номер два, на других этажах не останавливается…

Долго молчали. Каждый о своем… Я – о том, что спецлифт моей жизни тоже отчего-то на нормальных этажах до сих пор не останавливался. Лишь на тех, где кровь, грязь, стрельба, взрывы, трупы… Теперь вдруг кабина остановилась сама собой, дверцы распахнулись, – снаружи чисто, тихо, мирно… Спокойно… Но я боюсь сделать шаг в эту тишину и покой. Потому что привык не выходить, а выпрыгивать, расчищая себе путь длинной очередью

и перекатом уходя с линии ответного огня. И начинать панихиду с танцами…

– Я дура, – произнесла вдруг Милена спокойно и тихо. – Тридцатилетняя рыжая дура… Человек родился заново, а меня понесло… не туда и не о том… Давай начнем всё с начала?

– Давай… Всё-все?

– Ага.

– С самого-самого?

– С самого. Да ты хоть помнишь, как все началось?

– Дословно, – похвастался я и процитировал самого себя шестимесячной давности:

– Девушка, а как вас зовут?

Ну да, каюсь, не самое оригинальное начало знакомства… Но большего трудно ожидать от человека, только-только выкарабкавшегося из комы.

– Кому девушка, а кому дежурная по блоку, – подхватила игру Милена.

– И все-таки? Не люблю, когда мне делают уколы незнакомки.

– Милена Станиславовна…

– А потом я хотел спросить: «Можно просто Мила?», но не успел, снова обрубился… И спросил в другой раз, при следующей встрече.

– Когда меня называют Милой, мне хочется царапаться… – продолжила цитировать Милена уже вторую нашу встречу.

– А Леной?

– Кусаться!

На том, помнится, фантазия у тогдашнего капитана Дашкевича иссякла… Или иссякли силы, и он снова провалился в беспамятство. У нынешнего майора Дашкевича и с фантазией, и с запасом сил дело обстояло значительно лучше. И он – в смысле я – отклонился от сценария давнишних диалогов:

– А как тебя звала мама? В детстве?

– Илькой…

– Если буду так тебя называть – начнешь кусаться или царапаться?

– Нет, я начну…

Закончила ответ она не словами, а действием. Ожидаемым и все же неожиданным… Надеюсь, мои соседи по отделению никогда ничего не узнают, не то смертность по третьей терапии резко повысится… И удивленный майор медицинской службы Гуссейнов изумленно начнет подписывать свидетельства с весьма неординарной записью в графе о причине смерти: «Умер от зависти».

Подумалось: «Сколько же я не целовался с женщинами?» Попытался припомнить – вспомнилась Артистка и крохотная каютка «Брунгильды», – давненько, в общем, не целовался. С тех самых пор, когда еще имел полный комплект родных конечностей.

– А как тебя называла в детстве мама? – спросила Милена, переведя дух.

Не самый удачный вопрос… Она не знала, что у меня не было детства. В обычном понимании этого слова, по крайней мере. И мамы не было… Она погибла на пятом месяце беременности и не вынашивала меня – «вылеживала», подключенная к аппаратам, искусственно поддерживающим подобие жизни в мертвом теле.

– Меня в детстве называли кадет Дашкевич, – сказал я, стараясь не сбиться с прежнего беззаботного тона. – В юности – курсант Дашкевич. А теперь будут называть старой отставной перечницей Дашкевичем.

– А если я назову тебя старой перечницей, что ты сделаешь?

Я не стал отвечать на этот глупый вопрос. Словами, по крайней мере. Ответил действиями.

7. Незнамо где, неведомо когда

Батарея и в самом деле еще «дышала», но дыхание ее было явно предсмертным. Процента два-три от номинальной емкости она как-то умудрилась сохранить, не более того. Однако на адаптере тускло светился диод, свидетельствуя: процесс зарядки хоть вяло, но продолжается. Затем диод начал подмигивать. Затем погас. Заряды батареи и блока питания «Рыси» уравнялись. Багиров включил на мгновение цифровой индикатор блока, оценил цифру. Кошкины слезы…

Сержант отсоединил «крокодилы», но провода сматывать не стал – потом, после сеанса связи, можно будет попытаться выдоить из батареи последние крохи энергии. Но, если все пройдет как надо, лишняя возня станет ни к чему…

Он нажал на блоке питания единственную клавишу: подал питание на рацию. Аптечка, навигатор и все прочие прибамбасы подождут.

Основной рабочий канал молчал. Понятное дело… Связь по нему шла узконаправленным лучом через переносной ретранслятор, таскаемый на спине одним из бойцов роты «Гамма-7»… А где тот боец и тот ретранслятор, непонятно. Но не в зоне приема, однозначно.

Багиров переключился на запасной канал, аварийный. Короткие кодовые сигналы уходили в эфир – ответа не было. Никакого. Даже подтверждения приема не было.

А вот это уже странно. Более чем. Аварийный канал работал через ретранслятор, подвешенный высоко над Печорой, на дирижабле «Дмитрий Донской» – поскольку с переносным ретранслятором в бою всякие поганые случайности происходят сплошь и рядом. Антенны «Донского» должны были уверенно принять сигнал с рации сержанта за пару сотен километров. А при благоприятных для связи условиях – за все триста.

И где этот хренов дирижабль?! Сбит, поврежден? Так в действие тут же вступил бы запасной командный пункт, автоматически приняв все функции обеспечения связи…

Интереса ради сержант пошарил по соседним диапазонам. Они сейчас должны были ломиться от кодированных приказов, донесений и распоряжений, – как всегда бывает не только при проведении крупных армейских операций (боевые действия за минувшую неделю могли закончиться), но и при любом большом скоплении войск на ограниченном пространстве… Естественно, декодер рации Багирова не смог бы расшифровать не предназначенные ему сообщения, но факт их наличия

зафиксировал бы.

Не зафиксировал. Эфир был девственно чист. Это уже ни в какие ворота не лезло…

Разозленный Баг переключился на гражданские диапазоны. Включил только прием – призывать на помощь по незащищенным каналам устав запрещал категорически. Вертолет-то, может, и прилетит, но доставит прямиком в трибунал.

И здесь почти пусто… Две станции вели цифровые передачи откуда-то издалека, еле слышно, но декодер сержанта не предназначался для развлечений – шансон или новости не послушать…

Он переключился на аналоговый режим. В России последнее время плодились, как поганки после дождя, местные радиостанции, вещавшие на район или волость, – каждая самостийная власть уездного масштаба спешила обзавестись своим средством массовой информации. Примитивные, собранные из подручных материалов станции вещали в аналоговом режиме – для таких же примитивных аналоговых приемников, порой самодельных.

Вещали – но не здесь. Шумы, атмосферные помехи – вот и все. Здесь местная власть отсутствовала. Либо не желала общаться с подведомственным населением посредством радиоволн.

Взглянув на индикатор заряда, Багиров торопливо выключил приемник. Хватит в игрушки играться… В запасе есть еще один способ. Более сложный, но все же реальный.

Он достал из защитного футляра «балалайку», пристыковал к ней тоненький, почти прозрачный проводок. Зарядилась быстро, много ли «балалайке» надо…

Он опустил веки, подождал, пока исчезнут из глаз фантомные пятна, всмотрелся. «Сеть не обнаружена», – проинформировал наноэкран, имплантированный в сетчатку глаза.

Все правильно. Локальная сеть роты и не должна быть доступна, поскольку связывал в нее «балалайки» личного состава тот самый канувший ретранслятор. А что с глобальной?

Сержант понимал, что понятие «глобальная сеть» после Катаклизма несколько устарело. Но по привычке именно так называли ошметки и обрывки былой великой Сети, кое-как кое-где связанные между собой… Многие наземные ретрансляторы и кабельные линии разрушены, но все же не все. Многие спутники канули в День Станции – одни попадали, другие замолчали, кружат по орбитам мертвыми кусками металла… Однако некоторые все еще исправно функционируют.

Наземных ретрансляторов в здешних местах отродясь не

было. А спутники… Багиров предпочел не вычислять, какова вероятность, что он окажется в зоне приема случайно пролетающего спутника. Он просто надеялся: этот шанс связаться со своими сработает. Потому что других не оставалось.

План был незамысловат: войти в сеть как гражданское лицо, под своим никнеймом, да и стукнуться в одно сообщество, где тусовались несколько сослуживцев (те тоже никак не выдавали свою принадлежность к ОКР). Ну и бросить ребятам весточку: мол, жив-здоров, да застрял в далеких краях… А начальство при желании вычислит, откуда пришел сигнал.

Вход в общедоступную сеть не обнаружился. Багиров повторил попытку. И еще раз повторил, и еще…

На пятой попытке произошло чудо. Случаются в жизни чудеса, что бы там ни твердили скептики. Вместо стандартного ответа «Сеть не обнаружена» экранчик предложил осуществить вход, введя логин и пароль.

Он вознес бы благодарственную молитву Аллаху, но нельзя было терять ни секунды…

А спустя недолгое время вместо несостоявшейся молитвы над тундрой разнеслось громовое проклятие. Причиной послужило сообщение: «Ваш пароль просрочен. Введите новый пароль».

Какого хрена просрочен?! До конца года должен действовать…

Он тщательно, стараясь не ошибиться, погонял курсор по виртуальной клавиатуре и ввел ту же последовательность букв и цифр. И получил тот же ответ. Третью попытку он совершил уже от отчаяния, ни на что не надеясь… Экранчик сообщил, что количество попыток входа исчерпано, – и погас.

Проклиная тупую технику и ее глупых создателей, Багиров вновь включил рацию – если повезет, если спутник военный и российский, сигнал на аварийной частоте должен принять… Заодно врубил навигатор – по беде надо получить с паршивой овцы, пролетающей над головой, хоть клок шерсти. В смысле, привязку к местности.

Вызов по «аварийке» ушел словно бы в никуда. Навигатор, однако, успешно обменялся со спутником информацией. И попросил через пять минут повторить сеанс для получения более точных координат.

Эти пять минут Баг потратил, чтобы еще раз подзарядить блок питания. Подзарядил, и ллейтоновская батарея стала окончательно мертвой.

Вновь включенный навигатор обиженно сообщил, что связи с объектами, пригодными для получения координат, не имеет. Баг для проверки вновь стукнулся в сеть – вход в нее исчез.

Спутник улетел. Лимит чудес на сегодняшний день исчерпан. А может, и на всю неделю. Или на всю жизнь, причем не исключено, что дольше недели она не затянется…

Придется довольствоваться малым – привязкой своего местоположения к карте. Плевать, что не получены уточненные, с точностью до пяти метров, координаты. Хватит и с точностью до десяти километров. Понять хоть приблизительно, где находится.

Встроенным в шлем экраном картплоттера сержант не воспользовался – жрет энергии непозволительно много для нынешних обстоятельств. Вывел карту на наноэкранчик.

В ближайших окрестностях Печоры местоположение сержанта Багирова не обнаружилось, что и следовало ожидать. Он увеличил масштаб вдвое. Карта теперь, соответственно, показывала вчетверо большую площадь – но и на ней не светилась алая точка, символически изображающая сержанта по прозвищу Баг.

Он еще несколько раз увеличивал масштаб – и наконец-таки увидел заветное алое пятнышко. Только карта к тому времени превратилась в крохотный квадратик в углу экрана, с совершенно неразличимыми деталями. И пятнышко по прозвищу Баг светилось далеко за пределами упомянутого квадратика. В непроглядной черноте.

Ну и ну… Перед вылетом на операцию карту в навигатор Баг загрузил с запасом, мало ли что… Здоровенный кусок территории Русского Севера, четыреста на четыреста километров… С центром в Печоре, разумеется.

Или навигатор врал (что было маловероятно), или Баг на своих двоих за неделю бессистемных блужданий умудрился отмахать несколько сотен километров. Он прикинул масштаб – нет, пожалуй, счет идет на тысячи… Отмахал и находится не пойми где. В географии сержант был не силен и не очень представлял, что за земли скрывались за непроглядной чернотой экрана. Может, самый север самозваной Сибирской республики. Может, и того хуже – арктические провинции КНР. Дошагать туда и не заметить, как пересек здоровенную реку Печору, Уральские горы, реку Обь, тоже не маленькую, и, возможно, еще пару великих сибирских рек, – в такой вариант Баг наотрез отказывался верить.

Значит, врал навигатор.

Хотя… Теперь ведь заработала электронная оптика, а значит…

Он вновь вскарабкался на крышу вездехода, посмотрел на запад – но уже через линзы электронного бинокля. И чуть не свалился со «Старателя» еще раз, на сей раз без помощи

землетрясения.

Горы. Самые натуральные горы. Не грозовой фронт. И не мираж, электронная оптика миражи опознает и отсекает. Горы начинались как-то резко. Местность в том направлении медленно повышалась, зеркала тундровых не то озер, не то луж на западе исчезали. Но здешние горы начинались почти без холмистых предгорий: несколько редких холмов – и вставали крутые склоны. На макушках гор белел снег, белые языки кое-где сползали вниз…

Потрясенный видом горного хребта, оказавшегося вовсе не там, где должен и мог находиться, Багиров не сразу оценил значение одной детали наблюдаемого пейзажа. А она того стоила – в той же стороне, но гораздо ближе к сержанту, поднималась полоска дыма и изгибалась от ветра в виде буквы «Г»… Потом оценил-таки и засек по компасу направление на дым.

Медленно, в глубокой задумчивости, он спустился на землю. Еще раз вывел на экранчик карту – нет никаких гор к западу от Печоры. И дальше к западу нет, сплошная равнина тянется до самых Хибинских гор, до Кольского полуострова.

Произошел сбой в навигаторе или нет, уже не важно. Без закачанной карты ценность этого прибора невелика, и даже дату он сейчас показывал какую-то невразумительную. В общем, оказался сержант незнамо где и неведомо когда. Но в местах, где теоретически никак не мог оказаться.

Однако, если практика противоречит теории, про теорию лучше забыть. Если шагать к теоретической Печоре, оставив за спиной вполне реальные горы, – никуда не дойдешь, так и сгинешь в болотистой тундре.

Другой цели для дальнейшего путешествия у Багирова не было. Значит, надо двигать к горам. Там по крайней мере сухо – не придется терять время, обходя болота, и спасаться от стай летучих кровососов. А то стихнет ветерок – и опять нос из шлема не высунуть.

Еще там, в том же направлении, были люди. Ничем иным дым не объяснить, в пожар от молнии поверить невозможно, слишком уж все сырое. Надо постараться этих людей разыскать, кем бы они ни были.

Не разыщет – тогда найти среди холмов сухое место, устроить укрытие – передохнуть денек, оглядеться. Прикинуть, что тут с охотой – не бывает мест совсем без зверья, это сейчас он за версту виден и все живое распугивает, а если залечь, затаиться, – наверняка что-нибудь живое из норок повылазит…

Короче говоря, необходим бивак, длительный отдых и жратва.

Поскольку сержант чувствовал – силы на пределе. Случается

такое – и это вовсе не та привычная усталость, что подавляется усилием воли, а такая, что приляжешь или присядешь, – и не встать, и не сделать больше ни шагу… Хоть трибуналом грози, хоть расстреливай на месте, – не сделать. В роте «Гамма-7» подобное случалось с другими, и Багиров вытаскивал их на себе. Но это там, по сравнению с новобранцами-молокососами, он был железным Багом, здесь же выносливостью только с тундрой тягаться можно – а она любого одолеет…

Он поправил амуницию, обесточил все приборы, остатки энергии стоит приберечь. И приготовился двинуться прямиком в сторону замеченного дыма. Только закинул автомат за спину, – и тут опять завыло. Почти как накануне, но сейчас вой звучал гораздо сильнее. И источник его наверняка находился гораздо ближе.

Шайтан! Он совсем позабыл про давешнюю зверюгу… А она ведь вполне могла пообедать сержантом, когда он увлеченно возился с аппаратурой.

Вой продолжался.

Приклад «абакана» влип в плечо, палец лег на предохранительную скобу… Но цель отсутствовала, автор воя упорно не желал появляться на сцене.

Вой не стихал, и направление, откуда он доносился, было не определить, – звук стелился над тундрой, звучал ниоткуда и отовсюду одновременно. Он то усиливался, то становился чуть тише, то поднимался до верхнего «си», то скатывался на чахоточный хрип.

Психическая атака… Послушаешь полчасика этакий концерт – и поневоле запсихуешь, начнешь делать ошибки и глупости. И лишь тогда последует атака реальная.

Где могла скрываться зверюшка солидных размеров, если Баг даже в электронный бинокль ее не разглядел? Да где угодно… Нашла ложбинку, прижалась ко мху и дерет себе глотку.

– А вот хрен тебе, а не психическая атака! – сообщил Багиров твари.

Опустил щиток шлема – вой ослабел до вполне терпимого уровня. Включил датчик биологических объектов, – при таких делах не до экономии – и установил нижний предел массы определяемых объектов на пятьдесят килограммов. Датчик молчал – никого живого и весящего более полуцентнера в радиусе ста метров не было.

Вот теперь пусть воет, пока не сорвет глотку. Пусть пытается подкрасться незаметно.

А он, сержант Багиров, пойдет своим курсом.

8. Тревога четвертой степени

Давно замечено, что есть особые точки – и в пространстве, и во времени – в них события, по видимости незначительные, вызывают последствия, несопоставимые по масштабу с самим воздействием. Крошечный камешек, стронутый с места на вершине горы, – лавина катится вниз и сметает селение в долине; крошечный дефект презерватива – и на свет появляется величайший гений или величайший злодей.

Сержант Багиров по прозвищу Баг, оказавшись возле брошенного в тундре вездехода «Старатель», угодил, сам того не подозревая, именно в такую точку. И в пространстве, и во времени. И его невинная возня с аппаратурой вызвала реакцию, схожую с лавиной…

Лавина, как ей и положено, катилась сверху вниз, со спутника «Алиф-Заль-117» на грешную землю.

Упомянутый космический аппарат был запущен на эллиптическую геосинхронную орбиту давненько, почти пятнадцать лет назад, и срок его жизни подходил к концу. Изначально спутник (как все остальные сателлиты серии «Алиф-Заль») не относился к военно-космическим силам Исламского Союза и предназначался для мирных, телекоммуникационных целей. Но…

Но когда господа генералы вежливо просят установить на мирном коммерческом спутнике пару-тройку военных приборов, – им, генералам, отказывать не принято. Не оружие установить, конечно же. Однако генералы тоже люди, со всеми присущими роду людскому слабостями, и любопытством страдают точно так же, как простые смертные. Любой спутник связи – узловой пункт всемирной Сети, и грех оставлять без внимания и анализа проходящие через него потоки информации. Могли господа генералы удовлетворять свое любопытство и более традиционным способом, – визуально, при помощи установленного на спутнике электронного телескопа.

Конечно, кружащие по низким орбитам разведывательные спутники куда более пригодны для визуального наблюдения: с высоты в пару сотен километров можно прочитать текст в документе, неосторожно развернутом под открытым небом, – если шрифт четкий, а день погожий. Телескоп «АЗ-117» на такие дотошные наблюдения способен не был (геосинхронные орбиты располагаются на два порядка выше от поверхности Земли), да и не предназначался для них, – его задачей считалось слежение за объектами крупными и хорошо заметными. За эскадрами

вероятного противника, например.

Но День Станции нарушил многие расчеты и поломал многие планы. Космическая группировка Исламского Союза понесла огромные потери, и низко летающие спутники-шпионы первыми гибли в пертурбациях, сотрясающих верхние слои мезосферы… «Алиф-Заль-117», отделенный от эпицентра Катаклизма десятками тысяч километров, уцелел и сохранил работоспособность. И его телескоп остался единственным «глазом» Исламского Союза над огромной частью территории Северо-Восточной Евразии.

Но источником «лавины» стал не телескоп – приемопередающая аппаратура спутника. Все происходило без участия человека: антенны приняли сигнал, бортовой компьютер идентифицировал его, как представляющий интерес, запеленговал источник. Затем пакет кодированной информации отправился на другой космический аппарат, на спутник-ретранслятор, выписывающий огромные восьмерки над Западной Европой (на самом деле спутники, конечно же, не могут кружить над каким-либо районом земной поверхности, и восьмерки выписывать тоже не могут; но именно так выглядит их движение, с точки зрения земного наблюдателя – движение спутника по орбите накладывалось на собственное вращение планеты).

Ретранслятор отпасовал информацию на антенны наземного комплекса дальней связи в окрестностях Эль-Парижа. Дальнейший путь оказался ничтожным по космическим меркам – меньше трехсот километров по оптико-волоконному кабелю в Алла-Кале, в громадный подземный бункер Объединенного командования вооруженных сил Союза.

Все произошло очень быстро: сержант Багиров еще возился с навигатором, а в тысячах километров от него, глубоко под землей и под слоем железобетона, в углу виртуального экрана, сотканного из лучиков света, замигал квадрат – белые буквы на красном фоне. Оператору, чтобы заметить сообщение, прочитать его и понять, потребовалось больше времени, чем сигналу на весь его далекий путь.

До сих пор сообщение, хоть и шло с приоритетом «аль-бурак-аль-дехаб», то есть с наивысшим, никакой тревоги не вызывало. Техника не умеет тревожиться.

Но теперь в дело вступили эмоции… Пожалуй, даже не тревога, а безмерное удивление прозвучало в голосе дежурного офицера, когда он произнес:

– Русские войска в секторе «каф-хадашер»!

Дежурный офицер действовал строго по инструкции: немедленно объявил тревогу четвертой степени, она же синяя

тревога.

Синяя тревога означала, что началась или вот-вот начнется морская или наземная операция войск вероятного противника, напрямую против Исламского Союза не направленная, но существует вероятность расширения конфликта. Боевому расчету командного центра предписывалось по сигналу синей тревоги усилить наблюдение за районом боевых действий, не покидать свои посты до ее отмены и находиться там в полной готовности к объявлению тревоги более высокой степени.

Тревога расползалась по бункеру, сопровождаемая звуковым и световым сигналами, затем выплеснулась за его пределы – сообщения ушли в командные пункты ПРО, ПВО и ВМС (командование сухопутных войск по совместительству квартировало здесь же, в бункере Алла-Кале). Там история повторилась: несущие дежурство командиры оповещали своих подчиненных, подчиненные бросали недопитый кофе и недожеванные бутерброды, устремлялись на боевые посты: не в окопы и не к амбразурам – к экранам контроля оперативной обстановки и к пультам дальней связи.

Синяя тревога двинулась дальше – в войска, к командирам баз и соединений (на данном этапе начались первые утечки информации на сторону). Одновременно усилили наблюдение за сектором «каф-хадашер». Усилить его можно было одним способом – перенацелить телескоп «АЗ-117» на район предполагаемого десантирования русских… Перенацелили. Скоплений боевой техники не обнаружили, прочих потенциальных целей – тоже. Вообще ничего, указывающего на вторжение.

Спустя десять минут состоялось виртуальное блиц-совещание заместителей командующих родов войск – сержант Абдулла Багиров мог бы гордиться, узнав, внимание каких высоких чинов привлекла его персона.

Версии совещавшимися были выдвинуты самые разные: от преднамеренной провокации до случайной активизации старой аппаратуры, находившейся в секторе «каф-хадашер» еще со времен, предшествующих Дню Станции. Но в одном мнения совещавшихся не разошлись: массированный десант не состоялся. А если в секторе объявилась одиночная боевая или разведывательная группа – это проблема русских и прокитайских сепаратистов из марионеточной Сибирской республики, непосредственной угрозы Исламскому Союзу не существует.

Отбой синей тревоги прокатился тем же путем: от Алла-Кале к штабам родов войск, оттуда в части и соединения.

Но два оператора на всякий случай продолжили плотное

наблюдение за сектором «каф-хадашер». Вернее, наблюдали они за экранами, куда выводилась информация с телескопа спутника «Алиф-Заль-117». Как выяснилось несколько часов спустя, совсем уж напрасными их старания не были.

– Вижу группу целей, подводные, курс семь-двадцать три, скорость двенадцать!

– Идентификация?

– Заканчивается… Готово. Прогулочные подводные аппараты класса «Дельфин» с вероятностью семнадцать процентов, живые существа – восемьдесят три процента.

– Не Красное море, чтобы там «Дельфины» плавали… Да сейчас они и в Красном не плавают… Это моржи. Или белухи.

– Какие еще моржи в озере?!

– Мутировавшие. Пресноводные. Или крокодилы, тоже мутировавшие. Или еще какие-нибудь мутировавшие порождения шайтана… Мы здесь не зоологией занимаемся.

Последовала пауза, озеро вместе с мутировавшими порождениями шайтана уползло с экранов. Затем первый наблюдатель произнес задумчиво:

– А я, пожалуй, знаю человека, который заинтересуется мутировавшими крокодилами…

– Э-э-э?

– Та шишка из Евромеджлиса…

– Не понял…

– За Гисаром наблюдали по его приказу, помнишь?

– А-а-а… Ну да.

– Он просил, если увидим что-то этакое, сообщать. У меня даже его номер где-то записан…

– Сообщи. Может быть, расщедрится на премиальные. Говорят, денег у него, как песка в пустыне.

– Сообщу. Если номер не затерялся…

В то же время, когда в Алла-Кале происходил этот диалог, в Санкт-Петербурге шеф ОКР генерал-полковник Кравцов получил агентурное донесение о синей тревоге у исламистов и о причинах, ее вызвавших. Причины особенно заинтересовали его превосходительство…

9. Как браконьерствуют в тундре

Вой снова раздался, проклятый вой. Зверюга явно не желала вступать в честную драку: тащилась где-то рядом, не приближаясь, – и выла, выла, выла… Как по расписанию: десять минут антракт, затем вновь получасовое отделение бесконечного концерта.

Сержант машинально прибавил шагу. Машинально включил датчик биообъектов. Он все сейчас делал машинально – словно машина, работающая на последних каплях горючего или на издыхающей батарее.

НЗ закончился. Силы закончились тоже. С обеденного привала (обед состоял из последней четвертинки последнего брикетика) Багиров себя поднял при помощи стимулирующей инъекции из аптечки. Знал, что потом станет еще хуже, но иначе не мог подняться и пойти…

«Потом» наступило. И стало еще хуже.

К тому времени, когда вой неожиданно оборвался на самой высокой ноте, Баг почти бежал – этакий марш-бросок в никуда, в бесконечность. Или ему казалось, что бежал… В последние часы ему многое казалось. То мерещилось, что он почти добрался до гор, что бредет в их прохладной тени, то казалось, что цепочка заснеженных вершин по-прежнему остается на горизонте, далекая и недосягаемая…

Воздух с хрипом вырывался из глотки Багирова. Постепенно шаги становились все тяжелее и тяжелее, запредельная усталость брала свое… И настырная зверюга тоже получит свое, когда он упадет и не сможет больше сделать ни шагу.

Давно стемнело, пришла здешняя фальшивая, ненастоящая ночь, позволяющая кое-как разглядеть путь под ногами. Сержант не останавливался, знал, – с ночного привала ему не подняться. Или он сдохнет, или дошагает-таки до гор.

Горы превратились в какую-то абстрактную цель, поддерживавшую волю к движению. В пряник, маячивший на горизонте. А вой проклятой твари постегивал сзади, будто хлыст. Спроси кто-нибудь: чем тебе помогут и как тебя спасут эти самые горы? – Баг не сумел бы ответить. Но никто не спрашивал. И он шагал к горам.

Про дым и про людей он уже не вспоминал, вычеркнул их из мыслей. Хотя приблизился к тем местам, где стоило ожидать встречи с человеком, запалившим костер. Или с людьми. Но искать их уже не хотелось. Места тут суровые, и люди наверняка тоже, – когда не в силах постоять за себя, лучше бы с ними не

встречаться…

Неожиданно ноги подкосились, и сержант с размаху упал на колени. Застыл, запрокинув голову к темному, неприветливому небо, больше напоминающему каменный потолок какого-то склепа. Он провел так целую вечность, жадно глотая ртом воздух.

С сержантом Абдуллой Багировым приключилось озарение. Пришла в голову блестящая и гениальная догадка, объяснявшая всё. Не все загадки мироздания, конечно же, но самые насущные: и туман, и лежащие за туманом гиблые места, и чудовищных зверей, по тем местам разгуливающих, и перемещения в пространстве, никакими законами физики не допускаемые…

Все очень просто. Он, сержант Багиров, ранен в бою за Печору. И лежит сейчас в госпитале, отходя после операционного наркоза. А после него, Баг знал не понаслышке, какая только бредятина ни мерещится…

Медленным движением он отстегнул флягу, хлебнул, но воду не выпил, – сполоснул пересохший рот и выплюнул. Ведь это только кажется, что хочется пить. Все вокруг – сплошная иллюзия, порождения бредящего мозга… Надо лечь на мягкий зеленый мох, закрыть глаза и ничего не делать. Откроешь – и увидишь белые стены госпиталя.

Вой раздался, казалось, над самым ухом. Словно тварь подошла вплотную и выла, нависнув над плечом. Багиров не обернулся, чтобы проверить. И не включил датчик. Иллюзия… Это тоже иллюзия.

А потом он, пошатываясь, встал на ноги. Вскинул неподъемный, словно ртутью налитый автомат, обернулся. Быть сожранным собственной иллюзией? Нет уж, в другой жизни.

Позади никого не оказалось. Ни над плечом, ни в отдалении. Багиров развернулся и неторопливо направился к горам. Первые шаги дались тяжело. Тело словно свинцом налилось, но постепенно движения становились все более плавными – сержант зашагал вперед, словно спортсмен, у которого неожиданно открылось второе дыхание. Или двадцать второе… В любом случае – последнее.

Сколько времени он шел? Сам не знал… На часы смотреть не хотелось. Как робот, Багиров делал шаг за шагом по иллюзорной равнине, медленно приближаясь к своей иллюзорной цели.

Потом он споткнулся, да так, что едва не упал. Посмотрел вниз – тупо, механически… Камень! Никак вышел из болот… Он активизировал ненадолго «ночной глаз», огляделся. Неподалеку виднелись несколько валунов, сбившихся вокруг высокого каменного обломка, как овцы вокруг пастуха. Хоть какая-то защита, потому что в минуту просветления Багиров понял: до гор

в один переход ему не дойти. Особенно с тащившейся по пятам тварью.

Надо остановиться, изобразить полную отключку, подманить тем самым зверюгу – и принять бой. Иллюзорная она или нет, не важно. Надо убить ее. И съесть. Других вариантов нет.

Возможно, то была игра в поддавки с самим собой. Возможно, мозг так обосновывал нежелание и неспособность тела двигаться дальше… Но сержанту в тот миг показалось, что принятое решение единственно верное.

Он добрел до камней. Да уж, укрытие – курам на смех, но все-таки… Меньше возможных направлений атаки. Баг шагнул внутрь импровизированного укрепления. И остановился… Что-то не так… Он поднял щиток шлема и тут же опустил. Но успел вдохнуть порцию густой вони, до того значительно ослабленной фильтрами. Включил «ночной глаз», присмотрелся к странной растительности под ногами – нитевидной, не похожей ни на что, растущее здесь и виденное ранее.

Нагнулся, поднял – так и есть, какая к шайтану растительность, клок самой натуральной шерсти… Ненароком он влетел в логово твари, наверняка той самой, не шляются же они тут стаями, тут одной бы прокормиться. Или, если взглянуть с другой стороны, тварь пригнала его к своему логову…

Теперь встреча с невидимым преследователем неизбежна, сомнений нет. Вопрос лишь в одном: бить зверя в его логове? Или на подходах к нему? Валуны дают лишнюю защиту, но очень уж не хочется сидеть в этакой вони.

Предчувствие близкой схватки сработало не хуже инъекции стимулятора. Усталость не ушла совсем, не исчезла, – но отступила, затаилась где-то рядом.

Он вышел из камней, отошел на два десятка шагов в сторону, приглядывая подходящую для засады позицию… А потом неожиданно – и одновременно ожидаемо – у сержанта возникло странное чувство. Словами его выразить трудно, но те, кто ходил в бой и в разведку, с ним хорошо знакомы… Такое ощущение возникает, когда тебя выследили и взяли на прицел, когда снайпер положил палец на спуск… Некий не регистрируемый приборами импульс, передающийся от охотника к дичи.

Багиров вскинул автомат, готовый полоснуть очередью в любую сторону. А затем… затем ему захотелось с досадой хлопнуть себя по лбу, да мешал шлем. Датчик! Он совсем позабыл про датчик и не включал его во время трех последних «концертов»…

Короткое движение подбородка, датчик включился – и тут же зашелся тревожным сигналом. Тварь была рядом, гораздо ближе

ста метров. И весила гораздо больше пятидесяти килограммов.

Пеленг поступил секундой позже. Хитрая зверюга не утратила осторожность и сейчас – приближалась под прикрытием, оставляя скопление валунов между собой и сержантом. Он немедленно двинулся назад и влево, увеличивая дистанцию и сектор обстрела. Ну наконец-то сейчас все закончится, так или иначе…

И тут случилось непредвиденное. Земля неожиданно ушла у Бага из-под ног. Он рухнул, успев в короткий миг падения подумать об очередном землетрясении…

Но нет, рухнул он просто-напросто в глубокую яму, хотя только что, разглядывая окрестности, никаких ям не заметил.

Удар был страшным. Шлем треснулся обо что-то, выдержал, но биодатчик вырубился. Багирову показалось, что и он сам вырубился тоже, но без сознания пробыл недолго, секунду или две… От падения ныло и болело все тело, но вроде жив пока, и то ладно…

Автомат? Рефлекс сработал безупречно – первым делом оружие, потом все остальное. «Абакан» лежал рядом, справа… Отлично. Тварь пока никак себя не проявляет – не воет, не пытается обрушиться сверху, но, если попытается, получит своё…

Теперь – понять, что произошло. Ям тут никаких не было, однако же в яму он сверзился… Значит, не простая это яма.

Он снял перчатку, провел вокруг левой рукой – земля, рыхлая и слегка влажная. Пальцы двинулись дальше и уперлись в стену, тоже земляную. Но земля была здесь твердой, холодившей пальцы. Мерзлота…

Звезды – лишь самые яркие – тускло мерцали над головой, стиснутые кругом почти правильной формы. Верхнюю часть склонов Багиров смог разглядеть, низ ямы – и самого сержанта – покрывал густой мрак. Но склоны – там, где было видно, – оказались вертикальными, словно по отвесу выровненными.

Одно из двух: или это колодец, не пойми зачем выкопанный в изобилующей влагой местности, а затем пересохший, или ловушка.

Вариант с колодцем Багиров отмел, как бредовый. Значит – западня, ловчая яма. Выкопанная, разумеется, не для поимки одиноко шатающихся по тундре сержантов… Ловушку насторожили на тварь, – очевидно, не так давно, иначе мерзлота успела бы оттаять, и во время вчерашнего землетрясения ничем не укрепленные земляные стены от толчков осыпались бы… Рисковые люди ее соорудили, между прочим, – у самого логова, с опасностью, что зверюга в любой момент может возвратиться…

Но, если это ловушка, должно быть тут кое-что еще…

Падения с такой высоты недостаточно, чтобы прикончить тварь – едва ли она уступает живучестью Багирову. И удержать добычу надолго невозможно – высота метра три, не больше, стены в верхней части наверняка рыхлые… Выберется.

Он переложил автомат в левую руку, пошарил справа – так и есть, нечто твердое, длинное, тянущееся вверх… Кол! Вкопан не по центру – значит, не единственный здесь. Из чего их сладили, вот вопрос, если из здешних деревьев карандаш толковый и то не выстрогать.

Но из чего-то колья все же сделали, и если бы Багиров падал не вдоль стеночки, а чуть правее – как раз и угодил бы на эту хреновину. Броник спас бы от участи бабочки, наколотой на булавку, но заполучить перелом можно было легко и просто…

«Однако в результате все сложилось очень даже удачно, – подумал Багиров. – Тварь, если все-таки решится сигануть сверху, схлопочет разом по полной программе: сначала попадет под пули, затем напорется на колья».

Он ошибался. Сложилось все очень даже неудачно – и он понял это, когда попытался пошевелиться, сменить свое положение на дне ямы. Правая нога откликнулась таким взрывом боли, что Багиров чуть не взвыл на манер своего противника, но кое-как сдержался… Перелом? Если так, то все, отгулял свое сержант по неведомым местам. Отходил и отбегал. Даже поползать не получится, потому что со сломанной ногой из ямы не выбраться…

Осторожно, стараясь не тревожить ногу, он приподнялся на локте, дотянулся до аптечки, включил ее – экономить энергию теперь ни к чему.

Кибердиагност подтвердил мрачные подозрения: свой перелом сержант заполучил-таки. Закрытый, что немного радовало. Зато с обильным внутренним кровотечением. С кровотечением, впрочем, электронный доктор тут же справился, активизировав один из самозатягивающихся жгутов, загодя вшитых в рукава и штанины. Рекомендации были просты: сохранять полный покой и как можно быстрее приступать к лечению в условиях стационара.

Он бы послушно сохранял полный покой… Зачем суетиться: могилка уже готова, рано или поздно землетрясение обрушит оттаявшие стены – и лежи себе спокойно до самого Страшного суда…

Слово покой происходит от покойника? Или все же наоборот?

Не важно… Потому что покой нам только снится и бой еще не закончен. На то, что противник ушел, оставив его умирать в яме, сержант не рассчитывал. Никто не станет преследовать дичь

вторые сутки подряд, чтобы в самом финале охоты отказаться за здорово живешь от своей законной добычи.

Раз так – надо драться, пока жив.

Он пробежался пальцами по сенсорным клавишам аптечки. Кибердоктор бурно запротестовал против самоубийственного, по его мнению, лечения – и был немедленно заблокирован. А теперь укольчик, совсем не больно, будто комарик укусит…

В кровь рванулся адский коктейль из стимулятора и ударной дозы анестетика. Стимулятор даже теоретически нельзя принимать в таком состоянии – надо отлежаться пару-тройку дней после первого приема. Иначе слабое сердце может не выдержать, а здоровое быстро подсядет… Но зачем покойникам здоровое сердце?

Подействовало почти мгновенно. Усталость ушла, боль не ощущалась даже в сломанной ноге. Можно драться.

В мозгу тоже здорово посвежело, и Багиров сообразил одну простую вещь, до того не приходившую в голову. Дернул подбородком – так и есть, ДБО спокойненько заработал, он сам нечаянно отключил датчик при падении, только и всего.

Тварь была здесь. Кто бы сомневался…

Пеленг постоянно менялся, и вскоре сержант понял: тварь кругами бродит вокруг ямы, не останавливаясь. Круги постепенно сжимались, но очень медленно, напасть сразу же тварь не решалась… Осторожничает, зараза.

Пришла неприятная мысль: может, это просто стервятник? Падальщик, не нападающий на живых и хорошо отличающий их по запаху от мертвых?

Тогда последнего боя не будет. Обидно. А могилкой станет желудок мерзкого не пойми кого. Еще обидней.

Он лежал и ждал. Ничего не происходило. Тварь приблизилась к яме на полтора десятка метров и перестала сжимать круги. Но двигалась по-прежнему безостановочно. Интересно, она когда-нибудь отдыхает?

Едва Багиров озадачился этой мыслью – все и произошло. Звуков бега или прыжка он не услышал, лишь коротко пискнул датчик – и сверху, с края ямы, на сержанта установились три громадных желтых глаза, каждый размером с доброе блюдце. Огромные светящиеся глаза, внутри каждого из которых плавало темное пятнышко, – крошечный зрачок… Два глаза на одном уровне, а третий выше. Фары какие-то, а не глаза.

Мозг еще недоумевал: не бывает таких глаз у топчущих землю тварей, – а тело само делало привычную работу. «Абакан» загрохотал длинной очередью. Звуки выстрелов отражались от стен ямы, накладывались друг на друга, резонировали, – и

казались оттого оглушительными. Но все равно не смогли перекрыть крик твари. Не прежний вой, тварь именно закричала, – голосом, не похожим ни на что, ранее слышанное сержантом.

Казалось, что крик и стрельба длятся долго, очень долго… На деле все заняло около трех секунд. Крик смолк. Почти сразу же смолк автомат. Чудовищные глаза исчезли с края ямы.

Тишина, зловещая тишина… лишь гул от выстрелов стоял в ушах. Привычными движениями сержант сменил магазин, дослал патрон в ствол. Вскинул автомат, но на краю ямы никого и ничего видно не было.

Датчик засвидетельствовал – объект рядом, в семи или восьми метрах, не движется.

Издыхает? Или тварь отступила и готовится к новой попытке? Багиров был уверен, что большая часть пуль попала в цель. Но понятия не имел о живучести этой цели.

Долго ломать голову не пришлось. Снова раздался давешний вой, но звучавший несколько иначе, словно бы наполненный тоской и болью. Но в любом случае издыхающий зверь не смог бы драть глотку с такой силой…

Багиров лежал, готовый открыть огонь в любой момент. Лежал и вглядывался в края звездного круга, лишь изредка контролируя обстановку по датчику…

Вой смолк – как-то неожиданно, без непременной финальной рулады. Зато стал слышен другой странный звук. Негромкий, шуршащий. Сержант почувствовал его скорее телом, чем ушами. Словно кто-то большой и длинный полз, извиваясь всем туловищем, ломая и сминая карликовые деревца.

Багирову отчего-то представился здоровенный удав, хотя в тундре даже захудалого ужика днем с огнем не сыскать. Однако что гадать, если есть биодатчик…

Но оказалось, что биодатчик банальным образом сошел с ума. Сбрендил. Свихнулся. Съехал с катушек. Или с микросхем.

Трехглазую тварь он больше не видел. По крайней мере, никак ее присутствие не фиксировал. А то, что фиксировал, никакому истолкованию не поддавалось.

Живые объекты были повсюду, по крайней мере повсюду в окрестностях ямы. Двигались бессистемно и хаотично, исчезали, появлялись снова, меняли свои размеры… Хуже того, пара объектов копошилась в яме рядом с Багировым – если поверить сбрендившему прибору, разумеется. Сержант не поверил, решив полагаться исключительно на слух и зрение.

Шуршание приближалось, становилось все громче… А потом на краю ямы показался силуэт… Темнело что-то небольшое,

непонятное… Багиров удержался от новой очереди. Кто бы там ни был, пусть высунется как следует. Треть оставшихся патронов он уже извел, стрелять надо наверняка.

Еще один небольшой силуэт образовался на краю, и еще, и еще… Сержант не понимал ничего. Но затем вроде бы разглядел, что силуэты растут, слегка увеличиваются в диаметре… Он врубил «ночной глаз», не раздумывая.

И увидел то, что никак не рассчитывал увидеть. Не наверху – здесь, в яме. С десяток непонятных длинных отростков – они перевесились через край ловушки и, неторопливо удлиняясь, опускались все ниже и ниже. Наверху, у оснований, отростки были толщиной с предплечье взрослого мужчины, а на концах истончались, сходили на нет.

Непонятные конечности упруго извивались, двигались во все стороны… Явно намеревались нащупать сержанта.

На краю ямы появлялись новые и новые отростки, тоже стремились вниз.

Щупальца, решил Багиров, хотя ничего общего с конечностями осьминогов или кальмаров извивающиеся пришельцы не имели. Скорее уж отдаленно напоминали земляных червей-переростков – тоже состояли из кольчатых сегментов.

Багиров замер, не зная, что предпринять. Перестрелять всю эту ораву – патронов не хватит… Но если наверху одно существо, если отростки тянутся от его тела…

Нет, рискованно… Тело может быть и в метре от ямы, и в десяти…

Тут кончик щупальца-отростка – тонкий, на вид не очень опасный – натолкнулся на один из кольев. Захлестнул, обвил тремя витками, – и сломал толстый кол, как спичку.

Багиров решился, понял, что точно так же может сломаться его шея, и бронежилет не спасет.

Сдернул с пояса ручную гранату – последнюю, осколочно-фугасную. Взрыватель был заранее ввинчен, всем уставам вопреки. Он выдернул чеку, но не спешил с броском, удерживая пальцем предохранительный рычаг.

Вспомнил ни к селу ни к городу, как несколько лет назад браконьерничал с ребятами на Кольском, на речке Печенге, – швыряли в воду такие же гранаты, иногда даже всплывало что-нибудь съедобное. Эх, сюда бы ящик тех гранат да взвод тех ребят…

Наконец он дождался момента, когда в движущейся мешанине отростков образовался подходящий просвет – и аккуратненько подкинул гранату по крутой параболической

траектории, тщательно рассчитанной.

Граната упала, где и планировалось, – метрах в пяти от края ямы, с той стороны, откуда лезли щупальца. И рванула, как полагается.

Осколки Багирова не зацепили, да и не могли зацепить, но большие и малые комки земли в яму падали обильно. И не только земли… На щиток шлема плюхнулось что-то мерзкое, слизистое, полужидкое, – и тут же растеклось, закрыв обзор. Воняло так, что фильтры оказались бессильны, а запах, стоявший в логове трехглазой твари, мог теперь показаться изысканным ароматом.

Когда Багиров кое-как протер щиток, ни единого отростка в яме не осталось… Все закончилось? Похоже, да. Датчик, временно реабилитированный, никого живого в округе не отметил.

…Рассвет он встретил в той же позе. Не спал – организм шагнул за ту грань, когда потребность в сне исчезает. Случается такое, когда не за горами вечный сон.

Действие инъекции закончилось. Болела сломанная нога, болело все. Есть не хотелось. Ничего не хотелось. Он лежал и тупо следил за часами. Секундная стрелка отмотала тридцать кругов, Баг протянул руку к автомату, прислоненному к стене ямы, – сил поднять оружие не оставалось. Дернул спуск. Грохнул одиночный выстрел, пуля чиркнула по земляному откосу и улетела в небеса. А сержант снова начал старательно отсчитывать круги секундной стрелки – на минутную и часовую он специально не смотрел, чтобы осталось хоть какое-то занятие…

Все чаще появлялась мысль – не тратить патроны на бессмысленную пальбу, а засунуть дуло в рот и дотянуться до спуска. Потому что стреляй в воздух, не стреляй – никто не придет. Незачем здешним охотникам рисковать, проверяя такие ловушки, – ни шкурой, ни мясом съедобным не разживешься, только вонью надышишься…

В ушах звенело все сильнее, и шаги Багиров не расслышал. Услышал сразу голос – надтреснутый, дребезжащий, с нерусским странным акцентом.

– Эй, человек в земле… – прозвучало сверху. – Давно здесь сидишь?

Сержант попытался ответить, не получилось, и тут же услышал другой вопрос:

– Стрелять не будешь сейчас, да?

Он размял спекшиеся губы и со второй попытки хрипло выговорил:

– Не буду стрелять… Ни в коем случае…

Часть вторая
Тундра не любит слабых

1. Чудеса туземной медицины

На кол двухметровой высоты был насажен череп – старый, выбеленный временем и дождями. Не человеческий – вытянутые вперед челюсти, клыки изрядных размеров. Волк, решил Багиров. Матерый волчина…

Он недоумевал, зачем Иван привел его сюда. Может, это тотем такой местный? Либо, того хуже, олицетворение местного божка? И надо отблагодарить этого Мумбу-Юмбу или Отца-Волка за чудесное исцеление? Заниматься идолопоклонством сержант не был настроен категорически. Грех, и тяжкий, куда страшнее пропущенного намаза…

Но и выглядеть неблагодарной скотиной не хотелось. Поэтому Баг решил остановиться на компромиссном варианте: если получит назад свое снаряжение, то придумает, чем расплатиться с Иваном. А тот уж пусть со своей Мумбой-Юмбой поделится, как сам пожелает: или молитвой, или чем-то более существенным. Здорово придумал: и овцы целы, и волчий череп сыт.

Придумал-то хорошо, но совершенно зря, как выяснилось. Потому что Иван показал на череп и спросил:

– Разбить его можешь, да?

– Зачем? – изумился Багиров.

– Так надо, – сказал Иван свою стандартную фразу, произносимую им, когда абориген что-либо не желал объяснять.

Багиров знал: если долго изводить Ивана вопросами, иногда все-таки можно добиться более развернутых ответов, а иногда все той самой фразой и заканчивалось… Но сейчас не тот случай, чтобы упорствовать и выспрашивать: идола-мазохиста, которому поклоняются таким странным способом, сержант представить не мог.

Разбить? Да без проблем… Костяшка старая, органических веществ в ней почти не осталось, значит – хрупкая… Он подошел, примерился.

– Не так, – запротестовал Иван, – ногой разбить. Можешь, да?

– Ногой?

– Да.

– Не снимая с кола?

– Да.

Теперь понятно – проверка, тест… На ногу сержант наступал уже без опаски, но не более того. И уж всяко давненько не занимался тренировками по рукопашке…

– Правой ногой? – уточнил Багиров.

– Да, – кивнул Иван, не балуя разнообразием ответов.

Эх-х-х… Была не была… Сержант подпрыгнул и вмазал черепу от души – словно в бою, словно надо было не просто нокаутировать партнера по спарингу, а проломить кость и сломать позвонки, не оставляя за спиной живого врага.

Черепушка улетела высоко-высоко, но упала неподалеку. И видно было, что теменная кость разошлась, раскрылась большой трещиной, но совсем череп на куски все же не распался.

Нога вела себя идеально, словно и не ломал никогда. Багиров посмотрел на Ивана: ну как, дескать? Недотянул чуток… Слишком слабо костяшка на колу держалась, вот и ушла на ее полет большая часть энергии удара.

По лицу Ивана не понять, удовлетворило его испытание или нет. Но по этой аборигенской физиономии никогда и ничего не понять, даже возраст ее владельца. Видно, конечно, что не молоденький, но пятьдесят лет мужику или восемьдесят – не определить. Багиров как-то раз напрямую спросил его о возрасте, но Иван пустился в отговорки: не привык, мол, года считать… А может, и в самом деле не считал. Но какая разница… Главное – Ивану хоть сейчас можно присваивать звание профессора медицинских наук. Или академика.

До сих пор сержант с большим недоверием относился к чудесам народной медицины. И считал, что авторы тех «чудес»: недипломированные целители, бабки-травницы, аборигенские знахари и прочие филиппинские хилеры – с гарантией лечат лишь от двух хворей: от чрезмерной доверчивости и от излишков наличности.

Но тут попробуй-ка, останься скептиком… Всем скептикам сержант предложил бы свалиться в ловчую яму или иным способом сломать ногу – а потом попробовать залечить ее за три недели в самых что ни на есть полевых условиях. Даже не за три, быстрее, – сегодня календарь навигатора отсчитал ровно двадцать дней с начала новой эры, с находки вездехода «Старатель» и его батареи… А встал и пошел сержант – прихрамывая, осторожно наступая на правую ногу – на четырнадцатый.

С точки зрения науки, кость не могла срастись за такой срок. Она вообще не могла срастись правильно в том кривоватом лубке, что наложил Иван.

Однако срослась… Срослась правильно.

А все лечение – ежедневная кружка непонятного варева, получал сержант его горячим, прямо с костра, и тут же выпивал. Запах у пойла был мерзкий, вкус – под стать запаху, но ведь подействовало! Факт налицо, вон и доказательство на мху

валяется, – расколотый волчий череп.

Иван исследовал череп внимательно: подошел, осмотрел со всех сторон, но трогать не стал. Вернулся и сказал:

– Хорошо. Ты большой человек.

На вид Иван был типичным аборигеном Севера – смуглый, скуластый, с узенькими щелочками глаз – и тем не менее по-русски он болтал очень даже неплохо, не сбиваясь в падежах и глагольных формах, хоть и чувствовалось по акценту, что язык ему не родной. Но словарный запас оказался невелик, и порой Багиров не очень-то понимал, что имеет в виду житель тундры. «Большой» – в смысле «здоровенный»? А «здоровенный» – синоним «здорового»? Поди пойми… Хотя сержант и в самом прямом смысле большой в сравнении с Иваном, невысоким и сухоньким. В том веса хорошо если пятьдесят кило наберется, а если в баню сводить и помыть хорошенько, – останется и того меньше.

– И что теперь? – спросил Багиров.

– Обратно пойдем, – ответил Иван, хозяйственно выдернув кол из земли и положив на плечо.

Обратно – значит, на стоянку Ивана. Всего за пару сотен шагов от нее проходило испытание, так что обратный путь не затянулся.

Стоянка располагалась в небольшом распадке и выглядела причудливо – полное смешение эпох и стилей. Палатка бросалась в глаза сразу, приковывая внимание яркой расцветкой. Большая, двенадцатиместная как минимум. Не новенькая, годов семидесятых прошлого века, когда бродили еще по северным диким краям геологи, рассчитывая отыскать что-нибудь не найденное или пропущенное предшественниками. Даже туристы беспечно бродили – и никто их не трогал. Ядовито-синий цвет старая палатка сохранила в первозданном виде, такая уж ткань техперлон, неуничтожимая, почти вечная.

Как выяснилось позже, второй слой ткани, теплоизолирующий, тоже неплохо сохранил свои свойства. Десяток людей вполне мог не замерзнуть в палатке и зимой, без отопления, лишь за счет тепла, выделяемого телами. Одиночке в мороз пришлось бы хуже, но в прохладные летние ночи можно было спать, не рискуя окоченеть к рассвету.

Палатка прямо-таки била по зрению, наотмашь, – и оттого стоявший несколько в стороне чум бросался в глаза не сразу, выглядел спрятавшимся, притаившимся. А может, и не чум, раньше подобные жилища сержант видел только на картинках да по стерео. Но как еще назвать сооружение из жердей, прикрытых шкурами? Багиров других названий не знал и остановился на

чуме.

Третья постройка была нежилой, хозяйственной: погреб, выкопанный в склоне распадка. Хотя погреб – громко сказано, не то нора, не то дыра в земле, вместо двери – овальный щит, сплетенный на манер корзинки из здешних «деревьев» и с наружной стороны тоже обтянутый шкурой. Сержант в погреб не совался, не ровен час – тряхнет как следует, да и похоронит заживо под слоем мерзлой земли. Подземные толчки за время, проведенное на стоянке Ивана, случались как минимум дважды – но несильные, едва заметные.

Как минимум – потому что первые три-четыре дня сержант помнил смутно, обрывками. Как нашел его Иван – помнил хорошо. Как добирались сюда – уже кусочками, отрывочками, порой открывал глаза и видел, что путешествует почти с комфортом, на волокуше, слаженной из веревки, брезента и тех самых кольев, из ямы вынутых… А тащит волокушу рогатая скотинка, на вид – типичный северный олень, но Иван звал его на свой манер – учагом.

А вот как сержант покинул яму – загадка природы. Не сам, понятное дело, он в тот момент ложку бы до рта не донес, так обессилел. Иван вытащил на веревке? Мужика, весящего в два с лишним раза больше? Хм… Ну разве что впрягся в ту веревку на пару с учагом…

Жил Иван в своем крохотном стойбище в одиночестве (до появления Бага, разумеется). Трудно, почти невозможно одиночке выжить в тундре, но Иван жил. Обитал в чуме, а палатка на время превратилась в госпиталь для сержанта Багирова. В чум хозяин Бага не приглашал. Не то чтобы так вот прямо запретил туда входить, но не приглашал. Без приглашения же соваться не хотелось. В результате в жилище из шкур сержант побывал один-единственный раз, причем как раз в те дни, о которых мало что помнил… А может быть, пригрезился тот визит, больно уж странным оказалось то, что увидел внутри Багиров…

И еще один момент не помнил сержант: точно ли хозяина зовут Иваном? Именно так он и представился? Или сам сержант его окрестил, не в силах выговорить заковыристое местное имечко? Момент знакомства абсолютно выпал из памяти. Называл ли он свое имя, сержант тоже не помнил. В любом случае Иван к нему по имени не обращался. И по фамилии не обращался. И по прозвищу Баг тоже. Никогда. Пару раз, не больше, употребил другое прозвище: «человек снизу». Ясное дело, такой вот тунгус что-нибудь незнакомое увидит – тут же обзовет по-своему. Багирова увидел, когда тот в яме лежал, внизу, – вот и получилось имя для нового знакомого.

Прояснить вопрос с настоящим именем Ивана сержант уже пытался. И получился такой примерно разговор:

– Как зовут, да? По-разному зовут, нганасаны так зовут, долганы иначе… Ты Иваном зовешь.

– Так кто ты на самом-то деле?

– Человек.

– Ясный хрен, что не лемминг.

– Настоящий человек, – немного подумав, внес Иван уточнение.

– А я, значит, резиновый… Скажи лучше, что у тебя… – начал было Багиров и осекся.

Спрашивать, что за имя у Ивана прошито в электронном удостоверении личности, показалось вдруг верхом глупости. Иван и всевозможные «балалайки» с «таблетками» существовали в разных эпохах и разных измерениях. Не пересекающихся.

Вот и поговорили…

Чем занимался Иван в то время, когда ему не попадались нуждающиеся в спасении и исцелении сержанты, тоже неясно. Багирову представлялось, что у аборигенов Севера только два главных занятия: охота да оленеводство.

Олени у Ивана имелись, но слишком их было мало, чтобы претендовать на статус оленевода. Пять голов или шесть паслись неподалеку в тундре совершенно диким образом, без загона, без привязи. При нужде – съездить к роднику за водой, например, – Иван подзывал животин. Даже не то чтобы подзывал – не свистел, не кричал призывно, а… В общем, как-то само получалось, что при нужде учаг оказывался неподалеку, возле чума.

Охотой Иван тоже не занимался. По крайней мере за все время, что провел с ним Багиров, не охотился ни разу. Если не считать охотой историю с ловчей ямой… Иван от ловушки всячески открещивался: не копал, дескать. И про трехглазую зверюгу якобы ничего не знал, не ведал. Ну а труп-то чудища со щупальцами у ямы видел? Не видел. Какой-то дрянью все было залито, забрызгано, но никакого трупа. Нехорошее место, нельзя туда ходить.

И Багирову казалось, что Иван ему врет. Или, по меньшей мере, рассказывает далеко не все, что мог бы рассказать о диковинном происшествии.

Сержант пытался описать то, что сумел разглядеть из ямы, рассказывал про вой, про преследование по болотам, но Иван лишь качал головой:

– Не живут такие звери в тундре. Песцы живут. Волки живут. Олени жили, но теперь совсем плохие стали. Больные, из десяти одного кушать можно…

Лишь много дней спустя сержант Багиров понял, что абориген ему не врал ни единым словом. Но сам Баг не совсем верно ставил вопросы… И не совсем верно понимал ответы…

Однако, как ни толкуй странную историю с ловушкой и тварью (или двумя тварями), главного это не меняло: охотой как промыслом, как способом прокормиться, Иван не занимался.

И с чего жил непонятно. Питались они с Багировым исключительно запасами из погреба – кашеварил всегда хозяин стойбища, варил в котле не то густой суп, не то гуляш: попадалось там и мясо, и корешки всякие, и грибы, и даже ягоды сушеные – разварившиеся, набухшие. Сытно и вкусно, но уже чуточку приелось.

Вот и сейчас, после прихода с испытания, Иван разогрел над костром свое варево, разлил в два помятых алюминиевых котелка, один протянул сержанту. Сам он никогда на виду у гостя не ел, уносил котелок в чум.

– Хорошо кушай сегодня. Еще захочешь – еще дам. Потом отдыхай хорошо. Сил завтра много надо.

– Что делать будем?

– В город пойдем.

– Город?! Да где ж тут город? Это сколько ж топать!

– Недалеко пойдем, – успокоил Иван. – Утром выйдем, вечером придем. В город придем.

Сержант Багиров так и сел… Натурально приземлился пятой точкой на мох. Ладно хоть котелок с варевом сумел не расплескать.

2. Неназначенные встречи

Лифт не работал, домой я вернулся как раз к плановому отключению электричества, только зашел в подъезд – тут и вырубили.

Но я не стал проклинать судьбу, электриков и сетовать, что лишь каких-то пяти минут не хватило для комфортного путешествия на двенадцатый этаж. Не беда, прогуляюсь по лестнице, ноги не заболят и не устанут… А времени у отставника навалом, оба намеченных на сегодня дела выполнены. Первое и главное результата, правда, не принесло, но это уже другой вопрос.

А поначалу казалось, что сложится все удачно… Кадровик, после знакомства с моим резюме приславший приглашение на собеседование, беседовать со мной не стал. Сразу отправил к вице-директору, ведавшему безопасностью. Хороший признак… Вице-директор не томил в приемной, принял сразу (еще один хороший признак) и оказался из своих, из бывших. Не спецназ и даже не строевик, из штабных, но все-таки носивший погоны человек всегда лучше поймет другого отставника…

И казалось, что взаимопонимание действительно пришло очень быстро. Вице-директор последние вопросы задавал уже явно для проформы, и для проформы слушал ответы, и для проформы искоса поглядывал на экран – не знаю уж, какие не сообщенные в резюме и беседе факты обо мне содержало ползущее по экрану досье, я ничего не скрывал (из того, о чем имел право рассказывать), и медицинские свои проблемы тоже – с них, собственно, и начал, чтобы не терять в случае чего зря время.

Вице-директор даже достал планшетку и стило – для меня, надо полагать, для собственноручного заявления о приеме…

А затем что-то случилось. Планшетка исчезла. Вице резко поскучнел. И скучным-скучным голосом сообщил мне, что кандидатура моя, на его взгляд, самая подходящая, но один он такие вопросы не решает, дело мое будет рассмотрено коллегиально, и о принятом решении мне сообщат в недельный срок…

Каким окажется решение, я не сомневался. Поднимаясь по темной лестнице на двенадцатый этаж, ломал голову над другим: что же он там вычитал, на своем экране? Мнение подполковника-мозговеда – что бы он там ни наболтал коллегам на консилиуме – в официальные документы ЦВГ не попало, о чем мне донесла разведка в лице Милены. Тогда что?

От унылых воспоминаний о сегодняшнем фиаско и

размышлений о его причинах меня отвлек непонятный звук, раздавшийся сверху, из темноты, – негромкий щелчок.

В прежней жизни я очень не любил такие вот непонятные щелчки, ни с того ни с сего раздающиеся рядом, и реагировал на них рефлекторно. Потому что щелкнет, например, взрыватель излюбленного оружия наших сепаратистов – самопальной натяжной мины, слаженной из ручной гранаты, – и через три секунды граната взорвется, наполнив воздух своими поражающими элементами. Заодно нашпиговав ими дураков, считающих, что лучше сначала разобраться с природой щелчка, а уж потом залегать…

Но жизнь наступила мирная. Я не распластался на ступенях, цыкнув на свои рефлексы: нашли, дескать, место и время. Мало ли что тут может щелкнуть? Шахта лифта за тоненькой стенкой, и там навалом всяких реле и прочей машинерии, сейчас остывающей и пощелкивающей…

Рефлексы мне достались упрямые. И живучие – несколько месяцев на больничной койке им нипочем. Упорно твердили свое: не будь дураком, Мангуст, не то быстро превратишься в мертвого дурака.

Сверху послышался еще один звук. Списать его на шахту уже не получалось, поскольку больше всего звук напоминал тихий шорох одежды. Кто-то там был, в темноте. И поджидал меня. Или не меня, а кого-нибудь другого, случайно сюда забредшего, – вообще-то жильцы верхних этажей расписание отключений знают назубок и стараются планировать свои приходы и уходы так, чтобы пешком не топать. Но жизнь полна случайностей и ломает любые планы.

Позиция поджидавшим (или поджидавшими) была выбрана с умом. Совсем уж непроглядная тьма здесь не стояла. Окна на лестнице отсутствовали в принципе, дом строили в те времена, когда любое длительное отключение электричества в столице почиталось за ЧП. Но на каждом четном этаже тускло мерцала лампочка аварийки. Мрак эти лампочки рассеивали кое-как, однако на двух ближайших к ним пролетах мимо ступеньки не шагнешь.

Темнее всего, соответственно, было на этажах нечетных. Именно там, на седьмом, кто-то затаился… Его или их не разглядеть, а я освещен сзади, словно подсвеченная мишень в тире. Весьма малоподвижная мишень, увы.

Я остановился. Ничего не происходило. Обитатель темноты никак и ничем себя не проявлял.

Оружия у меня не было. Импульсный разрядник, разрешенный к ношению от щедрот лицензионно-

разрешительной комиссии, лежал дома. Не было оружия и это не оружие – парализовать нападавшего он мог с расстояния в метр, не больше. Обещали после двухлетнего испытательного срока выписать бумажку на боевое. Надо же проверить, не начну ли я грабить банки с этой дамской щекоталкой…

Ситуация становилась глуповатой. Я стоял и пялился в темноту. А из темноты кто-то рассматривал меня. Профессионал давно бы положил меня из бесшумки и сейчас как раз заканчивал бы выворачивать карманы застреленного, имитируя ограбление… Но прошли те времена, когда за Мангустом охотились профессионалы.

Достал из кармана связку ключей – тоненькие полоски ферромагнетика на ней соседствовали с ключами металлическими, от механических замков, охранявших мое жилье при отключениях. Механические, разумеется, не остановят профессионала-домушника, но работают профи по наводке, а у меня и взять толком нечего… Еще на связке имелся фонарик-брелок. Батарейка в нем давно села, но обитатель темноты догадаться о том не мог.

Я сделал вид, что сейчас направлю лучик света вверх, на неосвещенную площадку, – и блеф сработал. Темнота ожила: вновь послышался шорох одежды, ему вторил быстрый неразборчивый шепот… Затем прозвучали шаги – уже демонстративно громкие. Три пары ног уверенно топали по ступеням.

Комитет по моей торжественной встрече наконец-то выдвинулся на освещенную авансцену, – двоих я видел хорошо, третий предпочел остаться в темноте, за спинами коллег. Вместо хлеба-соли и хотя бы цветов члены комитета держали в руках ножи.

Я мысленно снял шляпу перед своими рефлексами, не позволившими мне оказаться на площадке в «коробочке». Здесь, на узкой лестнице, куда меньшее значение имеет численное преимущество одной из сторон и ограниченная подвижность второй.

Профессионал… Бесшумка… Тьфу. Банальный гоп-стоп. Волна уличной преступности докатилась-таки и до меня. Вернее, в данном случае волна подъездной преступности, что сути дела никак не меняет.

Лица встречающие прикрыли какими-то темными тряпками – значит, до конца, до мокрухи идти не готовы… Еще раз тьфу.

– Не спеши, дядя. Разговорчик есть деловой, – обратился ко мне гопстопщик, поигрывая ножом изрядных размеров.

Лица не видно, но судя по голосу – парень лет двадцати пяти

или тридцати. Здоровый и плечистый, но манера держать нож свидетельствуют: никакой серьезной подготовки этот организм не имеет. А нож… По задумке тесак должен был выглядеть грозно, а выглядел смешно. В прежней своей жизни клинок служил рессорой от мобиля или чем-то схожим, а затем превратился в «похожий на нож предмет» трудами старательного, но неумелого оружейника-самопальщика.

– Говори, – поощрил я, прокачивая второго.

Второй – невысокий, коренастый – был вооружен лучше. Не самоделка – фирменный нож-кастет с выкидным лезвием «тополиный лист». В умелых руках может натворить дел… Но не в этих. Никогда грамотный человек не разместился бы так бестолково – с одной стороны мешают перила, с другой – собственный напарник.

Третий оставался величиной неизвестной. Иксом в уравнении. Икс мог держать меня под прицелом, для чего и разместился на лестнице значительно выше коллег. Я не сильно опасался выстрела, не того замеса публика, но возможность такую надо учитывать.

– У тебя, дядя, пенсия очень большая, – завел речь детина и для пущей доходчивости развел руки, показывая, какая большая у меня пенсия. – Домой донести трудно. Отберут, не ровен час.

Вот как… Не случайность – наводка. Я без особого интереса подумал: где сидит их наводчик, в собесе или соцбанке? Наверное, в банке. Клерки собеса не могли знать, что я решу получить сегодня наличкой ежемесячную выплату.

Плечистый продолжал:

– Ну так вот… Мы тебя, дядя, стеречь подряжаемся. Чтобы, значит, из банка домой ходить не боялся. Половину нам – зато даже муха не подлетит. По рукам? Отслюнявь нам сразу авансец – и гуляй на квартиру, через месяц свидимся.

– Заманчивое предложение, – покивал я. – Но вынужден отказаться. Так что валите-ка отсюда, охраннички.

В былые времена такая ситуация решалась как шахматная задачка для начинающих – Мангуст начинает и выигрывает, шах и мат за полтора хода. А теперь мне приходилось провоцировать гопстопщиков на сближение… Потому что если они развернутся и побегут – ничего не смогу сделать.

Спровоцировал. Оба шагнули вперед, но загадочный третий икс так и остался в темноте…

– Крутым себя считаешь, дядя? – грозно спросил плечистый; ему казалось, что грозно.

Рука с тесаком двинулась вперед, явно ее владелец собрался приставить мне клинок к горлу или сотворить нечто не менее

глупое… Не успел. Я сломал ему руку. Глаза верзилы распахнулись широко-широко. Не от боли – сигнал от болевых рецепторов дойдет до мозга чуть позже – от безмерного удивления. Верзила не понимал, отчего его запястье, вроде бы легонько схваченное тремя пальцами, вдруг повисло, изогнувшись под прямым углом…

Любоваться изумлением противника времени не было. Потому что второй продемонстрировал неплохую реакцию и попытался полоснуть меня по ребрам. Я только и успел подставить локоть, платой за чудовищную силу правой руки стала ее относительная медлительность…

«Тополиный лист» идеально подходит для нанесения неглубоких резаных ран, после которых остается лишь дождаться, когда противник обессилеет от кровопотери. Бритвенно-острое лезвие легко рассекло рукав. Рассекло кожу и… И удар застопорился, металл заскрежетал о металл. Никогда не встречался с киборгами, парень? Ну тогда смотри, на что они еще способны…

Не знаю, что он успел рассмотреть за время своего недолгого полета… Но почувствовал в полной мере – рухнул на площадку у меня за спиной, голова хрустко ударилась о железобетон… Если везучий, выживет.

Верзилу достал-таки болевой шок… Глаза его закатились, словно пытались увидеть что-то внутри черепа. Затем мой несостоявшийся охранник начал падать. Неторопливо, словно рушащееся дерево. Вперед, прямо на меня. Я поддержал, не дал загреметь по ступеням, – не из человеколюбия, в данный момент излишнего, просто прикрывался верзилой от третьего и от его возможного выстрела.

Но нет, икс оказался самым умным из всей троицы… Загрохотал подметками вверх по лестнице. Такое развитие событий меня не устраивало – ни забег на скорость, ни возможная впоследствии вендетта с местной гопотой, – но помешать я ничем не мог. Разве что…

Связка ключей так и оставалась в моей левой руке… Я перегнулся через перила, выждал, когда силуэт беглеца появится в свете, сочащемся с восьмого этажа. Бросок! Есть, попал! Точно в голову!

Бег прекратился, и я торопливо – насколько мог торопливо – пошагал вверх. Хотя метательный снаряд достаточно увесистый, все же надолго отключить беглеца его попадание не могло. Но каков бросок, а? Большое расстояние, крайне сложная траектория, минимальное время на подготовку. Подвигами моей правой руки гордиться нечего, пусть ими кудесники из ЦВГ

гордятся, а вот этим – можно…

…Третий никакого оружия не имел, ни холодного, ни огнестрельного. И лицо под тряпкой не прятал. И вообще оказался женщиной. Миль пардон, мадам, – на войне как на войне, но и на гоп-стопе всякое случается. Никто вас силком не тащил полюбоваться, как дружки будут ощипывать лоха.

Боевая подруга гопстопщиков выглядела лет на тридцать с изрядным хвостиком. На деле, вероятно, была младше, чем казалась, – регулярное и обильное употребление спиртных суррогатов женщин не молодит…

Добавлять ей, как планировал, я не стал. Оклемается и унесет отсюда ноги – пусть считает, что повезло. А вот коренастому не повезло, и никогда уже не повезет. Хватило одного взгляда на его нелепо вывернутую шею, чтобы понять: приземление стало фатальным, медицина бессильна.

Объясняться с муниципальными правоохранителями не хотелось. У них с моей бывшей конторой вечно какие-то конфликты, терки-разборки, – не решили бы отыграться на офицере-отставнике.

У верзилы в кармане отыскался коммуникатор – я поставил его на непрерывный вызов оперативного дежурного по городу, пусть пеленгуют, приезжают и разбираются. А мне в ближайшей перспективе стоит плюнуть на экономию и поискать жилье в более благополучном квартале, с охраняемыми подъездами. Во избежание.

Ну и денек выдался, размышлял я, добравшись на свой двенадцатый и отпирая дверь. Первая пенсия, первый жмурик, собственноручно сотворенный на гражданке, первая попытка получить достойную работу, – и первый облом… Первая рана, кстати. Проверим, действительно ли искусственная кожа так быстро самовосстанавливается, как мне обещали эскулапы.

Но на сегодня новых впечатлений хватит, вечер проведу спокойно и тихо, как подобает отставной старой перечнице.

Шагнув в темную квартиру, я понял, что денек выдался и в самом деле незаурядный, да только он еще далек от завершения… Потому что совсем темной квартира не была – из-за двери гостиной пробивалась неяркая полоска света.

– Не стой столбом, – услышал я знакомый голос. – Проходи, присаживайся, чувствуй себя как дома.

Я тяжело-тяжело вздохнул. Голос принадлежал генерал-полковнику Кравцову…

Давненько не виделись.

3. Если гадаешь по костям, пусть это будут кости врагов

– Что же ты, хрен тундрючный, раньше-то про город молчал? – ошарашенно спросил Багиров.

– Нельзя. Нога зажила – можно. Тундра слабых не любит.

После секундного раздумья сержант признал правоту Ивана. И в самом деле, не стоило… А то он живо поковылял бы к городу, как только бы смог ковылять, и один Аллах ведает, чем бы такая поспешность завершилась… Тундра-то да, она такая… даже сильных и здоровых кушает, не подавившись.

– Что за город? Как называется?

– У него нет имени. Плохой город.

Сержант решил, что почти всё понял в смутном ответе. Во вселенной Ивана других городов не существует, этот единственный, и собственное имя ему ни к чему. И плохой он, ясный хрен, – ничего хорошего нет для сына тундры в городском укладе жизни, особенно в нынешнем… Хотя в каком еще городском? Ивану в здешнем безлюдье любой захудалый поселок мегаполисом покажется.

Что городов в здешних краях до Дня Станции не было, лишь поселки да фактории, Багиров знал точно. А после Катаклизма какое уж строительство… Дело в том, что сержант наконец-таки определился со своим местоположением, хоть и весьма приблизительно.

Произошло это так.

Едва оклемавшись, не встав даже на ноги, Баг начал допытываться у хозяина стойбища: где, собственно, это стойбище расположено?

Поначалу расспросы и ответы никакой ясности не внесли. Русские якобы называли здешние места просто-напросто тундрой. Про Печору ничего Иван не знал, даже слова такого не слышал.

Позже Багиров предпринял вторую попытку: справляясь у навигатора, называл новые и новые населенные пункты Коми, забираясь по карте все дальше к северу, – Иван лишь отрицательно качал головой. Ничего ему эти названия не говорили. А сержанту ничего не говорила местная топонимика, сообщаемая Иваном… Но потом мелькнуло нечто знакомое. Багиров без особой надежды поинтересовался названием гор – их здешнее, аборигенское название сориентироваться не помогло бы… Однако вышло иначе.

– Там Быранга, – сказал Иван, и название показалось

сержанту смутно знакомым. – Плохое место. Людям нельзя ходить.

Где-то и когда-то сержант слышал это название – Быранга… Но где, когда и по какому поводу – решительно не вспомнить.

А если слышал… Он не стал мудрствовать и насиловать свою память – заглянул в алфавитный указатель навигатора. Нашлась Быранга!

«Горная система на п-ве Таймыр, самая северная в России, – лаконично сообщил навигатор. – Страна Мертвых в верованиях местных народов».

Далее следовала ссылка на раздел лоции, посвященный Восточной Сибири. Увы, сам раздел отсутствовал, и карта Таймыра – тоже. – Память у приборчика не безграничная.

– Там Страна Мертвых? – спросил Багиров для проверки.

Мало ли какие бывают совпадения названий. Однажды батальон «Гамма» целую неделю квартировал в поселке Генуя, стоявшем на речке с одноименным названием. Жители, надо полагать, поголовно генуэзцы. Причем дело происходило не на солнечных Апеннинах, а гораздо ближе, в паре сотен верст от Питера.

– Страна Мертвых, – подтвердил Иван. – Живым нельзя.

– А все это, – Багиров повел вокруг широким жестом, – называется Таймыр?

– Долганы называют Туой Муора, нганасаны – Таа-Мирэ, а вы, русские, – Таймыр…

Сержант Багиров не удивился. Он и сам не заметил, когда у него закончилась способность удивляться. Может быть, вместе с НЗ. Может быть, в яме, вместе с последними ручными гранатами… Мозг констатировал странные и невозможные вещи, отмечал их, – а удивления не было. Таймыр – так Таймыр. За тысячи километров от Печоры – значит, за тысячи. Угодил сюда каким-то невероятным образом – значит, угодил. Если люди тут как-то живут, попробует выжить и он. Если как-то отсюда выбираются – попробует выбраться.

А теперь вот нечто новенькое – город на Таймыре. Сержант попытался добиться от Ивана, что за власть в том городе. Российская? Или сибирская, сепаратистская? Не преуспел. Сибирь и Россию абориген не различал абсолютно, а про город твердил одно:

– Плохое место. Не должны там люди жить.

Наконец Ивану надоели расспросы, он взял свой котелок и пошагал к чуму, напоследок сказав:

– Кушай еду. Остынет.

– Снаряжение верни, – попросил уходившего Багиров.

Иван ничего не ответил, исчез в чуме. Вопрос со снаряжением был… как бы помягче сказать… несколько болезненным. Когда сержант окончательно пришел в себя, он лежал в палатке, закутанный в местные меховые одежки и одеяла, ну прямо натуральный абориген на привале. Ни формы, ни оружия, ни снаряжения… Как Иван его раздевал и куда прибрал все имущество, Баг не помнил.

Позже, когда начал вставать, получил от хозяина обувь и ункомб – причем, что характерно, отчищенный от земли и той пакостной жижи, что полетела в яму после взрыва гранаты. Обрадовался – с универсальным комбинезоном свыкся, как со второй кожей. Да и первая, знаете ли, за месяц без бани затоскует, – Иван, похоже, водные процедуры считал излишеством, жил по принципу: грязь толще трех сантиметров сама отвалится. При таких делах спасти может только сменная подкладка ункомба, впитывающая грязь и пот (носят его без белья, на голое тело). Рано или поздно подкладка забьется и впитывать перестанет, но имелась запасная, а к тому времени, когда и та отслужит свое, сержант рассчитывал добраться до людей с более привычными понятиями о гигиене…

Еще через пару дней Багиров попросил обратно оружие – негоже, дескать, ночевать в здешних местах невооруженным. Хозяин успокоил: спи спокойно, место хорошее; у него, как видно, все места делились на две категории: хорошие и плохие. Сержант настаивал. Иван пожал плечами и принес в палатку автомат, два магазина к нему (один из них неполный), три гранаты к подствольнику и нож с обломанным кончиком. Весь небогатый арсенал.

Сержант несколько успокоился. Не то чтобы он опасался, что его здесь ограбят, – обобрать проще было беспомощного в яме, там и оставить. Да и вообще Иван казался человеком *правильным*… Но кто знает, какие тут бытуют обычаи? Может быть, имущество спасенного принадлежит спасителю на вполне законных основаниях?

Для проверки Баг попросил навигатор (пришлось долго растолковывать, что это). Иван вернул. Баг попросил аптечку (такое слово оказалось хозяину знакомо). Иван наотрез отказал. Нельзя, дескать, лечению помешает.

Сержант решил отложить окончательное решение вопроса на потом. Что при нужде сумеет получить свое силой, не сомневался. Но портить отношения ни к чему.

Отобедав, Багиров послушно отдыхал и набирался сил. Заодно монотонно гонял десантный нож по камню-голышу, подобранному в верховьях распадка, – пытался заострить

обломанный кончик. Молекулярная заточка поддавалась примитивному точилу очень плохо, но постепенно импровизированная отвертка снова превращалась в боевой клинок.

В палатку просунулась голова Ивана.

– Пойдем.

Багиров пошел, не спрашивая куда.

Тактический комплект «Рысь-14» лежал на сухом склоне распадка, вокруг – все причиндалы, к нему прилагающиеся. Все на месте, все цело. И шлем, и броник чистые, ни следа той мерзко воняющей гадости – не то крови чудища, не то того, что заменяло ему кровь…

– Забирай, – коротко велел Иван.

Багиров не удержался, тут же активизировал аптечку в режиме диагностики. Перелом и даже следы перелома электронный доктор не обнаружил, но не удивился ввиду отсутствия такой функции. Мало того, не обнаружилось никаких следов огромной гематомы, вызванной внутренним кровотечением, – а от нее, по науке, Багиров сейчас бы умирал даже без всякого перелома, умирал бы в муках, криком заходясь от болей в ноге, распухшей, как бревно. Ай да Иван, ай да светило туземной медицины!

Распихивая имущество в карманы, кармашки, чехольчики и держатели, Багиров засомневался: получается, что Иван кормил, поил, лечил его бесплатно? Да еще и обстирывал? И снаряжение отчищал?

Надо отблагодарить, отдариться, а то не по-людски как-то… Но что выделить из небогатых запасов, сержант не знал. Оружием и боеприпасами поделиться никак невозможно. Вся электроника Ивану ни к чему, тем более почти разряженная.

Тяжко вздохнув, Баг решил пожертвовать оставшиеся в аптечке карпулы, подробно растолковав, что означает цветомаркировка на каждой. Вздохнул еще раз и решил добавить мини-лебедку. Тридцать метров леера – тоненького, но слона на нем подвесить можно, – такая веревка в любом хозяйстве полезна, хоть в самом первобытном.

Жертвы оказались напрасными. От даров Иван наотрез отказался.

– Я тебе не для подарков помогал.

– А для чего?

– Так надо.

– Для чего надо? – настаивал Багиров.

Иван соизволил растолковать:

– Тебе силы нужны. Оружие нужно, все нужно. Ты в город

придешь. Тебя убивать будут. А ты их убьешь.

Вот как… А он-то рассчитывал найти в городе (наверное, все же в поселке) помощь, связь с Большой землей, много чего рассчитывал найти… Хотя сценарий Ивана вполне реален, надо признать. Если сидят там сибиряки-сепаратисты, то чужака, да еще в форме «манула», прикончить постараются сразу, не задумываясь о том, как он здесь оказался и что замышляет. Но сержант надеялся, что в эти далекие края не дотягивается власть ни Питера, ни Новосибирска, что выживают тут люди сами по себе и уж как-нибудь он с ними столкуется…

– А если не будут убивать? – спросил Багиров.

– Будут, – с непоколебимой уверенностью ответил Иван.

Помолчал и добавил:

– Место плохое. Нельзя там жить, Страна Мертвых близко. Люди плохими становятся.

– Так где же этот город? У гор?

– Там, – показал Иван на юго-восток.

Сержант прикинул направление, прикинул расстояние, что можно покрыть за день пути… Город (что бы ни понимал Иван под этим словом) находился в южных предгорьях Быррангы, в местах холмистых, возвышенных.

– Убить всех можешь, да? Злой город. Нельзя никого оставлять.

Лихо… Перебить в одиночку или вдвоем население целого города, даже если на деле это поселок… А Иван-то хорош… На вид тихий-мирный житель тундры, а сам натуральный геноцид затеял устроить. Да еще чужими руками.

– Можешь, да? – допытывался Иван.

Сержант не стал ему морочить голову. Все-таки спаситель, и кто знает, какие старые счеты здесь между жителями города и тундры. Может быть, потому и живет Иван в одиночестве, что всех родных и близких перебили городские. Но он, сержант Багиров, в местных разборках сторона нейтральная. Как говорится, свои дерутся, чужой не встревай… И если его не тронут, затевать бойню он не станет. Особенно с двумя неполными магазинами.

Примерно так он Ивану и объяснил свою гражданскую позицию.

Иван долго молчал, размышлял о чем-то. Может, придумывал какие-то новые доводы, способные убедить Багирова. Или сожалел о времени и усилиях, зря потраченных на сержанта, не оправдавшего надежд.

– Пойдем, – сказал Иван и пошагал к чуму.

– Куда и зачем? – настороженно спросил сержант.

– Узнаем, что будет, – Иван откинул полог, пригнулся,

нырнул внутрь чума, сделав Багирову приглашающий жест.

…Все-таки он здесь бывал… Или нет? Сержант не мог понять – вроде похож чум, а вроде и не совсем, вроде прошлый раз больше показался. Хотя ему в том состоянии могло что угодно показаться и примерещиться.

В прошлый раз (если он действительно был, тот прошлый раз) в чуме пылал небольшой костер – и пламя, и угли были неестественного зеленого цвета. Иван сидел неподвижно у огня, лицом к Багирову. Сержант лежал напротив, сидеть он не мог, на Ивана смотрел сквозь языки зеленого пламени, – и виделось ему, что происходят с лицом аборигена вещи странные: оно плыло, изменялись черты и пропорции, порой перед Багировым мелькал на мгновение лик ангельской красоты, чтобы тут же смениться уродливой страшноватой гримасой.

Даже этого хватало, чтобы придать наблюдаемой картине сверхъестественный оттенок.

Но Иван еще и пел, причем казалось, что на самом деле он лишь раскрывает рот под фонограмму. Высокий и чистый мужской голос – ничего общего не имеющий с надтреснутым тенорком Ивана, – выводил странные мелодичные трели.

Пение завораживало сержанта. Гипнотизировало. И почудилось, что на песню накладываются далекие голоса, подпевающие в унисон… По наклонным стенкам чума метались тени – черные, резкие, сплетаясь не то в схватке, не то в пляске. Что за тени? Откуда? Ведь оба, и гость, и хозяин, оставались неподвижны…

Что было потом, как он покинул чум, сержант не помнил. Позже, поразмыслив, решил: или все привиделось от начала до конца, или видения начались уже в чуме: швырнул Иван в огонь какую-то наркоту, зелье шаманское, и поползли глюки.

Так что сейчас держался Багиров настороже. Правоверным с такими штучками лучше не связываться, сам не заметишь, как вместо гурий в раю заработаешь огненную бездну Джиханнама… В чум он сунулся, любопытство одолевало, но решил: начнется что-нибудь подозрительное, тут же уйдет.

Но на сей раз все происходило буднично. Очаг в чуме не горел, освещалось жилище лишь сквозь отверстие дымохода. Не слишком ярко освещалось, и сержант толком не заметил, откуда хозяин выудил круглый и плоский металлический предмет, блестящий, надраенный, – не то щит, не то поднос. Разместил его горизонтально возле очага, на хорошо освещенном месте, тщательно выровнял.

Багиров присмотрелся и понял: не поднос, крышка от какого-то агрегата, приспособленная Иваном для своих надобностей, вон

и следы от креплений остались…

А Иван уже достал второй предмет – небольшой кожаный мешочек, распустил тесемку, встряхнул несколько раз. В мешочке что-то глухо побрякивало. Быстрое движение – и содержимое посыпалось на металл. Фигурки, небольшие, цилиндрические, с фалангу пальца размером, вырезанные не то из кости, не то из моржового клыка.

Иван молча и внимательно изучал хаотичную на первый взгляд россыпь фигурок. Гадание, понял сержант. Местный эквивалент карт Таро и кофейной гущи. Проку от таких штук мало, но и вреда особого нет.

Он придвинулся поближе, присмотрелся. Фигурки напоминали шахматные, только у тех одно основание, а у этих две плоские закругленные поверхности, сверху и снизу. Между основаниями были вырезаны условно-стилизованные изображения людей и животных. Слишком уж стилизованные, по мнению сержанта. Оленя он кое-как опознал, в основном по ветвистым рогам, углядел пузатую рыбу, и вроде как зайца или кролика, в общем, кого-то ушастого.

Остальные персонажи остались неузнанными. Впрочем, не всех можно было хорошо разглядеть – одни фигурки встали на основания правильно, другие – вверх тормашками, третьи лежали на боку, полностью или частично прикрытые своими костяными собратьями. Багиров отметил, что костяшки разнятся не только изображениями, но и цветом – одни белые, словно вчера вырезанные, другие пожелтели в большей или меньшей степени. Некоторые, наверное, самые древние, приобрели почти коричневый оттенок.

– Тихо сиди, – предупредил Иван; руки его быстро-быстро замелькали, раскладывая и сортируя фигурки.

Одни он складывал обратно в мешочек, другие выстраивал рядами на двух противоположных краях крышки, как будто вознамерился сыграть в шахматы на круглой доске без клеток. Пальцы Ивана работали удивительно ловко, словно каждым из них управлял микропроцессор, рассчитывающий движение до микрона: ни разу, забирая из кучки фигурку, он не зацепил, не стронул с места соседнюю.

Вскоре сержант понял принцип сортировки: те фигурки, что встали правильно, оставались на месте, на край отправлялись перевернутые, в мешок – упавшие боком. Центральная россыпь постепенно уменьшилась в размерах, но порядка в ее расстановке, естественно, не добавилось.

Иван закончил переборку и теперь рассматривал ее результат так и этак, склоняя голову то к правому плечу, то к левому.

Багиров, ничего не понимавший, больше поглядывал на хозяина. Оказалось, что он впервые видит Ивана с непокрытой головой, ни разу до сих пор тот не стягивал с головы меховой капюшон… Или все же стягивал – тогда, во время пения у зеленого костра? Багиров не помнил, да и не поручился бы за точность тех воспоминаний…

Сейчас Иван откинул капюшон, распустил волосы, – оказалось, что они у него длинные, будто у женщины, и чем-то скреплены на затылке. Среди черных как смоль прядей резко выделялась одна, седая до снежной белизны, свисавшая за левым ухом. Едва ли это был признак солидного возраста, сержант знал: и у молодых изредка случается такая частичная седина, иногда после ранения в голову, иногда вообще не пойми от чего.

– Смотри, – негромко велел Иван, кивнув на получившуюся композицию. – Тихо сиди и смотри.

Багиров уставился на фигурки. Что тут можно высмотреть? Да что угодно, как на тестах у психологов, где хоть тресни, но разгляди в идиотских кляксах что-нибудь осмысленное.

Затем внимание Бага привлекла одна фигурка, стоявшая наособицу от остальных. Беленькая, совсем свежая, – и застывшая в неустойчивом равновесии. Наклонилась, словно собираясь упасть, да так и не упала. Соседние фигурки наклонившуюся не подпирали. Чудно́… «Магнитик какой-то?» – подумал сержант и тут же отмел неуместную мысль. Скорее у резчика (у Ивана?) дрогнула рука и появилась у фигурки лишняя грань, маленькая, наклонная, – на ней-то и стоит.

– Ты, – негромко сказал Иван, взглядом показав на фигурку. – Человек снизу.

Багиров аккуратненько, стараясь даже не дышать слишком глубоко, наклонился и рассмотрел костяшку получше. Хотел возмутиться: да разве я такой?! Но не стал… Художники по-своему видят мир, понятное дело. Данный конкретный художник видел данного конкретного сержанта как голову с неимоверно щекастой физиономией, словно разнесенной флюсом сразу с двух сторон.

– И что? – шепотом спросил Баг.

– Не видно, что будет. Про тебя не видно. Две дороги, вниз и вверх. По какой пойдешь, не видно.

– Так что делать? Как дорогу выбирать? – спросил Баг, не то чтобы он уверовал во всю эту хреномуть, но поневоле заинтересовался.

– Не спрашивай, – сказал Иван, немного помолчал и добавил совершенно нелогично: – Спрашивай.

Последнее слово он произнес изменившимся голосом, –

низким, чуть ли не басом.

Сержант спросил:

– Дороги вверх и вниз – это в горы и к морю?

– Нет. В Верхний мир и в Нижний мир. В Рай и в Ад, если по-вашему.

Голос звучал по-прежнему низко, утробно. Сержант всмотрелся в лицо своего собеседника: глаза прикрыты, веки опущены, а рот полуоткрыт. Губы едва шевелятся, почти незаметно… Чревовещание натуральное.

– Я, пожалуй, Рай выберу, – сообщил Багиров.

– Не ошибись. Средний Мир сдвинулся и перепутались дороги. Ад может оказаться на месте Рая.

– Разберусь, – пообещал Баг. – А с городом-то что? Прояснилось дело?

– В городе смотри вперед и назад. Не ешь, не пей и не спи. И помни, что четыре глаза лучше, чем три, а железный человек опаснее железной птицы.

– Что, что ты там про глаза? – заинтересовался Багиров,

– Четырехглазого не убивай, он поможет убить трехглазого, – пробасил Иван.

– Сморчок ты тундряной… – возмутился Багиров. – А твердил, что слыхом о трехглазом не слыхивал!

От возмущения он подался вперед, невзначай задел коленом край гадательной крышки. Две или три фигурки упали, и та, щекастая, тоже. Иван тут же открыл глаза.

– Так что ты про трехглазого говорил? – допытывался сержант.

– Ничего не говорил, – произнес Иван обычным своим тенорком. – Другой тебе говорил. А теперь спать иди. Завтра рано встаем.

– Нет, ты мне сначала…

– Иди!!! – рявкнул Иван, аж стены чума задрожали.

Сержант пошагал к палатке, недовольный и раздосадованный. Другой… Ищи дураков, глядишь, и поверят… Все предсказатели жулики, и этот не лучше. Ладно хоть пророчил бесплатно…

Завалился в палатку, думал еще поточить нож, время было не позднее. Но едва оказался внутри, в сон потянуло со страшной силой… Приснилось сержанту четырехглазое чудище – гналось за ним по ночной тундре, но все никак не настигало. Здоровенное, но бесформенное какое-то, очертаний не разглядеть в сумраке, лишь четыре глаза светились, словно фары мобиля, – два слева, два справа, широко разнесенные.

Чудище что-то кричало вслед убегающему Багу, причем

голосом Ивана, но ни слова было не понять, язык незнакомый… Не то действительно хотело помочь одолеть трехглазого монстра, не то сожрать наладилось.

Дурной сон. Хотя, если разобраться, явь здешняя ничуть не лучше…

4. Яволь, герр экселенц!

Глупо было рассчитывать, что глава ОКР и фактический диктатор России генерал-полковник Кравцов заявится домой к отставному майору Дашкевичу, откроет отмычкой дверь и засядет в квартире, попивая чаек и терпеливо дожидаясь хозяина.

Я и не рассчитывал. И примерно представлял, что увижу, когда войду в гостиную.

Не ошибся… В гостях у меня кто-то побывал, сомнений нет, – пришел и ушел. Но, в отличие от большинства непрошеных и тайных визитов, хозяйского добра после этого посещения не убавилось. Напротив, меня можно было поздравить с прибытком – на столе появилось устройство, внешне напоминавшее минивизор седьмого поколения. Хотя я подозревал, что электронная начинка в штуковине куда сложнее, чем в стандартном минивизоре.

В любом случае именно этот прибор приветствовал меня голосом генерала Кравцова. На экране, соответственно, красовалось генеральское изображение анфас, – а на заднем плане виднелась обстановка генеральского кабинета.

– Не стой столбом, подключайся, – поторапливал генерал. – Кабель слева.

Тоненький и полупрозрачный проводок мудрено было заметить сразу, гостиную освещал лишь мерцающий экран. Я подключился – подсоединил провод к разъему «балалайки» – закрыл глаза и оказался в виртуальной реальности.

Для разговора генерал мог выбрать любую обстановку, хоть амазонскую сельву, хоть лунный кратер. Однако предпочел мою собственную гостиную, скопированную в точности, только не стоял на здешнем столе якобы минивизор, но в качестве компенсации мне был предложен виртуальный двойник генерала, удобно расположившийся в кресле. А еще комната оказалась хорошо освещена и идеально убрана, – нигде ни соринки, ни пылинки.

Интересно, остальные помещения квартиры тоже отсканированы? Смогу я, не покидая виртуальность, прогуляться на кухню? Я протянул левую руку, коснулся виртуальной спинки стула – пальцы ощутили реальную спинку в ожидаемой точке. На ощупь передвинул реальный стул – виртуальный тоже сместился, но с крохотной задержкой. В пространстве обе гостиных совпадали идеально, но во времени были несколько рассогласованы…

– Хватит баловаться, присаживайся и поговорим, – хмуро произнес виртуальный генерал.

Я присел. Генерал сидел напротив. Казалось, сейчас он достанет из кармана колоду и предложит перекинуться в картишки. Чем еще заняться главе ОКР под конец рабочего дня?

– Конечностями, как я понял, ты владеть научился, – заявил Кравцов полуутвердительно. – Чужие руки ломаешь, как спички.

Вот оно что… Может, зря я грешил на наводчиков, окопавшихся в собесе или соцбанке? Может, наводчик сидел в другой конторе?

– А руку, например, не сломать, а пожать без членовредительства сможешь?

Вместо ответа я открыл глаза и вновь оказался в своей реальной темной гостиной. Протянул руку, нащупал два ореха в стоявшей на столе вазе. Орехи самые обычные, собранные с лещины, в изобилии растущей в наших лесах. По совету врача из реабилитационного центра они служили мне тренажером для домашних упражнений.

Я раздавил двумя пальцами один орех, раздавил второй, – правой рукой, естественно. На блюдечко легли обломки скорлупы и абсолютно целые ядрышки. Сколько орехов превратились в труху, в кашицу, пока я научился достигать такого результата, – не сосчитать.

– Угощайтесь, – предложил я генералу, вновь опустив веки. Не без издевки предложил, прямо скажем.

Виртуальные ядрышки появились на блюдечке с секундным опозданием, но все же появились.

– Благодарствую, сыт.

Возня с орехами дала время собраться с мыслями. Процесс сей не затянулся, поскольку мысль в голове бродила одна-единственная: за каким дьяволом генерал организовал свой виртуальный визит? Желает предложить должность в штабе? Ему это раз плюнуть. Один звонок – и эскулапы бегом соберут новую комиссию и установят, что физические кондиции бывшего майора Дашкевича позволяют означенному майору взбираться на Эльбрус и нырять на дно Марианской впадины, причем без акваланга. И военная служба ждет с нетерпением такого ценного кадра.

Но при подобном раскладе непонятно, к чему вся эта возня с установленной в моей квартире аппаратурой… Разговор наш, происходивший в виртуальной гостиной, подслушать никто не мог, – в отличие от гостиной реальной. Но не проще ли пригласить отставника Дашкевича в ОКР? Кабинеты там защищены от прослушки не менее надежно.

Получается, что генерала мой визит в ОКР не устраивал… Опять какие-то закулисные игры? Да какой из меня теперь игрок… Отыграл свое.

Новый вопрос Кравцова прервал мои попытки проанализировать ситуацию.

– Почему ты ходил сегодня в «Севзапразведку»?

Вот как… У меня появилось отчетливое желание послать куда-нибудь бывшее начальство… В пресловутую «Севзапразведку», например. Если уж генерал контролирует все мои телодвижения, то пусть сам выясняет – почему.

Но я сдержался. Решил: выслушаю все, что мне предложит его превосходительство. А он что-то предложит, сомнений нет. Выслушаю – и пошлю его далеко-далеко. Хватит, погеройствовал досыта – за висюльки на грудь и за биомеханические протезы… На штабной работе ничего мне не светит, кроме геморроя. Денег на операцию уж точно не заработаю в ближайшие полвека, даже если буду аккуратнейшим образом откладывать жалованье, не проживая ни рубля.

И я очень вежливо объяснил генералу:

– В СЗР я пытался устроиться на работу.

– Я не спрашивал, зачем ты туда ходил. Я спросил: почему? Не хватает пенсии? Она у тебя, со всеми твоими надбавками, не меньше оклада строевого полковника.

– Денег много не бывает, – вздохнул я. – Всегда хочется большего.

Не объяснять же генералу, какие огромные премии полагались в «Севзапразведке» участникам экспедиций за открытие новых нефтегазовых месторождений, порожденных Толчком. Огромные – потому что в наше время экспедиции крайне редко возвращаются с радостными известиями. Гораздо чаще не возвращаются вообще…

Но Кравцов и сам мог без труда сообразить, что я позабыл у геологоразведчиков, – один из немногих реальных шансов заработать необходимую мне сумму без явного криминала. И он сообразил. Или не стал утруждаться, просто имел полную информацию о моем визите.

– Нужны деньги на операцию? – блеснул дедукцией генерал.

– А что, при ОКР открылась касса взаимопомощи для отставников? – ответил я вопросом на вопрос.

Виртуальный генерал посмотрел на меня нехорошим взглядом. Спросил очень тихо, очень спокойно:

– Считаешь себя обиженным? Использованным и выброшенным за ненадобностью? А ты, случаем, не встречал других инвалидов-отставников? На инвалидных колясках? Записавшихся в очередь на протезы? На обычные протезы, не биомеханические?

Я не стал отвечать, сочтя вопросы риторическими. Возражать

не хотелось. В чем-то генерал прав: если сравнить отставного майора Дашкевича с бесчисленным множеством прочих майоров, лишившихся на службе здоровья, а то и конечностей, – тогда конечно, грех обвинять ОКР и лично его главу в неблагодарности. Но я сравнивал себя не с калеками – с самим собой годичной давности, до командировки на проклятый ледяной остров. И хорошо помнил, кто организовал мне эту командировочку. В такой же вот приватной беседе…

Кравцов помолчал. Затем, очевидно, решил, что я проникся достаточно и заговорил другим тоном, насквозь деловым:

– Фонд помощи отставникам при ОКР имеется, однако его устав не про тебя писан. Но все же помочь я могу…

Он замолк на самом интересном месте. Не иначе как мелкая генеральская месть за предложение отведать виртуальных орешков…

А отставной майор Дашкевич вдруг понял, какой он идиот.

Ведь прозвучал ясный намек на консилиуме, но я его проигнорировал… Лысый эскулап открытым текстом сказал: интересующие меня операции проводились не только в доступных (пусть и не для всех) клиниках. Но и в учреждениях засекреченных, в клиентах со стороны не нуждающихся, рекламу не публикующих… Кто сказал, что таких секретных заведений не было в России? А если были, то могли уцелеть. Тысячекилометровая полоса вдоль меридиана станции угодила в мертвую зону при Катаклизме и избежала разрушений.

Если в кармане генеральского кителя и в самом деле лежит такой большой пряник, я готов выслушать все предложения Кравцова. И принять. Могу даже исполнить должность дежурного офицера в генеральской приемной: затачивать карандаши его превосходительству, кофе горячий подавать… Но без интима.

Кравцов молчал, явно дожидаясь моего заинтересованного вопроса. И я спросил. Я не гордый. Иногда, при определенных обстоятельствах.

– Нет таких клиник в России, – покачал головой генерал. – Но есть возможность заработать на лечение в Цюрихе.

– Что надо делать?

– Принять участие в одной любопытной охоте… В том случае, если она успешно завершится, участники получат призовые – больше, чем платит СЗР за находку нефти.

– И началась самая увлекательная из охот, охота на человека… – процитировал я сам не помню кого. – Боюсь, что охотник на людей из меня теперь никудышный. Разве что опытом могу поделиться с молодыми и хваткими.

– Ты не понял. Охота настоящая. На крупного и опасного

зверя. На уникального, можно сказать реликтового. И в крайне неблагополучном регионе… Потому так высоки премии участникам.

– Я согласен. Что надо делать? Загонщик из меня аховый, но могу подносить патроны стрелкам-сахибам. Кто они, кстати?

– Не они – он.

И генерал поведал мне о последнем Великом Охотнике, решившем организовать последнее Большое Сафари в рушащемся и разваливающемся на куски мире.

5. Стоит в тундре теремок, он ни низок, ни высок

Сказав, что в город они пойдут, Иван не совсем точно обрисовал грядущее путешествие. Пешком шел в город лишь сержант, а его спутник ехал верхом на учаге. Причиной такой несправедливости стали ТТХ рогатой скотинки. Вернее, одна из ТТХ – малая грузоподъемность.

Северный олень – не лошадь, и на спину к нему не взгромоздишься, – хребет у животины сломается. И сидел Иван на холке своего учага так, чтобы основная нагрузка приходилась на передние ноги оленя. Багиров для такого способа езды не годился, слишком тяжел.

Даже Иван, весящий вдвое меньше, мог везти с собой лишь небольшой груз, а когда отправлялся верхом на родник с сорокалитровой флягой, то брал двух учагов и на второго вьючил наполненную емкость. Он и Багирову предложил взять с собой вьючного оленя, нагрузив его оружием и снаряжением сержанта, все-таки полегче шагать будет.

Баг поразмыслил – и отказался. Мало ли какие встречи по дороге случатся, если придется сразу в драку вступать, облачаться в тактический комплект будет некогда. Иван настаивать не стал. Он, возможно, тоже считался с вероятностью нежелательных встреч в пути, – прихватил с собой карабин. До сих пор сержант оружия серьезнее ножа у хозяина не видел.

Карабин, не иначе, справил свой столетний юбилей еще до появления на свет младенца, которому суждено было стать сержантом по прозвищу Баг. Где Иван раздобывает патроны к своей древней заслуженной машинке, Багиров не мог представить. Разве что сам отливает пули и снаряжает стреляные патроны по второму разу, и по третьему, и по четвертому… – гильзы раньше штамповали прочные, металла не жалели. Хотя можно жить и старыми запасами, стреляя пару раз в год по большим праздникам…

…Так и двигались: Багиров – бодрым походным шагом, рядом, не отставая и не обгоняя, трусил на своем рогатом иноходце Иван. Иногда он спешивался и вел учага в поводу, давал отдохнуть животине.

Разговаривали – а чем еще заняться долгой и скучной дорогой? – но толку от тех разговоров было немного. Сержант в основном расспрашивал о городе, Иван в основном отмалчивался или отвечал крайне уклончиво. Но одно сказал сразу, еще не

покинув стоянку: в город он не пойдет, доведет туда Багирова, – и обратно. Нельзя ему туда. Плохое место.

Путь лежал по холмам, невысоким и очень пологим, но постепенно они становились выше и круче. Горы Быррангы нависали справа, снежные языки с их склонов за минувшие недели сошли, растаяли, – и выглядела горная страна еще мрачнее, чем раньше. Темная, безжизненная, ни следа горных лесов или альпийских лугов, – сплошь камень да камень. Неудивительно, что местный народ придумал легенду, что именно туда, в Быррангу, уходят души мертвых. Самое подходящее для мертвецов местечко…

В середине дня устроили привал, хорошенько отдохнули и подкрепились. Оказалось, что аборигены знают толк в сухом пайке – Иван выдал сержанту две непонятные палочки вроде пастилок: кушай, дескать, вот обед твой. Попробовав, сержант решил, что сделаны «пастилки» из мяса, завяленного досуха и перетертого в порошок, с добавлением ягод, высушенных и тоже перетертых. На вкус не очень, но сытные, силы неплохо подкрепили, – и в то же время никакой лишней тяжести в желудке, – хоть сейчас вставай и шагай дальше.

Багиров и пошагал бы, ему не терпелось попасть в город. Но Иван не позволил – учага беречь надо, пусть передохнет, ягель пощиплет. В результате отдых растянулся часа на полтора.

После привала натолкнулись на первый след цивилизации – с вершины холма Багиров углядел вроде как грунтовую дорогу, протянувшуюся внизу и постепенно забиравшую к северу, к горам. Удивился – Иван как-то говорил, что дорог в тундре нет, одни лишь направления. Даже зимой нарты след в след не ездят, зимник не накатывают. Почему? Так надо.

Их «направление» пересекалось с этой как бы дорогой, но, когда подошли вплотную, сержант понял: никакая это не грунтовка, одна машина проехала и один лишь раз. Гусеничная машина, и едва ли боевая, военных действий с применением бронетехники тут никогда не случалось. Вездеход на гусеничном ходу, скорее всего…

Причем давненько проехал, следы от траков исчезли, и две колеи превратились в две канавки, в низменных местах заполненные водой. Шрамы, оставленные гусеницами, тундровая растительность затягивает десятилетиями… Ранимая она, тундра.

Недаром для здешних и похожих мест в конце концов «Старателя» придумали – он и проходимость подходящую имеет, и своими колесами тундру не калечит, – они хоть и литые, но из мягкого пористого материала… Эх, ему бы, Багирову, сейчас один «Старатель», да с полными баками, да канистрами доверху

загруженный… Махнул бы на Большую землю, не задумываясь, послав к шайтану плохой город и жителей его непонятных.

Мечты, мечты… Хотя с брошенного вездехода запчасти ведь не просто так свинчивали? По логике вещей детали забрали для других однотипных машин, еще действующих. Может, до сих пор осталось что-то в рабочем состоянии? И как раз в поселке, который Иван именует городом? И запас топлива в заначке имеется?

Шанс хилый, конечно. Но в то, что за ним прилетит помощь из России, сержант уже не верил. Даже чтобы отдать под трибунал за дезертирство – не прилетят. Самолету здесь сесть негде, а чтобы добраться вертолетом, надо последовательно оборудовать несколько промежуточных посадочных площадок, горючее на них завозить, и кому-то горючее охранять, поскольку хотя бы пара площадок окажется на землях, контролируемых (пусть и формально) сибирскими мятежниками… Слишком много чести для одного сержанта.

– Пришли, – сказал Иван и слез с учага.

Баг не понял. Посмотрел вперед, по сторонам, никакого города не увидел… И поселка. И даже одинокого домика. Или тут в тундре юмор такой специфичный, или город откроется с вершины холма, до которой они самую малость не добрались, – а Иван просто бережется, опасается злых жителей злого города.

Правильным оказался второй вариант. Иван снял с учага немудреную упряжь, отпустил пастись, взял на изготовку карабин – всю дорогу мирно висевший за спиной дулом вниз. К вершине они отправились пригнувшись, а последние двадцать метров – вообще ползком.

…По здешним меркам это и в самом деле был город: навскидку с полсотни домов живописно раскинулись по склонам двух ближних холмов… Причем несколько двухэтажных, а один аж в три этажа! И пусть смеются над таким «небоскребом» жители более теплых широт, избалованные многоэтажками. На здешней вечной мерзлоте три этажа – чудо невиданное и диво неслыханное…

Но беда не обошла чудо-городок стороной. Дома не просто раскинулись по холмам, многие еще и рассыпались, лежали грудами обломков… При нынешней сейсмоактивности неудивительно, наверняка случались тут землетрясения и пострашнее тех, что довелось ощутить сержанту за три недели…

Он зачем-то пересчитал уцелевшие дома. Оказалось их ровно двенадцать, дюжина. Впрочем, какие-то еще строения, целые или разрушенные, могли скрываться за складками местности.

Но вот что удивительно: сохранились здания самые большие,

трехэтажный «небоскреб» в том числе… Изначальные размеры разрушенных домов определить было труднее, но Багирову показалось, что домишки небольшие – одноэтажные хижины, не более того.

И еще какая-то странность имелась… Что-то не так, неправильно… А что именно – не понять. Он повернулся к Ивану, молча лежавшему неподалеку, но отвернулся, ничего не спросив… Ну его, заведет свою вечную песню: злой город, жить нельзя, место плохое, люди плохие…

Сержант снова стал рассматривать городок, пытаясь углядеть хоть какие-то признаки жизни. Ничего не увидел. Ни людей, ни оленей, ни собак, ни какой-либо еще животины. Ни единого дымка из труб… Хотя последний признак ничего не значит, время теплое…

Зато вращались ветряки на вершине холма, – несколько стандартных ВГД-500 на ажурных решетчатых фермах, неизвестно как выживших во всех катаклизмах. Или не выживших, а восстановленных… Ветрогенераторы, да еще и на ходу, – значит, электричеством он разживется, и не важно, остались в городе живые или нет.

Повеселев, сержант включил электронный бинокль, наплевав на экономию. Городок скачком приблизился, и сержант понял вдруг, что видит самое настоящее сокровище. В других местах почти ничего не стоящее, а здесь – несметное.

Разрушенные домишки лежали грудами кирпича и бревен… Бревен! Багиров как-то поинтересовался, откуда аборигены берут древесину, если деревья здесь даже на кусты не тянут. Но каркас чума, нарты, имевшиеся на стоянке Ивана… Колья, в конце концов, из той ямы… Не из строевого леса сооружены, но из вполне приличных жердин. Неужели их аборигены возят издалека, с южного края тундры?

Иван поведал, что деревья здесь все-таки встречаются. Есть, дескать, заповедное местечко Арымас, растут там лиственницы, – невысокие, тугорослые, за полтора века вырастают с Багирова ростом. Зато древесина очень твердая и не гниет практически. Понятно, как дорожили местные этим единственным на сотни, даже тысячи верст лесочком…

А тут – просто залежи деловой древесины. И на вид бесхозной и никому не нужной… Неужели все аборигены, как один, не суются в «плохое место»?

Ладно, с сокровищем он разберется позже. А сейчас надо все-таки постараться разглядеть признаки присутствия горожан. Багиров выставил увеличение на максимум, начал рассматривать дома по отдельности, начиная с уцелевших, естественно.

Показалось или за одним окном действительно что-то мелькнуло? Еще раз мелькнуло… Есть живые… Он повернулся к Ивану, чтобы поделиться своим открытием, и…

Ивана рядом не было. И поодаль не было. Нигде не было…

Багиров отполз от гребня, затем, пригнувшись, сделал пару перебежек. Выпрямился, внимательно оглядел все вокруг. Ни Ивана, ни учага.

Вот ведь тундрюк… Как сказал, так и сделал, привел и ушел, – но мог бы уж и попрощаться по-человечески… Но как он сумел столь быстро улизнуть? Вроде только что рядом лежал… Никак не должен был умахать за пределы видимости. Залег где-то рядом в ложбинке и учага своего уложил? Но за каким хреном?

Заинтригованный, сержант включил биодатчик. Иван тут же нашелся. Ну, или объект, примерно соответствующий ему массой… Рядом, метрах в восьмидесяти, за одним из боковых отрогов этого же холма. Один, без оленя. Наверное, животина щиплет свой ягель тоже в какой-нибудь лощинке, но за пределами зоны обнаружения.

Значит, не сбежал Иван, бросив Бага в одиночестве, разведывает что-то…

Обогнув отрог, Багиров понял – что.

Здание, бревенчатое, довольно обширное, но невысокое, приземистое, идеально вписанное в местность, только с одной стороны и можно увидеть. Багиров тут же залег, изготовился к стрельбе.

Сквозь толстые бревна датчик Ивана бы не нащупал, но оказалось, что абориген находится вплотную к строению, исследует его заднюю стену… Значит, непосредственной опасности нет. Напротив, выглядит бревенчатая халупа мирно, даже демонстративно мирно. Широченные двустворчатые двери призывно распахнуты, но проход внутрь перегораживала еще одна преграда – невысокий, по пояс, деревянный барьерчик. За ним виднелось обширное помещение, не пустое, чем-то заваленное, заставленное и загроможденное. Людей не видно. Над дверями – здоровенная вывеска, на вид новенькая, словно вчера нарисованная: ѲАКТОРІЯ.

Буквы ровные, рука у художника не дрожала, но с грамотностью дело обстояло не лучшим образом. Умудрился влепить в одно слово сразу две ошибки: написал латинское «i» вместо русского «и», а с первой буквой вообще произошло что-то странное – завалилась набок и потеряла нижнюю часть палочки. Ниже буквами поменьше, латиницей: TRADING-POST.

Выглядела фактория просто, но при этом как-то… нарядно, что ли… гармонично выглядела.

Рассматривая ее, сержант понял, что за неправильность зацепила его при осмотре городка. Он ее сразу не смог сформулировать, просто отметил: что-то не так. А теперь сообразил: то же, что и здесь… Нарядность и гармония. Городок выглядел красиво, но при этом абсолютно нефункционально. Словно планировкой занимался талантливый архитектор, озабоченный лишь одним – наиболее живописно раскидать строения по склонам. А на все остальное неведомый архитектор плевать хотел. На длину кабелей, протянутых между домами, и прочих коммуникаций. И на то, например, как жители городка будут добираться из дома в дом зимой, в буран, при нулевой видимости…

И с факторией тот же подход чувствуется… Стоит красиво, спору нет. Живописно. Но от солнца большую часть дня закрыта, и на отопление с освещением гораздо больше энергии уходит. А зимой балочку снегом до краев заметет, по глубокой траншее к дверям ходить придется… И заново прокапывать ту траншею после каждого снегопада.

Обитатели живописного здания (если кто-то в нем обитал) никак себя не проявляли. Иван тоже затих у своей задней стены, как мышь под веником.

Сержант решил взять инициативу на себя. Не куковать же тут до темноты, все равно так или иначе входить в контакт с местными придется… Хорошо бы для начала не в огневой и не в рукопашный.

Он ползком сдвинулся влево, выйдя из сектора обстрела, и подобрался к дверям сбоку, в непростреливаемой зоне. Негромко окликнул:

– Эй, хозяева! Есть кто дома?

Молчание.

Он искоса, не высовываясь, заглянул внутрь – и обомлел. Чего тут только не было! Со вбитых в низкие потолочные балки крюков свисали связки вяленой рыбы и связки шкурок – прямо-таки искрящихся в лучах заходящего солнца. Громоздились штабеля ящиков, самых разных, с выжженными на боках надписями, один из ящиков был вскрыт, и виднелись в нем зарытые в стружку бутылки причудливой формы. В углу выстроились рядком несколько бочек – деревянных, стянутых обручами, сержант уж и не помнил, когда видел в последний раз такую тару, да и видел ли вообще в жизни, а не на экране?

Стена – та, что попадала в поле зрения, – густо увешана всяким добром: маслянисто поблескивающие капканы, большие и малые, и рыболовные сети, и связки металлической посуды, – но по ним Багиров скользнул равнодушным взглядом, его внимание

первым делом привлекло оружие, висевшее здесь же. Много оружия, целый арсенал. Дробовики помповые и дробовики разламывающиеся; карабины – похожие на принадлежащий Ивану, но новенькие, в заводской смазке; еще какие-то длинностволы, сержанту незнакомые – судя по калибру, охотиться из них предполагалось на слонов. Что где-то здесь же, в ящиках, лежали боеприпасы ко всему этому огнестрельному богатству, Багиров не сомневался…

Мышеловка… Ловушка с небывало изобильной приманкой. Никогда бы хозяева фактории не бросили такое сокровище, настежь распахнув двери. А если бы бросили, оно не залежалось бы…

Значит, его поджидают. Даже не его, скорее всего. Ловушка насторожена на наивных детей тундры – ошалеют от бесхозного изобилия, к дармовому спирту бросятся, тут их… Не стреляют, очевидно, заманивают внутрь и берут тепленькими…

Баг даже догадывался, где притаилась засада – во-он там они, голубчики, за перегородкой из бревен, наверняка отделяющей невеликое жилое помещение. Больше негде. Иван молодец, подошел открыто, отвлек их внимание, – и после этого хозяева фактории за округой не наблюдали, затаились и ждут появления аборигена внутри…

Они не подозревают, что мышка к ним сейчас пожалует другая. Очень зубастая, способная и сыр съесть, и мышеловку на куски разнести. И еще об одной малости не подозревают – что пули «абакана» прошьют навылет и бревна, и тех, кто за ними укрылся.

Сержант без разбега, с места, швырнул тело в дверной проем, над барьером, готовый еще в полете выпустить первую очередь.

И рухнул рядом с факторией.

Вскочил – ошарашенный, ничего не понимающий…

Внутри все оставалось по-прежнему. Он медленно поднял руку, попробовал просунуть ее в дверной проем – уже не опасаясь стрельбы и засады, уже догадываясь, в чем дело…

Пальцы уткнулись в невидимую преграду.

Багиров ударил ножом – нож отскочил, а вместе с ним отскочил небольшой фрагмент наблюдаемого внутри изобилия. Открылся какой-то пластик, грубый, ноздреватый. Неровный треугольник этого пластика словно налепили на большой пузатый бочонок… Сержант шагнул влево – треугольник сполз с бочонка, переполз на стену.

Фальшивка… Объемная декорация. Но как сделана! Видны пылинки, кружащиеся внутри в потоке света и кажется, что ощущаются запахи вяленой рыбы, оружейной смазки, смолистого

дерева… Дерева? Он поковырял ножом ближайшее бревно сруба. Покрытие, до мельчайших пор имитирующее грубо ошкуренный древесный ствол, оказалось на удивление прочным, но все же подалось. Под ним – тот же ноздреватый пластик.

– Иван! – крикнул он устало и разочарованно. – Вылазь и растолкуй – что за хреномуть?

Иван молчал. Отметка его на экранчике оставалась неподвижной. Багиров с нехорошим предчувствием быстро обогнул факторию… Никого…

Он сделал несколько шагов в сторону, вновь взял пеленг – и, наконец, понял, в чем дело. Объект и вправду был у самой стенки, но – внутри, пластик не дерево, сканированию не мешает. И скорее всего, это вовсе не Иван… Тот, наверное, давно трусит на учаге к своей стоянке.

Задний фасад был оформлен с куда меньшей тщательностью – вблизи хорошо видно, что бревна фальшивые. Стену рассекали три тоненьких щелочки, складывающиеся в прямоугольник характерных размеров. Дверь, и настоящая. Хоть что-то настоящее в насквозь поддельном теремке…

Баг вмазал по ней ногой, вложив в удар всю злость и все разочарование. Дверь вдавилась внутрь на удивление легко. Похоже, ее уже разок вышибали, а затем кое-как поставили на место.

Чтобы обнаружить человека, засевшего в псевдофактории, биодатчик не требовался. Дышал человек так, что было слышно снаружи. Дышал, как загнанная лошадь. Или как затравленный борзыми заяц… Человек очень боялся.

Но мог и пальнуть с перепугу, если имел под рукой что-нибудь стреляющее. Багиров доводить дело до стрельбы не хотел. Он очень желал вытащить этого лжевладельца лжебогатств наружу и голыми руками отрывать от него кусок за куском. Заодно задавая вопросы и получая правдивые ответы.

– Сам вылезешь?! – крикнул он внутрь. – Или гранатой шарахнуть?!

Напуганное существо без колебаний выбрало первый вариант.

6. Последний из Великих

Ружейную охоту как спорт и как развлечение для высшего общества ввели в обиход богатые англичане в девятнадцатом веке. До того в Европе знать практиковала исключительно псовые и соколиные охоты, считая стрельбу из ружья по дичи не охотой – промыслом, достойным лишь простонародья.

Они же, английские лорды, придумали и неофициальный титул «Великий Охотник» – унаследовать его, получить от монарха или попросту купить было невозможно, лишь заслужить меткой и удачливой стрельбой признание в крайне узком кругу Великих.

Охотники становились Великими по-разному.

Лорд Демфри, четвертый виконт Спеллоу, объездил весь мир: стрелял львов в Африке и тигров в Индии, выслеживал ягуара в жаркой амазонской сельве, мерз на Шпицбергене, подстерегая полярного медведя. Живи он лет на сто позже, гринписовцы и прочие защитники всего живого впали бы в ступор при виде гостиной виконта, увешанной чучелами голов самых редких животных… И установили бы бессрочный пикет у ворот родового замка.

Но можно было стать Великим Охотником и не уезжая в далекие страны, и даже не особенно удаляясь от родного поместья. Один из величайших стрелков Англии лорд Малмсбери за сорокалетнюю охотничью карьеру сделал 54 987 выстрелов и добыл 38 934 птицы – куропаток, фазанов, ржанок и куликов.

Но эти цифры меркнут перед достижениями другого Великого Охотника, маркиза Рипона, настрелявшего за долгую жизнь 556 813 трофеев. Удачливого маркиза, надо полагать, гринписовцы просто-напросто линчевали бы.

Встречались среди Великих Охотников и дамы. Крайне редко, но встречались. 31 января 1923 года герцогиня Бедфордская, истратив 366 патронов, добыла 273 фазана – и оказалась в охотничьем пантеоне славы.

В двадцать втором веке охота в Европе стала развлечением не просто богатых людей – крайне богатых. Но даже они не могли проводить недели, месяцы и годы, кочуя по частным охотничьим угодьям, подобно лорду Малмсбери или маркизу Рипону. Попросту не осталось нужного количества угодий, не говоря уж о «зеленых», усиленно радевших о горестной судьбе подстреленных зверюшек и птичек и проталкивавших природолюбивые законопроекты через парламенты и меджлисы…

Ныне в подавляющем большинстве жители европейских стран

и Анклавов, именовавшие себя охотниками (то есть, по определению, люди далеко не бедные), стреляли по живой дичи три-четыре раза за всю жизнь, – и не в Европе, разумеется, а в далеких уголках Крайнего Севера и в прочих отдаленных местах, пощаженных экологическими катастрофами и «зелеными» законодательными актами. За эти туры платили баснословные деньги, к ним долго и тщательно готовились и вспоминали о них многие годы. А в остальное время пробавлялись охотой виртуальной, благо компьютерные симуляторы позволяли имитировать с полной достоверностью хоть африканское сафари, хоть отстрел неведомых чудовищ в джунглях далеких планет. Естественно, при таких условиях, охотнику стать Великим трудно, практически невозможно.

Так было до Дня Станции. А после него об охоте как о спорте говорить не приходилось… Там, где сохранилась хоть какая-то съедобная живность, ее стреляли и добывали иными способами, наплевав на все «зеленые» законы, отмененные жизнью. Не спорта ради стреляли – ради выживания.

…Виртуальный двойник генерала Кравцова ничего не стал мне рассказывать о знаменитых стрелках былых времен – информацию о них позже я почерпнул сам в Сети, по запросу «Великие Охотники».

Генерал сразу перешел к сути. К рассказу о человеке, сумевшем-таки в наши нелегкие для охотников времена стать Великим. О Мухаммате-Абу-Гастоне-Анри-Хасане аль-Луаньян аль-Кампе-Флош аль-Барсет – близко знавшие Великого люди заменяли эту пышную гроздь имен уважительным прозвищем Эфенди.

Предки Эфенди жили в Южной Франции не одну тысячу лет. Уже в эпоху Крестовых походов род графов де Луаньян, сеньоров Кампе-Флош и Барсет, считался древним. Еще в римских хрониках упоминались его представители (носившие в то время другие родовые имена). На берега Луа накатывались волны Великого переселения народов, менялись державы, к которым относились те земли, не раз сменились язык и религия, – и лишь владетели Луаньяна оставались те же, всегда на удивление вовремя переходя на сторону пришельцев-победителей.

Графы де Луаньян в десятом веке сражались с арабами в битве при Пуатье, остановившей нашествие мусульман на Европу, в одиннадцатом отбивали у сарацинов Гроб Господень, в двенадцатом дошли с крестоносцами до Дамаска… Однако в двадцать первом оказались в числе самых первых аристократических родов Франции, принявших ислам, – предки-крестоносцы, наверное, ворочались под сводами родовых

усыпальниц, но и богатство, и политическое влияние в строящемся Европейском Исламском Союзе их потомки сохранили.

Луаньяны испокон веков не были землевладельцами-домоседами – выбирали военную карьеру, или духовную, или политическую, – и играли весьма заметную роль на всех выбранных поприщах.

Был политиком и Мухаммат-Абу-Гастон… в общем, Эфенди. Не публичным, его никогда не привлекали трескучие речи, произносимые перед толпами оболваненных избирателей и регулярные упоминания в новостных лентах. Он был не из тех, кто много и красиво говорит, а из тех, кто много работает – эффективно, но без внешних эффектов.

К пятидесяти девяти годам Эфенди достиг пика карьеры и добился влияния и власти, поистине огромных, – пост Председателя комиссии по делам переселения при Евромеджлисе теоретически не позволял единолично решать, кто попадет на Новый Халифат, а кто нет. Но на практике судьба почти каждого обитателя огромного исламского мира (за исключением тех, кто по влиянию мог сравниться с Председателем комиссии) зависела от Эфенди. Его слово и его подпись были решающими. Кто-то попадал в первые партии переселенцев, кто-то дожидался своей очереди на умирающей, зараженной радиацией, обезумевшей Земле. А кто-то был обречен остаться здесь навсегда.

Естественно, что и для себя Эфенди давно забронировал местечко в девственном мире: земли Нового Луаньяна располагались в очень живописных местах, весьма напоминающих Южную Францию, на берегах реки, как две капли воды похожей на Луа.

Но у самого аль-Луаньяна еще оставались дела на гибнущей Земле, никак не связанные со служебной деятельностью… Дело в том, что Эфенди был охотником. Первым в этой весьма поредевшей когорте и последним из Великих.

На Земле, конечно же, оставались люди, чья власть или богатство – и предоставляемые ими возможности – неизмеримо превосходили возможности Эфенди. Но они, эти люди, не увлекались охотой до самозабвения.

Здесь еще оставалось немало охотников – но они не могли регулярно стрелять зверей крупных, опасных и крайне редких. Эфенди охотился лишь на таких, он не желал бить рекорды маркиза Рипона, истребляя легионы куликов и ржанок. А порожденных радиацией мутантов и монстров Мутабор за достойную дичь вообще не считал.

Потомок графов-крестоносцев застрелил в болотах Амазонии

рекордную восемнадцатиметровую анаконду, обнаруженную, кстати, средствами спутниковой разведки (змеи таких размеров до сих пор считались туземной легендой либо выдумкой криптозоологов). Добыл самого большого в мире гребенчатого крокодила, авансом заплатив колоссальный штраф за охраняемую зверюгу. Завалил последнего в Африке белого носорога, чем был крайне горд. Прикончил кадьякского полярного медведя, весившего значительно больше тонны – трофей оказался рекордом всех времен и народов.

Растянувшаяся почти на год подготовка к охоте аль-Луаньяна на последний живущий на воле прайд гирских львов в Индии сама по себе составляла целую эпопею. Лишь Эфенди, с его влиянием, смог добиться проведения дорогостоящих полевых исследований, доказавших: покинувшие заповедник звери неизлечимо пострадали от радиации и никак не смогут стать родоначальниками популяции в Новом Индостане, как это планировалось… В результате львы погибли от метких выстрелов последнего из Великих.

Но недавно авиаразведка вроде бы видела еще пару уцелевших гирских львов, что очень расстроило охотника. Ни опровергнуть, ни подтвердить эти сведения не удалось, но охотничий триумф все же оказался подпорченным.

Моральные терзания были чужды Эфенди. Он считал, что занимается эвтаназией. Ему нравилось ставить последнюю свинцовую точку на той или иной странице истории умирающего мира.

– И вот теперь уважаемый господин аль-Луаньян решил поохотиться на российской территории, о чем официально уведомил соответствующие органы нашей страны, – завершил свой рассказ генерал.

И вопросительно взглянул на меня: понял, дескать, что за охота тебе предстоит?

Ни черта я не понял, если честно. Кроме одного: ОКР подмял и фактически подчинил почти все ведомства в России, имевшие в своем распоряжении хоть какие-то вооруженные формирования. Росприроднадзор с его уцелевшими егерями, лесниками и охотинспекторами не исключение, – и вопрос организации охоты высокопоставленного чиновника Исламского Союза автоматически угодил в ведение Кравцова.

Но где Мангуст – и где белые носороги с гребенчатыми крокодилами? Ничего я не смыслю в охоте на редких зверюг. Да и не водится в России крупная и хищная экзотическая фауна – настоящая, природная, а живность недавнего происхождения Эфенди не интересует…

– Кого он собрался у нас стрелять? – поинтересовался я. – Амурские тигры остались под китайцами, а наши бурые и белые мишки по сравнению с кадьякскими мелковаты…

– Зришь в корень… Зверь не простой. Реликтовая тварь, обитающая на Таймыре, в одноименном озере.

Я в очередной раз удивился. Не упоминанию реликтовой твари, про которую раньше слыхом не слыхивал. Но Таймыр… Даже самые отъявленные оптимисты не считали его в последние годы «нашей территорией».

7. Орлы мух не клюют

Судя по состоянию бороды и шевелюры, обитатель лжефактории бритву, ножницы и расческу утратил несколько месяцев назад. Судя по запаху, воды и мыла он лишился тогда же.

На Багирова обросший, нечесаный и грязный человечек смотрел, широко разинув рот. В самом буквальном смысле. Глазки его под толстенными линзами очков казались крохотными, словно у таракана. Но и они распахнулись во всю ширь, изумленно пялясь на сержанта.

Тот и сам сознавал, что выглядит в полном боевом снаряжении внушительно. И, скажем так, для здешних мест не совсем обычно. Но времени заниматься самолюбованием не было.

– Три шага назад! – скомандовал он застывшему на пороге человечку. – Руки держать на виду!

Давно не мытое существо дернулось назад, сержант шагнул следом, быстро огляделся. Датчик не врал, никого больше здесь не оказалось. Обширное помещение, занимавшее всю лжефакторию, и почти пустое, затаиться негде. Более подробный осмотр сержант оставил на потом.

Человечек попытался что-то сказать, но сержант перебил, рявкнув:

– Лицом к стене! Руки за голову!

Очкастый выполнил команду, но тут же попытался спросить:

– Вы армия? Российская армия?

В голосе звучала нешуточная надежда. Что, вольный сын незалежной Сибири, несладко тебе живется под бело-зеленым флагом? Обратно захотелось?

Ствол уперся вольному сыну чуть ниже затылка.

– Молчать! Не двигаться! Отвечать, когда спрошу! Шевельнешься – стреляю. Вякнешь – стреляю.

Человечек затих и замер, прямо-таки прирос к стене, словно гвоздями приколоченный. Одеждой ему служил бесформенный балахон, в котором сержант с трудом опознал полусинтетический свитер, донельзя растянутый и донельзя грязный. Прежний владелец (наверняка выбросивший это старье) был размеров на пять крупнее нынешнего, и рубище свисало ниже колен. На ногах виднелись какие-то стоптанные опорки. Штанами вольный сын вольной Сибири не обзавелся. Или не носил их из принципа, мало ли какие принципы у людей встречаются…

Баг, преодолевая брезгливость, пробежался рукой по складкам балахона. Не то чтобы рассчитывал найти оружие, но порядок есть порядок.

Оружия не оказалось.

– Кто такой?

– Я хранитель музея! Моя фамилия Гусев!

Откуда тут музей? И для кого? Песцы с леммингами на экскурсии ходят?

Местный сумасшедший, решил сержант. Потому и живет на отшибе. Безобидный, похоже. Как навозная муха – грязен и вонюч, но вреда никакого. Но расслабляться рано… Потому что орлы, конечно, мух не клюют. Зато мухи орлами не брезгуют… Мертвыми орлами, не к месту расслабившимися.

– Молчать! Стой где стоишь! – скомандовал Багиров и занялся осмотром помещения.

Хм… Сумасшедший он или нет, но музей его жилище и впрямь чем-то напоминало. Даже скорее отдельно взятую музейную экспозицию, непонятно зачем вынесенную в филиал, расположенный на Таймыре, в Аллахом забытой дыре.

Стены из тесаного дерева – из фальшивого тесаного дерева, разумеется. По торцам помещения прорезаны два огромных окна, – совершенно неуместные в краях, где минус сорок зимой дело привычное.

Но окна здесь были особые. Виднелись в них отнюдь не склоны балочки, скрывавшей факторию. За одним окном – широкая панорама летней тундры: поблизости затаилась в стланике крупная птица, куропатка наверное, высиживающая кладку яиц, – и замер подкрадывающийся к ней песец. Поодаль – аборигенское стойбище, многолюдное, чумы нарядные, яркие, никакого сравнения с одинокой стоянкой Ивана. Дымы, поднимавшиеся в небо от костров, колебались от ветра, но и люди, и животные застыли неподвижно.

Окно напротив открывало вид на тундру зимнюю: мела поземка, и в свете ярких всполохов северного сияния катили нарты, запряженные оленями. А за ними, след в след, цепочка каких-то зверей, – волков, надо думать. Сияние в небе переливалось, то вспыхивало, то угасало, вихри поземки тоже двигались… Но и нарты, и их преследователи словно примерзли к месту.

Та же фальшивка, что и снаружи, лишь размером поменьше.

Окнами список подделок не исчерпывался. В стены были врезаны глубокие ниши витрин. В них хранились самые разные вещи: закопченная и помятая посуда, древний бинокль (латунный!), потертая полевая сумка… Черно-белые фотографии соседствовали с какими-то пожелтевшими рукописными бумагами, и даже оружие имелось – старый карабин без затвора и обшарпанный дробовик.

Но даже будь эти два ствола новенькими, не стоило и пытаться завладеть ими. Достаточно сравнить толщину стены с глубиной витрин – и сразу ясно: имитация, объемная картинка.

Похоже, имелись тут и ценные предметы, настоящие, да кому-то уже приглянулись, – на полу опустевшие прямоугольные подставки, в стены вбиты опустевшие крючья…

Неподдельные вещи скопились в дальнем углу и оказалось их немного. Ложе – брошенная прямо на пол груда всякого тряпья, сверху спальный мешок. Электроплитка стояла на подставке, явно предназначенной для канувшего экспоната, рядом кое-какая кухонная утварь. А еще – Багиров удивился – нечто вроде велотренажера.

Хранитель устал рассматривать вблизи стенку, без сомнения хорошо ему знакомую. Попытался обернуться, что-то сказать – Багиров прикрикнул на него, – замолк и застыл.

Экскурсия без экскурсовода близилась к концу. Осматривать больше нечего, разве что аборигенские причиндалы, висевшие на стенах и не приглянувшиеся людям, почистившим экспозицию. Маски, бубны, какая-то еще лабуда… – Баг скользнул по ней равнодушным взглядом и вдруг замер.

Подошел поближе, вгляделся… Нет, не показалось. На стене висело нечто, вырезанное из кости. Не то рельеф, не то барельеф, сержант в вопросах искусства разбирался не сильно, особенно туземного. Здоровая штука, с большущую тарелку или небольшое блюдо размером. Костей таких размеров не бывает, однако стыков и соединений не видно, умелый мастер делал… Но Багирова заинтересовала отнюдь не технология изготовления костяной поделки, а ее персонаж.

Низ у персонажа был чисто звериный – шерстистые лапы с длинными когтями, – а верх выглядел гнусной пародией на человека: торс, руки (на пальцах тоже когти изрядных размеров), отвратная рожа с распахнутым зубастым ртом… Но самое главное – на этой роже красовались три здоровенных глаза! Три! Причем расположенные точь-в-точь как те, что светились над ловчей ямой, – равносторонним треугольником!

Кроме того, неведомая тварь была гермафродитом: половой орган мастер вырезал условно, намеком, но сомнений в мужской принадлежности не возникало. Что ничуть не мешало твари ходить беременной – пузо ее изображалось как бы в разрезе, а в нем – младенец, совсем не похожий на родителя, какой-то гибрид ежа и ужа, но сохранивший главный наследственный признак: трехглазость. Младенчик, даром что мал, тоже успел забеременеть, – содержимое его утробы оказалось совсем уж мелким, но три глаза у эмбриона Багиров все же разглядел…

Он попытался снять костяную хрень со стены, рассмотреть получше – не тут-то было. Не прибита, не привинчена – составляет со стеной единое целое. Опять муляж… Но ведь с чего-то настоящего эту пластиковую фигню скопировали?

Впрочем, что гадать, если рядом живой хранитель стенку подпирает…

– Повернись! – отрывисто скомандовал сержант.

Музейный деятель выполнил приказ, и Багиров обратился к нему более человеческим тоном:

– А скажи-ка мне, Лебедев…

Сержант замолк, пораженный неожиданной мыслью. Хранитель, обрадованный сменой обращения, решил, что худшее позади. И тут же начал качать права:

– Я не Лебедев, моя фамилия Гусев. И потрудитесь…

Баг быстро шагнул вперед, ткнул стволом в солнечное сплетение правдоискателя. Легонько, но чтобы дыхание перехватило. Чтобы не забывал, кто тут главный.

Вразумил:

– Если скажу, что ты Петухов, – будешь кукарекать. Скажу, что Курицын, – будешь кудахтать. А скажу, что Лягушкин, – будешь прыгать и квакать. Высоко и громко. Понял? Понял, спрашиваю?

Хранитель мелко закивал, дыхание еще не восстановилось.

– Хорошо понял?

– Х-хорошо…

Прозвучала не импровизация – стандартная казарменная процедура, призванная вразумлять чересчур спесивых новобранцев, воображающих, что сержанты обязаны с первого раза запоминать их фамилии… Изобразив ее начало, Багиров понял, чего ему не хватало… Вернее, не хватало ему в последние недели многого, но те нехватки он чувствовал сразу, а эту – отсутствие подчиненных – осознал только сейчас…

Процедуру, впрочем, продолжать не стал (сейчас надлежало крикнуть «Лягушкин!», – и оценить высоту прыжков и мелодичность кваканья). Но и спросил он вовсе не то, что собирался поначалу:

– Вот что мне скажи, Страусов: тебя четырехглазым здесь называют? Или, может, в детстве так дразнили?

– Ну… да… – промямлил несчастный «Страусов»; моргал испуганно, не иначе как боялся, что, наградив этакой фамилией, его сейчас заставят снести яйцо соответствующих размеров.

– Так «ну» или «да»? Отвечать внятно!

– Да.

– Здесь или в детстве?

– Здесь, но я…

– Достаточно. Что за хренозавр у тебя на стенке? – Багиров показал на «хренозавра» и добавил:

– С этого момента излагай подробно. Но опять-таки внятно.

«Лебедев», или как там его, немедленно преобразился: распрямился, плечи расправил, повернулся к стене вполоборота и заговорил – звучно, уверенно, как по бумажке:

– Перед вами уникальный экспонат, редкий образец традиционного искусства нганасанов – резьбы по мамонтовой кости. Составное панно датируется девятнадцатым веком и было обнаружено…

– Отставить, – оборвал Багиров, слушать лекцию до утра он не собирался. – Ты мне не про экспонат, ты мне по-простому: кто тут нарисован, в смысле – вырезан? И как его надежнее всего прикончить?

Шутки шутками, а гадание начало сбываться: вот вам четырехглазый, вот трехглазый на стеночке… Но все же принимать всерьез шаманские штучки не резон: Иван тут бывал, мог видеть и хрень уникальную, и ее хранителя.

– Это Бдыр-Барус, демон мифологии нганасанов, страж Страны Мертвых, – ответил хранитель с обидой, такую песню оборвали. – Кстати, и у долганов он известен, и у энцев, правда, под другими именами.

Все сходилось… Аккурат к Стране Мертвых и поперся по неведению Багиров, когда на хвосте у него плотно повис трехглазый, до того завывавший где-то в отдалении.

– Он и вправду из себя такой? – уточнил сержант, вспомнив, как он сам выглядел на резной костяшке Ивана.

– Бдыр-Барус многолик, может принимать разные формы… Может, видали…

– Человечиной питается? – заинтересованно спросил Багиров.

– А-а-а… э-э-э… – заблеял хранитель и бросил взгляд куда-то в сторону своего ложа, словно бы в поисках подсказки. – В каком смысле человечиной?

– В смысле, живыми людьми? Или только мертвяков подъедает?

– Простите… Что значит подъедает? Это в некотором роде миф, легенда…

– Легенда, говоришь? Х-хе…

– Молодой человек! Я, между прочим, защитил кандидатскую диссертацию по теме, напрямую касающейся местных верований!

– Диссерта-а-а-цию… – протянул Багиров. – Ну тогда, конечно…

«Посидел бы ты, хрен четырехглазый, в той яме с кольями –

глядишь, и на докторскую замахнулся бы».

– Ладно… Времени мало, так что давай про главное: как этот миф завалить можно. Убивал его кто-то в легендах?

– Его пытался повергнуть Каменный человек, вышедший из земли, он же Ташпа у долган. Но не смог, снова провалился глубоко под землю…

– А обычные люди не пробовали?

– Нет… Хотя есть легенда, довольно поздняя и редкая, бытовавшая только у западных нганасанов, авамских, ее в свое время…

– Короче, Перепелкин, самую суть.

– Бдыр-Баруса убьет Железный человек. В будущем. Может быть.

– Понятно. Будущее, оно такое… Всегда светлое. А как настоящим станет – одно дерьмо вокруг и никакого просвета.

Задумчиво выдав эту философскую сентенцию, Багиров неожиданно рявкнул:

– Лицом к стене! Живо!

Дождался выполнения приказа и прошел в жилой угол музея. Не понравились взгляды, что хранитель бросал туда в последние минуты разговора… Украдкой поглядывал и опасливо. Прячет что-то ценное и боится, что отберут?

В куче тряпья ничего любопытного не скрывалось. Зато неподалеку обнаружилась крышка люка. Багиров, искоса поглядывая на хранителя, поднял ее – не пещера Али-Бабы, но кое-что ценное отыскалось. Два аккумулятора, не новых, и, судя по размерам, снятых с больших машин… К клеммам одного из них была подключена электроплитка, напрямую, без штепселя и розетки. А второй… Багиров проследил, куда тянется провод. Вот оно что… Не тренажер, а велогенератор. Самопальный, как раз из тренажера состряпанный, немудрено было с первого взгляда ошибиться.

Однако грех не воспользоваться оказией… Багиров размотал провода адаптера, проверил заряд на одном аккумуляторе, на втором. Да что же за невезение! Оба еле живые… Хреново Голубев педали крутил…

Ну так сейчас пусть покрутит. Старательно и вдохновенно. А попутно расскажет все, что знает о городе…

Вот этот аккумулятор, с плиткой, вроде поживее… Плитку нахрен, подключить к нему сразу и велогенератор, и адаптер, – все-таки побыстрее пойдет процесс зарядки блока питания.

На плитке стояла кастрюлька. Сержант хотел ее убрать, но не удержался, – поднял крышку, полюбопытствовал содержимым.

…Темнело. И холодало, тень холма давно накрыла музей-

факторию. Всё шло, как задумано. Баг контролировал процесс зарядки, близящийся к завершению, а хранитель крутил педали – и говорил, говорил, говорил… Бессистемно, бессвязно, перескакивая с одного на другое: о городе, о себе, о прошлом, о будущем…

Сержант не перебивал вопросами. В конце беседы уточнит неясности… Раз уж прорвало человека, пусть выговорится.

Слушал, важное запоминал, ерунду пропускал мимо ушей… И думал: хранителя он убьет быстро и безболезенно, так, чтобы тот не понял, что умирает. А потом пойдет в город и попытается убить остальных… Не сразу, сначала задаст им вопросы, ответы на которые хранителю неизвестны. Затем начнет убивать.

Потому что место здесь действительно плохое, жить нельзя.

Люди плохими становятся…

8. Исповедь идеалиста

Он был студентом, самым обычным студентом питерского университета, только что переведенным на второй курс, и постигал премудрости специальности, крайне далекой от исследований Русского Севера. Был, когда натолкнулся в Сети, на университетском сайте, на объявление: комплексной экспедиции в заповедник «Таймырский» требуются волонтеры.

Экспедиция проводилась в рамках проекта Международного полярного года (PPS Arctic) и финансировалась из зарубежных грантов. Не слишком обильно финансировалась, – добровольцам предлагали отработать три месяца бесплатно, обеспечив им лишь проезд, питание и все необходимое для проживания в суровых северных условиях.

Он размышлял и сомневался неделю. С одной стороны, собирался летом подработать, а с другой – когда еще представится такой шанс? Побывать в местах, не затронутых и не загаженных цивилизацией, дорогого стоит. Лишь богатым верхолазам по карману проводить отпуск в таких заповедных уголках, а жизнь простого научного сотрудника – его жизнь – начнется, пройдет и закончится в мегаполисе, среди сплошных асфальта, пластика и бетона. Но романтика дальних девственных краев – вещь хорошая, однако просуществовать потом два семестра на одну лишь стипендию весьма проблематично…

В общем, и хотелось, и кололось.

Наверное, он все-таки решил бы не ехать. И потом всю жизнь сожалел бы об упущенном шансе. Но сам принимать такое решение не стал, пошел в деканат, – часть срока экспедиции приходилась на курсовую практику. Подспудно, не желая признаться себе, надеялся, что решение примут другие: какие, дескать, еще экспедиции, студент? Учитесь по своей специальности, а на красоты дальних мест любуйтесь по стерео.

На деле все обернулось иначе. В деканате заверили: с их стороны никаких препятствий. Практика будет зачтена, более того, на грядущей сессии преподаватели отнесутся с пониманием, если обнаружат в знаниях экзаменуемого кое-какие пробелы – оценка ниже тройки добровольцу от науки не грозит ни при каком раскладе. А стипендия гарантирована при любых оценках. И это еще не все: вместо курсовых работ по нескольким дисциплинам он всего лишь сделает доклады в студенческом научном обществе, поделившись впечатлениями от экспедиции… Судя по всему, добровольцы шли не слишком густым потоком.

После таких обещаний финансовые проблемы отошли на

второй план. Коли уж на лекциях и семинарах не придется перетруждаться, можно будет подработать и во время семестра… И он тотчас же, прямо из деканата, пошел и написал заявление о приеме в волонтеры. Чтобы вновь не засомневаться, чтобы не передумать, отыскав еще какие-то веские причины. Словно купальщик, входящий в холодную воду осторожно, сомневаясь, – а затем сразу ныряющий, чтобы не раздумать и не вернуться на берег.

Нырнул и он.

И не вынырнул. Утонул в неброской красоте Севера, в бездонной синеве таймырских озер, в величественных рассветах и закатах над бескрайней тундрой… Наверное, не только в красотах природы было дело, мужчиной он тоже стал там, на Таймыре, в палатке, в неопреновом спальном мешке, после долгих студенческих посиделок (совсем немного разведенного спирта и очень много романтических песен под гитару). Как звали девушку, он сейчас уже не помнил, в памяти осталось лишь воспоминание о последовавшем утре: он вышел из палатки и увидел розовеющее рассветное небо, сплошь покрытое птичьими косяками, – бесчисленные стаи гусей тянулись с юга к тундровым гнездовьям…

Весь следующий год он провел как во сне: учился, делал обещанные доклады в студенческом обществе, занимался еще тысячей разных дел – вроде и нужных, но… Но каких-то ненастоящих.

А летом он вновь очутился на Таймыре. Что оказалось не так просто, пришлось отыскивать подходящую экспедицию и доказывать свою в ней нужность и полезность, да и с деканатом на сей раз возникли проблемы… Он отыскал. Он доказал. И возникшие проблемы успешно разрулил.

Кончилось тем, что компьютерный лингвоанализ так и не заполучил молодого специалиста Женю Гусева. Перевелся не просто на другую специальность – на другой факультет, досдавать пришлось кучу дисциплин… Поднапрягся и сдал.

Будущему этнографу, специализирующемуся на изучении народов Севера, гораздо легче было попасть в таймырские экспедиции, там же прошла и преддипломная практика, а когда диплом оказался в кармане, долго искать место работы не пришлось – в университет давно уже пришла официальная бумага от руководства комплексного заповедника «Таймырский», очень желающего увидеть Евгения Гусева среди своих сотрудников.

Так начиналась его романтическая таймырская эпопея. А закончилась петлей – в один из дней Черного Августа.

Тогда многие сводили счеты с жизнью – стрелялись,

вешались, прыгали из окон небоскребов – обнаружив, что все нажитое и накопленное испарилось, исчезло, растаяло, словно утренний туман, и, что хуже того, исчез смысл и стимул наживать что-то еще…

Его никогда не интересовала нажива. И накопления – тоже. И никакого отношения к лопнувшим банкам не имел плетеный перлоновый шнур, привязанный к ручке фрамуги. Привязанный в его день рождения. В сорок седьмой.

Дата вроде и не круглая, но все же он решил подвести итоги.

Бóльшая часть жизни прошла на Таймыре, и приключений в ней хватало, хватало и романтики, – всего, о чем мечтал юный Женя Гусев, дитя асфальта и бетона. Но когда мечты сбываются, а приключения превращаются в рутину, поневоле засомневаешься: правильные ли у тебя были мечты?

Ни семьей, ни детьми он так и не обзавелся. Случались романы, сначала достаточно часто, потом все реже и реже, иногда даже казалось, что все всерьез, но… Но женщины, они ведь, как птицы, прилетевшие с юга в тундру, их немедленно тянет вить гнездо, обустраивать дом, очаг… А у него… У него назавтра был вертолет, улетающий в Полигайскую астроблему, в огромный кратер, оставленный гигантским метеоритом, столкнувшимся с Землей в незапамятные времена…

Семьи не было.

Детей не было.

Он бы пережил, но рушилось все, чему он посвятил жизнь… Проект, задуманный как коммерческий, способный принести средства, которых так не хватало умиравшему от безденежья заповеднику, обернулся монстром… И пожрал своих создателей.

Он-то надеялся, что сюда поедут люди, интересующиеся Севером, уцелевшей дикой природой, экзотикой дальних краев… Такие, как Женя Гусев четвертьвековой давности, только с деньгами.

Глядя на то, что выросло в предгорьях Быррангы, о наивных иллюзиях можно было забыть. Водку сюда поедут попить в экзотичных декорациях и шлюх потрахать. Побаловаться рулеткой и другими играми, запрещенными в большинстве российских регионов. Ну, может, еще пострелять оленей с вертолета…

Ладно бы то, что строилось, имело хоть какое-то отношение к истинному Таймыру… Опереточная декорация, глупая и изначально фальшивая. Он пытался протестовать против самых очевидных нелепостей, никто не слушал… Даже ошибку в слове «Фактория» исправлять не стали, с «фитой», дескать, лучше смотрится, вполне по-старинному…

Но все же надежда оставалась… Деньги, пусть даже уплаченные за самые дебильные развлечения, можно пустить на благое дело, спасти заповедник от неминуемого коллапса и смерти.

В Черном Августе стало ясно: не будет ничего. Ни туристов, ни их денег. Заповедник умрет.

Его вытащили из петли. Его откачали. Его собирались отправить на Большую землю, проходить курс реабилитации. Но случился Толчок…

Он почти не обратил внимания на Катаклизм и его последствия. Он доживал. Ему было все равно. Все самое страшное, что могло произойти, уже произошло.

Он ошибался… О, как он ошибался! Он просто не знал, что такое голод. Настоящий, лютый, многодневный. Заставляющий забыть обо всем. Заставляющий даже… Нет, нет, ничего не было! Он долго думал и понял все. Его не вынули из петли. Нет, какая еще загробная жизнь, он же материалист, да и не заслужил такого по большому счету…

Все проще. Умирающий от нехватки кислорода мозг выстроил такую вот иллюзию. Смертный миг, растянувшийся на годы. Он живет – думает, что живет, – в собственном кошмаре. А в кошмарах иногда случается делать кошмарные вещи.

Теория была стройная и материалистическая. Она все объясняла и давала шанс, что кошмар закончится сам собой…

Но Гусев все чаще поглядывал на шнур электроплитки. И думал, что если даже вновь не сумеет попасть в благодатное черное *ничто*, то провалится всего лишь в новый виток кошмара, на новый уровень предсмертия…

А там хуже не будет.

Часть третья
Злой город

1. Заходите к нам на огонек

Здания города соединяли дороги, вымощенные камнем. Точнее, казавшиеся вымощенными. Багиров не удивился, обнаружив: камень такая же фикция, как многое другое здесь. На деле и камни, и щелки между ними с искусственным зеленым мхом оказались фрагментами цельнолитых пластикатовых плит. Оно и правильно, мостить дороги камнем в тундре смешно и глупо: летнее солнышко нагреет камень, мерзлота под ним растает, и дорога утонет в новообразовавшемся болоте… А у плит и площадь значительно больше при небольшом весе, и теплоизолирующие свойства лучше – и здешние псевдомостовые стоят уже седьмой год, если верить хранителю Гусеву.

Шагать по фальшивому камню было удобно, но Багиров не пошагал. Двигался рядом, вдоль дороги, внимательно изучая путь на предмет ловушек и прочих сюрпризов для незваных гостей. По словам Гусева, этого добра здесь хватало с избытком… Но сержант сейчас оказался и предупрежден, и вооружен – потел на велогенераторе хранитель не зря, батареи тактического комплекта заряжены полностью. Теперь не надо экономить крохи энергии, включая датчики и «ночной глаз» на коротенькие промежутки времени. Будь в свое время «Рысь-14» полностью работоспособна, сержант Багиров уж не сверзился бы в глупую яму с глупыми кольями, обнаружил бы ее загодя… Хотя как знать, может, все в итоге к лучшему обернулось. Засек бы ту ловушку – и пришлось бы иметь дело с трехглазым на открытом месте, без защиты кольев, и кто знает, чем бы тогда закончилась схватка.

…Первый сюрприз оказался незамысловатым – дорогу пересекала низко натянутая проволока. Не слишком тонкая, но в темноте без «ночного глаза» незаметная. Баг прошел вдоль нее в одну сторону, обнаружил колышек, к которому проволока крепилась. Прошел в другую, рассчитывая разжиться ручной гранатой – именно они чаще всего использовались при настораживании таких вот самодельных ловушек.

Но в нескольких метрах от дороги ждала своего часа не граната… Арбалет, замаскированный в стланике. Здоровенный, неподъемный, с собой не утащить. Согнутая в крутую дугу металлическая пластина была опознана Багировым как рессора от грузовика, тетива – стальной тросик. Взводилось чудо-оружие при помощи небольшой лебедки, способной вытянуть из грязи мобиль в тонну весом. Да уж, скорострельностью конструкция не блещет, один выстрел в полчаса в лучшем случае…

Стрела не была слажена из подручных материалов. Настоящая, старинная, древко, насколько смог разглядеть в темноте сержант, из знаменитой аромысской лиственницы, трехгранный наконечник грубой ковки… Из музея-фактории умыкнули, решил Багиров.

Оценив угол наклона арбалета и прикинув траекторию полета стрелы, он удивился. Если бы сержант сподобился зацепить проволоку, остался бы невредим, – стрела просвистела бы над шлемом. На кого же ловушка? На тварь размерами крупнее человека? Проще говоря, на трехглазого? Или на дурака, решившего прокатиться по лжемостовой верхом на учаге?

Вторая ловушка – и вновь арбалет, нацеленный выше головы пешехода, на сей раз с другой стороны дороги.

А вот третий сюрприз оказался того же типа, что и первые два, но устроен похитрее, посовременнее… Никакой проволоки – дорогу пересекал луч, видимый лишь в инфрадиапазоне. От коробочки-приемника провод тянулся к замаскированной неподалеку толстой короткой трубе, наглухо заваренной с одного конца, а другим направленной на дорогу. Что скрывается внутри трубы, Багиров проверять не стал. Скорее всего, заряд пороха и каких-нибудь поражающих элементов – болтов с гвоздями и прочих кусочков металла, даже битое стекло в смеси с мелкими камушками используют в таких самоделках… Но сработает штуковина уже без разбора – нашпигует железом или стеклом и камешками что верхового, что пешего, что трехглазого…

Придумано неплохо – осторожный пришелец обнаружит один арбалет, второй, решит, что фантазия у хозяев небогатая, а техническое оснащение убогое. Расслабится, зацепит невидимый луч, – тут-то его и накроет.

Чуть в стороне громоздилась груда чего-то непонятного, какого-то металлического хлама, похоже обгоревшего. Сержант прошел бы мимо, не заинтересовавшись, но все подходы к куче металлолома были прямо-таки усеяны ловушками. Проволока, еще одна, а вот и третья, причем в полуметре над ней протянулся тепловой луч… А это что такое? Что за металл под слоем мха? Не мина, хоть и обнаружилась при помощи миноискателя… Похоже, капкан. Медвежий, судя по размеру, человеку ногу сломает, как сухую веточку… С другой стороны кучи… ну да, так и есть, аккуратно замаскированный мхом круг метра три в диаметре, наверняка ловчая яма.

Чем-то эта куча железа должна была заинтересовать незваных гостей… По крайней мере авторы ловушек очень на то рассчитывали.

Заинтригованный сержант приблизился, аккуратно миновав

западни. И ничего не понял. По его разумению, никакого интереса обломки не представляли. Конструкции, напоминавшие велогенератор музейного хранителя… Разобраться точнее было трудно – прежде чем обложить кучу металла чем-то горючим и поджечь, над устройствами старательно поработали кувалдой или аналогичным инструментом, раскурочив их почти до неузнаваемости. Зачем, для чего? Что за странную ненависть вызвало безвинное железо?

Ломать голову над очередной загадкой злого города Багиров не стал. Придет время, узнает. А не узнает, так и хрен с ней. Есть более насущные вопросы.

За кучей дорога стала чиста от сюрпризов – сколько ни всматривался сержант, сколько ни проверял пространство впереди всеми видами датчиков, ничего опасного не засек. Надо понимать, все охранные системы располагались по периметру городка, попадать по случайности или забывчивости в собственные капканы жители не хотели.

Но Багиров не расслаблялся. По логике вещей, здесь могли нести ночное дежурство уже живые люди, засевшие в укромных местах с хорошими секторами обзора и обстрела…

Однако он переоценил жителей. Никаких постов обнаружить не удалось. Либо горожане целиком и полностью полагались на свои ловушки, либо были уверены, что в округе не имеется врагов, способных на неожиданную ночную атаку… Трехглазый не в счет, с его склонностью к вокальным упражнениям никакие сторожа не нужны, сам предупредит о своем приближении.

Город, за исключением одного, самого большого здания, казался спящим – тихие темные улочки-дорожки, в двух или трех местах пробивался свет сквозь щелочки задернутых штор, вот и все признаки жизни.

Трехэтажный «небоскреб» стоял на небольшой площади, замощенной фальшивым пластикатовым камнем, и выглядел на фоне притихшего городка сияющим и полным жизни. Светились все громадные окна первого этажа и несколько окон на втором и третьем, вспыхивала и гасла неоновая вывеска, утратившая первые буквы: «…зда Таймыра». Чуть ниже буквы вчетверо меньшего размера поясняли непонятливым: «меблированыя нумера». Изнутри доносились отзвуки музыки.

Здание казалось чужеродным, перенесенным каким-то чудом, каким-то волшебством из более цивилизованных мест. Не меньшим чудом казалось, что строение пережило в целости и сохранности и Катаклизм, и все последующие землетрясения. Впрочем, природу последнего чуда Багиров знал от хранителя – и фактория, и «Звезда Таймыра», и другие уцелевшие здания

городка разрушиться не могут по определению – фактически это цельнолитые пластикатовые конструкции, очень легкие и стоящие на плавающих тарелкообразных фундаментах, никакие толчки, никакие подвижки почвы им не страшны… А те домишки, что были построены по старинке, на вбитых в мерзлоту сваях, – лежат сейчас грудами эрзац-кирпича и фальшивых бревен.

Двери «Звезды» были призывно распахнуты – словно по городку и впрямь шаталась праздная и денежная публика, способная завернуть на огонек. У входа никого – ни бородатого швейцара, как то полагается в солидных заведениях, ни обыденного охранника в униформе, приличествующего заведению попроще… Лишь сканер доложил – дверной проем перекрывает слабенькая ультразвуковая завеса. Отпугивает летучих кровососов, чтобы не залетали внутрь, а заодно докладывает о приходе гостей.

Багиров без колебаний перешагнул порог. Пусто… В обширном освещенном холле ни души. Сержант огляделся – пустующая стойка администратора, кожаные диваны (у одного срезана кожа со спинки), широкая лестница, ведущая наверх… Искусственные растения в кадках, паркет, массивная люстра, – в общем, стиль не пойми какого века. Не нынешнего уж точно, да, пожалуй, и не прошлого.

Сержант прошел налево, к зеркальной стене, украшенной надписью «РЕСТОРАЦІЯ» – оттуда доносились голоса и звуки музыки.

– Мир вашему дому, – произнес он, входя в зал – небольшой и уютный, на десяток столиков.

Ответ стоило ожидать любой, вплоть до стрельбы… И Багиров был готов к чему угодно, в том числе и к скоротечному огневому контакту. Он считал – к чему угодно. Поразительного равнодушия, с которым его встретили, сержант никак не ожидал.

– И тебе мир, если не шутишь, – ответил один из присутствующих.

Остальные удостоили Бага беглыми взглядами и промолчали. Словно сюда постоянно наведываются сержанты в форме российских десантников и в полном боевом снаряжении, причем заглядывают по нескольку раз за вечер, – и успели надоесть и примелькаться.

Не хотите общаться – ну и ладно. Есть лишнее время присмотреться, оценить обстановку.

Собравшиеся в ресторации жители – общим числом одиннадцать душ – выглядели точь-в-точь как их город. Ненастоящими. Ряжеными. Участниками ролевой игры. Или актерами провинциального театра, коротающими время перед

началом спектакля… В принципе, по словам хранителя Гусева, так оно и есть – лицедеи, приглашенные для развлечения богатой публики… Вот только публика не появилась, спектакль не начался. Вернее, начался, но для себя, без зрителей. И продолжается до сих пор, подменив собой реальную жизнь.

За ближним к Багирову столиком азартно играли в карты трое: православный священник, человек в синей форме неизвестного сержанту образца и шаман. Последний выглядел особенно колоритно – с одного взгляда видно, что не просто абориген в национальном костюме, именно шаман, самый шаманистый на всем Таймыре.

На небольшом возвышении, с некоторой натяжкой заслуживающем название сцены, звучало пианино, клавиши перебирала блондинка в сильно декольтированном платье. Именно эти звуки слышал Багиров, подходя к «Звезде». Мелодия сержанту понравилась, душевная.

Кроме блондинки, в зале находились еще две женщины. Одна – постарше, лет сорока пяти, тоже декольтированная, но не столь откровенно – по-хозяйски расположилась за стойкой. Вторая – совсем молодая, в кожаной куртке и алой косынке, повязанной на голове лихим пиратским манером, – сидела за столиком в дальнем углу, компанию ей составлял молодой бородатый человек в свитере со стоячим воротником и двое рабочих – не то шахтеры, не то нефтяники в спецовках… Пожалуй, все же шахтеры, горняки, судя по лежавшим на соседнем столе каскам с вмонтированными фонарями.

Наконец, последняя маленькая компания состояла из двух человек. Один, бородатый, очень дородный, показался Багирову изображающим купца былых времен. Богатого купчину, сколотившего состояние, выменивая у наивных детей тундры меха и моржовую кость на патроны и огненную воду. Его собеседник и собутыльник был одет в том же стиле давно минувших лет, но попроще: рубаха не огненно-красная, менее кричащей расцветки, и часовая цепочка на животе менее толстая, чем у купчины, и не золотая, серебряная. Приказчик, решил Багиров.

Именно приказчик ответил на приветствие сержанта, а сейчас тихонько совещался о чем-то с купцом, искоса поглядывая на пришельца. Человек в форме отложил карты, пересел и присоединился к негромкому разговору. Погон на синем кителе не было, лишь петлицы с непонятными Багирову знаками различия, но держался человек в форме подтянуто, по-военному. Он единственный из присутствующих имел при себе оружие – если, конечно, в кожаной кобуре на его поясе и в самом деле

лежало нечто стреляющее. Впрочем, к дальней стене прислонены карабин, два дробовика и арбалет, причем ручной, более вменяемых размеров в сравнении с установленными на дороге.

Потратив на оценку обстановки секунды две или три, Багиров решил, что при необходимости сможет уложить всех, не особо напрягаясь. Но первым лезть в драку не хотел. Сначала нужно поговорить, постараться получить информацию, – ту, что разузнать у Ивана и хранителя он так и не сумел. Самую важную на сегодняшний день информацию: как, шайтан вас раздери, отсюда можно выбраться на Большую землю?

Он снял шлем. Прошагал к стойке, прислонил к ней снятый с плеча автомат. Улыбнулся широко-широко и произнес:

– Налейте чего-нибудь выпить, а то так жрать хочется, что даже ночевать негде.

Женщина за стойкой не изумилась невесть откуда свалившемуся клиенту. Произнесла нейтральным тоном:

– Сегодня только водка.

– Пусть будет водка.

Вино Багиров старался не пить. Не всегда получалось, но по мере возможности пытался не нарушать эту заповедь Посланника Божьего. Однако недаром ведь арабские алхимики изобрели уже после его смерти процесс перегонки… А фетвы всяких толкователей, объявлявших запретным любой спиртосодержащий напиток, сержант Багиров в гробу видал. Пророк о водке ничего не сказал – пить можно.

– Стопарь? Стакан? Бутылку?

– Стопарь, пожалуй.

Тоненькая струйка прозрачной жидкости полилась из бутыли – квадратной, из толстого стекла – в граненую емкость антикварного вида.

– Закуски нет… – с сожалением произнесла женщина. – Но могу мясца быстренько поджарить.

Ответил Багиров после секундной паузы:

– Пожарьте, если не трудно.

Посмотрим, что тут у вас за мясо…

Тем временем блицсовещание за столиком купчины завершилось. Приказчик встал, подошел к стойке. Невысокого роста, в потертой жилетке и в рубахе, порванной на локте и небрежно залатанной, он держался тем не менее очень уверенно. Выглядел если не предводителем всей компании, то по меньшей мере человеком, чье слово здесь немало значит. Похоже, истинные взаимоотношения внутри этого странного коллектива отличались от ролей и личин…

В упор уставившись на сержанта маленькими, глубоко

посаженными глазками, приказчик поинтересовался:

– Трифон Ксенофонтович знать желают: каким ветром занесло в наши края?

Он показал взглядом на купчину. Тот приосанился, солидно кивнул: да, мол, желаю. Человек в синей форме наблюдал за разворачивающейся сценой цепким внимательным взглядом.

– Заплутал я, – не стал темнить Багиров. – Шел тундрой, заблудился, остался без связи. Вот и оказался в ваших краях. Как это место называется?

– Никак не называется, – равнодушно проговорила барменша. – Придумывали название, даже конкурс объявили с призом каким-то, когда все рухнуло… Но если сильно хочешь, можешь звать Новая Хатанга. Так называли, когда строили… Или зови просто Хатанга. Старая-то того, канула.

– Понятно… – протянул Багиров.

– А сам-то из чьих будешь? – вновь вступил в разговор приказчик.

– Из военных.

– Оно и так видать, – согласился приказчик. – Да только войны в этих краях испокон не случалось… Ну да ладно. Раз пришел – пей, ешь, отдыхай… А потом дальше отправляйся. Или здесь оставайся, если воевать устал. Живем небогато, но живем. Водки, правда, хоть залейся.

Он обогнул стойку, увел в уголок барменшу, зашептал ей что-то на ухо.

Слова приказчика об избытке водки подтвердились немедленно и самым зримым образом. Из-за стола поднялся шаман, оставив попа в одиночестве, и направился к стойке, сильно пошатываясь. Ухватился за оставленную барменшей бутылку, стал наполнять принесенный с собой стакан, – рука дрожала, водка расплескивалась.

Действия шамана сопровождались самыми разными звуковыми эффектами: постукивали костяные украшения, нашитые на его одежду, а сделанные из птичьих перьев – шелестели. Позвякивали бубенчики на шаманской маске, закрывавшей верхнюю часть лица и украшенной двумя стилизованными рогами. Дребезжало горлышко бутылки о край стакана.

За всеми этими звуками Багиров едва расслышал тихие-тихие слова, произносимые шаманом. Причем смотрел обладатель двурогой маски в сторону, губы почти не шевелились.

– Уходите отсюда, – чревовещал шаман. – Здесь нельзя оставаться. Верьте мне, я артист якутской республиканской филармонии, моя фамилия Васильев. Вернее, бывший артист

бывшей филармонии…

Багиров слушал внимательно, тоже глядя в сторону и делая вид, что полностью поглощен дегустацией содержимого своего стопаря. Водка, кстати, оказалась весьма качественная, не разведенный спирт и не какой-нибудь продукт местной перегонки.

– Уходите немедленно, – продолжал шаман-артист. – Не ешьте, не пейте, не оставайтесь на ночлег. Уходите, потому что…

Он не закончил фразу – приказчик завершил свой приватный разговор с барменшей и вернулся, подозрительно косясь на шамана. Служитель туземного культа залпом опорожнил стакан, постоял несколько секунд, пошатываясь и пялясь бессмысленным взглядом в какую-то только ему видимую даль – может, в Верхний мир, может, в Нижний… Затем рухнул, где стоял, у самой стойки. И тотчас же захрапел.

– Куда, нехристь басурманская?! Партию кто доигрывать будет?! – возопил поп.

Служитель другой Традиции тоже был изрядно пьян. И, судя по красным прожилкам, украшавшим лицо, надирался регулярно.

Багиров не обращал на попа внимания. Он продолжал смотреть на стену, туда же, куда машинально взглянул, отводя взгляд от шамана из республиканской филармонии.

На стене висел календарь.

Старый календарь, голографический, с изображением какой-то полуобнаженной красотки, изогнувшейся в страстной позе… Но не красотка привлекла внимание Бага. На нижнюю часть календаря было прилеплено самодельное дополнение – таблица из двенадцати квадратов со вручную вписанными числами и днями недели. Сегодняшнее число – третье июля – помечалось красным квадратиком, передвигаемым по прозрачной ленте, – наверняка эта деталь уцелела от прежнего варианта календаря. Над таблицей красовался год, выведенный кривоватыми крупными цифрами.

– Календарь правильный? – спросил сержант у барменши внезапно охрипшим голосом. – На этот год?

– Да уж не на минувший… – равнодушно ответила барменша. – Не совсем мы тут одичали, Пасху с Рождеством не спутаем…

Она шлепнула на сковородку два заиндевевших куска мяса, электроплитка стояла здесь же, за стойкой, – кухня ресторации, надо полагать, не функционировала.

– А Катаклизм в каком году был? – не отставал Багиров.

– Известно, в каком… Пять лет скоро будет…

«Четыре года!» – хотелось завопить сержанту. Не завопил.

Потому что дата полностью совпадала с той, что выдал якобы засбоивший навигатор…

Сержант Абдулла Багиров блуждал в Тумане и тундре не неделю и не две… И даже не месяц.

Больше года.

Вот ведь хренота какая…

2. Охота на чучундру

Таймырскому сафари предстояло стать лебединой песней Великого Охотника на гибнущей планете.

Впереди был новый мир, новая жизнь, новые победы над невиданными зверями… Но хотелось эффектно уйти. Совершить напоследок нечто, никем до того не совершенное… Львы и носороги, тигры и медведи для задуманного не годились. Их добывали и до Эфенди, а рекордные размеры не совсем то… Все помнят имя первого покорителя Эвереста, но мало кто знает, кроме сугубых специалистов, кому сейчас принадлежит очередной рекорд скорости восхождения. Идти проложенной другими тропой легче и быстрее, но люди помнят лишь первопроходца.

И мысли Эфенди поневоле свернули на животных, официальной зоологией не признаваемых, но активно изучаемых ее сводной нелюбимой сестрой – криптозоологией. До недавнего времени аль-Луаньян относился к криптозоологам и к их теориям с преизрядным скепсисом. После случая с восемнадцатиметровой анакондой скепсис сильно уменьшился.

Застрелить, например, лох-несское чудище, – более чем достойный финал карьеры Великого Охотника. Вернее, той части карьеры, что близится к завершению на Земле.

Увы, недавние геологические катаклизмы сделали охоту на Несси решительно невозможной. Озеро Лох-Несс вновь превратилось в то, чем и являлось миллионы лет назад, – в глубоководный морской фьорд, к тому же безжизненный, с крайне высоким радиоактивным фоном. Реликтовые плезиозавры, – если даже допустить, что они в самом деле обитали в Лох-Нессе, – либо уплыли в океан, либо передохли от лучевой болезни.

Другое шотландское озеро, имевшее схожую, хоть и менее раскрученную легенду, ждала еще более незавидная судьба – карстовый разлом превратил Лох-Моррар в практически безводную котловину. Никакие чудища, надо заметить, в обнажившемся донном иле не копошились: подтвердилась версия скептиков о том, что обитатели окрестностей Лох-Моррара сами выдумали свою Морри, снедаемые жгучей завистью к жителям окружающих Лох-Несс городков и поселков, – те исправно стригли многочисленных туристов, приезжавших поглазеть на водную гладь: вдруг да вынырнет нечто доисторическое…

А вот Шамплейн, еще одно широко известное среди криптозоологов озеро, живностью так и кишело, особенно после

разрушения АЭС в Миллатоге. Отдельные экземпляры, порой весьма крупные, могли поставить в тупик и зоологов, и их криптоколлег. Но даже если среди мутантов до сих пор плавал мифический Шамп – он никоим образом не мог заинтересовать Эфенди. Традиционно считалось, что Шамп – осетр-переросток невообразимых размеров, а лавры рыболова последнего из Великих не привлекали.

Его интерес к озерам был не случаен. Океан слишком велик, если в глубинах его и таятся неведомые огромные твари, то на поверхности появляются крайне редко и случайно. А охотиться за ними в родной стихии можно лишь с применением глубоководного оборудования и специально разработанного для такого случая охотничьего оружия. Он достал бы оборудование, и оружие бы для него разработали, не вопрос. Однако в неписаный кодекс Великих Охотников такой подход не укладывался: дробовое ружье да нарезной штуцер – вот и все, с чем дозволялось ставить и бить рекорды. Самонаводящимся снарядом из базуки любой дурак уложит хоть слона, хоть носорога, хоть неизвестного науке гигантского монстра.

Легенды же о сухопутных реликтовых животных в большинстве случаев легко и просто опровергались средствами авиационной и спутниковой разведки – лесные чащи уже не служили укрытием от датчиков, способных засечь с двухсоткилометровой высоты любой живой объект величиной крупнее собаки. Всевозможная животная мелочь Эфенди не интересовала, невелика честь стать первым человеком в мире, застрелившим доселе не описанного бурундука.

В последние месяцы Великий занимался подготовкой к экспедиции за сасквочем, он же бигфут, он же снежный человек, он же реликтовый гоминид… Сасквоч, кстати, совсем чуть-чуть не дотянул до признания официальной наукой, оставалось только препарировать и описать целый экземпляр. Но помет, шерсть, фрагменты скелетов, снимки и видеофильмы, прошедшие проверку у самых дотошных экспертов, – все свидетельствовало о том, что в густых лесах Североамериканского континента действительно скрывается *нечто*. Даже авиаразведка порой фиксировала небольшие группы биообъектов подходящих размеров – для лося или медведя слишком малы, для человека или волка слишком велики…

На всякий случай для реликтового гоминида была предусмотрена незаполненная ниша в классификации животного мира и уже придумано звучное латинское название. Эфенди очень надеялся, что название вскоре попадет во все учебники и монографии, причем в близком соседстве с его фамилией.

Как обычно, дело портила невнятная политическая ситуация в районе предполагаемой охоты. Ни Техасская Конфедерация, ни Союз Племен на необъятные леса Восточного Орегона не претендовали, фактически штат задолго до Катаклизма, еще после распада США, оказался бесхозным. Немногочисленные его обитатели утверждали, что живут на Свободной территории амишей, но такое государственное образование ни признания, ни официального статуса в мире не получило, да амиши и сами к тому не стремились. Но кодекс Великих Охотников был весьма строг к браконьерству – трофеи надлежало добывать исключительно на законных основаниях, с ведома и разрешения властей.

Эфенди привык к трудностям, преодолел бы и эту, но всё осложнялось еще тем, что трудно было спланировать точное место будущего сафари. Все наблюдения за сасквочами свидетельствовали об одном – постоянного и ограниченного ареала обитания твари не имеют, кочуют небольшими группами по бескрайним лесным массивам, порой забредая на север, на территорию, номинально контролируемую франкоканадцами – незаметно перейти условную и никем не охраняемую границу могла хоть дивизия бигфутов в походном строю.

С кем договариваться? С амишами? С властями Квебека? А звери тем временем возьмут да и откочуют на юг, в леса Северной Калифорнии, где договариваться вообще не с кем: банды бушрейнджеров, ведущие жестокую резню между собой за остатки ресурсов, если и способны на переговоры, то любым договоренностям с ними грош цена в базарный день… Нет, Эфенди без сомнений предпочел бы бесконечным лесам озеро с добротной старинной легендой, причем подтвержденной современными изысканиями. Но такого озера никто из криптозоологов, работающих на Великого, предложить не смог. С озерными легендами у них все было в порядке, а вот подтверждения не изобиловали…

И тут от военных (контакты с ними у Эфенди были налажены давние и прочные) поступила информация о загадочных крупных объектах в таймырских водах. Бесстрастный компьютер, в симпатиях к криптозоологическим теориям не замеченный, с вероятностью восемьдесят три процента идентифицировал объекты как живые существа, ему, компьютеру, неизвестные. Официальная зологическая наука тоже ничего не знала о существовании таймырских водных монстров.

Эфенди поинтересовался у криптозоологов: не найдется ли в ваших архивах чего-либо по Таймыру? У тех нашлось всё: и несколько вариантов местных легенд об озерном чудище, и

свидетельства людей, в разные времена с оным чудищем встречавшихся… А также набор гипотез, объяснявших происхождение озерного существа с нетипичными для Заполярья размерами.

Решение Великий принял мгновенно: подготовка охоты на сасквоча была заморожена, в Россию отправился запрос на проведение таймырского сафари. Отправился и попал на стол генерала Кравцова. А его превосходительство сейчас занимается тем, что вовлекает в охотничью историю отставного майора Дашкевича. Непонятно лишь зачем.

Но по крайней мере после полученной от генерала вводной информации стало понятно, что за охота и откуда возьмутся огромные призовые деньги. Надо полагать, дойдет дело и до предполагаемой роли Мангуста в грядущем охотничьем шоу.

– Можешь задавать вопросы, – поощрил генерал.

– Как называется дичь? – спросил я.

– Не помню… Местное какое-то название, язык сломаешь… Чучундра звероящерная, можешь называть ее так.

Вот как… Любопытный момент. Память у генерала отличная. И если он что-то не помнит – значит, рекомое «что-то» его абсолютно не интересует.

– Зачем Эфенди нужно наше разрешение на отстрел чучундры? Мог бы и просто так ее грохнуть, мы все равно ничем помешать не сможем.

– Мог бы. Но я ведь объяснял: ему важно не просто взять трофей, но со всеми полагающимися ритуалами. Браконьерство тут не катит.

– Сибирские сепы считают Таймыр своим. Им, кстати, проще туда добраться и испортить всю охоту.

– Мало ли кто и что считает… – Виртуальный генерал сделал рукой небрежный отметающий жест. – Между прочим, на китайских картах Таймыр закрашен розовым, как часть их провинции Кианху…

– И?

– Думаю, Эфенди связался не только с нами. С поднебесниками и сибиряками тоже, но на неофициальном уровне. Подстелил соломки во всех местах. Но де-юре разрешение на охоту будет получено именно в России. И отправной точкой экспедиции на Большой земле станет наша база в Салехарде-23.

– Какова моя роль?

– От сопровождения кем-либо из наших силовых структур Эфенди отказался сразу и наотрез, это стало начальным условием для переговоров. Хотя ситуацию на Таймыре он в общем и целом оценивает вполне реалистично, но предпочитает пользоваться

собственной проверенной охраной. Однако ему необходим наш представитель – штатский представитель – для урегулирования самых разных вопросов, которые могут возникнуть по ходу дела. Ты сам представляешь, что творится на восточной границе…

Я представлял. Доводилось там бывать в последние годы… По большому счету, то же, что и везде: главы местных администраций признают власть Санкт-Петербурга лишь номинально, и разговоры с ними лучше всего вести с позиции силы. А еще в дело вмешивается местная специфика – рукой подать, за Обью, сибирские мятежники и Китай, маячащий за их спинами. Одни рейды отморозков-«куниц» на нашу территорию чего стоят… А порой и сибирских спецназовцев, замаскированных под пресловутых «куниц».

– С трудом сошлись на кандидатуре офицера-отставника, – продолжал генерал, – хорошо знающего Север и местные условия, не раз бывавшего в тундре, но уволенного со службы ввиду полной к ней непригодности. И весьма нуждающегося в деньгах. Проще говоря, на твоей кандидатуре. Эфенди размышлял три дня и сегодня дал добро.

«Надо полагать, – подумал я, – что за эти три дня люди Великого раскопали обо мне всё, что смогли, и убедились: действительно отставник и действительно инвалид, никаких подделок…»

– То есть вы меня запродали, даже для проформы не поинтересовавшись моим согласием?

– Мангуст… Я знаю тебя одиннадцать лет. И не сомневался, что ты согласишься.

Самое время немного полечить генерала от самоуверенности, послав далеко-далеко… Но он прав, от такой приманки я не мог отказаться.

– Естественно, Эфенди не сомневается, что и в отставке ты будешь работать на ОКР. И ему проще знать, кто среди его спутников наш человек, чем пытаться вычислить, кого я сумел завербовать.

Ха-ха. Я, между прочим, тоже знаю его превосходительство одиннадцать лет. И тоже не сомневаюсь: одно другому не мешает. Наверняка сейчас ведется активная работа по вербовке людей Великого. Не исключен и вариант внедрения в экспедицию нашего глубоко законспирированного европейского агента… А Мангуст, увешанный орденами и лишившийся конечностей, в данной партии сыграет роль отвлекающей фигуры. Генерал Кравцов простеньких двухходовых комбинаций не признает. Но почему он вообще занимается этим делом? Если честно, не его уровень – охота на какую-то болотную чучундру в регионе,

фактически потерянном Россией…

– Что мне нужно сделать для охотников, примерно представляю, – сказал я. – Но в чем интерес ОКР? Я должен следить, чтобы аль-Луаньян заодно с охотой не отыскал на Таймыре нефть или залежи урановых руд? Или есть подозрение, что он может учредить там новую сепаратистскую республику под исламским протекторатом?

– Вообще-то на Таймыр Эфенди не планирует тебя брать. Ты останешься в Салехарде-23.

– Э-э-э… А как же премиальные за чучундру?

– Во-первых, Эфенди человек не жадный, за помощь даже на первых этапах экспедиции заплатит щедро. Хотя с премиальными за трофей не сравнить, согласен. А во-вторых и в-главных, планы не всегда исполняются… Может случиться нечто, что сделает тебя и на Таймыре незаменимым человеком для экспедиции.

Я успокоенно кивнул. Если генерал Кравцов говорит, что может случайно произойти нечто, – значит, произойдет всенепременно. В обеспечении хорошо спланированных случайностей его превосходительство известный мастер.

– И все-таки – в чем моя настоящая цель поездки на Таймыр? Настоящее задание?

– В том же, в чем настоящая цель экспедиции аль-Луаньяна, – туманно ответил Кравцов.

– Не понял… То есть чучундры не существует? Это предлог, чтобы попасть на Таймыр?

– Не знаю, существует чучундра или нет. Мне все равно. Эфенди в нее верит, вот что главное. А кое-кто использует его втемную, чтобы провести поиск, никакого отношения к охоте не имеющий.

– Поиск чего?

– «Колесницы Кришны».

Я с трудом, но все же припомнил, что скрывается за этим названием. Несколько лет назад оно у всех было на слуху, но столько всего произошло за минувшие годы…

– «Колесница»? Но ведь она…

– Есть мнение, что слухи о полном разрушении «Колесницы» сильно преувеличены. Что она хотя бы частично уцелела. И по-прежнему опасна.

Ну вот, другое дело… Это вам не охота на чучундру. Спасать Россию от очередной опасности – привычное занятие для майора Дашкевича.

Хотя, если начистоту, уже поднадоевшее…

3. Деловое предложение

– Мне нужна работающая рация, – обратился Багиров к вернувшемуся от стойки приказчику. – Такая, чтобы могла связаться с Большой землей.

– Рация… – раздумчиво протянул приказчик, словно пробуя слово на вкус. – А кто ж тебе, мил человек, сказал, что у нас есть рация?

– Тот, кто привел меня сюда.

– Кто такой? Чужие тут не ходят…

– Местный, абориген, Иваном назвался.

– Иваном… Странно… Мы тут никаких Иванов не знаем, да и местных не густо… Шляется, правда, один узкоглазый – Вакул. Быстро бегает, все никак словить не можем.

– Вакул? – с удивлением переспросил Багиров.

– Это вроде как черт по-местному, – кивнул приказчик. – Думаешь, нормальный человек сможет один в тундре жить? А черт, он и есть черт, что ему сделается…

– Пусть будет Вакул, – согласился сержант. – Так есть у вас рация?

– Может, и есть, – неопределенно ответил приказчик. – Только видишь ли… пойдем, присядем, что стоим тут, как не родные?

Они отошли, устроились за столиком, расположенным у стены, на отшибе от остальных. Над столом нависал огромный клюв, приделанный к стене. Метра три длиной, не меньше, причем, что характерно, с многочисленными зубами, острыми и мелкими. Как-то это украшение не совсем гармонировало с остальным интерьером, и Багиров решил, что оно настоящее, не бутафория.

– Интересный трофей, – кивнул он в сторону клюва.

– Ага, – согласился приказчик. – Порхала тут пташка… Прямо-таки за порог не выйти было…

– И как вы ее завалили?

– А никак… Сама свалилась. Глядим – утром лежит, лишь чуть подергивается. Мясо вонючее оказалось, в рот не взять.

– Мутаборское создание?

– Да кто ж ее знает, – махнул рукой приказчик. – Может, их пташка, а может, мутант какой. Тут места дикие, людей мало, всяких тварей хватает…

Приказчик помолчал, затем протянул над столом руку:

– Меня зовут Игнат.

– Баг.

– Баг, – недоверчиво протянул приказчик. – Странное имечко…

– Сержант Багиров, если полностью.

– Из Красноярска?

– Нет, из Питера.

– Пусть так, – кивнул Игнат. – Нам, в общем-то, все равно…

А вот это уже интересно… Эмблему «манулов» здесь могли и не знать, но маленький триколор, нашитый на рукав Багирова, мог разглядеть даже близорукий. К чему тогда вопрос про Красноярск? Игнат понятия не имеет о существовании самостийной Сибирской республики? Или знает, но прикидывается?

– Как отсюда можно выбраться на Большую землю?

– Можешь считать, что никак. Нам с тобой, например, никак. И никому из здешних людишек отсюда не уехать, не сбежать. Все в эту землю поляжем, судьбина уж такая…

Сержант не поверил. Темнит ряженый, ой темнит… И спросил:

– А если пофантазировать? Если бы у нас вездеходы были и горючки хоть залейся? Доехали бы?

– Может, и доехали бы, будь у нас Моисей за главного…

– Какой Моисей? – не понял Багиров.

– А такой, что скомандует – и расступятся волны морские, и мы по дну, как по Транссибу покатим, с ветерком да с матерком…

– А-а, пророк Муса… Но зачем нам море? Посуху никак?

– Так на острове мы, мил человек… А остров – это такое место, что посуху с него не уйти.

Понукаемый вопросами сержанта, Игнат объяснил: вся северо-восточная часть Таймыра после Катаклизма стала островом, а юг и запад полуострова ушли под воду. Берег реки Новой стал морским берегом…

– Зато нет худа без добра, – утешил Игнат ошарашенного таким известием Багирова. – По весне гольцы да мускуны идут на нерест с моря – а речки-то, где родились и выросли, куда потребность их природная гонит, – нет как нет! Тычутся вдоль берега, на мелководье выбрасываются, хоть лопатой черпай… Ну и черпаем. Жаль, далековато, много не вывезти, не то бы на весь год рыбы насолить можно было. Но и без того весь май у нас – сплошные рыбные дни. Вот и гадай, что нам лучше: река или море?

– Что лучше – река или море? – рассеянно переспросил Баг, думавший совсем о ином. – Лучше всего солдатская баня… А если зимой? По льдам? На оленьих упряжках?

Игнат разочаровал: неправильное здесь море, зимой не

замерзает. Вулканические процессы продолжаются, острова из воды лезут, как грибы, иные потом взрываются и вновь исчезают в пучине, а кое-где море кипит просто-напросто, и пузыри, со дна идущие, ядовитым дымом над водой расходятся… Даже самые отчаянные головы из местных море это переплыть не пытались, хотя кое у кого будары с прежних времен сохранились.

– Вертолет нужен, – подытожил свой рассказ Игнат. – А вертолета нет. Ни у нас, ни у кого другого, что здесь уцелел. Вертолетный парк в Дудинке был, да вместе с ней под воду и ушел…

– А с Большой земли вертушки прилетают?

– Прилетают, а как же… Своими глазами дважды за пять лет видел.

– И что?

– А ничего… Прогрохочет вдалеке над тундрой – что, с земли шапкой ему махать: приземлитесь, дескать, добрые люди, да подбросьте до Новосибирска хотя бы?

Картина ясная и мрачная. Но раз вертолеты сюда залетают, есть надежда, что где-то на острове они приземляются… А если вертолеты все-таки российские, не сеповские, то…

– Так что там со связью? – напомнил Баг.

Игнат молчал, вновь внимательно разглядывая сержанта. Словно решал, сто́ит или нет доверять чужаку Великую Тайну Рации. Багиров ждал. Наконец молчание прервалось:

– У нас тут, мил человек, коммуния только для своих устроена: забесплатно своим наливаем, забесплатно закусить даем… Смекаешь?

– Что ж непонятного… Расплачусь.

– Чем, если не секрет? Бумажные деньги тут по курсу ватерклозетной бумаги идут. Разве что патронами поделишься?

– Не подойдут мои патроны к вашим карабинам, калибр не тот.

Что боеприпасов у него в обрез, Багиров не стал говорить. Ни к чему. И тут он вспомнил про патроны к дробовикам – особые патроны, захваченные в Печоре. Снаряженные пулями от «ревуна», они пробивали бронежилеты, словно картон, и вдребезги разносили десантные шлемы. Несколько тех патронов Багиров до сих пор носил с собой, вдруг да пригодятся… Калибр двенадцатый, вполне подойдут вон к тому дробовику, у стенки стоящему.

Он собрался было расписать бесподобные боевые качества чудо-боеприпасов, при нужде даже устроить демонстрацию, пожертвовав для нее один патрон.

Но не успел. У Игната, оказывается, уже имелся другой

вариант расплаты. Который и был немедленно изложен:

– Ты, сержант, человек военный. Так вот, есть у нас работа как раз по твоей части… Ты поможешь нам, мы поможем тебе, все довольны, никому не обидно. Ну и выпивка, закуска, ночлег, – все за счет заведения.

– Что за работа?

– Повадились к нам ребята одни заезжать… Водку пить любят, а платить за нее – нет. А у нас не скважина спиртовая пробурена, сам понимаешь… Запас большой, но не бесконечный. Мы ведь с него живем. Тут хоть паши, хоть сей, – ни черта не вырастет. Охота хорошая две недели в году, когда оленьи стада мимо кочуют. Только торговлишкой и живы. Нам водку задарма отдавать – значит, зимой с голоду сдохнуть… Так вот, думаю, ты нам пособить сможешь.

– И чем же? Перестрелять тех наглых ребят? Много их?

– Много, сам всех не постреляешь… – протянул Игнат. – А вот помочь нам, обучить, оборону наладить… Мы ведь по жизни люди мирные, от беды за ружья взялись да арбалеты ладить начали… А ты – человек военный. Если правильно нас обучишь, мы этих варнаков и отвадим. Кровью разок умоются и позабудут сюда дорожку.

Сержант задумчиво почесал затылок. Потом оглядел ряженых. Сделать из них солдат? Сомнительное предприятие… Но прозвучал в словах Игната один любопытный намек. Нехорошие ребята сюда «заезжают». Значит, обладают каким-то транспортом… Вездеходы?

Но Игнат догадку о вездеходах немедленно опроверг:

– На лисапедах они по тундре гоняют…

– Как?!

– Да вот так уж… На лисапедах.

Багиров ничего не понял… Тундра представлялась ему не самым идеальным местом для велосипедных прогулок. По ровному месту, по мху, можно еще кое-как крутить педали, а попадется на пути стланик, – все, отъездился. Он подумал было, что врет Игнат, как сивый мерин, непонятно для чего. Но потом вспомнил кучу искореженного железа у въезда в городок. Ведь и в самом деле отдаленно смахивали те конструкции на велосипеды…

– Предположим, я вам помогу…

– Ну, а я в благодарность сыщу передатчик. Да ты не сомневайся, Вакул не зря тебя сюда вывел…

– Договорились, – сказал Багиров. – Что смогу, сделаю. Здесь вся ваша «армия»?

Игнат обернулся, несколько секунд смотрел на зал, потом

повернулся к сержанту.

– Ну, сейчас еще несколько человек, кроме тех, кто здесь собрался… Но те не бойцы. А когда охотники с тундры вернутся – считай, еще пятнадцать штыков тебе под команду. Народ отборный… орлы… неощипанные…

Последние два слова Игнат произнес вполголоса, значительно тише, чем предыдущие. И опасливо глянул по сторонам: не услышал ли кто? Любопытно… Не все внутри странного коллектива так мирно, как представляется с первого взгляда. Но времени, чтобы выявить противоречия и тем более сыграть на них, скорее всего не будет, – имелось у Багирова такое предчувствие.

Ну что же, в одном хранитель не соврал: жителей в городе и в самом деле около трех десятков.

– А сколько этих бандитов?

– Под сотню, пожалуй…

– Ого…

– Да ты не дрейфь, сержант, – у них баб много, прочих нестроевых… Для драки хорошо если половина сгодится. Осилим. Особенно, если им ловушку какую-нибудь устроить…

– Что ж вы сами ловушку не устроили?

– Да мы-то пытались… Только тут одна загвоздка. Их разом всех положить надо было… Ан не вышло, один уйти сумел, подраненный… Добрался до своих, нет, – неведомо. Но гостей в любом разе ждать надо. Не отомстить, так за водкой непременно заявятся.

Понятно… Вот зачем на въезде свалены кучей обгоревшие и покореженные «лисапеды», вот зачем окружены со всех сторон ловушками… Приманка, способная привлечь одну-единственную дичь – сотоварищей убитых здесь «лисапедистов».

– А где их база? Может, лучше не гостей ждать, а самим в гости нагрянуть?

– У рудника они окопались, верстах в семидесяти… Лагерь свой Адом зовут. Прикинь? Разве нормальные люди этак селение свое обзовут?

Ад… Гадание Ивана, показавшееся полной ахинеей, помаленьку обретало смысл. Вот и Ад обнаружился, где-то должен быть Рай, и не перепутать бы ведущие к ним дороги…

– А Рай где? – брякнул сержант наугад и немедленно пожалел о сказанном – взгляд Игната тотчас же стал злым, подозрительным.

– Рай… – задумчиво протянул он. – Про Рай тебе Вакул напел?

– Какая разница кто, – уклончиво ответил Баг. – Ходят слухи

по тундре.

Не нравился ему Игнат, изображающий приказчика… Не нравился, хоть тресни. И предложение его не нравилось, хоть и звучало складно. Но было в словах Игната что-то фальшивое, как, впрочем, и все остальное в этом городе фальшивок… И тем не менее выбирать не приходилось.

– Так что насчет Рая?

– Есть Рай или сказки все это – не знаю, – ответил Игнат. – Поговаривают, имеется такой. Бывает, и люди приходят… то ли беглецы, то ли посланцы… Да разве Рай может на Земле быть? Или бесовское наваждение, или обман, людьми затеянный…

Багиров кивнул. Обман, понятное дело. Хотя глупо попрекать кого-то обманом, когда сам живешь в городе-фальшивке, в городе лжецов.

– Иные говорят, Рай – место, Катастрофой не затронутое, – продолжал Игнат. – Как такое случиться могло? И берут туда святых только. Да разве мы с тобой на святых потянем? А если для простых людей туда ход закрыт, так и не Рай вовсе…

И Игнат замолчал, переводя дыхание, словно долгая речь утомила его. Возможно, он знал про Рай много больше, только говорить не хотел, боялся лишнее сболтнуть. Но и без того кое в чем приказчик сам себе противоречил: то он говорил, что чужих здесь не бывает, то какие-то «люди приходят».

– Когда приступим? – спросил Багиров, решив отложить до поры тему Рая. – Когда охотники ваши возвращаются?

– С утра сегодня ушли, через сутки воротиться обещались… Завтра утром, стало быть. Или к обеду, если хорошо вдруг дичью затарятся. Но это едва ли, откуда сейчас дичь… Ладно если десяток куропаток да пару зайцев принесут. Они отдохнут с дороги, да ты выспишься, – тогда и приступим. Так что ужинай, обустраивайся, Василиса комнату твою покажет… Эй, Василиса! – повысил он голос, затем призывно махнул рукой.

Блондинка, музицировавшая за пианино, поднялась и направилась к ним. Что характерно, очередная душевная мелодия вследствие этого факта отнюдь не оборвалась, – пианино продолжало играть, клавиши вдавливались сами собой… И тут фальшивка.

Лжепианистка Василиса, похоже, изображала здесь ресторанную шлюху. Подошла, виляя бедрами, и первым делом поинтересовалась у Багирова томным хрипловатым голосом:

– Не угостишь ли даму водкой, красавчик?

– После угостит, – сурово ответил Игнат вместо сержанта. – Если захочет. Комнату ему приготовь, гостевую.

Василиса печально вздохнула, словно ее и впрямь отвадили

от первого и единственного за всю ночь клиента. За всю долгую полярную ночь… И к выходу направилась, значительно умерив амплитуду движения бедер.

– Подходи, служивый, готов твой ужин! – позвала барменша.

Два плоских куска румяного зажаренного мяса перекочевали со сковороды на тарелку, полностью ее заняв, даже нависнув над краями.

– Извини, солдатик, что без хлеба и гарнира, – сказала барменша. – Не богаты мы гарниром, а хлеба вообще уж четвертый год не видим…

Говорила она равнодушно – вопрос, примет или нет Багиров ее извинения, барменшу явно интересовал в последнюю очередь.

– Что за мясо? – спросил сержант, подойдя к стойке.

Он тоже постарался говорить самым обыденным тоном. Хотя весьма-таки интересовался ответом.

– Подсвинка третьего дня зарезали, – объяснила барменша. – Плакали, но резали, – уж такой был хорошенький, умненький… Но пришлось, кормить-то нечем.

Пьяный поп загоготал. Смех у него, несмотря на басистый голос, оказался высоким, словно у женщины. Противным.

– Понятно, – сказал Багиров.

Вопрос можно было не задавать. И ответ не слушать. Видывал сержант такое мясо таких подсвинков, даже совсем недавно доводилось, – по его счету недавно, не по календарю здешнему. Возможно, барменша не врала – зарезанный подсвинок и в самом деле был хорошеньким и умненьким, таким умненьким, что ходил на двух ногах и умел разговаривать…

– Я не буду есть это мясо.

Механическое пианино выдало финальный аккорд очередной душевной мелодии и смолкло. Повисла звенящая тишина, ни слова в зале не раздавалось. Все смотрели на Багирова. Купец, Игнат, человек в синей форме, все остальные ряженые. Даже Василиса остановилась и обернулась, так и не дойдя до выхода. Даже пьяный шаман неожиданно протрезвел, распахнул глаза и лежа пялился на Бага с риском вывихнуть себе шею.

– Значит, брезгуешь стряпней моей? – произнесла барменша так, что сержант на всякий случай приготовился увернуться от раскаленной сковородки.

– Мне нельзя, – сказал он, намеренно понизив тон. – Я мусульманин.

– Нехристь басурманская! – вскричал поп, вскакивая на ноги. – Так я тебя окрещу! Дело недолгое, и трескай от пуза!

Он шагнул было к Багирову, не иначе как желая немедленно приступить к обряду, но зацепился за стул и растянулся на полу

рядом с шаманом. Недолгое время покопошился там, не то пытаясь встать, не то устраиваясь поудобнее, – и захрапел.

Напряжение, повисшее в воздухе, незаметно рассосалось.

– Значит, солдатик, спать натощак будешь, – произнесла барменша с прежним равнодушием. – А завтра охотнички наши принесут тебе чего-нибудь кошерного…

– Халяльного, – поправил сержант.

– И его тоже…

Багиров краем глаза заметил, как рука человека в синей форме отодвигается от кобуры. Значит, не бутафория, и в самом деле у него там спрятано что-то стреляющее… Будем иметь в виду.

4. «Колесница Кришны», история вопроса

Произошло это в Год Станции.

В четверг, 26 апреля, состоялся успешный запуск с космодрома Шрихарикота, в штате Андхра-Прадеш на юге Республики Объединенный Индостан.

Как поведало миру официальное сообщение, индийское государство вывело на расчетную околоземную орбиту исследовательский спутник дистанционного зондирования Земли «Risat-247» (сокращение расшифровалось как Radar Imaging Satellite).

Все как обычно, все как всегда. Очередной успешный шаг успешной ядерно-космической державы, и пусть жгуче завидуют былые лидеры космической гонки, ставшие безнадежными аутсайдерами.

Именно так могли подумать обыватели, мельком прочитавшие сообщение.

Но у специалистов сразу появилась масса вопросов… Им и запуск, и выведенный в космос аппарат показались далеко не заурядными.

247-й был слишком велик для обычного исследовательского, разведывательного или телекоммуникационного спутника, вес его, по оценкам экспертов, превышал двадцать тонн. Соответственно, вместо стандартной индийской ракеты-носителя PSLV (Polar Satellite Launch Vehicle) была использована ракета-гигант «Ардхаматанга-6». До того однотипные сверхтяжелые ракеты всего лишь четырежды стартовали в Шрихарикоте (еще один запуск, по времени второй, оказался неудачным, обломки взорвавшегося носителя рухнули в океан).

Немалые сомнения вызывал и тот факт, что проект являлся чисто государственным, ни одна корпорация Анклава Мумбаи или других европейских или азиатских Анклавов к нему привлечена не была.

После вывода на орбиту странности продолжились. Последовали несколько коррекций орбиты, для исследовательского спутника не нужных. Затем было объявлено о стыковке «Risat-247» с космической автономной биолабораторией «Парандеши», к тому времени кружившей вокруг Земли свыше четырех месяцев. В свое время проект «Парандеши» широко рекламировался, как способный продвинуть биологическую науку далеко вперед. Но за месяцы, прошедшие после запуска лаборатории, сообщения о каких-либо значимых результатах не поступали.

Характерно, что проект «Парандеши» тоже был полностью государственным. И космическая лаборатория так же отличалась немалыми размерами, а вес ее чуть-чуть не дотягивал до девяти тонн.

Имелись и другие странности. Например, небывалая секретность, окружавшая создание и 247-го, и «Парандеши». Как ни старались пронырливые репортеры, им не удалось пообщаться ни с кем из ученых, конструкторов или инженеров, имевших отношение к появлению на свет спутника и лаборатории. Даже с последним рабочим, затягивавшим гайки на космических аппаратах, не удалось. Все скупые комментарии для СМИ давал пресс-секретарь ИКА Раджив Чанг, либо его заместитель.

Смутные подозрения, что индусы собирают на орбите нечто весьма далекое от науки, первым озвучил военный обозреватель бразильского информационного агентства. Проанализировав все странности, сопутствовавшие двум проектам (вернее, как выяснилось, одному), он сделал однозначный вывод: над Землей появилась еще одна боевая орбитальная станция. Журналисты других агентств немедленно подхватили тему, по обыкновению преувеличивая, искажая факты и безбожно раздувая якобы нависшую над миром угрозу.

На пресс-конференции, посвященной стыковке, на Раджива Чанга обрушился град самых острых вопросов. Но он остался непоколебим: наука, только наука и ничего, кроме науки. А для измышлений шакалов клавиатуры у него, Чанга, комментариев не имеется.

В конце июня произошел новый запуск. Сверхмощные двигатели «Ардхаматанги-7» взорвали небо над Шрихарикотой. И к собираемой на орбите станции присоединился новый двадцатитонный модуль.

Шило таких размеров в мешке утаить невозможно, и на сей раз все условности были отброшены в сторону… На пресс-конференции, кроме Раджива Чанга, присутствовали три генерала, причем двое из них пребывали в должностях заместителей командующих видами вооруженных сил Объединенного Индостана. Еще один оказался первым заместителем начальника Генерального штаба, именно он сообщил репортерам главную новость: да, основное назначение собранной на орбите станции – военное. Тогда же впервые прозвучало название «Колесница Кришны».

Разумеется, уверял генерал, ни о какой агрессии речь не идет, Индостан останется привержен своим миролюбивым принципам, но любого врага, внутреннего или внешнего, посягнувшего на территориальную целостность страны, настигнет

быстрое и неотвратимое возмездие. Намек был ясен: нечего точить зубы на восточные и западные мусульманские провинции Индостана, не обломится.

Репортеры не преминули вспомнить Эль-Парижский договор, запрещавший развертывать в околоземном пространстве новые ядерные заряды: разве Индостан в свое время к нему не присоединился?

Генерал не смутился: присоединился, разумеется, договор подписан и ратифицирован, все статьи его неукоснительно соблюдаются. Но разве здесь хоть слово было произнесено про ядерные заряды? Или про лазерные орудия большой мощности, запрещенные тем же договором? Нет, господа, можно сказать без всякого преувеличения, что «Колесница Кришны» – самый настоящий прорыв в военном деле, и ее вооружение основано на абсолютно новых технологиях и под статьи Эль-Парижского договора никак не попадает.

Естественно, тут же посыпались вопросы: что за оружие? Объясните хотя бы в самых общих словах принцип действия?

Ничего объяснять генерал не пожелал. Даже в самых общих словах. Придет время – узнаете. «Возможно, кое-кто узнает весьма скоро», – эту фразу генерал произнес очень весомо, глядя прямо в объектив ближайшей камеры.

Раджив Чанг попытался сгладить неловкость, вызванную словами коллеги в погонах, и завел старую свою песню: не надо, дескать, зацикливаться лишь на военном значении «Колесницы», для науки она также сделает немало… Но эти мантры уже никто не слушал.

Догадок в СМИ после завершения пресс-конференции высказывалось множество. Что за оружие? Метеорологическое? Сейсмическое? Психотронное? Или же имел место банальный блеф, призванный замаскировать грубое нарушение Эль-Парижского договора?

Бойкие журналисты успели окрестить «Сатаной» загадочный дамоклов меч, нависший над миром, но так ничего и не выяснили о его сущности и боевых возможностях… Не исключено, что разведки и спецслужбы, по крайней мере некоторые, обладали более подробной информацией, но разглашать ее не спешили.

Немалый резонанс презентация «Колесницы» вызвала, но все же настоящей добротной сенсации мирового уровня не получилось. Такое уж лето выдалось, богатое громкими новостями, причем в основном дурными… Мировая экономика под атаками «тритонов» рушилась стремительно и неудержимо, лопались банки, их клиенты – и корпоративные, и частные – в мгновение ока превращались в нищих. Обывателя трудно

напугать болтающейся где-то над облаками потенциальной угрозой, когда в пыль, в ничто превращаются его многолетние накопления.

Плюс небывалый всплеск уличной преступности и погромы, прокатившиеся по Анклавам… Плюс Кольский кризис, грозивший миру не абстрактной, а вполне конкретной войной, вполне возможно, ядерной.

И финальным аккордом того страшного лета, грянул День Станции, разом сделавший многие проблемы неактуальными. В том числе и проблему «Сатаны» и «Колесницы Кришны».

Накануне штурма Станции орбиту «Колесницы» скорректировали так, чтобы она пролегала над Кольским полуостровом, в непосредственной близости от Полигона № 13 «Науком». Как выяснилось, это стало не самым удачным решением: орбитальная станция, продолжавшая работать в беспилотном режиме, угодила почти в эпицентр колоссального энергетического удара и разрушилась. Три самых крупных фрагмента прорвались сквозь атмосферу, не сгорев, и рухнули где-то значительно восточнее, точные места падения не локализовали, – системы наблюдения за околоземным пространством находились после Толчка далеко не в самом работоспособном состоянии… Да и не до того было.

…Вот и все, что я знал о «Колеснице Кришны» – честно говоря, мои познания не превышали уровень информированности обывателя, внимательно следящего за новостными лентами.

Вполне вероятно, что генерал Кравцов, курировавший среди прочего и внешнюю разведку, имел более конкретное представление о том, что же скрывается под названием «Сатана». И, как сейчас выяснилось, подозревал, что по меньшей мере один из автономных модулей «Колесницы» уцелел (а вдруг с «Сатаной»?!) и как раз он, а не мифическая зверюга является главным призом в Большом Таймырском Сафари. Эфенди, и вправду много лет назад чокнувшегося на экстремальной охоте, используют для прикрытия, чтобы легально попасть на Таймыр, – скорее всего, это делают спецслужбы Исламского Союза.

– Съемка загадочных подводных объектов в таком случае фальшивая? – поинтересовался я. – Состряпана исламистами как приманка для аль-Луаньяна?

– Не факт… – покачал головой виртуальный генерал. – Не исключено, что не фальшивая… – Не забывай, что с вероятностью семнадцать процентов объекты идентифицированы как имеющие искусственное происхождение. Кто-то еще мог проникнуть на Таймыр нелегально, и обнаружены их аппараты для подводных поисков.

Уже лучше… Если дело дойдет до драки… Не знаю, почему так получается, но там, куда посылает меня генерал Кравцов, драка всенепременно бывает. Так вот, если дойдет до нее, у меня на моих подпорках шансов мало. Но, если схлестнутся две противостоящие силы, можно занять классическую позицию обезьяны на дереве, наблюдающей за схваткой двух тигров. А потом спуститься и прикончить обескровленного победителя.

Но не раньше, черт побери, чем Эфенди прикончит свою зверюгу! И выпишет премии всем помогавшим в охоте. Вопрос в том, сколько времени займут поиски. Если озеро слишком велико, выслеживание чучундры может затянуться, и тогда встречи с конкурентами не избежать, даже если гипотетические владельцы подводных аппаратов покинули Таймыр или вообще не существуют в природе. Аль-Луаньян человек известный, видный, и не только генерал Кравцов способен вычислить связь между местом Большого Сафари и предполагаемым районом падения «Колесницы».

– А велико ли озеро? – спросил я.

– Двоечник! – припечатал генерал. – Не знаешь озеро Таймыр, недоучка? Оно, между прочим, было вторым по величине в России. Не так давно, после потери Байкала, стало первым. Ладно, досье на те места ты получишь в ближайшее время, изучай. А сегодня, в двадцать один тридцать, у тебя встреча в «Англетере» с Хасаном Бен-Захром, начальником охраны Эфенди.

– Бен-Захр… Красный Хасан?!

– Он самый.

– Вот даже как…

– Именно так. Понимаешь теперь, с каким размахом работает Эфенди? По дороге заглянешь в лицензионно-разрешительную, спросишь подполковника Габулова. У него лежит пушка для тебя, со всеми прилагающимися к ней документами. Задача ясна?

Я кивнул и попытался было озвучить первый из длинного списка имевшихся у меня вопросов. Но Кравцов изобразил отметающий жест, проронив:

– Некогда, дел по горло. И без того заболтались.

Но на посошок его превосходительство подкинул мне еще одну информацию к размышлению:

– Не исключено, что на Таймыре ты встретишься с другим старым знакомым. Вернее, с подчиненным. Хотя едва ли он теперь посчитает тебя за начальника.

– Кто?

– Сержант Абдулла Багиров.

– Значит, жив…

Я был уверен, что Большой Баг мертв, и ни на секунду не

поверил в его дезертирство, пособничество в котором мне шили в «черном трибунале». Людям свойственно ошибаться…

– Похоже, действительно жив, – подтвердил генерал. – По крайней мере на Таймыре объявился человек, использующий его личную рацию и пытавшийся войти в Сеть по его старому паролю.

Пароль – ерунда, но работа личной рации у бойцов спецподразделений завязана на целый перечень биометрических параметров владельца, вероятность того, что связью сумеет воспользоваться чужак – ноль ноль два процента. Меня возможная встреча с Багом совершенно не вдохновляла. Самые опасные враги получаются из бывших друзей.

Покинул меня генерал Кравцов эффектно – постепенно становясь все более прозрачным, растаял вместе в креслом. Ну прямо-таки дематериализация призрака в старинном родовом замке.

Я отстыковал шнур от разъема балалайки и вместо родового замка оказался в своей неприбранной гостиной. Взял с блюдца ядрышко ореха, задумчиво повертел в пальцах… Богатый на негаданные встречи день пока не закончился. Предстояла еще одна, с Красным Хасаном. С человеком, несколько лет назад приложившим немало усилий для того, чтобы Мангуст уехал домой с Карпат в аккуратном цинковом ящике. Справедливости ради надо отметить, что я платил ему той же монетой. Никакой неприязни к давнему оппоненту не осталось – такая уж служба была у обоих, и не мы, а наше начальство выбирало, с кем дружить, а кому резать глотки.

Однако интересно: как в последнее время у Хасана обстоит дело со злопамятностью?

5. Гостеприимство по-таймырски

– Прошу, – пригласила Василиса, распахнув перед Багировым дверь. – Этот номер у нас для мусульман, стало быть.

– Чем же он отличается от других? – полюбопытствовал сержант.

– Бара нет, молитвенный коврик есть, – лаконично ответила его проводница. – И еще кое-что по мелочам…

Свет внутри не горел. Номер для мусульман выглядел черной утробой преисподней. Багиров решительно шагнул вперед, готовый в любой момент блокировать удар по затылку, – отчего-то казалось, что внутри кто-то затаился, прижавшись к дверному косяку и держа наготове кувалду. Или топорик для разделки мяса, – жалко подсвинка до слез, но кормить-то нечем…

Предчувствию надвигающейся опасности Баг привык доверять, иначе давно сыграл бы в ящик. Но в этот раз сигнал тревоги сработал впустую – свет зажегся, датчики среагировали на шагнувшего за порог человека. За дверью никто не таился. Однако чувство тревоги не ушло, – наоборот, усилилось.

Номер для правоверных гостей оказался большой и светлый, но к проживанию приверженцев истинной веры его подготовили импровизированно, на скорую руку, причем не слишком утруждаясь… Молитвенный коврик на полу и в самом деле имелся, даже ориентирован был правильно, насколько мог судить Багиров, – но ничем и никак этот коврик не гармонировал с остальной обстановкой, выдержанной в стиле старорусской горницы: бревенчатые стены, деревянные лавки вдоль стен, деревянный пузатый комод… вернее, деревом все лишь выглядело… Центральное место занимала огромная кровать – железные спинки со сверкающими медными шарами, высокая пирамида из разнокалиберных подушек, сложенных строго по ранжиру.

– *Отдохнуть* с дороги не желаете? – кивнула на кровать Василиса, выделив голосом слово «отдохнуть». – Массаж всех видов… ну и все прочее…

Произнесла эти слова она так, словно совершенно не желала их произносить. Но должна была…

– Мне бы с дороги в душ…

– Душ по пятницам.

– А что так?

– Вода с Быррангы течет такая… – Василиса задумалась на секунду, словно решая, стоит ли посвящать гостя во все тонкости здешних проблем с водой. – Паршивая, в общем…

– Пить нельзя?

– Можно. Только помрешь скоро… Через дезактиватор ее прогоняем, и душ только в пятницу.

Сержант тяжело вздохнул… Среди разнообразных гаджетов, имевшихся в его снаряжении, не было даже самого захудалого прибора, способного хотя бы приблизительно измерить уровень радиации. Не полагается их иметь рядовому и младшему командному составу. Начальству лучше знать, где подчиненным будет безопасно, а где нет. И путь Багирова по тундре мог пролегать через самые «горячие» районы. И воду он мог пить самую паршивую, нанофильтры не спасают от радионуклидов.

Василиса направилась к выходу, сказав напоследок:

– Так что располагайся, поспи, коли уж в массаже не нуждаешься…

Вообще-то Багиров от массажа отказаться не успел, но уточнять и поправлять Василису не стал. Дождался, когда дверь за ней закроется, и вновь осмотрел номер, теперь гораздо внимательнее.

Санузел – ничего интересного, встроенная гардеробная – опять ничего, Баг даже заглянул под кровать, отдернув кружевной край покрывала и чувствуя себя немного глуповато… Но и под кроватью ничего подозрительного не оказалось.

Два окна – причем одно фальшивое, в боковой стене-перегородке, и виден в него уже знакомый пейзаж: летняя тундра, стойбище вдали, куропатка и подкрадывающийся к ней песец… Второе окно настоящее, выходит на главную улицу городка, и нет никаких признаков, что окно можно как-то открыть.

А вот входная дверь, напротив, не желала запираться. Имелся на ней электронный замок, но не подавал признаков жизни, да и Василиса, открывая номер, не воспользовалась ни ключом, ни кодом, ни сканером сетчатки, – просто толкнула дверь… Изнутри тоже не имелось никакой задвижки, пусть даже самой символической, вылетающей от легкого толчка плечом. А петли дверные, между прочим, хорошо смазаны и ни малейшего скрипа не издают.

При таких вводных, предложение «поспать с дороги» мог охотно принять только неисправимый оптимист, а Багиров к ним не относился. Не заживаются в десанте неисправимые оптимисты – быстро становятся или реалистами, или жмуриками.

Разве что попробовать забаррикадироваться… Он попробовал – не получилось. Комод не просто был прикреплен к полу – составлял с ним и со стеной единое целое. Кровать не сдвинулась ни на миллиметр, несмотря на все усилия Бага, а он дистрофией не страдал. Из остальных предметов обстановки даже самую

хлипкую баррикаду не построить…

Сержант со вздохом опустился на край кровати. Не нравилось ему происходившее – и то, чем все почти наверняка завершится… Может, лучше было бы остаться с Иваном… Или попытаться вернуться назад через Туман… Хотя попытка найти в нем обратный путь могла иметь самые непредсказуемые последствия. Но что сделано, то сделано, – остается ждать, предоставив горожанам право первого хода. И пусть исполнится, что предсказано…

Как, интересно, здесь принято резать не подсвинков – матерых кабанов-секачей с острыми клыками? Кровать накрепко приделана к полу и стоит точно напротив двери. То есть в задремавшего гостя запросто можно пальнуть с порога… А что с молитвенным ковриком? Багиров встал, намереваясь проверить свою догадку, попробовал сдвинуть коврик с места – тот не сдвинулся. Приклеен, наверное.

Однако от двери в совершающего намаз человека не выстрелить… Какая-нибудь потайная амбразура в стене? Ничего похожего Багиров не высмотрел, хотя изучил стены очень тщательно. А вот на потолке обнаружилось кое-что любопытное: небольшой, сантиметров двадцать на тридцать, прямоугольник. Кто-то выпилил или вырезал кусок пластиката, а затем приладил на место в виде лючка. Сержант усомнился, что отверстие штатное, позволяющее подобраться к проводке или к трубам, – пропилы не совсем ровные. Располагался лючок так, что из него очень удобно было всадить пулю или стрелу в молящегося.

Все понятно. Можно начинать зачистку – снова натянуть шлем и пройтись по «Звезде Таймыра», убивая всех повстречавшихся скупыми одиночными выстрелами. Потом разыскать с помощью биодатчика не встреченных и затаившихся… А затем повторить процедуру в масштабах всего городка. Честно говоря, начать можно было и в ресторации, едва взглянув на тарелку с мясом…

Но Багиров медлил. Теперь, встретив четырехглазого хранителя и услышав, что Рай и Ад – вполне конкретные населенные пункты, он стал гораздо серьезнее относиться к пророчествам Ивана. Не то чтобы вовсе безоговорочно верил им, но… В общем, раз уж сказано «Они начнут убивать тебя, а ты убьешь их», – пусть так и будет.

Сержант погасил свет, включил «ночной глаз», затем снял бронежилет, положил его вместе со шлемом на тумбочку, – теперь снаряжение сразу бросалось в глаза от входа. Свернул одеяло так, чтобы от двери казалось, что на кровати кто-то лежит. И стал терпеливо ждать, когда его начнут убивать.

Ждать пришлось долго. Баг успел засомневаться: может быть, все дело в его мнительности, порожденной словами Ивана? Может быть, местным и вправду нужен до зарезу военный специалист и все предложения Игната сделаны вполне искренне? От участи «подсвинка» такой вариант не избавит, коли уж со жратвой здесь настолько туго, но всё произойдет не сегодня, не в эту ночь…

Сержант собрался было надеть шлем и пустить в ход датчик биообъектов – пластикатовые стены для сканирующих импульсов не помеха. Надо проверить: вдруг все обитатели «Звезды» закончили вечерние посиделки и сейчас тихо-мирно спят, ничего против гостя не затевая?

Отправиться к тумбочке за шлемом Баг не успел – дверь беззвучно открылась. По номеру скользнул луч фонаря. Непростого фонаря, работающего в инфродиапазоне. Такой же фонарь, только более мощный и узкофокусный, имелся и среди прицельных приспособлений «абакана» – подсвечивать цели в ночном бою…

Багиров хорошо видел скользящий по комнате луч благодаря «ночному глазу», но спящего невидимое освещение не потревожит и не разбудит…

Раздался короткий механический звук. Что-то пронеслось по комнате, в первый момент сержант даже не понял, в чем дело, и лишь мгновение спустя разглядел, что из скатанного им одеяла торчит арбалетная стрела.

– Ну? – донесся из коридора едва различимый шепот.

– Наповал, даже не пискнул…

– На, еще раз стрельни для верности.

Из одеяла выросла еще одна стрела. Никаких звуков, свидетельствующих о взведении арбалета, не раздавалось. Надо понимать, у тех, кто пришел сейчас по сержантскую душу, имелся лишь один прибор ночного видения. Его владелец и стрелял оба раза, а напарник отдал ему свое заряженное оружие.

Багиров замер, положив палец на спуск. Пули «абакана» прошьют и пластикатовую стену, и тех, кто находится за ней, в коридоре. Но шуметь раньше времени ни к чему. Да и патронов мало, надо беречь. Вы уж заходите, гости дорогие, берите, что хотели бы взять, неужели в снаряжении элитного десантника нет ничего для вас интересного?

Убийцы и в самом деле не стали долго ждать. В комнату проскользнули две приземистые фигуры. На головах каски… ну конечно, давешние «шахтеры» из ресторации… Свои арбалеты они так и не зарядили, да и не помогло бы им сейчас заряженное оружие.

Багиров одним прыжком вымахнул из-за пузатого комода. Ударил ножом, ударил ребром ладони чуть ниже края каски. Короткий оборванный стон, звук упавших тел, – вот и все звуки, сопровождавшие короткую схватку. Если кто-то услышал, наверняка посчитал, что раздался предсмертный стон «подсвинка»…

Один из «шахтеров», скорее всего, был уже мертв, но сержант для полной гарантии резанул ему по глотке. Как говорят в Урусе, на Аллаха надейся, а верблюда привязывай. Нельзя оставлять позади никого, способного пальнуть в спину.

Второму убийце, оглушенному, Багиров разжал ножом челюсти и заткнул рот кляпом – самой крошечной подушкой, венчавшей подушечную пирамиду. Заломил руки назад, стянул запястья «имкой» – аналогом наручников, но куда более компактным и легким.

Теперь – облачиться в шлем и бронежилет, перестрелки в самом ближайшем будущем более чем вероятны. Натянув шлем, сержант первым делом задействовал датчик биообъектов, включив его в режим трехмерной развертки. Так… обстановка ясна… все противники остались на первом этаже, сюда явились лишь эти двое. Самоуверенные, однако. Явно не впервые вознамерились прикончить гостя…

Пленный тем временем начал подавать признаки жизни – зашевелился, замычал. Так и было задумано, бил его сержант с расчетом на пару минут отключки. Не тратить же снадобья из аптечки, приводя в сознание мертвеца, получившего короткую отсрочку.

Он присел рядом с «шахтером», приставил лезвие ножа к сонной артерии, чуть надавил. Пленник сразу уразумел, что к чему, и прекратил свои попытки шевельнуться.

– Сейчас я буду спрашивать, – негромко сказал сержант, – а ты отвечать. Будешь молчать – убью сразу. Соврешь – вернусь и убью чуть позже. Понял меня? Если понял и согласен пообщаться – кивни.

Кивок последовал весьма энергичный.

– Очень хорошо, – продолжал сержант, наклонившись к самому его уху. – Вас послал Игнат?

Новый кивок.

– Он приказал, чтобы меня убили?

«Да», – просемафорила голова «шахтера».

На остальные интересующие Багирова вопросы ответить жестами было невозможно. Сильнее всего сержанта интересовало, где местные хранят рацию. Ночь предстоит бурная и нельзя допустить, чтобы шальная пуля или стрела вывела бесценный

прибор из строя.

– Сейчас я выну кляп. Будешь отвечать словами. Вздумаешь кричать – крик станет предсмертным. Понял?

«Шахтер» кивнул аж три раза, Баг выдернул из его рта обслюнявленную подушечку.

– Где рация?

– Она… – пленник сделал крохотную паузу и заорал.

Громко заорал, истошно, пронзительно. Долгим крик не был – после короткого движения ножа сменился тихим свистом воздуха, выходящего из рассеченной гортани. Сержант отшатнулся от фонтана крови, ударившего из вскрытой артерии.

Да, жизнь в злом городе у подножия Быранги и вправду делала людей другими… Багиров знал, что порой пленные, даже самые матерые враги, способны предпочесть мучительную смерть помощи врагу. Но для такого самопожертвования надо иметь какую-то идею и верить, что собственная жизнь – ничто в сравнении с ее, этой идеи, торжеством.

А ворочавшийся сейчас под ногами «шахтер» жизнь свою очень ценил и берег, коли уж пошел для ее сбережения на всякие гнусности, вроде убийства спящих и пожирания их трупов… И никак не должен был, по разумению Багирова, выбрать мученическую кончину. Однако же выбрал…

И его самопожертвование бесцельно не пропало. Сержант надеялся, что и этот крик припишут умирающему постояльцу, однако не сложилось. В «Звезде Таймыра» поднялась тревога – Багиров услышал топот ног, встревоженные голоса. Что еще хуже, повсюду – и в номерах, и в коридоре – зажегся свет. И основное освещение, и аварийное… Логично, наверняка приборы ночного видения здесь не в изобилии, раз уж даже идущие на дело убийцы имели один на двоих. Драка зрячего со слепыми не состоится. Можно, конечно, входя в помещение, сразу же расстреливать в нем осветительные приборы, но так патроны закончатся еще быстрее…

Кстати, о патронах… Неплохо бы вооружиться трофеями.

Сержант подобрал один из арбалетов и запасные стрелы. Захватили их убийцы с собой всего пять, с учетом двух, застрявших в кровати, вытаскивать которые времени не было… Но и три дополнительных выстрела могут оказаться совсем не лишними.

Закинув автомат за спину, сержант быстро разобрался, как взводится арбалет (при помощи примитивного рычага, вращающегося на шарнире), зарядил его. Хоть оружие и выглядело аляповатой самоделкой, но, судя по потертости и исцарапанности, давно служило своему владельцу, ныне

покойному. Хотелось бы надеяться, что и нового не подведет.

Багиров осторожно двинулся вдоль коридора, контролируя обстановку по биодатчику, благо зона действия полностью покрывала «меблированные нумера». Очень скоро сержант осознал неприятный факт: его передвижения противники тоже дистанционно контролируют и действуют не вслепую, берут в кольцо, целенаправленно перекрывая возможные пути отхода… Стоит ли в «Звезде» самая примитивная система видеонаблюдения, или в придачу к ней имеются более совершенные датчики, разбираться было некогда. Однако стало ясно, почему крик умирающего поднял тревогу: кто-то взглянул на экран – отчего, мол, так долго возятся, дело-то привычное, – и увидел, что события очень далеко отклонились от стандартного сценария здешнего гостеприимства.

Главную лестницу, куда двигался Багиров, уже перекрыли: трое преграждали путь вниз и двое вверх. Дальний конец коридора выходил на лестницу запасную и там, пролетом ниже, тоже засели двое. Еще трое оставались на первом этаже, один – в неподвижности, очевидно наблюдая из пультовой за сержантом и координируя действия сообщников, еще двое двигались по коридору, повторяя путь Бага, но уровнем ниже…

«Зачем они топают подо мной след в след?» – подумал сержант и тут же получил ответ на свой мысленный вопрос. Внизу грохнул выстрел, второй, третий… Три пули вылетели из пола рядом с ногами Багирова, ударили в потолок. Стреляли из охотничьего карабина. Или из двух карабинов.

Эластичные и легкие пластикатовые стены и перекрытия могли устоять в самом страшном землетрясении, но за все в жизни надо платить, – и в качестве защиты от пуль здешние потолки никуда не годились.

Правило это действовало в обе стороны, чем Багиров и воспользовался: отложил арбалет и выстрелил вниз пятью одиночными из «абакана», ориентируясь на показания датчика и траекторию вражеских пуль. Тоже никого не зацепил, оба объекта внизу сохранили подвижность.

Сержант быстро сменил позицию и двигался теперь быстро, непредсказуемо меняя направление. Новых выстрелов снизу не последовало – «наводчик» наверняка не успевал руководить стрелками.

А Багиров предпринял-таки еще одну попытку. Единственным результатом стало уменьшение боезапаса на три патрона… Нет, нельзя играть по чужим правилам и перестреливаться вслепую, врагам только того и надо, боеприпасов у них наверняка гораздо больше. Они ждут прорыв на главную лестницу? Ну что же, не

будем разочаровывать и обманывать ожидания.

Он подхватил арбалет и ринулся к главному выходу, рваным зигзагом. Выскочил на лестничную площадку и вновь пустил в ход «абакан» – тут же саданул из подствольника вверх, туда, где таилась засада. Быстро зарядил и пальнул вниз – боевых гранат не осталось, но по беде и сигнально-дымовая сойдет для отвлечения внимания. Добавил скупую, на три патрона, очередь, вдруг да заденет кого-нибудь шальная пуля.

И тотчас же, не выясняя результаты обстрела, сержант совершил спринтерский рывок обратно по коридору. Выложился хорошенько, как давно не выкладывался, с самого бегства в Тумане от чудовищ… Вылеченная Иваном нога вела себя идеально.

Расчет полностью оправдался. Засевшие на запасной лестнице расслабились, уверенные, что прорыв происходит на другом конце здания. И выбрались из укрытия на лестничную площадку, дожидаясь указаний. Но вражеский оператор, руководивший боем, попросту не успел с ними связаться…

Девица в кожаной куртке и алом пиратском платочке вскинула дробовик-помповушку. Багиров отпрыгнул влево, в прыжке разрядив арбалет. Одновременно оглушительно рявкнул дробовик. Заряжен он был, разумеется, отнюдь не патроном, изобретенным печорскими кулибиными, но картечью или крупной дробью, – и полностью разминуться с конусом свинца сержанту не удалось, одна не то картечина, не то дробина ударила в щиток шлема, другая щелкнула по пластине бронежилета. Не обращая внимания на подобные мелочи, Баг лихо перемахнул через перила и приземлился на площадке, рядом с врагами.

«Пиратке» правка уже не требовалась, оперение стрелы торчало у нее из глазницы. Вторым в засаде оказался поп (хотя какой он поп, очередная фальшивка). Лжесвященник ничего предпринять не успел, занятый куда более насущным делом, – перегнувшись через перила, он блевал вниз, на ведущую в подвал лесенку. Арбалет его стоял в нескольких шагах, мирно прислоненный к стене.

Обернулся на звук выстрела «поп» с запозданием и немедленно получил добротный удар ботинком сержанта. Наклонившись над рухнувшим противником, Багиров быстро спросил:

– Командует вами Игнат?

Лжесвященник несколько секунд восстанавливал дыхание, а восстановив – смачно харкнул в Бага. Не попал и тут же захрипел, забулькал кровью из рассеченного горла.

Сержант проверил обстановку по датчику. По его расчетам, в «Звезде» оставалось семеро противников – как минимум, если не подошли новые, привлеченные звуками боя. Но датчик отрапортовал: живых объектов в здании пятеро, не считая самого Бага. Возможно, его отвлекающий маневр на главной лестнице оказался результативнее, чем ожидалось. Но скорее в рядах противника началось дезертирство. Бариров вспомнил барменшу и Василису – какие из них нахрен бойцы, дадут деру при первой возможности.

Двое врагов оставались на главной лестнице, их командир (Игнат?) находился на своем посту (в пультовой?). Еще двое – те, кто пытался нащупать сержанта выстрелами из карабинов, – двигались по коридору в сторону запасной лестницы. Но задержались у дверей пультовой, очевидно затеяв разговор с начальством.

Есть немного времени пополнить арсенал… Отброшенный арбалет сержант не стал подбирать и на оружие псевдопопа тоже не покусился. Помповушка на близких дистанциях сработает надежнее. Дробовик был заряжен полностью, за вычетом патрона, истраченного на попытку подстрелить Багирова. Еще пять патронов обнаружилось в карманах девицы. И четыре печорских спецпатрона в кармане Бага, подходящих по калибру к помповушке. В сумме не так уж плохо.

С боеприпасами к «абакану» дело обстояло куда хуже… Граната к подствольнику осталась одна, да и та светошумовая (а ручные гранаты закончились у сержанта еще в приснопамятной яме). Багиров проверил рожок, в нем оставалось всего три патрона. Негусто. Пристыковал новый, полный и, увы, последний. А эти три патрона пусть остаются на самый крайний случай.

Черная коробочка, висящая на груди застреленной «пиратки», что-то неразборчиво квакнула. Сержант поднял ее, нажал кнопку вызова и произнес:

– Игнат, я иду тебя убивать.

Шмякнул приборчик на пол, с хрустом припечатал подошвой. И немедленно двинулся выполнять обещанное приказчику.

6. Охота на чучундру – 2

Подборку материалов по таймырским делам я получил поздно, перед самым выездом, и просматривал их в таксомобиле. Сидел, зажмурив один глаз – изучал им тексты и снимки, выводимые на имплантированный в сетчатку наноэкран. А вторым глазом наблюдал за тем, что происходит вокруг. Медики, кстати, такие упражнения не приветствуют, говорят, что они ведут к рассинхронизации работы полушарий мозга и существенно повышают риск заполучить шизофрению. Но я давно привык изучать информацию из «балалайки» именно так. На прежней моей службе привычка уходить с головой в виртуальный мир, не контролируя окружающую обстановку, добром бы не закончилась. А шизофрения… Напугали ежа голой задницей. Разве нормальные люди будут зарабатывать на жизнь стрельбой, взрывами и перерезанием глоток? Вот то-то и оно.

…Озеро Таймыр и в самом деле было велико, почти пять тысяч квадратных километров, не шутка. И отличалось крайне изрезанными очертаниями, в отличие от Ладоги или Байкала: множество больших и малых заливов, вытянувшихся по карте во все стороны, словно ложноножки гигантской амебы. Озеро было проточным – пополнялось реками и речками, собирающими талую воду со всей возвышенной северо-западной части полуострова, а полноводная река Нижняя Таймыра сбрасывала излишек воды в океан.

Однако ключевое слово здесь «было». Ныне все не так…

После Дня Станции Таймыр из полуострова превратился в остров, изрядно при этом уменьшившись в размерах, уменьшился и бассейн рек, впадающих в одноименное озеро – оно стало стремительно пересыхать, явно намереваясь повторить печальную судьбу Аральского моря. Вернее, даже не пересыхать, а вытекать в море через Нижнюю Таймыру, – словно ванна, над которой закрутили кран и выдернули пробку слива… Сейчас это уже не первое по площади озеро России и не второе Азии, а несколько относительно крупных изолированных озер и множество маленьких в северной части бывшей акватории. Общее число вновь образовавшихся водоемов перевалило за три сотни, собственных имен они у гидрографов не получили, числились под номерами.

И в одном из них – из тех, что покрупнее – именуемом Таймыр-17, со спутника засекли движущуюся под водой группу из нескольких крупных объектов.

(Я мельком подумал, что Эфенди повезло – чучундра

обнаружилась именно в этом озере, омывающем подножья гор Бырранги. Можно устроить базу для поисков в предгорьях и спастись от туч комарья и гнуса.)

Копия записи прилагалась, но своим качеством не порадовала, я был лучшего мнения об оптике, установленной на разведывательных спутниках. Хотя вполне возможно, что агент-нелегал, работавший на генерала Кравцова, сумел лишь просмотреть оригинал записи, тайком зафиксировав увиденное на «балалайку».

Поэтому я не особенно старался разглядеть смутное нечто, виднеющееся под поверхностью. Но отметил, что держаться стайками более характерно для живых организмов, аппараты же для подводных поисков имеют больше шансов на успех, если рассредоточатся по большой площади… Можно было придумать тысячу и одну причину, отчего и зачем гипотетические аппараты собрались вместе, но я не стал. Мне очень хотелось получить премию за чучундру, застреленную Эфенди.

На этом пришлось прервать географические и криптозоологические штудии, запись я просматривал уже не в таксомобиле – в скоростном лифте, поднимавшем меня на двадцать восьмой этаж федерального небоскреба «Роза ветров», именно там обосновалась лицензионно-разрешительная.

Подполковник Габулов, как мне и обещал генерал, оказался на рабочем месте, хотя приемные часы давным-давно закончились. Подполковника – царя и бога для всех алчущих заполучить оружие самообороны граждан – совершенно не радовал факт сверхурочной работы по приказу высшего начальства. Тяжелый сверток он выложил на стол с крайне недовольным видом, а карточку на оружие и пластинку-разрешение из ферромагнетика протянул мне, брезгливо держа кончиками пальцев за самые краешки, словно документы были измазаны чем-то липким и противным.

– Сегодня финал Кубка Лиги, что не смотрите? Не болельщик? – подколол я подполковника, вспомнив свои здешние мытарства, завершившиеся получением дамской «щекоталки».

Он глянул на меня зверем, ничего не ответив. Болельщик, и страстный. А тут мало того, что приходится смотреть матч года по «балалайке» в паршивом качестве, так еще в самый волнительный момент, в разгар добавленного времени, заявляется отставник Дашкевич… Я не стал томить подполковника и распрощался.

Сверток распаковал прямо за дверью, в пустынном коридоре. «Ассасин-214», номер соответствует указанному в карточке, два снаряженных магазина и в придачу три увесистых коробочки с

патронами. На кобуру Габулов не расщедрился, пришлось положить заряженный «дыродел» в карман. Не беда, дома у меня валяются и поясные, и подплечные кобуры от самых разных стволов, подберу что-нибудь подходящее по размеру.

Любопытно, что ни подпись, заверенную личным код-паролем, ни отпечаток сетчатки подполковник от меня не потребовал, в отличие от недавней процедуры получения «щекоталки». Можно заподозрить, что если я завалю из «ассасина» какого-нибудь добропорядочного гражданина – например, уважаемого гостя России из свиты Эфенди, – тут же выяснится: ствол левый, а документы на него – подделка высшего качества. Хотя к чему мучить себя подозрениями? Я знал Кравцова достаточно долго, чтобы не сомневаться: именно так всё и произойдет.

Вооружившись, я вернулся в ожидавший таксомобиль. И заодно вернулся к своим баранам, в смысле, к таймырским озерам. Путь до «Англетера» недолгий: через Дворцовый мост, круг по площади Шамиля и приехали. Но на Дворцовом скопилась громадная пробка, с черепашьей скоростью просачивавшаяся мимо газобуса, столкнувшегося на съезде с моста с конной грузовой фурой, – времени для работы с досье хватило.

Ничего толкового об интересующем меня озере гидрографическая наука сообщить не смогла. Таймыр-17, как выяснилось, самая настоящая аква инкогнита. Размеры да очертания берегов – вот и все, чем порадовала сводка. Карта глубин составлена более чем приблизительно, на основании старых, задолго до Толчка сделанных промеров и без учета возможных изменений конфигурации дна в результате сейсмоактивности. Температура воды – данных нет: ихтиофауна – данных нет; гидрорежим, течения, время ледостава и схода льда – опять-таки данных нет.

Зато раздел досье, посвященный мифической чучундре, страдал избытком информации. В легенды местных аборигенов о водяных демонах-барусах я не стал слишком вчитываться, фольклор, если и основан на чем-то реальном, то крупицы истины погребены под толстым слоем преувеличений и домыслов… Лишь отметил, что барусы представляют собой некий гибрид русского водяного и Великого Кракена, обмельчавшего на диете из пресноводной рыбы.

Рассказы «очевидцев» прочитал более внимательно. В последние два столетия мало кто, кроме туземцев, бывал на берегах озера Таймыр. В основном геологи и прочий экспедиционный народ, решивший внести разнообразие в меню

при помощи рыбалки и охоты на водоплавающую дичь, некогда гнездившуюся на озере в баснословных количествах. Хотя одна турфирма лет семьдесят назад организовывала на Таймыр охотничье-рыболовные туры, но после нескольких сезонов дело заглохло – слишком дальняя дорога, слишком велики накладные расходы, рыбка из озера Таймыр становилась не просто золотой – платиновой, а с наступлением Большого Нефтяного Голода и вовсе бриллиантовой.

В результате все случаи встреч с озерным монстром оказались сильно разнесены во времени, «очевидцы» излагали свои истории независимо, и их версии отчаянно противоречили одна другой. Однажды чучундра предстала в образе некоей рептилии с длинной лебединой шеей и огромной пастью, усеянной несколькими рядами зубов. Другой раз выглядела скорее похожей на гиппопотама – нечто громадное и бесформенное, плохо различимое в предрассветном тумане. Рекомое нечто с шумом и плеском вылезло из озера и потопало в тундру; ошарашенные рыбаки хотели даже сделать слепки следов, да вот беда, не нашлось под рукой гипса. Еще один вариант чучундры вообще с трудом можно было отнести к животному миру – громадная коряга, даже скорее пень, размеры которого никак не соотносились с растущими на Таймыре деревцами. Однако псевдопень, по уверениям трех геологов, решивших пострелять гусей, имел глаза, светящиеся в темноте, а его гибкие живые корни – настоящие щупальца – тянулись под водой на десятки метров и обладали силой, способной остановить лодку, несколько минут не двигавшуюся с места, несмотря на отчаянные усилия двух гребцов. Несколько выстрелов видимого вреда «пню» не нанесли, но лодку отпустить заставили.

На мой взгляд, наибольшее доверие вызывали рассказы, авторы которых ничего толком разглядеть не смогли: смутное и громадное нечто, движущееся под водой, не то рыба непредставимых размеров, не то еще что-то живое.

Проще всего было объявить все истории беспардонным враньем, рыбацкими и охотничьими байками, сочиняемыми с целью повесить лапшу на уши доверчивых простаков, а то и прославиться, став героем публикации в прессе… Но я не раз бывал в тундре. И хорошо знал, как давят на психику безлюдные просторы – подсознание вполне готово ко встрече с чем-нибудь этаким. А если еще имеется спирт в достаточных количествах, тогда не просто коряга с глазами может примерещиться, она вам еще и сонеты Шекспира читать начнет… На староанглийском.

Завершал подборку историй комментарий специалиста-зоолога, наверняка скептический. Но с мнением официальной

науки я ознакомиться не успел – у любого пути бывает конец, тот или иной, завершилось и наше бесконечное путешествие по Дворцовому. Площадь проскочили с ветерком, я расплатился и направился к «Англетеру». Немного опаздывал, минут на десять, но не особо расстраивался по этому поводу – однажды я целую ночь мерз с бойцами в засаде, подстерегая Красного Хасана, а он так и не появился… Можно считать, что теперь возвратил тот должок. Частично.

В «Англетере» все оставалось как прежде, как в старые добрые времена, словно не было Толчка, и Большой Волны, и мятежей в столице, и постоянной войны всех против всех, не затихающей на просторах страны… Тот же холл, выдержанный в стиле начала двадцатого века, та же униформа старого покроя на вышколенной обслуге, та же древняя рамка металлоискателя – настоящая арка, сквозь которую можно маршировать колонной по трое… На самом деле под прикрытием арки были смонтированы новейшие наноскопы, да и вообще в отеле имелось достаточное количество вполне современной аппаратуры, просто она не бросалась в глаза, внимание отвлекалось на полированное дерево, мрамор и потемневшую бронзу…

Наноскопы, кстати, никак на «ассасин» в моем кармане не отреагировали, хотя я уже достал полученные от щедрот Габулова документы, готовясь их предъявить. Охранник кивнул успокаивающе: проходите, дескать, у нас все под контролем, но лично к вам никаких претензий нет. И здесь генерал Кравцов заботливо расчистил мне дорожку… Хотя вполне возможно, что заботу проявил Красный Хасан.

Лифт в «Англетере» отличался старомодной медлительностью, я оправился пешком, благо подняться предстояло всего лишь на второй этаж. Камеры наблюдения в коридоре, как и следовало ожидать, стояли допотопные, на кронштейнах, стилизованных под старинный кованый металл. Я отметил, что вход в апартаменты Хасана в зону наблюдения не попадает. И подумал, что наверняка жилец установил здесь свою аппаратуру слежения, незаметную, не портящую ретроинтерьер.

На стук в дверь никакой реакции не последовало. Я постучал сильнее. Дверь оказалась незапертой, дрогнула и чуть-чуть подалась назад, – исключительно вследствие моего стука.

Из щели потянуло знакомыми до боли ароматами… Свежим запахом сгоревшего пороха. Свежим запахом крови.

Надо было уходить. Не медля ни секунды. Но я все же промедлил: раскрыл дверь чуть шире и увидел то, что ожидал увидеть. На полу лежал человек, без малого обезглавленный, – большая часть головы красовалась на полу, на стене и на диване в

виде огромной неаппетитной кляксы из крови, частиц мозгового вещества и осколков черепа. Не Хасан… Я никогда не видел Бен-Захра, наше знакомство было заочным. Однако если верить ориентировкам, убитый значительно выше ростом.

Прочие детали происшествия выяснять и изучать не стоило… Болтаться с заряженным «ассасином» в кармане рядом с местом, где только что образовался свежий труп – не самая удачная затея. Я пошагал по коридору прочь от двери.

Далеко уйти не успел… Топот нескольких пар ног за спиной, резкий окрик охранника.

Я не стал сопротивляться и демонстрировать феноменальные возможности своей правой клешни. Позволил заломить мне руки за спину, завалить на ковровую дорожку. И подумал, что Красный Хасан все же отличается редкой злопамятностью и мстительностью.

7. Зачистка

«Подсвинков», аж целых трех, Багиров нашел рядом с третьим домом из осмотренных.

«Свиноферма» выглядела незамысловато. Никакой инфернальности, всё просто и буднично – под навесом на заднем дворе стояла огромная клетка на бетонном основании, кое-как сваренная из толстых металлических прутьев, наверняка трудился здесь непрофессиональный сварщик. Дверца из тех же прутьев с огромным висячим замком, чуть тронутым ржавчиной. Под дверцей – щель, достаточно широкая, чтобы просунуть корытце с едой, но человеку протиснуться нет никакой возможности.

В общем, клетка казалась принадлежавшей самому нищему и захудалому из всех зверинцев. Только вместо зверей в клетке сидели три женщины. Две совсем молоденькие и одна в летах, но не потерявшая – до своего появления на свиноферме – определенной привлекательности. Правда, сейчас привлекательными «свинок» мог счесть лишь абсолютно неразборчивый мужчина, лет этак двадцать не общавшийся с женщинами.

Одежда давно превратилось в грязные лохмотья, и в душ по пятницам пленниц явно не приглашали, пованивало от них более чем ощутимо. Идущий от дамочек аромат смешивался с другим, источником которого служило пресловутое корытце, наполовину заполненное рыбьими головами не первой свежести. И не второй, и не третьей… проще говоря, тухлыми. К тому же нужду женщины справляли прямо под себя, как свиньям и положено. Коктейль из запахов оказался таким ядреным, что сержант был вынужден опустить щиток и дышать через фильтры.

Закинув автомат на плечо, он подошел к клетке.

– Давно обосновались?

Молодые девушки дернулись, отползли в самый дальний угол, а та, что в летах, осталась на месте, глядя куда-то мимо сержанта пустым, бессмысленным взглядом. И что-то не то напевала, не то мычала себе под нос, сержант прислушался – колыбельная, слов не разобрать. Песенка предназначалась для подобия куклы, слепленной из дерьма и рыбьих голов.

Он попытался хоть как-то разговорить молодых, но те лишь прижимались к прутьям клетки и смотрели на сержанта абсолютно безумными глазами.

Не люди… Уже не люди… Животные.

И все же он помедлил, прежде чем приступить к

неизбежному. Попытался найти какой-то компромиссный вариант… Но такого варианта в природе не существовало. Сбить замок, выпустить пленниц на свободу? В тундре умрут мучительной голодной смертью, только и всего. Оставить, как есть? Если вернувшиеся охотники сумеют прикончить Бага, женщин ждет безумное, животное существование, – и вертел или сковородка как финиш жизненного пути. А если Багиров перебьет всех охотников… Нет, такую обузу вешать себе на шею решительно невозможно, и их не спасет, и сам пропадет.

Он поднял карабин медленно, неторопливо, словно надеялся, что произойдет в последнюю секунду нечто, позволяющее изменить принятое решение… Ничего не произошло.

Умерли все трое без мучений – три выстрела, три пули, попавшие в головы… Правка не потребовалась.

Сержант продолжил поиски Игната, самого опасного из уцелевших врагов. Из «Звезды Таймыра» хитрый приказчик сумел ускользнуть, пока Багиров был занят перестрелкой с человеком в синей форме и с молодым бородачом, одетым в старомодный свитер со стоячим воротником (кого изображал сей персонаж, сержант так и не разобрал).

Эти двое оказались крепкими орешками, на рожон не лезли, да и вооружены были получше других, самозарядными охотничьими карабинами. Теоретически и шлем, и бронежилет должны были выдержать мягкую свинцовую пулю из карабина, но Баг, наученный горьким печорским опытом, предпочел не рисковать зря, – допускал, что у врагов могли оказаться пули с сердечниками, армейские или самодельные. В конце концов он прикончил обоих, предварительно удачно оглушив и ослепив светошумовой гранатой. Но Игната к тому времени в задании уже не было. Да и никого другого не осталось, никого живого, – тело дородного «купца» сержант обнаружил в холле, тот лежал, зажимая обеими руками большую рваную рану на животе. Судя по кровавому следу, приполз «купчина» с лестницы. Значит, один из выстрелов из подствольника не пропал-таки даром.

Теперь предстояло окончательно зачистить городок, желательно до возвращения охотников. Баг медленно двигался между домами, освещенными рассветным солнцем. По привычке выбирал зоны, не простреливаемые из окон, хотя враги об активном сопротивлении уже не задумывались, забились в щели, попрятались.

Ага, вот еще один затаившийся, не подозревающий о том, что пластикатовые стены от биодатчика не спрячут… Дверь дома оказалась заперта, но была пустяковая, что называется, от честных людей, Баг вышиб ее одним ударом ноги. Вошел

спокойно, без прыжков и перекатов – неудачливый игрок в прятки засел на втором этаже и пулей или стрелой встретить не мог.

Когда-то здесь жили, но сейчас дом давненько стоял необитаемым – пыль, запустение. К обстановке Баг особо не приглядывался, сразу поднялся наверх, откуда доносился какой-то негромкий звук непонятного происхождения.

Распахнул дверь – и понял, что опоздал. Что все здесь закончилось без него… На крюке, вбитом в стену, висела барменша. Снятое с крюка бра причудливого вида – металлическое, кованое – лежало у стены, рядом стояли туфли, поставленные аккуратно и ровно, и валялся опрокинутый табурет. Срезанный с бра провод был затянут на горле женщины. Труп слегка покачивался, легонько ударял пятками о стену, – именно этот звук услышал сержант снизу.

Хоть у кого-то здесь сохранились остатки человечности… Хоть кто-то понял наконец, что жизнь – штука ценная, но все же не любой ценой ее можно покупать. Багиров стянул шлем с головы, сам не очень понимая, зачем это делает, потом приподнялся на цыпочки, перерезал провод. Подхватил тело, не дал грохнуться на пол, опустил аккуратно и осторожно.

Опустил – и замер в неудобной согнутой позе. Понял, что барменша, судя по температуре и окоченению, провисела не менее двух часов. А это значит, что датчик никак не мог на нее отреагировать… К тому же тело покачивалось, а сквозняков здесь нет… И подземных толчков, даже самых слабых, в несколько последних часов не случалось.

В доме прятался кто-то еще, а сержант расслабился, как последний ботаник.

Когда он пришел к этому выводу, то ничего не успел предпринять, – на Багирова напали. И, пожалуй, именно это нападение имело бы самые большие шансы на успех, если бы Василиса действовала молча. Но она выскочила из-за занавески с диким воплем.

Баг мгновенно обернулся, увидел искаженное яростью лицо, занесенное над головой оружие – тесак или что-то вроде того.

Он выстрелил на рефлексах, не задумываясь. Пуля отшвырнула Василису к стене, женщина сползла по ней, пятная кровью. Тесак звякнул об пол. Даже скорее не тесак, а здоровенный нож для разделки мяса.

Василиса была жива и оставалась в сознании, но Багиров видел: ранение смертельное. Угоди ей в грудь пуля из охотничьего карабина, еще могла бы при удаче выкарабкаться, но пуля «абакана» движется внутри тела по очень поганой траектории, и выжить в полевых условиях шансов нет.

– Где Игнат держит рацию? – спросил он главное.

В пультовой «Звезды», вопреки ожиданиям, передатчик не обнаружился. Лишь достаточно мощный приемник, нужный сейчас Багирову, как дождевик в пустыне Сахара. Нашлось там и кое-что более полезное: неплохой запас патронов разных калибров – для карабинов, дробовиков и «дыроделов».

Он не особенно рассчитывал на словоохотливость умирающей, но та прохрипела:

– Не у него… У главного нашего…

– Главный не Игнат? – уточнил Баг.

– Не-е…. Этот шестерка… Выслуживается… За начальника у нас Длинный. Зэками нашими верховодит…

– Что за зэки? Тоже ряженые?

– Если бы… Самые натуральные…

Багиров начал расспрашивать, стоило понять, с кем еще предстоит иметь дело. Василиса слабела на глазах, отвечала все тише, все неразборчивее, но постепенно из вопросов и ответов сложилась следующая история: до Катаклизма не так далеко отсюда имелся рудник, работали там зэки, охраняли их вертухаи, небольшой поселок вольнонаемных рядом был… А после катастрофы, как выразилась Василиса, «вертухаев будто языком слизнуло». Или погибли все, или сбежали, бросив своих подопечных, хотя куда отсюда бежать… С этого рудника и пришли лагерники, в количестве почти двух десятков и быстро прибрали к рукам – со стрельбой, с кровью – власть над городком. Именно после их появления началось людоедство, до того только выменивали продукты на водку. Сейчас желающих торговать с городком почти не осталось, и бывшие зэки устраивают охотничьи экспедиции, причем добывают не только тундровую живность, но и двуногую дичь.

Василиса замолчала и закрыла глаза. Дышала тяжело, прерывисто, в простреленной груди побулькивало и похрипывало. Сколько ни тормошил ее Баг, ни единого ответа больше не добился… Он достал нож и примерился поставить точку.

В этот миг Василиса открыла глаза и все поняла. Прошептала:

– Сделай… не больно…

– Больно не будет, – пообещал Баг и сдержал обещание.

…Игната он так и не нашел. Потратил еще час, обыскал весь город, включая развалины, нашел и прикончил еще троих жителей (одного из них после короткой перестрелки). Все трое оказались незнакомыми, хотя, возможно, и был среди них лжешаман, его без шаманского костюма и маски с рогами сержант не опознал бы. В артиста Васильева, кстати, Багиров

стрелять первым не собирался, был благодарен за попытку предупредить, спровадить подобру-поздорову из злого города. Но как получилось, так и получилось…

А Игнат словно в воду канул. Наверное, сбежал в тундру, рассчитывая перехватить и предупредить возвращавшихся охотников. Рация тоже не отыскалась. Возможно, зэк по кличке Длинный таскал ее с собой в походах по тундре, или надежно запрятал здесь, в городе.

В любом случае надлежало подготовиться к встрече, и Багиров подготовился. Оборудовал несколько дополнительных огневых точек, положив там трофейные карабины и помповушки – изображать ходячий арсенал сержанту надоело. Переустановил растяжки на входе в городок, причем понизил прицел арбалетов и заменил грубую проволоку тончайшей, но прочной флуорокарбоновой нитью из своего запаса, практически невидимой. Теперь обнаружить ловушки можно было только подсвечивая путь ультрафиолетовым фонарем, а сержант сомневался, что бывшие лагерники способны на такие изыски.

Время близилось к полудню, охотники не появлялись. Спать хотелось невыносимо, больше суток на ногах, не шутка, причем сутки оказались заполнены весьма бурными событиями… Если Игнат в самом деле предупредил главаря, то самая беспроигрышная игра для бывших зэков – выждать несколько часов, ничего не предпринимая. А под вечер, когда усталость доконает сержанта, отбить городок.

Можно воспользоваться стимулятором из аптечки, но, если Длинный и компания не заявятся в ближайшие два-три часа, станет еще хуже… Тяжело воевать в одиночку.

Жрать тоже хотелось не по-детски. Детей заботливые родители кормят четыре раза в день, а последней трапезой сержанта стал вчерашний обед… Да и то не обед, а одно название – две сухие палочки, с палец размером каждая, полученные от щедрот Ивана. При беглом осмотре домов ничего съедобного Баг не нашел (за исключением тухлых рыбьих голов и «подсвинков», но и та и другая еда на любителя), а на тщательные поиски времени не оставалось. Но пустой желудок – полбеды, а вот проблему сна и отдыха надо было как-то решать.

Поразмыслив, Багиров решил подремать вполглаза в «Звезде Таймыра». Хоть одну растяжку возвращающиеся зацепят – услышит и проснется. А если зэки окажутся на диво везучими и проскользнут мимо всех ловушек, об их появлении оповестит сторожевая система «Звезды», совсем врасплох не застанут. Рискованный план, но ничего лучшего в сонную голову не приходило.

Однако у «Звезды Таймыра» сержанта поджидал сюрприз. Датчик показал, что внутри, в пультовой, находится человек. Игнат? Вернулся?

Багиров рывком распахнул дверь и с трудом удержался от выстрела. За столом, уставленным аппаратурой, где не так давно сидел сбежавший Игнат, теперь восседал верховный шаман Таймыра и всея тундры Васильев, бывший артист бывшей филармонии бывшей Республики Саха – Якутия. На фоне мерцавших экранов и подмигивающих светодиодами панелей полное шаманское облачение выглядело сюрреалистично.

Сержант опешил. Кого-кого, а уж шамана Васильева он здесь увидеть не ожидал.

На коленях у шамана лежал охотничий карабин, потертый, исцарапанный, однако с новеньким оптическим прицелом. Но Васильев даже не потянулся к оружию, не обращая внимания на автомат Багирова, нацеленный прямиком на шаманскую двурогую маску.

– Ты что тут затеваешь, филармония? – не слишком дружелюбно поинтересовался сержант.

– У Длинного много людей, ты один не справишься, – спокойно ответил шаман, даже не глядя в сторону Бага. – Я помогу. Вдвоем легче воевать, да?

У Багирова появилось странное подозрение… Голос из-под маски раздавался сейчас вроде бы тот же, что и в ресторации, но речь звучала по-иному… Строй фраз другой. И не в том даже дело, что шаман начал «тыкать» сержанту – говорил он сейчас точь-в-точь как Иван, или Вакул, или как там его по-настоящему…

Баг присмотрелся повнимательнее к оружию шамана. И готов был поклясться, что вот эту выбоинку на дереве приклада он уже видел. Не далее как вчера, на карабине Ивана. Совпадение?

– Сними-ка маску, – приказал Багиров, не желая оставлять за спиной ничего непонятного.

Шаман без возражений повиновался.

Темные, коротко остриженные волосы, скуластое узкоглазое лицо, абсолютно незнакомое. Может, и вправду якут, среди них некогда Васильевых, Степановых да Николаевых чуть ли не половина республики была – в стародавние времена, когда якуты крестились, фамилии брали по именам крестных отцов, русских казаков… Теперь, наверное, на китайский лад переиначивают.

– Я надену обратно, да? – невинным тоном спросил шаман. – Привык к ней.

– Надевай… – проронил Багиров чуть растерянно. – С чего бы ты со своими воевать затеял?

– Так надо.

Что за хренотень… Откуда-то якут Васильев подцепил любимую фразу Ивана…

От дальнейших головоломных раздумий сержанта избавил взрыв, грохнувший на окраине городка. Сработала одна из растяжек. Зэки вернулись с охоты.

– Иди, встречай, – кивнул на дверь шаман.

– А ты?

– Наверх пойду.

Багиров кивнул. С крыши «Звезды Таймыра» открывался отличный вид на городок. А карабин у шамана хоть и старый, но в умелых руках на трехстах-четырехстах метрах промаха не даст, тем более с оптикой. Вопрос лишь в том, насколько умелы данные конкретные руки…

Надо было спешить, но Баг все же дождался, пока Васильев первым выйдет из пультовой. Поворачиваться спиной к нежданному и очень странному союзнику не хотелось.

Он выглянул на улицу, и тут второй раз рвануло, на сей раз на другой стороне городка… Зэки и вправду настороже, коли уж подходят с разных сторон… А чуть позже сработал арбалет, и сработал не впустую, – над городком прокатился чей-то надрывный, переполненный болью крик, который тут же оборвал выстрел. Судя по звуку, пальнули из «дыродела» немаленького калибра. Однако бойцы у Длинного отмороженные, со своими ранеными не сентиментальничают, тут же добивают. Но на растяжки надеяться больше не стоит, ловушки и без того собрали неплохой урожай… Пора начинать.

Вооружившись «абаканом» (семнадцать патронов) и карабином (полный боезапас, сколько мог унести без ущерба для подвижности), Багиров обогнул «Звезду» и стал пробираться задними дворами, как он считал, в тыл охотников.

Он продвинулся достаточно далеко, когда датчик отрапортовал о групповой цели. Четыре объекта находились позади груды развалин, некогда, в первозданном состоянии, имитировавших русскую бревенчатую избу.

Можно было бы очень удачно накрыть всех одной гранатой, перебросив ее через «избу». Вот только гранат не осталось. А выскакивать и пытаться во встречном столкновении уложить сразу четверых не хотелось… Логика подсказывала, что в охотничьих экспедициях участвовали самые лучшие здешние стрелки, и с самым лучшим оружием. Оставалось выжидать, что предпримут противники, не догадывающиеся о близком присутствии Багирова.

Долго ждать не пришлось. Охотники разделились, один

двинулся вперед, медленно огибая «избу», трое остались на том же месте. Осторожничают, на рожон не лезут.

Сержант поднял карабин, на ствол которого был приделан собственноручно изготовленный глушитель из многих слоев тряпки, прикрученной проволокой. Одноразовая штучка, второй и последующие выстрелы прозвучат почти неослабленно, зато первый будет практически бесшумным.

Из-за кучи псевдобревен – метрах в трех от Багирова, не далее – высунулся ствол дробовика. После короткой паузы показалась голова владельца оружия, увенчанная накомарником с завернутой наверх сеткой. Показалась, посмотрела налево, стала поворачиваться направо, в сторону сержанта… Карабин выстрелил негромко, словно хлопнула пробка, вылетевшая из бутылки шампанского.

Промахнуться на таком расстоянии трудно, даже с тряпкой, мешавшей толком прицелиться. Пуля попала чуть ниже края накомарника, охотник рухнул. Его сотоварищи, разумеется, слышали тихий звук выстрела, но едва ли сообразили, что стреляли у них буквально под носом…

Баг поднес ко рту сложенные ладони и издал протяжный жалобный стон, – так, чтобы лагерникам показалось, будто источник звука находится в нескольких метрах левее. И тут же совершил спринтерский рывок, быстро и бесшумно огибая руины с другой стороны.

Зэки ему подвернулись тертые и жизнью битые – не бросились проверять, что там стряслось с их товарищем, но все их внимание было направлено именно в ту сторону. Сержант срезал всех троих одной очередью, одного затем пришлось доправить ножом.

Минус четыре… Неплохое начало. Если еще учесть жертвы растяжек, то как минимум треть охотников вышла из игры.

Еще двоих удалось прикончить без особого труда – повезло, Багиров заметил их издалека, без помощи датчика, когда лагерники, пригнувшись, крадучи двигались вдоль невысокой ограды. Нападения, судя по всему, они ожидали лишь со стороны «Звезды», – там началась перестрелка, раскатисто грохотали дробовики, с их выстрелами перемежался сухой треск карабина. Шаман на своей крыше тоже не сидел без дела.

Багиров вскинул карабин, дважды нажал на спуск, – готовы оба, можно делать на прикладе две зарубки.

Однако на том везение сержанта и закончилось.

Стоило ему опустить оружие – страшный удар швырнул Бага на землю. Выстрел он не услышал…

Сознание сержант не потерял, но тела своего не ощущал и

ничего не видел сквозь кровавый туман, клубящийся перед глазами. Потом чувства отчасти вернулись – он ощутил, как из рук рванули карабин, как грубо, обрывая застежку, с головы тащат шлем. Но помешать ничем не смог, мышцы категорически не желали реагировать на команды мозга.

Потом кровавый туман рассеялся, но лишь отчасти, сержант видел только то, что находилось прямо перед ним. А по краям поля зрения продолжало колебаться алое марево, но противников разглядеть оно не помешало… Оказалось их двое: оба невысокие, но крепко сбитые, головы у обоих бриты наголо, но лица, заросли непонятной растительностью – для щетины слишком длинная, для бороды короткая. Просто братья-близнецы какие-то… И одеты оба одинаково, в лагерные бушлаты с обрезанными рукавами и укороченными полами, причем образовавшиеся излишки ткани нашиты обратно в виде карманов, кармашков и чехлов, – так, что получились грубые подобия армейских тактических жилетов.

Разглядел сержант и оружие, отправившее его в нокаут, – один из близнецов сжимал в руке «дыродел», да какой! «Бергштайн-М14», не больше и не меньше. Хотя нет… судя по чуть измененной форме компенсатора отдачи, лагерник владел всего лишь китайской копией известнейшей марки. Но сути дела это не меняло: восемнадцатимиллиметровая пуля из такой машинки как раз и предназначена поражать в ближнем бою противников, носящих бронежилеты повышенной защиты. Пуля тяжеленная, скорость полета у нее низкая, дозвуковая, – броник, конечно же, не пробивается, но и рикошетов практически не случается, почти вся энергия летящей пули достается обитающему внутри бронежилета организму. Эндодинамические свойства кевлайкры в этом случае почти не задействованы, они проявляются тем сильнее, чем выше скорость ударяющегося о кевлайкровую защиту объекта.

Что при этом происходит с пресловутым обитателем броника, сержант сейчас хорошо ощущал на собственной шкуре. Контузия происходит, и не слабая. Несмертельно, можно за несколько часов отлежаться, а можно гораздо быстрее поставить себя на ноги препаратами из аптечки… Вот только ни отлеживаться, ни пользоваться аптечкой никто ему не позволит.

– Очухался, крысеныш! – констатировал обладатель «дыродела» с нескрываемым торжеством.

Его брат-близнец, внимательно изучавший захваченный «абакан», прислонил автомат к стене. Там уже стоял карабин, второй раз за сегодня сменивший владельца, и арбалет. Близнец подошел поближе, вертя в пальцах десантный нож, в котором сержант опознал свой собственный.

– Ломтями резать будем, – сообщил близнец с ножом. – Долго-долго подыхать станешь.

Голос его звучал так благостно, словно всю долгую полярную ночь близнец мечтал о том, как он изловит сержанта российской армии и о том, что с пленником сотворит, – и вот мечты сбываются.

Багирову пришла не совсем уместная мысль: хорошо, что больше суток ничего не ел, а то наложил бы полные штаны, при контузиях кишечник опорожняется рефлекторно… Не хотелось проводить последние минуты жизни измазанным в собственном дерьме.

Хотя в переносном смысле обделался сержант по полной программе. Недоглядел, расслабился… Обрадовался, что два зэка сами лезут на мушку, – и не просканировал датчиком близлежащий дом. А близнецы оказались хитрее и умнее своих коллег-охотников. Сообразили, что с их недальнобойным оружием на открытом месте ни с карабином, ни с автоматом не потягаешься, – и засели в доме, крайне удачно выбрав место засады. Или крайне неудачно, если взглянуть на ситуацию глазами сержанта.

Перестрелка у «Звезды» тем временем стихла, и Багиров решил, что помощи с той стороны ждать смысла нет. Не смог ботаник из филармонии долго тягаться с урками, поднатаскавшимися в убийствах…

– Ну, что тебе отчикать для начала? – глумливо спросил близнец с «дыроделом».

И выдернул из ножен тесак весьма солидных размеров. Нож сержанта в сравнении с этим клинком мог сойти за зубочистку.

– Да, колись-ка, чего те не жалко? – подхватил его братец. – Яйца, часом, при ходьбе не трут?

Сержант попробовал заговорить – губы дрогнули, с них сорвался слабый невнятный звук. На том попытка вступить в диалог и завершилась.

Естественно, он не собирался сообщать близнецам, с какой деталью организма согласен расстаться в первую очередь. Хотел лишь потянуть время – намекнуть на важную информацию, которой обладает, дать понять, что он, российский сержант, не один здесь, на Таймыре… Короче говоря, сделать так, чтобы резать его ломтями без обстоятельного допроса Длинным стало никак не возможно. Чтобы успеть хоть немного оклематься от контузии, при большой удаче дотянуться до аптечки… Но не сложилось.

– А вот зачем ему аж два глаза? – поинтересовался близнец с десантным ножом у брата.

– Одного хватит, – кивнул тот. – И одним разглядит, как из него…

Он не договорил. Голова, когда в нее попадает мягкая полуоболочечная пуля из охотничьего карабина, – зрелище крайне неэстетичное, лишающее непривычных людей сна и аппетита. Но Багирову в тот миг показалось, что ничего прекраснее он в жизни не видел.

Близнец рухнул. Его брат метнулся в сторону и исчез из поля зрения сержанта. Пытался ли он сбежать и спрятаться, или же поспешил за дальнобойным оружием, – в следующий миг стало не важно, потому что Баг услышал еще один отдаленный звук выстрела, а за ним – звук близкого падения тела. Близнецов не стало.

Сержант понял, что список его долгов шаману увеличился на два пункта… И решил, что пророчество о поголовном истреблении жителей городка не сбудется. Сержант Багиров сказал, что он единственный здесь представитель российской власти. А самозваные пророки и прочие несогласные могут отправиться в пешее эротическое путешествие по тундре. Точка, обсуждению не подлежит.

С двумя внешними врагами ему помогли, но с внутренним придется справляться самому. С собственным организмом, абсолютно не желающим хоть что-то делать, а желающим неподвижно лежать и неторопливо оправляться от контузии.

Казалось, что прошла целая вечность, пока сержанту удалось совершить простейшее движение – перевернуться с бока на спину и освободить руку, прижатую телом к земле. Еще одну вечность он приходил в себя после вспышки дикой боли, вызванной этим движением, и дожидался, пока рассеется алый туман, вновь сгустившийся перед глазами. Осталось совсем немного, сущий пустяк, – дотянуться правой рукой до левого запястья, до клавиш на браслете, управляющих аптечкой. Баг подозревал, что пустячок займет еще больше времени.

Красное марево вновь рассеялось и сержант понял, что времени у него не так уж много. Он, сменив положение, теперь видел близнеца – того, что вторым подвернулся под пулю шамана.

Близнец был жив. Близнец полз к «дыроделу», выроненному братом.

Очень медленно полз, оставляя густой кровавый след – кровь текла из простреленной навылет груди, сбегала тонкой струйкой из оскаленного рта… Каждый сантиметр близнец преодолевал с огромным трудом, но двигался безостановочно. Его и «дыродел» разделяло около двух метров.

И началось заочное соревнование двух полумертвых людей. На противника Багиров преднамеренно не смотрел, дабы не отвлекаться – лишь на свою правую руку, тянущуюся к запястью левой. Дотянулась, но пальцы бессильно скользнули по браслету – согнуть их, передвинуть тугую кнопку запуска стало новой проблемой… Зато клавиши потом нажимались очень легко, от малейшего прикосновения. Программа семнадцать-бис, самолично составленная и способная шокировать любого медика – в свое время сержант заставил приборчик запомнить рецепт адской смеси, изобретенной и опробованной в яме с кольями.

Подействовало быстро, но все же не мгновенно. После инъекций, в томительные секунды ожидания, Баг подумал, что именно сейчас близнец по закону подлости дотянется до оружия и выстрел из «дыродела» сделает все старания напрасными… Подумал – и наконец-таки позволил себе взглянуть в ту сторону.

Бритоголовый проиграл. Не дополз. Лежал неподвижно, лишь пальцы бессильно скребли землю в полуметре от рукояти.

Багиров кое-как поднялся на ноги. Медленно, пошатываясь, направился к стене с прислоненным оружием. По дороге легонько пнул «дыродел», разом обнулив шансы близнеца набраться сил и в последний момент все-таки выиграть схватку. Сам нагибаться за оружием, отправившим его в нокаут, не стал, – побоялся, что не сумеет потом разогнуться, настолько ослабел.

Взял «свой» карабин, с остатками тряпки на стволе, но только лишь потому, что стоял тот к сержанту ближе остального арсенала. Прислонился спиной к стене, долго и тщательно целился в бритый затылок… И умудрился промахнуться с пяти метров, пуля выбила фонтанчик земли неподалеку от головы близнеца. Руки дрожали…

Сержант подковылял, приставил дуло вплотную. Лагерник лежал, не шевелясь, покорно ждал смерти… Покончив с ним, Багиров выждал, пока инъекции окончательно подействуют, и уныло констатировал: своими отчаянными усилиями он выиграл минуты жизни, никак не часы. Нынешнее состояние сержанта делало финал схватки с Длинным и его уцелевшими головорезами предсказуемым и совершенно однозначным… Если, конечно, шаман не умудрился всех их перестрелять, что представлялось невероятным.

И все же он вооружился и пошагал к «Звезде Таймыра». Точнее сказать, поплелся… Покорно дожидаться смерти сержант Абдулла Багиров не привык. Да и шаману Васильеву, если тот еще цел, неплохо бы вернуть должок.

8. Если долго сидеть на берегу реки, мимо проплывет труп врага

Судьба играет человеком, а человек… А человек попивает кофе в компании своего некогда злейшего врага.

Примерно так думал я, глядя на тоненькую струйку кофе, льющуюся из изящного серебряного кофейника. Роль гостеприимного хозяина, угощающего гостя, исполнял Красный Хасан. Я всегда был уверен, что, когда наконец-то повстречаюсь с ним лицом к лицу, в руках у него будет «дыродел», или нож, или что-то еще в том же роде, но никак не кофейник. И вот как все обернулось…

Хасана одни ненавидели, другие боялись, третьи любили, но уважали все, и враги, и друзья. Вот лишь один короткий эпизод из бурной биографии этого человека, неплохо его характеризующий.

Батальон добровольцев под командованием Бен-Захра держал фронт под Ужгородом (наша пропаганда упорно именовала батальон «бандой наемников»). А соседний участок фронта контролировали люди Таты Гриця, личности страшной и по уши отмороженной. Прославился Тата Грець за пять лет до второй карпатской, захватив в заложники несколько десятков детей-инвалидов, – и после выполнения всех своих требований все-таки взорвавший автобус, дистанционно, с безопасного расстояния… Команда у Таты подобралась вполне под стать вожаку. И вот к штабу этого-то отморозка подкатил Красный Хасан в сопровождении лишь водителя. Вошел в штаб в одиночку и заявил: нехорошо, дескать, получилось – бойцами Таты изнасилована и убита местная жительница, причем в зоне ответственности батальона Бен-Захра. Надо утрясти проблему. Тата Грець незамедлительно вызвал двоих своих людей, а когда те явились, собственноручно застрелил обоих. И спросил: доволен ли уважаемый Бен-Захр таким разрешением инцидента? Хасан кивнул и укатил, напоследок посоветовав выставить трупы насильников в людном месте совместно с плакатиком, поясняющим, за что они расстреляны.

Те, кто был знаком лишь с Грицем, изумлялись, услышав об этом эпизоде. Знавшие Хасана не удивились. Добровольно превратить его из союзника во врага мог лишь самоубийца.

Внешне выглядел Хасан неособенно грозно: невысокий, худощавый, смуглый, жилистый, ни капли жира, ни грамма лишнего веса. Я знал из досье, что мать его была бедуинкой, а

отец происходил из принявших ислам палестинских евреев. В общем, дети пустыни… И, казалось, родители передали вместе с генами сыну провяленность, прокопченность жарким солнцем.

Сейчас мы не предавались воспоминаниям о делах минувших дней. Дела дня сегодняшнего стали куда более актуальной темой. Весьма паршивые дела, прямо скажем…

– Меня срочно вызвали к шефу за полчаса до твоего прихода, Мангуст, – задумчиво говорил Хасан. – И я попросил Али встретить тебя, угостить кофе и кое-что рассказать до моего возвращения… Так что не совсем понятно, в кого метили: в Али или в меня?

Надо сказать, что угоститься кофе мне довелось лишь заполночь, спустя два с лишним часа после прихода в гостиницу. Следственная группа к тому времени покинула «Англетер», и можно было спокойно потолковать с былым врагом.

С меня подозрения в убийстве Али, заместителя Хасана, сняли практически сразу. Выстрел из «дыродела» с глушителем разнес голову заместителя как раз в тот момент, когда я проходил мимо охраны в холле. У входа в номер Хасана и в самом деле имелась замаскированная камера, но ее убийца на короткое время ослепил, использовав постановщик помех. Чуть раньше штатная гостиничная камера запечатлела человека в униформе «Англетера», шагавшего по коридору, но съемка велась со спины, лицо на записи не разглядеть… Фуражку и китель коридорного, использованные киллером для маскировки, позже обнаружили на запасной лестнице. Ушел стрелявший без малейших помех, пока сбежавшаяся со всей гостиницы охрана ликовала от поимки Мангуста. А может, и не ушел, нельзя исключать вариант, что убийцей был один из постояльцев «Англетера».

Между прочим, если бы не ДТП на Дворцовом – в момент выстрела я находился бы в номере вместе с Али. Вот и гадай: то ли хотели и меня заодно ухлопать, то ли подставить, то ли все случайно совпало по времени…

Риторический вопрос Хасана остался без ответа. Мой, невысказанный, – тоже.

И тут Бен-Захр подкинул еще один повод для размышлений:

– Неделю назад в Эль-Париже погиб Саади-Мишель Биркофф, пресс-секретарь шефа. Автокатастрофа – не справился с управлением, разогнавшись почти до двухсот пятидесяти… Но от этой катастрофы повanивает… В крови обнаружили неслабую концентрацию неосина. Он вообще-то и в самом деле употреблял, и многие это знали. Но в его спортивном мобиле оказался демонтирован контроллер скоростного режима. Специалисты

говорят, что демонтаж проведен кустарно, но вполне грамотно. А Саади… он, знаешь ли, лампочку в люстре не мог заменить без помощи электрика. И никогда не увлекался стритрейсингом и прочим подобным экстримом.

Вообще-то я после беседы с генералом Кравцовым хорошо понимал, что предстоящее задание не исчерпывается мирными и спокойными поисками чучундры, триумфальным выстрелом Эфенди и выплатой всем участникам сафари причитающегося вознаграждения. Ждал, что будет и стрельба, и кровь, и трупы, – но предполагал, что раскрутится кровавая свистопляска позже, уже на Таймыре. А оказывается, что началось все даже не в Питере, еще в Эль-Париже.

– Али убрали очень не вовремя, – продолжал Красный Хасан. – Или очень вовремя, если взглянуть на ситуацию глазами наших противников. Он был специалистом по расследованиям, много лет служил в криминальном департаменте инспектором, затем начальником отдела, затем субпрефектом, позже, во время «синдиновых войн», был переведен в контртеррористическую секцию Европола… Профессионал, ас следственного дела. Найти равноценную замену нет времени, к тому же самую важную информацию Али хранил лишь в своей памяти, не доверял ни бумаге, ни электронике. На Таймыре мне будет его очень не хватать… Ведь я кто? Боевик, специалист в диверсионном деле и в контрдиверсионном… Охотник на тигров, а не на подползающих в траве змей.

– Змеи – это убийцы Али? – уточнил я.

Имелся в словах Хасана некий логический провал. Доставить на Таймыр любого лишнего человека – это не просто взять еще одного пассажира на борт дирижабля или конвертоплана. Это дополнительные припасы, снаряжение, а каждый завезенный на край света килограмм груза становится золотым… Зачем на Таймыре ас в расследованиях? Если в экспедиции будут лишь свои, то с агрессивно настроенными аборигенами Хасан разберется куда лучше, чем следователь, привыкший к кабинетной работе. Хотя сейчас – после выстрела в номере «Англетера» – подходящая работа для следователя появилась-таки. Но ведь Али ехал с охотниками для чего-то другого, никак не для расследования обстоятельств собственной смерти…

– Змеи… – медленно повторил Хасан. – Если бы я знал, кто тут змея…

И он объяснил мне: Эфенди отправляется на Таймыр с большой свитой, общим числом около полусотни человек. Вопреки советам Хасана, кстати. Но ничего не поделаешь, чучундру крайне желательно застрелить не келейно, а на публике

и под прицелом профессиональных камер, – не только финал охоты, но вся таймырская эпопея будут представлены в виде полнометражного стереофильма. Такие уж времена – это раньше охотник мог привезти из дальнего путешествия бивни рекордного слона или шкуру рекордного тигра и претендовать на место в пантеоне охотничьей славы. Теперь еще надо доказать, что уникальный трофей не выращен в мутаборских лабораториях…

Понятно… Полсотни человек – в этакую ораву даже не одна спецслужба или криминальная структура могла внедрить «кротов». Или «змей», если пользоваться терминологией Бен-Захра. А для пущей надежности ликвидировали единственного в команде профессионального «змеелова».

Затем Хасан произнес фразу, убившую весь мой интерес к разговору. Мгновенно убившую, наповал. В бою Бен-Захр тоже стрелял именно так – чтобы наповал, чтобы правка не требовалась.

– Извини, Мангуст, но премию за таймырского монстра ты не получишь.

Он замолчал, выдержал долгую паузу. Я успел подумать, что не совсем зря потратил вечер и часть ночи – «ассасин» вещь полезная, хоть какой-то, но прибыток. А Таймыр, чучундра, «Сатана» и генерал Кравцов обойдутся без меня.

– Я поговорил с шефом, – продолжил Хасан. – Он согласен заплатить тебе те же самые деньги, но за выстрел по совсем иной дичи. Или за несколько выстрелов.

– По змее? – проявил я догадливость. – Или по змеям?

– Именно так.

– Мне никогда не предлагали стать киллером-профессионалом, не знаю уж почему. Может, причина в том, что такие предложения делают людям, которых хорошо знают. А те, кто меня знает, уверены, что я откажусь.

– Не спеши отказываться… Давай расставим точки над i: какие бы корочки тебе ни нарисовали, ты работаешь на свое начальство из ОКР. Доказывать и даже обсуждать этот факт не будем, примем за аксиому. Я работаю на Эфенди и только на него. И я, и шеф знаем достаточно о «Колеснице» и «Сатане», и о чужом интересе к ним. Но Эфенди эти игрушки ничуть не интересны. Если действительно фрагменты «Колесницы» уцелели – лучше всего пусть и дальше лежат, где лежат. Если все-таки кто-то их разыщет, попробует восстановить и пустить в дело, – в худшем случае этот гибнущий мир погибнет чуть раньше, но мы с шефом к тому времени будем очень далеко отсюда. Но пусть охотники за «Сатаной» занимаются своей охотой самостоятельно, а охота Эфенди должна пройти и завершиться без помех с их

стороны. Наша позиция тебе ясна?

– Вполне.

– Тогда разберемся с твоей. Я не знаю, какую задачу поставил перед тобой твой генерал. Но исхожу из имеющихся у тебя возможностей: ты чисто физически не сможешь арестовать охотников за «Сатаной» и доставить в ближайший полицейский участок. Потому что до ближайшего участка тысячи миль. Так?

– Допустим.

– Если же ты просто проинформируешь Петербург о том, что кто-то ищет или нашел «Колесницу», можно опоздать, – охотники вывезут свою находку, и генерал Кравцов не успеет и не сумеет им помешать. Так?

– Допустим и это.

– Тогда методом исключения получается, что твое задание состоит как раз в уничтожении тех, кто попытается наложить руку на «Сатану». Я прав?

– Все логично, но я не понимаю одного: зачем в таком случае предлагать мне деньги за то, что я и так должен сделать?

– Эфенди считает, что так надежнее. Он знает, зачем тебе нужны эти деньги.

– Господин аль-Луаньян решил заняться благотворительностью?

– Можно сказать и так… Заодно он решил застраховаться от того, что тебе придет в голову мысль самому заработать на продаже «Сатаны». А почему нам нужен именно ты, достаточно очевидно: ты, Мангуст, будешь джокером в колоде Эфенди. Любой серьезный противник, ознакомившийся с твоим досье, поймет: у этого человека давняя вражда с Бен-Захром, быть заодно они никак не могут. А мы вдобавок продемонстрируем на публике, что угли старой ненависти еще тлеют и полыхнуть может в любой момент.

Звучало все складно, но я не обольщался. Имелся в деле и еще один нюанс, не упомянутый Хасаном. Раз уж никто не знает, под какой маской скрывается «змея», может статься, что стрелять придется в весьма респектабельного и уважаемого человека. И для репутации Эфенди гораздо полезнее, если этот выстрел сделает не его доверенный человек, а некто со стороны. А обещанная награда… Вполне возможно, что эту конфетку мне лишь покажут издали, но отдать ее в планы Эфенди не входит. Да, он очень богат, но богатые люди только потому стали и остаются таковыми, что не тратят деньги там, где их можно не тратить.

Но если обещание награды, озвученное сейчас Хасаном, будет как-то оформлено документально, возможны самые разные

варианты. Не далее как вчера я наблюдал на улице любопытную сцену: мальчишка дразнил на улице собачонку неизвестной мне мелко-лохматой породы. Показывал конфету и высоко ее поднимал, когда песик пытался дотянуться до угощения. Но закончилась игра тем, что лохматик напрягся на пределе сил, а то и за их пределом, прыгнул на удивление высоко – мальчишка взвыл, размахивая покусанными пальцами, а второй игрок торопливо улепетнул со своей законной добычей.

А мангусты, надо заметить, тоже весьма прыгучие твари. В переносном смысле, разумеется, данный конкретный Мангуст к прыжкам сейчас неспособен… Ненадолго, хочется надеяться.

В общем, я согласился. Дальнейший разговор касался отдельных деталей предстоящего путешествия, а в завершение его Красный Хасан сказал:

– Поднебесники говорят: если долго сидеть на берегу реки, мимо проплывет труп врага. Я думаю, что может произойти другое: враг превратится в друга.

Произнеся эти слова, Хасан шагнул ко мне, протянул руку.

Руку-то я ему пожал, но отнюдь не расчувствовался от предложенной дружбы. Подозреваю, что при нужде, если того потребуют интересы Эфенди, Хасан спишет меня в расход, ни на секунду не задумываясь.

Однако он смотрел выжидательно, надо было что-то ответить, я напрягся и экспромтом выдал псевдовосточную мудрость собственного сочинения:

– Слабые люди бегут от своих врагов, сильные люди уничтожают их, а мудрые превращают врагов в друзей.

Хасан на секунду задумался, осмысливая услышанное. Затем изрек:

– Любопытно вот что: подлецы поступают точно так же, как мудрые люди. Потому что врага, превращенного в друга, убить гораздо проще.

Хорошо сказал. Учту на будущее.

9. «Лисапедисты»

Вечернее солнце наполовину исчезло за вершинами Бырранги, длинные тени наползали на городок. Сержант уже сообразил, что без гор на западе здесь не было бы летом даже куцего подобия ночи, солнце попросту не уходило бы за край тундры. А так на пару-тройку часов хоть не совсем полноценная, но все же темнота. Правда, не понять, к добру это или к худу…

Созерцанием заката и размышлениями сержант занимался на невысоком и обширном крыльце «Звезды Таймыра». Сидел на стуле, установив его в дверном проеме, – так, чтобы ультразвуковая завеса отгоняла летучих кровососов. Хотя здесь, в предгорьях, комаров было в разы меньше, чем в болотистой тундре, где началась таймырская эпопея Багирова. Но даже от изредка налетавших маленьких вампиров отмахиваться не хотелось.

За минувшие три дня последствия контузии рассосались, но неокончательно. Долгих нагрузок организм не выдерживал, постоянно тянуло присесть, а то и прилечь… Вот сержант и сидел на стульчике… Размышлял.

Мысли в основном были невеселые… Багиров никак не мог решить одну непростую дилемму: истратить ли ему невеликий остаток найденных в городке *правильных* продуктов, оставаясь на месте в ожидании людей, которых Игнат называл бандитами? Баг подозревал, что история их конфликта с городком, изложенная приказчиком, объективностью не отличается, и бандиты не такие уж бандиты – нет в округе достаточного количества объектов грабежа, чтобы жить исключительно бандитским промыслом. А каким бы другим способом ни добывали «бандиты» пропитание, едва ли этот способ окажется гнуснее, чем у жителей городка. Трудно придумать что-то более гнусное. Значит, есть прямой смысл присоединиться к обитателям Ада, хоть и звучит такое название не очень привлекательно. Одиночке в тундре все равно не выжить.

Проблема в том, что неизвестно, когда адские жители вновь сюда заявятся. А продуктов мало. Дня на три, а если перейти в режим жесткой экономии, – на четыре или пять. Потом придется голодать или осваивать искусство охоты. Возможно, если еще раз тщательно обшарить городок, удастся найти еще один тайничок с едой, чью-то личную заначку. Но такая находка лишь отложит ненадолго принятие решения.

Существовал и другой вариант: отдохнуть еще денек, окончательно восстановить силы и самому двинуть через тундру

в поисках Ада. Семьдесят километров, упомянутые Игнатом, расстояние вполне преодолимое. Беда в том, что дорогу, ведущую в Ад, сержант не знал. Даже направление, как здесь принято говорить, представлял весьма смутно. Шанс случайно напороться на Ад есть, но весьма невелик. Правда, где-то в здешних краях имеется и Рай, о котором толком ничего не известно, но вероятность туда попасть, не зная пути, еще меньше…

Третий маршрут – обратно на стоянку Ивана – сержант не рассматривал. Абориген пару раз говорил ему, что собирается вскоре откочевать, олени, дескать, сильно объели ягель в окрестностях. А ему переехать недолго: свернул палатку, собрал чум, навьючил невеликое имущество на учагов да сложил на волокушу, – и ищи-свищи Ивана по всему острову Таймыру…

В общем, велика тундра, а податься некуда, только в Ад или в Рай.

…Адские жители появились в городке, когда сержант постановил, что утро вечера мудренее – выспится как следует, а завтра примет окончательное решение.

«Лисапедисты» въехали на площадь одновременно с нескольких сторон, нисколько не скрываясь. Их было десятка два, и Багиров подумал, что для мести за убитых приехало бы больше… Впрочем, к «Звезде» мог подкатить лишь авангард, а остальные укрылись неподалеку.

Сильнее всего поразил сержанта транспорт прибывших. Когда Игнат говорил, что бандиты «ездят на лисапедах», Багиров счел его слова иронией, издевкой, преувеличением… Чем угодно, только не истиной. Отчего-то ему представлялась банда на мотоциклах, захватившая все здешние остатки топлива. Именно на мотоциклах, вездеходы слишком прожорливы, чтобы гонять на них по тундре за водкой.

Но посланцы Ада и в самом деле оседлали устройства, напоминавшие велосипеды. Сходство состояло в том, что машины имели по два колеса, а их седоки сидели в седлах и вращали педали. А в остальном «лисапеды» выглядели как детище конструкторского бюро, специализирующегося исключительно на аэрокосмической технике, но получившего вдруг задание изобрести велосипед, причем создать его надлежало непременно с использованием всех прежних разработок.

И конструкторы расстарались… «Лисапеды» поражали изобилием узлов, деталей и механизмов непонятного назначения, а их цельнометаллические колеса вполне бы подошли какому-нибудь марсоходу. Особенно впечатляли дельтовидные крылья, нависающие над головами «лисапедистов», – казалось, что авторы чудо-техники собрались сделать его летающим, но в последний

момент передумали. Хотя как раз назначение «крыльев» вопросов не вызывало – солнечные батареи, при нужде защищающие седока от дождя и солнца.

Габаритами машины не уступали тяжелому мотоциклу и, по мнению Багирова, никак не могли двигаться на мышечной тяге, особенно по тундре с ее болотами и стлаником. Даже если сделаны в основном из самых легких сплавов – не могли. Тем более что «лисапедов» на площадь вкатило четырнадцать, а людей на них сидело, как сосчитал сержант, девятнадцать. Уж пассажира по тундре точно не свезти, будь ты хоть чемпионом по шоссейным или трековым велогонкам.

Однако «лисапедисты» вполне бодро крутили педали. И ехали. Но Багиров заметил, что вращение педалей абсолютно с движением не связано. Некоторые седоки продолжали налегать на них, даже остановившись. Передовая машина, наоборот, подкатила к крыльцу «Звезды», не сбавляя хода, хотя педали оставались неподвижными.

Понятно… Двигатели все-таки электрические, и чтобы хоть как-то увеличить ограниченный запас хода, конструкторы предусмотрели подзарядку аккумуляторов всеми доступными способами – и от солнечной энергии, и от мускульной.

«Ноги, наверное, у всех у них сильные, будто у страусов», – подумал сержант. Хотя, надо заметить, что у человека, спрыгнувшего с передового «лисапеда», и верхняя часть тела мышечной атрофией не страдала – короткая куртка из потертой кожи не могла скрыть ширину плеч и могучую мускулатуру.

Здоровяк снял шлем, затянутый спереди противомоскитной сеткой. Лицо у него оказалось округлое, такие лица часто выглядят добродушными, вне зависимости от душевных качеств их обладателей. Это – с глубоко запавшими глазами, длинным прямым носом и тонкими губами – добродушным отнюдь не казалось.

Какое-то время «лисапедист» внимательно разглядывал сержанта, потом поинтересовался:

– Ты кто? Где Длинный?

– Я не знаю, где Длинный, – ответил Баг после паузы. – Тело в земле, а где душа – Аллах ведает. Но подозреваю, что там не очень прохладно.

– Вот как…

«Лисапедист» задумчиво пожевал тонкими губами, оглядел небольшую выставку оружия, разложенную на крыльце: карабины, арбалеты, дробовики… Спросил:

– И остальные? Ты всех тут, что ли, на ноль перемножил?

– Всех.

– Не соврал Тульбигей, выходит… – задумчиво произнес верзила словно бы сам себе, затем снова обратился к сержанту:

– Но я спросил: ты кто?

Тон подразумевал, что на вопросы лучше бы отвечать правдиво и исчерпывающе, а кто вздумает отмалчиваться или врать, тот сам враг своему здоровью и долголетию…

– Прохожий я. Шел мимо, заглянул на огонек… А хозяева злыми людьми оказались. Негостеприимными.

– И ты им, значит, растолковал насчет законов гостеприимства… – покивал здоровяк.

Он еще раз оглядел сержанта, махнул рукой своим соратникам, те начали спешиваться, но некоторые остались в седлах. «Лисапедист» подошел вплотную, протянул Багирову лопатообразную ладонь:

– Меня зовут Пепс. Большой Пепс.

– А меня Баг. Большой Баг.

– Х-хе, почти тезки… А теперь, тезка, рассказывай с подробностями, как ты всех тут обнулить умудрился в одиночку.

…Сказав, что все обитатели злого города мертвы, сержант слукавил. Живых здесь не осталось – такая формулировка точнее отражала действительность. Но по меньшей мере двое жителей исчезли, живыми их Баг не видел, и среди мертвецов, подвернувшихся под выстрелы шамана, тоже не находил. А история с шаманом вообще завершилась крайне мутно… Можно сказать, загадочно.

…Когда сержант кое-как доковылял до «Звезды Таймыра», перестрелка закончилась. Причем однозначно не в пользу людей Длинного – кроме близнецов, Багиров по пути видел трех убитых, угодивших под пули шаманского карабина (а позже, стаскивая тела в общую могилу, нашел еще двоих). Все были биты чисто, наповал. Сержант тогда подумал, что на действительной будущий шаман служил ротным снайпером. Либо в свободное от работы в филармонии время увлекался охотой по крупному зверю.

Над городком повисла тревожная тишина. Сколько врагов уцелело, Баг не знал. Жив ли его союзник, не знал тоже. Если и жив, то либо спустился с крыши, либо сидел там, никак себя не проявляя. Добравшись до площади, Багиров внимательно разглядывал окрестности через электронный бинокль и не знал, что предпринять. Пересекать широкое простреливаемое пространство перед «Звездой» не хотелось, тем более с учетом нынешних физических кондиций… Всадят еще одну пулю из чего-нибудь крупнокалиберного, и вторую за день контузию можно не пережить.

Сомнения сержанта разрешились сами собой – над парапетом

крыши показалась знакомая двурогая маска. Вытянув руку, шаман показал в сторону дома со «свинофермой». Затем оттопырил на руке один палец и снова ткнул ею в ту же сторону. На взгляд сержанта Васильев слишком рисковал, изображая свою пантомиму в течение времени, вполне достаточного для прицельного выстрела… Но выстрела не последовало. Похоже, и в самом деле уцелел лишь последний охотник, о нападении уже не думавший.

Предосторожности, с которыми сержант подбирался к дому с клеткой, оказались излишними. Последний враг опасности теперь не представлял. И это был главарь, Длинный, – если не рассматривать всерьез маловероятное предположение, что в шайке бывших зэков судьба свела сразу двух детин с ростом, позволяющим выступать за баскетбольную команду профессионального уровня.

Но, несмотря на рост в два метра с лишком (с большим лишком), в баскетбол сыграть Длинный был уже неспособен. И в любую другую игру тоже. Потому что стоял, приколотый к задней стене дома, – словно жук, пришпиленный к обоям булавкой. Умер он в муках: лицо искажено болезненной гримасой, глаза выкатились, рот широко распахнут в последнем предсмертном крике… Из уголка рта тянулась струйка крови, не успевшей свернуться.

Баг задумчиво осмотрел оружие, сыгравшее роль булавки – рукоять и оставшуюся на виду часть лезвия. Нечто похожее он видел на стоянке Ивана, имелись у того в хозяйстве два однотипных ножа, малый и большой. Хотя, если сравнивать с прикончившим Длинного, скорее малый и средний. Достаточно оригинальные ножи, с ассиметричной заточкой лезвия – как ему объяснил хозяин, чтобы не портить шкуры, очищая их от прирезей мяса. Впрочем, ножи были многофункциональные – стланик, например, поддавался им лучше, чем десантному ножу Багирова.

Сержант взялся за наборную рукоять из оленьего рога, попытался вытащить нож из стены. Не получилось, лезвие вошло в пластикат очень глубоко, удар был нанесен с чудовищной силой. Пожалуй, клинок длиной в руку будет, натуральный меч, а не нож…

Кто ж так приголубил Длинного? Шаман?

Нет, не срастается… Труп свежий, тепленький, не успел бы шаман вернуться на крышу… Прикончил кто-то из своих? Но отчего столь экзотичным способом? Все зэки были при стволах или арбалетах, зачем рисковать, выходя на такого громилу с холодным оружием? Загадка…

Багиров даже заглянул на всякий случай под навес: вдруг он дал маху и одна из «свинок» уцелела? Выбралась как-то из клетки, вооружилась тундровым вариантом мачете… Психи, говорят, способны проявлять запредельную для нормальных людей физическую силу…

Мысль была бредовая, а женщины были мертвее мертвого. Загадка осталась загадкой. Причем далеко не последней…

Ощупав карманы Длинного, ничего интересного сержант не обнаружил. Складной нож оставил мертвецу, а связку ключей прибрал, мало ли какие запертые двери попадутся. А когда придет время хоронить мертвецов, чтобы не задохнуться от трупного смрада, клетку лучше отпереть, а не ломать (один ключ, судя по внушительным размерам, был как раз от нее). Больше почти ничего интересного не нашлось, всякие пустяковые мелочи вроде кисета и расчески… Но во внутреннем кармане лежали какие-то бумаги, свернутые в трубку и перевязанные обрывком грязной тесьмы. Их сержант забрал, решив изучить позже, разобравшись с более неотложными делами.

…Убийцу главаря он так и не отыскал, хотя тщательно, с биодатчиком, обшарил весь городок. Не обнаружился и Игнат, заставив сержанта гадать: действительно ли тот встретил охотников на подходе к городку, а потом, увидев, чем оборачивается дело, прикончил Длинного и вновь ударился в бега? Или сразу после бойни в «Звезде» подался куда-то в другое место? В Рай, например, в существование которого якобы не верил?

А насчет рации Игнат наврал. Передатчик Багиров отыскал-таки, но оказался он заурядным «Севером-13», с дальностью действия километров двести, не более.

Игнатом список пропавших не исчерпывался. Из музея-фактории исчез хранитель Лебедев, или Гусев, или как там его… Сейчас Багиров жалел, что проявил неуместную жалость и сразу не прикончил четырехглазого, вопреки первоначальному намерению. Или хотя бы не приковал ему «имкой» левую ногу к правой руке, тогда бы музейный деятель далеко не уполз… Так нет же, пожалел иммобилизатор, имевшийся в единственном экземпляре, связал обычной веревкой, найденной в фактории. Ее хранитель умудрился перетереть, и где сейчас шлялся, неизвестно. Но из кандидатов в убийцы главаря можно смело Гусева исключить, не того полета пташка.

Хуже того, нигде не было и шамана Васильева, – лишь россыпь стреляных гильз на крыше свидетельствовала, что Багирову не примерещился его нежданный помощник.

Нашелся шаман пару часов спустя, когда сержант

заинтересовался кровавым следом, ведущим в подвал «Звезды» и прошел по нему. Шаман лежал там, в подвале. Мертвый. Причем, судя по трупному окоченению, мертв он был давно, с ночи…

Неподалеку подвал разделяла перегородка, и на двери в ней имелось аж четыре замка, два навесных, врезной механический и врезной электронный. Не иначе как за дверью хранились знаменитые на весь Таймыр запасы водки. А шаман Васильев словно бы решил напоследок хорошенько нажраться, но не дополз до источника живой воды, умер.

Багиров так и сяк разглядывал мертвеца в свете фонарика – ну да, то самое лицо, что ненадолго показалось из-под маски в пультовой…

Осатанев от здешних загадок, сержант занялся не самым приятным делом: вскрытием трупа. Не полной аутопсией, разумеется, – исследовал при помощи ножа рваную рану на груди Васильева. Результатом трудов стал кусочек металла с неровными краями. Осколок гранаты, выпущенной Багировым из подствольника по засаде. Он сам убил своего помощника. А потом тот временно воскрес и стал помогать своему убийце. Или имел клонированного двойника, тоже шамана… Или в водку для гостей подмешивали сильнейшие психотропы… Или…

Сержант смачно плюнул на пол подвала. И заодно плюнул на поиск ответа к головоломке. Направился было к выходу и остановился, когда луч фонарика, описав дугу, высветил какое-то изображение на стене подвала, рядом с трупом. Присмотрелся – кровью намалевана рожа, оскалившая пасть со внушительными клыками. А на лбу рожи – три глаза, расположенные равносторонним треугольником.

Багиров не удивился. Не осталось уже сил удивляться.

…Всех подробностей Большому Пепсу сержант раскрывать не стал. Коротко изложил основную канву событий, не останавливаясь на здешних загадках и собственных просчетах и недоработках. О трехглазом тоже не стал упоминать. И в завершение своего рассказа выразил желание вступить в стройные ряды «лисапедистов». Вступительный взнос – оружие, сложенное на крыльце, и водка – здоровенный штабель ящиков, найденный в подвале «Звезды».

– Ну что, банда? – повысил голос Пепс, обращаясь к своим спутникам. – Что будем делать с этим… прохожим?

Похоже, окрестил эту компанию бандитами не Игнат. Они и сами себя так именовали.

– За яйца его подвесить! – выкрикнул один из бандитов, оставшийся на заднем, пассажирском сиденье «лисапеда».

Но большинство оказалось настроено иначе. Из нестройного

хора голосов можно было заключить, что широкая бандитская масса склоняется принять предложение Бага. Дескать, такой крепкий парень, в одиночку перебивший компанию Длинного, лишним не будет…

Послушав мнения соратников, Пепс кивнул головой, приняв решение. Но, как вскоре выяснилось, далеко не окончательное.

– Слушай сюда, Баг. Мы не просто банда. Мы – «Блэкдевилсы»! Слыхал, наверное?

– Не доводилось… – осторожно ответил сержант.

– Дожили… – вздохнул Пепс. – Раньше каждая собака знала «Блэкдевилсов» и в Новосибирске, и в Омске, и в Красноярске… А теперь…

Он еще раз вздохнул, сокрушаясь о паршивых временах и испорченных нравах. Затем продолжил более деловым тоном:

– Так вот, мы «Блэкдевилсы». У нас свои законы. Свои традиции. И к нам так просто не приходят. У нас, прежде чем за руль байка сесть, саппортом надо поездить, на пассажирском месте. Да и саппортами без проверки не становятся… А потом, чтобы полноправным мембером стать…

Пепс говорил что-то еще, но Багиров уже не вслушивался. Байк… Саппорт… Мембер… До чего же знакомые слова, вызывающие воспоминания о далеком детстве…

– Так вы байкеры? – догадался сержант.

Его покойный дед в юности был байкером – во времена расцвета движения, еще до Большого Нефтяного Голода. Мальчишкой Баг наслушался рассказов старика о самых разных приключениях, порой криминальных, о стычках с полицией и кровавых побоищах с ренегатами-спортбайкерами – дед принадлежал к ортодоксальному крылу «троглодитов».

Но сержант был уверен, что банды байкеров со временем выродились в клубы богатых людей, способных раскошелиться на горючку и с криминалом не связывающихся. А потом это движение в России и вовсе сошло на нет. А в Сибири, получается, уцелело, хоть и сильно мутировало, пересев с пожирающих бензин мотоциклов на экономичные «лисапеды». Непонятно лишь, каким ветром занесло банду на далекий Таймыр… Ладно, узнает со временем.

– Мы байкеры, – подтвердил Пепс. – А ты тормоз, если только сейчас въехал. Так что забудь, кем ты был в своей армии, сержантом или генералом, нам плевать. Для нас ты сейчас испытуемый, и зовут тебя Тормоз. А имя Баг тебе еще заработать надо. Тем более Большой Баг. Усвоил?

Бывший сержант, а ныне испытуемый Тормоз, кивнул. Не слишком приятно в двадцать девять лет скатиться с должности

взводного командира – царя, бога и воинского начальника для тридцати восьми организмов – на низшую ступень иерархии. Но выбора нет… Поднимется, не впервой.

– Ну тогда не будем откладывать, – решил Пепс. – Заодно проверим твои рассказки, языком-то воевать все горазды. Валентинка? Готов? Ты его за яйца хотел подвесить, так приступай…

Валентинка – судя по всему, один из кандидатов-саппортов – соскользнул с пассажирского сиденья и направился в сторону Багирова. Высокий, мускулистый, он очень старался походить на полноправного байкера, но его подобие куртки-косухи было явно перешито из черного лагерного бушлата. Совместно с характерными татуировками Валентинки куртка наводила на определенные мысли: не все уцелевшие зэки собрались в команде Длинного, кое-кто прибился и к банде байкеров.

– Покажи себя, Тормоз, – ухмыльнулся Пепс. – Если выдержишь раунд против Валентинки, станешь саппортом и поедешь с нами. Только железки свои сними и в сторонку убери.

Багиров отложил в сторону автомат, нож, освободился от тактического комплекта, одновременно прикидывая перспективы грядущей схватки. Валентинку Аллах силой и здоровьем не обидел – самый здоровенный из пристроившихся на задних сиденьях кандидатов, он был на голову выше своего соперника и значительно шире в плечах, хотя в батальоне «Гамма» сержант Абдулла Багиров заморышем никогда не считался.

Однако, судя по пластике движений, никто и никогда Валентинку приемам рукопашки всерьез не обучал. Самоучка, в лучшем случае прошедший жестокую школу дворовых драк. И быть бы ему битым на счет три, если бы испытуемый Тормоз оставался в привычной своей физической форме… Но в том-то и беда, что до оптимальных кондиций Багирову было далеко. Даже не самые большие усилия быстро утомляли мышцы, а уж как поведет себя организм в боевом режиме, оставалось только гадать.

Байкеры откатили свои машины, сами выстроились полукругом, образовав некое подобие ринга. Багиров неспешно спустился с крыльца, спросил деловым тоном:

– До первой крови? Или до смерти?

Банальный блеф, призванный посеять чувство неуверенности у противника. Но Валентинка неуверенным не выглядел. Ощерился, встал в боевую стойку – в абсолютно дилетантскую, надо отметить. Хотя и в арсенале опытных бойцов-рукопашников есть такой прием: изобразить ботаника, заставить врага недооценить себя… Лучше не рисковать и проверить в деле, на

что способен противник.

На вопрос ответил Большой Пепс:

– Нам плевать, до крови или до смерти. Если порвешь Валентинку, плакать не будем – значит, дерьмовый он саппорт и «блэкдевилом» быть не достоин. Но гляди, как бы он сам тебя не порвал. Так что показывай все, что умеешь. Через три минуты останешься на ногах – ты с нами. Время пошло. Начали!

Первым удар нанес Валентинка. Без прощупываний, без финтов и ложных замахов, причем в тот момент, когда Пепс только произносил первые звуки слова «начали». Незамысловатый удар, прямой в челюсть, но способный проломить пластикатовую стену. А то и эрзацкирпичную.

Багиров изображать стену не стал, уклонился. Кулак Валентинки прорезал пустоту.

Метнувшись в сторону и пригнувшись, сержант два раза прошелся кулаком по почкам здоровяка, но тот даже не пошатнулся. Его кулак со свистом пронесся у сержанта над головой, рассекая воздух. Второй удар Валентинки был под стать первому – такой же незамысловатый, легко угадываемый.

Начало неплохое, но именно в тот момент испытуемый Тормоз понял, что продолжение будет проходить значительно хуже. А завершится его испытание и вовсе погано.

Последствия контузии не исчезли. Затаились, притихли, выжидая своего часа, – а теперь заявили о себе в полный голос. На резкие движения откликнулось болью все тело, от макушки до пяток. Перед глазами поплыла кровавая муть, совсем как давеча, во время знакомства с близнецами. Хуже того, нога, вроде бы залеченная Иваном, вновь проявила себя самым паршивым образом, – сильной и болезненной судорогой. Размять ее, помассировать, привести в норму вроде бы минутное дело. Но в этом бою без правил тайм-ауты не предусмотрены, даже минутные.

Низко присев, Багиров выжидал, предоставив инициативу противнику, каждая лишняя секунда работала сейчас на сержанта. Валентинка, кажется, еще не сообразил, что судьба дает ему отличный шанс – осторожничал, приближался медленно, не понимая, что за невиданную боевую стойку принял соперник. Потом ударил ногой, метя в голову.

Сержант кое-как уклонился – и на миг выпал из окружающей реальности, все заслонила стена алой боли. Миг прошел, Багиров первым делом увидел кулак гиганта, надвигающийся откуда-то сверху, рефлекторно отдернул голову. Ухо обожгла боль, ключице тоже досталось неслабо… Сейчас ведь добьет, будет молотить руками и ногами, не давая подняться и передохнуть… Обидно, но

факт – спецназовец будет бит дворовым драчуном. А потом «блэкдевилсы» уедут, оставив проигравшего умирать.

Новый удар отправил Багирова на землю. Только…

Только это был не удар Валентинки, тот и сам растянулся неподалеку. Еще несколько байкеров не удержались на ногах, грохнулась пара «лисапедов»…

Землетрясение… В кои-то веки и от него случается польза.

Последовали еще два сильных толчка и несколько послабее, затем все стихло. Тайм-аут получился небольшим, секунд на тридцать-сорок, но все же помог сержанту. Теперь Баг стоял, стараясь не опираться на больную ногу; кровавый туман, маячивший перед глазами, рассеялся.

Валентинка тоже оказался на ногах и двинулся вперед, явно намереваясь закончить дело.

Багиров не пытался держать дистанцию, финтить и уклоняться, попросту был не в силах… Валентинка ударил – кулаком в живот. Это напоминало удар кувалды. Воздух разом вышел из легких, сержант отлетел на добрых метра два, к стене «Звезды», не удержавшись на ногах и хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

Рисковал, конечно, намеренно подставившись – Большой Пепс именно сейчас мог объявить бой законченным. Но нет, тот не захотел лишать байкеров зрелища избиения проигравшего. И Валентинка тоже не захотел прекращать развлечение слишком рано – поднял руки над головой, издав хриплый победный рык, затем разбежался, словно футболист, бьющий пенальти, при этом мячом должна была послужить голова сержанта.

Багиров лежал на земле, не делая попыток подняться, и казался неспособным к сопротивлению.

Что произошло затем, Валентинка так никогда и не понял… Земля вдруг ушла у него из-под ног, а мгновение спустя перед глазами появилась стена, летящая навстречу с большой скоростью.

«Звезда» содрогнулась от страшного удара. В какой-то миг показалось, что «меблированные номера» вот-вот рухнут, добавив к пейзажу еще одни руины.

Но, естественно, дом выдержал, а Валентинка – нет. Сполз по стене, повернулся на спину – медленно-медленно… Лицо здоровяка оказалось не просто залито кровью, но превратилось в кровавую маску, не разглядеть ни глаз, ни носа, ни рта, и в этом кровавом месиве что-то побулькивало, красные пузыри набухали и лопались, свидетельствуя: клиент еще жив, еще дышит…

Валентинка ворочался, как раздавленный краб, пятная кровью псевдобрусчатку. Самое время поставить точку, коли уж

Пепс вновь не торопился объявить бой завершенным – сказано три минуты, так и деритесь три минуты…

Но сержант поставить точку не смог, ему затраченные усилия обошлись едва ли не дороже, чем противнику.

Прошло несколько секунд, и оба бойца снова были на ногах. Лицо Валентинки представляло из себя кровавое месиво, но он все же сумел встать, смахнуть кровь с глаз и кое-как изготовиться к новой схватке.

Вновь кувалда Валентинки пролетела возле уха сержанта, но полет ее был медлительный, неторопливый в сравнении с недавними ударами – Багиров ухватил гиганта за руку, дернул вперед, подставил бедро, – и коротко рубанул падающего по печени. Сам тоже на устоял на ногах, рухнул рядом, до того ослабел. Но, падая, выставил локоть, обрушив весь вес своего тела на основание черепа Валентинки. Мог ударить в затылок, отключив здоровяка на несколько минут, но в последний миг чуть изменил направление удара.

Под локтем что-то негромко хрустнуло. Сержант поднимался, уже не глядя на поверженного противника. После такого удара не встают и бой не продолжают…

– Гонг! – громко объявил Пепс. – Бой закончен чистым нокаутом!

Двое «лисапедистов» подошли к Валентинке, трясли его, тормошили, пробовали поднять на ноги… Багиров знал, что все их старания бесполезны, но ничего не сказал.

Лишь пощупав пульс, байкеры сообразили: никуда здоровяк с ними больше не поедет. У него теперь одна дорога, в края, из которых не возвращаются.

– Пусть здесь валяется… – равнодушно произнес Пепс. – Ну что же, добро пожаловать, саппорт Баг. Теперь верю, что ты в одиночку обнулил людей Длинного…

Багиров сейчас и сам не очень понимал, зачем убил Валентинку, хотя вполне мог лишь отключить того на несколько минут… Какая-то секундная вспышка ярости приключилась? До сих пор он всегда контролировал подобные вещи, даже в самом яростном бою, даже в самой жестокой драке… И никого никогда не убивал без необходимости.

Позже сержант Абдулла Багиров убедил себя: все он сделал правильно – коли уж собрался вступить в ряды «блэкдевилсов», незачем с самого начала плодить врагов, способных при удобном случае всадить нож в спину или пулю в затылок. Точно так же он убеждал себя у клетки: отпущенные на волю «свинки» все равно не выживут…

О предупреждении Ивана: убив жителей злого города,

немедленно уходить оттуда, – Абдулла Багиров так и не вспомнил.

Часть четвертая
Человек в железной маске

1. Муж, жена и «Сатана»

На востоке, за рекой, грохотал бой. Не то чтобы настоящее сражение, скорее активная перестрелка с применением легкого стрелкового оружия, – лишь изредка автоматные и пулеметные очереди перекрывались взрывами и характерным воем летящих к цели реактивных снарядов.

Никто ничего официально не сообщал, но, по слухам, бродящим по базе Салехард-23, там, на востоке, казаки-пластуны из Омской дивизии зачищали от «куниц» развалины Салехарда. Дескать, самозваное сибирское правительство собиралось восстанавливать город. Пусть зачищают, пусть восстанавливают, – когда придет время, нам будет меньше работы.

«Что значит «нам»? – одернул я сам себя. – У вас, отставной майор Дашкевич, теперь совсем другая работа… Ну так и делайте то, за что вам деньги платят».

И я начал делать. Обратился к подполковнику Ревичу:

– Госпожа Лайза Валевски просит предоставить в распоряжение ее съемочной группы «Пчелу» с экипажем на два-три часа.

– Зачем? – коротко спросил подполковник.

И он широко улыбнулся рекомой госпоже. Лайза стояла рядом, ни слова не понимая в нашей беседе. И тем не менее участвовала в ней весьма активно, одним лишь своим видом. Хиджаб она сняла, едва лишь покинув апартаменты, отведенные от щедрот здешнего начальства для охотничьей экспедиции, и выглядела весьма эффектно: каштановые кудри разметаны в тщательно продуманном беспорядке, а в устремленных на подполковника зеленых глазищах ясно читается, что известная франкфуртская журналистка очарована этим мужественным русским офицером и охотно скоротает вечерок в его обществе… Вот только слетает на «Пчеле» по своим надобностям – и всенепременно скоротает.

– Госпожа Валевски собирается произвести с воздуха съемку окрестностей, – озвучил я то, что попросила озвучить Лайза. – Для будущего фильма.

– Резню в Салехарде решила эксклюзивно заснять? – проявил подполковник догадливость. – Мангуст, скажи этой рыжей стервятнице, чтобы она…

Предложенный подполковником альтернативный вариант никак не мог послужить равноценной заменой полету на «Пчеле» в район боевых действий. Хотя, возможно, и доставил бы удовольствие какой-нибудь любительнице извращенных

садомазоразвлечений. Произнося свою тираду, Ревич глядел на журналистку по-прежнему дружелюбно. И продолжал улыбаться.

Я адаптированно перевел на новонемецкий:

– Господин подполковник очень сожалеет, но командование базы не может допустить столь неоправданный риск.

– Весь риск я беру на себя! – заявила г-жа Валевски с великолепным апломбом. – В моем послужном списке две больших войны и несколько региональных конфликтов, и мне не привыкать смотреть в глаза опасности!

«Знаем мы ее послужной список… Но здесь война немножечко другая, война без правил».

– Вы не поняли, Лайза, – терпеливо пояснил я. – Командование опасается не за вас и не за оператора – всего лишь за свой вертолет. Дело в том, что там, – я показал в направлении востока, – имеются в достаточном количестве переносные зенитные комплексы. И два разведывательных беспилотника уже не вернулись. Сбивают сразу, не глядя на опознавательные знаки.

Вот так-то… Это не та война, какую ты привыкла показывать людям по стерео. Не та, где уничтожают под корень всю систему ПВО и лишь затем приступают к наземной фазе. Насчет беспилотников, я соврал, каюсь, – иначе Лайза не угомонится, будет упрямо искать, кому же из здешнего начальства можно отдаться, чтобы заполучить эксклюзивные кадры.

– Пожалуй, я и в самом деле в таком случае не могу рисковать жизнью оператора, – дала задний ход наша звезда репортажа. – Но как же мы тогда полетим на Таймыр?

Она кивнула в сторону громадной сигары «Стрелы Пророка», пришвартованной к причальной мачте. Похожую мачту сооружала сейчас на Таймыре передовая группа, десантировавшаяся вместе с грузом с российского военного конвертоплана. Доставить всех охотников и снаряжение он не смог бы ни за два, ни за три рейса, да и горючее пожирал в баснословных количествах.

Сколько Эфенди выложил за аренду конвертоплана и дирижабля, не хотелось даже думать. Мне, наверное, хватило бы на несколько комплектов нормальных конечностей…

Работ квартирьерам оставалось, по словам Хасана, на день или два, и «Стрела» могла бы уже вылететь из Салехарда-23, как раз бы поспела к завершению: дирижабли – транспорт весьма экономичный и грузоподъемный, с огромной дальностью полета, но скоростными качествами не блещут. Однако метеорологи настойчиво советовали обождать неделю, а то и дней десять, иначе придется всю дорогу тратить топливо на борьбу с сильным боковым ветром, сносящим «Стрелу» к полюсу.

Лайза смотрела встревоженно, и я ее успокоил, растолковав:

дирижабль стратосферный, переносным ЗРК не по зубам, а истребителей или дальнобойных ракет «земля-воздух» у здешних сепаратистов не имеется.

Что «Стрела» будет очень уязвима на Таймыре, во время снижения и швартовки, я не стал добавлять. Тем более уязвима, что вместо штатного гелия в ее баллонеты закачан огнеопасный водород, – гелий в наше время стал огромным дефицитом, а «Стрела Пророка» – самый большой дирижабль из уцелевших в Европе, а то и в мире.

Но в тех местах, куда мы держим путь, военные склады никогда не базировались, и местным нехорошим людям разжиться средствами ПВО вроде бы неоткуда. Однако не стоило забывать про неведомых конкурентов – если те и в самом деле доставили на таймырские озера аппараты для подводных поисков, то могли запастись и пусковой зенитной установкой. Оставалось лишь надеяться, что люди Хасана из передовой группы хорошо знают свое дело и избавят нас от вражеского салюта в честь прибытия и от других подобных сюрпризов.

– Попасть в небо не удалось, – грустно произнесла г-жа Валевски. – Вернемся под землю, будем скучать…

…База Салехард-23 строилась в свое время как полевой командный пункт Северо-Уральского военного округа. Причем строилась в атмосфере всеобщей уверенности, что третья сибирская война не за горами и приграничному военному округу придется стать фронтом, ведущим широкомасштабные военные действия.

В итоге третья война с поднебесниками не состоялась, а предназначенный для нее бункер уцелел – способный выдерживать прямые попадания субъядерных зарядов, он с легкостью перенес и Катаклизм, и все последующие проявления сейсмоактивности. Огромный и многоярусный командный бункер напоминал небоскреб, по странному капризу архитекторов и строителей зарытый глубоко под землю. Весь нынешний персонал базы занимал верхние этажи «небоскреба», с минус первого по минус пятый, нижние использовались как склады либо пустовали. Именно там, в пустующих глубинах, и квартировала основная часть охотников за чучундрой – кроме тех, кто занимался сейчас рекогносцировкой на Таймыре.

Но в одном строители бункера дали маху – здешние лифты, что грузовые, что пассажирские, отличались удручающей тихоходностью. Никакого сравнения со скоростными кабинами, установленными в настоящих небоскребах. Цифры, обозначающие этажи, сменялись медленно-медленно.

И Лайза, дабы не терять зря времени, решила опробовать

свои чары на мне. Наверное, хотела убедиться, что осечка с мужественным русским подполковником была случайностью.

Тряхнула головой, приведя в движение водопад волос, проворковала томным голоском:

– Мне страшно… Словно этот металлический гроб проваливается прямиком в преисподнюю… Обними меня, дорогой!

Наедине мы были на «ты», и ответил я без политесов, приберегаемых для посторонних:

– Не сейчас, женщина. Мне надо подумать.

На самом деле мне надо было не подумать, а ответить на сигнал вызова, настойчиво мигавший в уголке наноэкрана. Вызов непростой – в уголке экрана вспыхивал и гас красный кружочек с двумя рожками сверху. Приоритет «Сатана» – вызывать меня с этим приоритетом могли лишь два человека: генерал-полковник Кравцов и Хасан Бен-Захр. И в том и в другом случае игнорировать вызов не стоило.

Лайзу отповедь не смутила. Прижалась к моему плечу, провела пальцами по щеке, промурлыкала:

– Этот авантажный полковник сказал «мангуст», обращаясь к тебе… Так тебя называют?

Я насторожился. Опознать слово «мангуст» в речи на незнакомом языке легко, но вот сделать вывод, что это именно прозвище… Трудно, не понимая контекста. В разных языках хватает созвучных слов, абсолютно не совпадающих по значению.

– Он не полковник, – сказал я, желая потянуть немного время. – В вашей табели о рангах соответствует субполковнику.

«Балалайку» Лайза для нашей вылазки наверх пристыковывать не стала и программой-переводчиком воспользоваться не могла. Знает по-русски не только «привет», «как дела» и «спасибо», вопреки своим уверениям? Или имела возможность ознакомиться с досье отставного майора Дашкевича, откуда и почерпнула его боевое прозвище? Я вздохнул и перевел вызов в режим ожидания. Пока дело не прояснилось, надо воздержаться от общения по-русски в присутствии г-жи Валевски. Тем более от общения с приоритетом «Сатана».

– Какая разница… – отмахнулась от моих последних слов Лайза. – Полковник, субполковник… Но тебя и в самом деле называют Мангуст?

– Зачем тебе?

– Жена должна знать такие вещи о муже, – прямо-таки промяукала Лайза, прижавшись ко мне еще теснее.

Я еще раз вздохнул и признался, что и в самом деле меня некогда называли именно так. Наверное, законная супруга и

впрямь имеет право знать.

Брак наш был заключен неделю назад и являлся чисто техническим. Дело в том, что Эфенди на переговорах об организации сафари настоял на праве экстерриториальности: и на борту «Стрелы Пророка», и в будущем лагере экспедиции действовали и будут действовать законы Исламского Союза. И, как следствие, г-жа Валевски могла куда-либо отлучаться из отведенной ей каюты или палатки лишь в сопровождении отца, мужа, брата или хотя бы взрослого сына.

Как на грех, трое из четырех операторов съемочной группы оказались женаты и от двоеженства наотрез отказались. Четвертый, холостой, просто отказался, никак не объясняя причин. Может, боялся испортить карму. Может, принадлежал к секс-меньшинствам и приходил в ужас от одной мысли о браке с женщиной.

Короче говоря, я снова стал женатым человеком. Оставалось лишь надеяться, что после неизбежного развода экс-супруге не придет в голову отсудить алименты.

– Мангуст – очень красивый зверь, – мурлыкала женушка. – Стремительный, опасный и в то же время грациозный, с шелковистым мехом, ласкающим пальцы…

Едва ли ей доводилось гладить мех настоящего живого мангуста, тот бы живо приласкал, и не мехом, а своими острыми зубками. Чтобы исправить упущение, Лайза запустила пальцы в мои волосы. Я в третий раз вздохнул, но не противился. Только шелковистость и осталась от былого прозвища, стремительностью и грациозностью мне с мангустами сейчас не потягаться…

Но всерьез принимать заигрывания Лайзы не стоило. Я и не принимал.

– По-моему, нашему браку пора перейти в новое качество… – продолжала неугомонная супруга.

– Ты о детях? Предлагаю усыновить кого-нибудь из операторов, я не смогу повсюду таскаться со съемочной группой.

– Какая грубая проза…

– Извини, все стихи из головы вылетели… Кстати, надень хиджаб, подъезжаем.

Помещения для нашей супружеской пары выделили хоть и по соседству, но все же раздельные. И, едва уединившись, я тут же ответил на вызов с приоритетом «Сатана».

К моему удивлению, пообщаться со мной желал не генерал Кравцов. И не Хасан. А некий загадочный абонент, приложивший все усилия к тому, чтобы остаться неопознанным.

2. Малое таймырское сафари

В сумерках охотники заняли позицию на трех пригорках – жалких пародиях на холмы. Позиция группе Бага досталась не самая выгодная – крайняя справа. Всего ловчих групп было пять, две исполняли роль загонщиков, три находились в засаде. И, судя по рассказам тех, кто раньше участвовал в подобных мероприятиях, крайние группы обычно оставались почти без добычи, в то время как все сливки снимал центральный отряд. С другой стороны, Багу грешно жаловаться – это его первая охота…

Сообщество «блэкдевилсов» делилось на пять отрядов, называемых почему-то «крыльями»; в каждом крыле ровно десять тундробайков и двенадцать-пятнадцать ездящих на них бойцов. Не так давно крыльев насчитывалось шесть, но одно расформировали после потерь, понесенных в злом городе. Во главе крыла стоял командир, именуемый дорожным капитаном (road captain), или попросту капитаном, или вовсе уж попросту кэпом. А над всеми верховодил Совет мотоклуба, состоявший, помимо дорожных капитанов, из президента, казначея (treasurer) и начальника службы безопасности (sergeant-at-arms) – последнюю должность исполнял Большой Пепс, первый из байкеров, с кем довелось познакомиться Багирову. Если не считать покойного Валентинку, разумеется.

Подобное деление отражало какие-то давние, неведомые Багу, традиции байкеров и обуславливало конфигурацию Ада, поселения «блэкдевилсов». Пять групп утепленных палаток и навесов посреди небольшой мшистой равнины, стиснутой с трех сторон холмами предгорий Бырранги, а в центре Стеклянный Дом – резиденция начальства и всех женщин и детей.

Имелась в Аду и вертолетная площадка, давненько не используемая, – бетонные плиты растрескались, раскололись, многие встали дыбом. Куда бы и к кому бы ни летали над Таймыром вертолеты, изредка замечаемые обитателями злого города, приземлялись они явно не здесь.

…Поднявшись на небольшой пригорок, байкеры из крыла Бага натягивали сети под руководством кэпа Стингера, понимавшего толк в охоте. Сержант не просто выполнял порученное, но внимательно наблюдал за тем, что делали остальные, фиксируя все детали. Если он хотел подняться по иерархической лестнице, стать командиром, ему нужно как можно быстрее перенять все приемы выживания в тундре, и охота всего лишь один из них.

Наконец сети были расставлены – металлические,

крупноячеистые, старые и изрядно поржавевшие, кое-где поблескивающие свежими проволочными заплатами. Сетей у крыла Стингера было две, они стояли под сходящимся углом в форме буквы «V», – так, чтобы направить добычу в ловушку, в загончик, со всех сторон обтянутый сетью. Если бы Баг расставлял всё это хозяйство по своему разумению, он бы, скорее всего, повернул раскрытую часть «V» в сторону загонщиков, а не центральной группы. И постарался бы перекрыть низину между холмами – в гору всегда бежать тяжелее, что человеку, что зверю… Но капитан, очевидно, знал, что делает.

Люди разошлись вдоль заграждения, приготовив дубинки, в основном самодельные, из обрезков водопроводных труб, но кое у кого имелись бейсбольные биты весьма древнего вида.

Издалека послышался звук сирены. «Лисапедисты»-загонщики старались вовсю, выжимая из своих машин максимальную скорость, используя свет фар и звуковые сигналы, чтобы вспугнуть четвероногих обитателей тундры, направить на засаду..

– Далеко еще, – проворчал кэп, остановившись неподалеку от Бага. – Можешь передохнуть пока. Зато, как попрут, не зевай. Смотри на Шурупа и делай, как он.

Сержант кивнул, но ничего не сказал. Вообще он старался меньше говорить со своим новым начальством, имелись для того кое-какие причины… Решив, что предварительный инструктаж новичок получил исчерпывающий, капитан двинулся вдоль цепочки байкеров, рядом с одними задерживался и что-то втолковывал, мимо других проходил, не останавливаясь.

– Опять мы на крайнем номере, – сказал охотник по прозвищу Шуруп, залегший в паре метров от Бага. – Снова рожки да ножки достанутся…

– Какая разница? – не понял сержант. – Все равно мясо поровну поделим.

– Да срал я этим мясом! – откликнулся сосед с неожиданной злобой. – Тут фишка другая – кто на охоте лучше отличился, тот к бабам в Стеклянный Дом первым идет, сечешь? А остальным – что осталось, старые да корявые… Только как тут отличиться, если раз за разом в самые говенные места загоняют? А кое-кто на лучших сидит, кто к начальничей заднице поближе держится и лизнуть при случае не забывает.

Понятно… «Блэкдевилсы» исповедовали принцип свободной любви, супружеских пар в Аду не существовало, – Багиров, придерживавшийся более ортодоксальных взглядов, такие обычаи не одобрял. Теоретически все женщины были общественной собственностью, и любая избранница не могла отказать мужчине, когда приходил его черед посетить Стеклянный Дом. А на деле,

получается, не все так просто…

Но тот факт, что в рядах байкеров имеются недовольные, Багирову только на руку. Поскольку обычным порядком на вершину этой пирамиды вскарабкаться нелегко. Только в саппортах отходить надо как минимум год, прежде чем твою кандидатуру будет обсуждать собрание полноправных членов клуба. Но даже если ты был идеальным кандидатом, не схлопотавшим ни единого взыскания, – вступление в клуб отнюдь не гарантировано. Должен еще освободиться «лисапед». Потому что байкер без байка – это, извините, нонсенс. А салонами, торгующими мототехникой, Таймыр в последнее время не богат.

Однако, если вакантный тундробайк появился и если на собрании все пройдет гладко, по итогам его можно стать лишь «хэнгэраундом», – а это уже не кандидат, но все же низшая ступень в байкерской иерархии. Следующее звание – «проспект», и лишь над ним «мембер», имеющий право баллотироваться на офицерские должности в клубе… Номинальное право, выборы у «блэкдевилсов» не проводились с самого Толчка. Коней, дескать, на переправе не меняют.

Баг еще раз взглянул на Шурупа, потом огляделся. Ближайший к ним охотник находился метрах в двадцати. Тогда, понизив голос, чтобы тот не услышал, Баг спросил у соседа:

– Ты давно в этих краях?

Лицо у Шурупа было узкоглазое и скуластое, но речью он ничем не напоминал аборигена здешних мест.

– Чего? – не понял Шуруп. – В каких этих?

– На Таймыр давно попал? – терпеливо уточнил сержант.

Случай подходящий, чтобы начать потихоньку прощупывать людей. Осторожно, не заявляя во всеуслышание, что у «блэкдевилсов» ему не нравится, и он хочет побыстрее смотаться отсюда, и чем дальше, тем лучше, предпочтительнее назад в Питер…

– Лет уж десять, – сообщил Шуруп, произведя на пальцах подсчеты. – В Дудинке жил, на базе вертолетной. Ну, не столько жил, сколько по всему полуострову на вертушке болтался… Геологов возил до Катастрофы и еще каких-то мутных экспедишников: те с вертолета прыг, прямо так на пустом месте, пошастают, походят кругами и назад… Словно бы искали чего-то, да не находили. Однако не в земле они искали. Что, спрашивается, топтаться по совершенно пустому месту? Сверху ведь и так видать: нет там ни черта… А вообще знатная житуха была. Жратва, выпивка, бабы не по талонам…

– Так ты пилот?

Неужели такое удачное совпадение? Вертолетчик, на пять лет

застрявший в саппортах, и, как следствие, не слишком довольный здешней жизнью, явно тоскующий по Большой земле… Но Шуруп тут же разочаровал:

– Не, борттехник… Но все равно башляли не хило, со всеми здешними надбавками. А толку-то? Раз – и все бабло фантиками обернулось.

– Но пилотировать можешь? – не отставал Баг, он не знал, какие порядки на сей счет бытовали у гражданских авиаторов, но на военных вертолетах каждый член экипажа обязан иметь хотя бы минимальные навыки пилотирования: взлет, посадка, полет по прямой.

– Говенный из меня пилот… Шесть часов налета, да и когда это было… Хотя, если в кресло пилотское сяду, может, руки и вспомнят, что делать…

Уже неплохо для здешнего безрыбья… Когда дело дойдет до конкретных планов, надо иметь Шурупа в виду. А покамест стоило сменить тему – особой сообразительностью бывший борттехник не отличался, но сейчас его нахмуренные брови выдавали некую работу мысли: с чего бы это новичок выспрашивает о вертолетных делах, если ни одной винтокрылой машины и ближних окрестностях нет? И в дальних нет, и на всем Таймыре нет?

– А как с Дудинки сюда угодил? – поинтересовался Багиров. – Не ближний свет…

– Так Толчок подгадал, как раз когда мы неподалеку на посадку шли… Грохнулись конкретно. Мне подфартило: взрывом метров на пятьдесят отшвырнуло, контузило, но не сломал ничего. Остальным кранты, никто не выжил. Пролежал я сутки во мху, оклемался, побрел куда глаза глядят.

– И куда они у тебя глядели?

Шуруп только плечами пожал.

– Не знаю, ни карты, ни компаса не было, даже харч из НЗ и тот в вертушке сгорел, так брюхо скрутило, что с голодухи ягель жрать пытался… Тут на меня ребята и натолкнулись. Случайно натолкнулись… А может, и нет.

– Что значит «А может и нет»? – удивился Баг.

– Странно тогда все вышло… – протянул Шуруп и замолчал.

Он явно не желал распространяться на эту тему. Баг хотел было нажать, заставить выложить все начистоту, а потом сам себя притормозил: мало ли что, вдруг затронет нечто болезненное, что приведет к ссоре… Ругаться с Шурупом в его планы не входило, по крайней мере в ближайшее время. Так что Баг удовольствовался сказанным.

– А дальше?

– А что дальше? Подобрали меня, покормили, потом говорят, выбирай: с нами остаешься или дальше топаешь? Ну и вот, остался. Куда ж тут топать?

Он снова покосился на Бага, но тот лежал, уставившись вдаль, словно и не слушал. «Похоже, из этих хреновых мест и в самом деле никакого выхода нет, – думал Баг. – Круг какой-то замкнутый. Человек, способный исполнить роль пилота, отыскался с легкостью… И ни одной вертушки… Прямо издевка судьбы какая-то».

Он в очередной раз мысленно проклял себя за то, что в одиночку отправился по следу рядового Наруты. Хотя, с другой стороны: ну каким бы он был десантником, если бы своего бросил? Как бы смотрел в глаза ребятам?

– А про Туман ты чего-нибудь знаешь?

– Про туман? – удивился Шуруп. – А что про туман можно знать?

– Да есть тут одна легенда… – обтекаемо начал сержант, сообразив: ничего про таинственный Туман Шуруп не знает.

Шуруп хотел что-то еще сказать, но далеко впереди вновь послышалась сирена, на сей раз гораздо громче.

– Гонят, гонят! – возбужденно прокричал с правого фланга кто-то из саппортов.

Баг всмотрелся. И в самом деле, вдали на равнине что-то темнело. В сумерках толком не разглядеть, но некое пятно сильно выделявшееся на фоне мха. И пятно это приближалось. Еще дальше мелькал свет фар. Прислушавшись, Баг различил грохот трещоток и крики людей, изредка раздавался звук сирены.

Еще пара минут, и начала появляться первая дичь. Громко хлопая крыльями, низко над головами охотников пролетел табунок куропаток. Откуда-то выскочил песец в темной летней шубке, метнулся вдоль сетки туда-сюда и снова исчез в низкорослом кустарнике. Слева мелькнула еще какая-то зверюшка, Баг издалека не разглядел толком, – может, заяц, может, кто-то еще.

Охотники на всю эту мелочь ни малейшего внимания не обращали.

– Приготовились! Не зевать! – завопил Стингер.

Сам он преобразился, куда подевались расслабленность и равнодушие? Вытащив из-за ремня длинную биту, кэп замер за сеткой, словно теннисист в ожидании подачи. Остальные тоже повскакивали с мест, взяв на изготовку кто трубу, кто биту, а кто и попросту увесистую палку, конец которой был утыкан гвоздями.

Момента, когда темное пятно врезалось в сети центральной группы, Баг не видел, но по воплям, которые разнеслись над

тундрой, он понял: началось. А через мгновение основной поток животных, словно натолкнувшись на непреодолимую плотину, повернул в сторону. В сторону Бага и всего их крыла!

Сержант рывком выдернул из-за пояса дубинку, сделанную из водопроводной трубы.

Еще несколько секунд, и Баг наконец-то смог разглядеть добычу. Вообще-то он знал, на кого предстоит охотиться, – на леммингов. Знал, но не поверил. Думал, прикалываются над новичком, голову дурят. Да и ячейки сетей были слишком крупны, лемминг сквозь такие проскочит, не сбавляя хода.

Видывал он леммингов в Кольской тундре, крохотные зверьки с хомяка размером, на ладонь двоих усадить можно. Съедобны, спору нет, но это сколько ж леммингов ободрать и выпотрошить нужно, чтобы человеку насытиться?

Однако здесь водились всем леммингам лемминги. Мутировавшие, не иначе. Размером с кролика, причем с самого крупного кролика. Долго разглядывать леммингов-гигантов и дивиться их габаритам не пришлось – неслись они на людей с огромной скоростью.

Первые врезались в сеть и запутались в ней, но за ними бежали другие, напрямик, не выбирая дороги, топча попавших в ловушку сородичей. Вот в одном месте колья не выдержали и сеть рухнула, во втором, в третьем… Охотники с воплями мчались к местам прорыва, размахивая своим оружием. Посыпались удары, брызнула кровь.

Как понял Баг, всю эту ораву все равно не поймать и не перебить, поэтому задачей было за короткое время прорыва завалить как можно больше зверьков.

В глубине души Баг чувствовал себя полным придурком, когда стоял на пути живого потока и размахивая дурацкой трубой. Почти ни один удар не проходил мимо цели, но далеко не все зверьки прекращали свой бег, – останавливали их либо исключительно точные попадания в голову, либо очень сильные, ломавшие хребет. У Багирова, невзирая на всю его подготовку, далеко не всегда получалось сразить лемминга-переростка. Далекие предки, жившие в пещерах, наверняка сноровистее обращались со своими дубинами.

В какой-то момент Баг понял, что живой поток иссяк. Он резко обернулся и метнул десантный нож вслед грызунам, пригвоздив еще одного к моховой кочке. Вот это другое дело, привычное и знакомое… Взглянул на свои трофеи: не густо, всего-то с полтора десятка голов. А казалось сгоряча, что прибил в несколько раз больше… У многих охотников, насколько он мог разглядеть, убитые лемминги валялись у ног куда более

изобильно.

«Ничего, освоим промысел», – мысленно пообещал сам себе Баг.

– Не стой столбом! – крикнул Шуруп, с головы до ног забрызганный кровью. – Бей тех, что в сетке! Отпутаются же!

И бывший вертолетчик ринулся к заграждению, вновь щедро рассыпая удары и не прекращая орать:

– Бабы! (Хрясь!) Нормальные бля бабы! (Хрясь!) Услышал господь молитвы! (Хрясь!)

Дубинка хрустко крушила черепа и кости, кровь брызгала Шурупу на лицо, он не обращал внимания… И катился над бескрайними равнинами Таймыра его ликующий вопль:

– Бабы-ы-ы-ы-ы!!!

3. Человек в железной маске

Волны с тупым упорством накатывались и накатывались на отвесно вздымающиеся из моря скалы, как будто всенепременно желали продолбить себе дорогу в глубь островка. А скалам было все нипочем, волны разбивались о них, откатывались обратно пенными потоками, – словно толпы мародеров, пытающихся штурмовать продовольственные склады, охраняемые спецназом.

Я смотрел на безуспешные попытки штурма сверху, с высоты в несколько десятков метров. Там, на плоской, будто ножом срезанной вершине островка-утеса, росла невысокая густая трава, образовав живописную полянку, – небольшую, с половину волейбольной площадки размером. Над головой синело безоблачное небо и кружили с громкими криками чайки.

Разумеется, все вокруг: и волны, и островок, и чайки, – было виртуальным. Не вырастают на вершинах торчащих из моря скал такие идеальные, хоть в крикет играй, лужайки. Вершина реальной скалы скорее покрылась бы не травой, а толстым слоем птичьего помета…

– Красивое место, – задумчиво произнес человек, пригласивший меня сюда для разговора. – И символичное – наглядно показывает, какой крохотной стала та часть мира, где сохраняется хоть какой-то покой, хоть какая-то безопасность. А вокруг кипит и бушует бескрайнее море хаоса.

– Что в таком случае символизирует эта железяка? – спросил я, не слишком вежливо указав пальцем на металлическую маску, прикрывавшую лицо человека.

Хотя очень хотел спросить о другом: кто и зачем открыл незнакомцу код доступа с приоритетом «Сатана». Так ведь все равно правдиво не ответит…

– Наверное, это символ того, что мы похожи, – ответил он после секундного раздумья. – Только один носит железо внутри, а другой снаружи.

Железная личина закрывала все лицо от подбородка до бровей и имитировала металл грубой ковки. Два больших отверстия, для глаз, и десятка полтора маленьких дырочек, расположенных напротив рта. Живому человеку таскать такой намордник, наверное, было бы не слишком-то приятно…

Одежда моего собеседника вполне гармонировала с металлической физиономией. Короткий камзол по моде не пойми какого века, белая шелковая рубашка с кружевным воротником и панталоны, заправленные в высокие ботфорты. Я, вернее, мой виртуальный двойник, оказавшийся на виртуальном островке,

был одет схожим образом, ладно хоть хозяин не стал напяливать железный намордник заодно и на гостя…

– Все это интересно и познавательно, – заявил я тоном, намекающим на обратное. – Но не пора ли перейти к сути дела?

– Сейчас перейдем. Но разве вы не хотите поинтересоваться, с кем имеете дело?

– Зачем? И без того понятно.

– То есть?

– Я имею дело с человеком, во что бы то ни стало желающим сохранить инкогнито. Иначе какой смысл во всем этом антураже? Проще было бы пообщаться по обычному защищенному каналу.

– Свое личное инкогнито я действительно предпочел бы сохранить. Но я хочу, чтобы вы, Мангуст, знали, чьи интересы я представляю.

– «Вы» и «Мангуст» не сочетаются в одной и той же фразе. Или «ты» и «Мангуст», или уж «вы» и «господин Дашкевич». Можно «майор Дашкевич».

– Поправка принята. Так вот, майор Дашкевич, я представляю интересы хозяев объекта, служащего целью экспедиции аль-Луаньяна.

– Кто-то разводил звероящеров в озерах Таймыра? – фальшиво изумился я. – Ну и ну…

– Я имею в виду истинную цель, а не объявленную.

– Не понимаю вас. У Эфенди цель одна – застрелить свою рекордную зверюгу и стать Величайшим Охотником всех времен и народов.

Попытка изобразить наивного простака не сработала. Железная Маска не стал мне рассказывать историю «Колесницы Кришны» с самого начала, сказал коротко:

– Речь идет о «Сатане». И не делайте вид, что впервые слышите это название.

– Кто же не слышал о владыке Ада… – продолжил я гнуть свою линию.

– Хорошо. Изображайте полнейшее неведение, если вам так удобнее, майор Дашкевич. Но выслушайте, что я скажу, и примите к сведению.

Он сделал многозначительную паузу и продолжил:

– Комплекс под условным названием «Сатана» создавался относительно недавно, однако в геополитических условиях, в корне отличающихся от тех, что сложились на сегодняшний день. Проще говоря, «Сатана» стала своим создателям не нужна. Катаклизм ослабил все уцелевшие государства настолько, что на масштабную внешнюю экспансию сил ни у кого не осталось. Даже поднебесники умерили свои некогда безбрежные аппетиты и не

стремятся к новым аннексиям. К тому же спорные территории потеряли былую привлекательность – часть суши стала морем, а то, что уцелело, требует для восстановления нормальной жизни вложения колоссальных сил и средств. И Объединенный Индостан более не нуждается в «Сатане» как в оборонительном оружии. Но категорически против того, чтобы кто-то иной этим оружием завладел и использовал в целях агрессии.

Он вновь многозначительно замолчал, давая мне время осознать и проникнуться.

«Любопытная ситуация, – подумалось мне. – Никому эта злосчастная «Сатана» не нужна, и тем не менее все начали пытаться завладеть ею именно сейчас, не раньше и не позже. Еще год назад никого не интересовали обломки, мирно ржавеющие на краю света, в далеких таймырских болотах… Но стоило одному геополитическому игроку потянуться в ту сторону – и все остальные засуетились, зашевелились, начали плести интриги и отстреливать конкурентов…» Я все больше склонялся к мысли, что в роли камешка, вызвавшего всю лавину, и в самом деле послужил не интерес к «Сатане», а невинная охотничья страсть Эфенди. Но очень уж неудачно он выбрал район для сафари… Лучше бы занялся сасквочами, честное слово. Хотя лично мне грех жаловаться и пенять на судьбу – получил шанс избавиться от унылого пенсионерского житья. И даже женой обзавелся, зеленоглазой красоткой.

– Из того, что вы рассказали, мне не все понятно, – сказал я, видя, что пауза затягивается. – И в первую очередь не ясно, что вы хотите лично от меня.

– Во-первых, я хочу, чтобы вы поняли: наши интересы в этом деле полностью совпадают. У России сейчас нет возможностей вести масштабные поиски на Таймыре. Нет научно-технического потенциала для изучения обломков и воссоздания на их основе принципиально нового оружия. Да и времени на такую затею нет. Наконец, нет достойных целей для применения «Сатаны».

«Хе-хе, – подумал я, – с последним своим тезисом Маска дал маху. Вручите нашим генералам заряженную пушку, а уж цель они быстренько придумают. У того же Кравцова есть давняя и заманчивая цель, причем совсем близко, в самом сердце России. Анклав Москва называется».

Железноликий продолжал:

– И для Санкт-Петербурга, и для Нью-Дели удобнее всего было бы сохранить статус-кво: «Колесница Кришны» бесследно сгинула в День Станции. Но в нынешней ситуации рассчитывать на такое – непростительный оптимизм. Поэтому комплекс «Сатана», если вдруг он уцелел, должен быть уничтожен.

– Я осознал и проникся. Но ваше «во-первых» подразумевало и второй пункт.

– Он состоит в следующем: не верьте Хасану Бен-Захру. Он работает не только на аль-Луаньяна. И не только на него и на военную разведку исламистов. Хасан весьма многогранная личность.

– Кому еще он служит?

– Сейчас я не могу раскрыть все карты. Придет время, узнаете.

– Хорошо. Я проникся общностью интересов России и Индостана. Я принял к сведению предупреждение, касающееся Бен-Захра. Это все, что вы от меня хотели?

– Не совсем. Я хочу, чтобы вы – именно вы, майор Дашкевич, – уничтожили «Сатану».

– Уговорили. Помогу чем смогу. Прихвачу здесь, в Салехарде-23, металлоискатель и кувалду потяжелее. Найду и раздолбаю на мелкие кусочки.

Своей ернической фразой я собирался попробовать на прочность броню напускного спокойствия, окружавшую моего собеседника. Попробовал – и броня тут же дала трещину.

Маска уставился прямо на меня. Глаза за отверстиями в металле не были видны – черные бездонные провалы, ведущие неизвестно куда… Весьма неприятный взгляд, надо заметить.

– Не юродствуй, Мангуст, – проронил он раздраженно.

Помолчал и продолжил в прежнем тоне:

– У меня, майор Дашкевич, есть большое преимущество перед другими игроками в намечающейся партии. Если наложились маловероятные случайности, модуль с «Сатаной» уцелел и находится в работоспособном состоянии, – я знаю, как данный объект отыскать и как его уничтожить. Без помощи кувалды.

– Так разыскали бы и уничтожили. Зачем вам я?

– Есть причина, по которой сделать это сможете только вы.

– Какая?

– Придет время, узнаете, – повторил он. – Время, когда будут сняты все маски, и эта тоже. – Мой собеседник прикоснулся к своей железной личине. – А сейчас нам пора попрощаться. Для первой встречи сказано достаточно.

Он сделал прощальный жест рукой и мгновенно исчез вместе с островом, морем и чайками. Я оказался в бездонной голубоватой пустоте – вернее, не совсем я, а мой бесплотный взгляд, лишенный тела. А где-то далеко-далеко, за тридевять парсеков, рука вслепую нащупала и отстыковала от «балалайки» тоненький кабель…

И я вновь оказался в тесноватом жилом помещении базы

Салехард-23.

Разговор с Железной Маской стоило неторопливо и вдумчиво проанализировать, но я решил, что займусь этим позже. Первым делом попытаюсь установить личность своего визави и попробую понять, как он умудрился связаться со мной по каналу, известному лишь двум людям, не склонным делиться информацией с посторонними. Затея почти безнадежная, но и в моем рукаве тоже имелись кое-какие козыри для намечавшейся партии: здесь, на Салехарде-23, служили несколько моих старых знакомцев, и среди них – капитан Рашидов, занимавшийся как раз системами связи базы.

Шагая гулкими пустыми коридорами к лифту, а затем неторопливо поднимаясь на минус второй этаж, я поразмыслил над вопросом: мог ли за Железной Маской скрываться генерал Кравцов? Или Красный Хасан? И решил, что ни тому, ни другому такие изыски ни к чему.

Повезло – в операторской дежурила как раз смена Рашидова, капитан вник в проблему и согласился приватно помочь. Первым делом выяснилось, что сеанс связи был местным – до пролета следующего телекоммуникационного спутника оставалось еще полчаса. Кодированный сигнал шел из бункера и попадал на ретранслятор «Стрелы Пророка», связывающий «балалайки» членов экспедиции в единую локальную сеть.

Ну что же, круг возможных кандидатов на роль Железной Маски сузился до пятидесяти четырех участников экспедиции. Минус я, минус Хасан, – пятьдесят два. Плюс экипаж дирижабля, – шестьдесят шесть. Если впасть в параноидальную подозрительность, то можно приплюсовать сюда и весь персонал базы, но я впадать не стал…

Я попросил локализовать точку входа, не особенно надеясь, что из моей затеи выйдет что-то путное. Зачем вся маскировка и виртуальные прибамбасы, если абонента можно вычислить легко и просто?

Однако Рашидов поколдовал пару минут над аппаратурой и доложил: сигнал на ретранслятор шел не откуда-нибудь, а из отсека, отведенного для временного проживания отставного майора Дашкевича. И туда же возвращался с ретранслятора.

Замечательно… То есть на скалистом островке я беседовал сам с собой. Поздравляем с раздвоением личности, Мангуст! Кажется, именно это называется шизофренией?

Но если упрямо настаивать на собственной адекватности, то надо признать, что автор программы-червя, устранявшей следы входа в локальную сеть, отчего-то не стал переводить стрелки ни на кого другого.

Возвращаясь из операторской, я подумал, что могу вычеркнуть из списка кандидатов еще одного человека – мою законную зеленоглазую супругу. Подумал еще немного и раздумал вычеркивать. Не важно, что мы находились рядом, когда поступил вызов, – разговор-то состоялся позже, когда мы с Лайзой разошлись по разным помещениям. А послать вызов в нужное время могла аппаратура, соответствующим образом настроенная, без участия хозяйки. А чтобы я ненароком не ответил раньше времени, хозяйка завуалированно намекнула: есть вероятность, что она владеет-таки русским… Естественно, это владение никак не могло помочь услышать виртуальную беседу на виртуальном островке, но я-то считал, что предстоит разговор с Кравцовым, не обставленный с такой таинственностью.

Изящная версия… Я попытался представить Лайзу в форме офицера внешней разведки Объединенного Индостана – и решил, что парадный серо-голубой мундир ей был бы к лицу. Если погибнет на Таймыре при исполнении, мне, как законному супругу, от индийского Генштаба будет причитаться пенсия по утрате кормилицы.

Шутки шутками, но над списком действительно придется посидеть с карандашом в руке, вычеркивая тех, кто никак не мог исполнить роль Железной Маски. Такая мысль пришла мне в голову, когда я встретил возле лифтов Зига. Или Зага – вечно путаю этих верзил-генавров, личных телохранителей Эфенди. Лишь у Зога есть отличительная примета – к его левому запястью постоянно прикован объемистый чемоданчик из бронепласта, настоящий носимый сейф. Носит Зог увесистую штуковину легко и непринужденно, словно дамскую сумочку, но к словесной эквилибристике в стиле Маски неспособен, равно как и его генетические близнецы.

Едва я очутился в своих апартаментах, как последовал новый вызов. И вновь с приоритетом «Сатана». Неужто Маска забыл рассказать нечто важное и вновь приглашает на свой островок?

Но нет, вызывал меня Хасан. Разговаривать на расстоянии я отказался, не объясняя причин. Сказал, что сейчас подойду, благо недалеко.

Пока не поставлю улучшенную защиту, стоит воздержаться от использования этого способа связи.

В личном разговоре выяснилось: мне предстоит исполнить прямые свои обязанности, ради которых меня изначально приглашали в экспедицию. Необходимо провести переговоры с местным руководством на предмет закупки партии горючего, и желательно не по заоблачным ценам.

Я удивился. Топливо на базе имелось, и куда больше, чем

требовалось для немногочисленного парка наземных и воздушных машин. Но мне казалось, что охотничья экспедиция Эфенди обеспечена всем необходимым с запасом…

– Планы изменились, – сказал Хасан в ответ на мой удивленный вопрос. – «Стрела» вылетает на Таймыр завтра. Придется бороться с сильным ветром, на второй полет горючего может не хватить.

Людей и грузы предполагалось перебросить из Салехарда-23 на остров за две ходки, сам Великий Охотник должен был прибыть вторым и последним рейсом, уже в благоустроенный лагерь, снабженный всем необходимым для относительно комфортной жизни.

– Что за спешка? – поинтересовался я. – Синоптики через неделю обещали попутный ветер.

– Ситуация изменилась. В море Лаптевых спутниковая разведка обнаружила корабль, опознанный как ледокольный атомоход «Гуанчжоу». Если он держит курс на Таймыр, то ходу ему при благоприятной ледовой обстановке остается около двух суток.

Час от часу не легче… Какая, интересно, новость станет следующей? Что у берегов Таймыра всплыла эскадра атомных субмарин вудуистов?

– Поднебесники, судя по названию судна? – на всякий случай уточнил я.

– Год назад «Гуанчжоу» выведен из регистра флота и продан для последующей утилизации… То есть де-юре в российские территориальные воды… Ну, скажем так: в номинально российские… В общем, к Таймыру плывет металлолом без какого-либо флага. Поводов для официальных претензий к правительству КНР нет.

– А кто на борту металлолома? Неизвестно?

– Известно лишь то, кто в свое время приобрел атомоход…

– И кто же?

– Некая фирмочка из Саньцзина.

– Мне по некоторым причинам удобнее называть его по старинке, Охотском.

– Сути дела название не меняет… А суть в том, что имеются очень веские подозрения: много лет эта фирма служила прикрытием для местного филиала Триады.

Вот даже как… Триада… Криминальный синдикат, специализировавшийся на всевозможных нелегальных делах, разветвленный и глубоко законспирированный… Несколько лет о них ничего не было слышно… Но если какие-то осколки и остатки былой структуры уцелели, то именно к ним логичнее

всего обращаться за помощью в таком деликатном деле.

Веселым и многолюдным местом станет остров Таймыр в самое ближайшее время.

4. Крысиная доля

Сотни тушек лежали на окровавленном мху, когда появился посыльный от Большого Пепса, руководившего центральной группой и по совместительству всей охотой.

Тормознув «лисапед», парень – запыхавшийся, забрызганный кровью – с трудом перевел дыхание и объявил:

– Командир приказал собирать сети и грузить добычу, сколько сможем за раз увезти.

– А остальное? – поинтересовался кэп Стингер, ткнув ножом в сторону груды тушек.

Охота выдалась баснословно удачная, и было понятно – сразу все трофеи не вывезти, даже если оставить в тундре сети и ловушки, даже если ссадить всех саппортов с пассажирских сидений. Потому что аккумуляторы у загонщиков почти разряжены, возвращаться они будут налегке и малой скоростью.

– Утром заберем, – объявил посыльный. – Саппортов пару человек оставьте караулить, чтобы песцы не обглодали.

Он еще раз оглядел добычу крыла, вздохнул завистливо:

– Ну вам сегодня и привалило, у наших навскидку вдвое меньше будет, а правое крыло вообще по нулям…

Началась погрузка. Сети сворачивали в рулоны, тушки складывали в большие мешки и в походные рюкзаки, вьючили на тундробайки и укладывали на два прицепа. Когда закончили, капитан выстроил крыло, обратился с короткой речью:

– Молодцы! Отличная работа! Женское крыло Стеклянного Дома на эту ночь наше, парни, оторвемся по полной!

Парни откликнулись одобрительными возгласами. Баг поморщился, стараясь, чтобы никто не разглядел его мимики. Представил, как эта пахнущая кровью орава ввалится к женщинам… Собственно говоря, на чувства обитательниц Стеклянного Дома ему было глубоко наплевать. Но…

Но можно многим делиться с боевыми товарищами, однако все-таки не всем. Как говорили предки, у женщины, у оружия и у коня должен быть лишь один хозяин. Не используют для омовений воду, которой кто-то уже смыл свою грязь… И уж тем более – не пьют. В общем, от похода в Стеклянный Дом саппорт Баг решил под каким-нибудь предлогом воздержаться.

Предлог долго искать не пришлось.

– Ты и ты… – Стингер указующим жестом потыкал в строй. – Останетесь здесь. Костер запалите, можете пару зверюшек на ужин зажарить. Утром заберем и вас, и груз. Остальные саппорты – рюкзаки на плечи, и марш пешочком на базу.

Багиров прикинул вес заплечного мешка. Ничего, вполне подъемный. До Ада километров пять, дошагают, не надорвутся. И даже не особо отстанут от «лисапедистов», их машины перегружены и едва катят.

А Шуруп, назначенный в состав двойки, охраняющей добычу, затосковал. Перечить капитану не осмелился, но, когда груженые тундробайки отъехали подальше, чуть ли не волком взвыл:

– Да что ж такое, а?! В кои веки на охоте фартануло – и что? Они там с бабами кувыркаться будут, а мы?!

У второго неудачника, откликавшегося на прозвище Тпин, очевидно, спермотоксикоз еще не дошел до такой запущенной стадии. По крайней мере, настолько огорченным он не выглядел. Даже пошутил, посоветовав Шурупу выбрать среди груды тушек самку посимпатичнее, да и попользоваться, пока тепленькая.

Экс-бортмеханик никак на дурацкую шутку не откликнулся, застыл неподвижно, глядя вслед медленно удалявшимся «лисапедам», и шептал почти беззвучно:

– Бабы… бабы… бабы…

– Послушай, – обратился к нему задержавшийся Баг, – раз уж так невмоготу, бери мой рюкзак и шагай побыстрее. А я здесь за тебя подежурю.

Одним выстрелом можно уложить трех леммингов. Заслужить благодарность бывшего вертолетчика, избавиться от визита к женщинам общего пользования и заодно начать прощупывать Тпина, – ночь впереди долгая, времени на разговоры хватит.

– А Стингер? – с сомнением спросил Шуруп. – Раз назначил, не положено самим меняться…

Но заблестевшие глазки лучше любых слов свидетельствовали: ему весьма нравится идея Бага.

– Стингеру скажешь, что не смог остаться. Рука, мол, разболелась, не то вывихнул на охоте, не то еще какая хренотень случилась. Фельдшеру, дескать, надо показаться.

– Кэп проверит, он дотошный.

– Пусть проверяет, – сказал Баг и неожиданно рубанул Шурупа чуть выше запястья ребром ладони.

– У-у-у… Ты чего?!

– Ничего страшного. Если что, фельдшер подтвердит: ушиб неслабый. А в Стеклянном Доме ничему не помешает. Шагай уж, а то всех годных баб без тебя разберут.

Последний довод подстегнул Шурупа – он с помощью сержанта взвалил рюкзак на плечи и трусцой бросился догонять остальных пеших саппортов.

Помявшись, Баг присел рядом с Тпином – тот молча сидел,

отдыхая после леммингового побоища и погрузки, смолил самокрутку, набитую чем-то на редкость зловонным.

Тундру окончательно окутал мрак, не совсем, впрочем, беспросветный. Ветер гнал по небу редкие облака, в разрывах светили звезды и ущербный месяц. В отдалении трепетал огонек – люди, сторожившие добычу центральной группы, уже успели запалить костер. А на западе багровели вершины Быррангы, подсвеченные спрятавшимся за них солнцем. Красивое зрелище, Багиров даже залюбовался, хоть и не имел особой склонности восхищаться пейзажами.

– Ладно, Баг, отдохнули и будя. Пора ужин готовить. – Тпин явно решил принять на себя командование.

Он встал, загасил о подошву окурок, отряхнул штаны. Продолжил:

– Удачный денек, можно будет пузо до отвала набить… Я пока дровишек наберу, а ты пару тушек пожирнее обдери.

Баг с сомнением взглянул на груду окровавленных леммингов.

– Нет, давай-ка наоборот, – объявил он, тоже поднимаясь на ноги. – Не спец я зверье потрошить.

– Кишками и кровушкой, значит, брезгуешь?

– Не то чтобы очень… Но больше привык человеческие кишки выпускать.

Тпин фыркнул, постоял несколько секунд, меряясь с Багировым взглядами. Затем молча развернулся и направился к груде тушек, доставая на ходу нож. А Баг углубился в ближайшие заросли стланика, на ощупь находя засохшие стебли.

Не самая получилась удачная прелюдия к задушевным беседам… Да и потом Тпин оказался полной противоположностью болтливому Шурупу – говорил мало, зато жаркое уплетал за двоих. На вопросы отвечал коротко, и порой все ответы состояли из междометий или невнятного бурчания. Не сложился разговор. Казалось, Тпина безмерно раздражало присутствие Багирова, и скрывать сей факт он не считал нужным.

Набив пузо, как он выражался, до отвала, необщительный напарник завалился спать. И Багу посоветовал делать то же самое. На вопрос о песцах и охране от их посягательств пренебрежительно махнул рукой. И пояснил, что песец летом относительно сытый и оттого осторожный, его отпугивает само присутствие людей и их запах, никакая активная охрана не нужна. Так что дрыхни, набирайся сил, завтра понадобятся.

Багиров решил последовать совету. Денек выдался изматывающий, а завтра предстоит не лучше…

…Он вздрогнул и проснулся – сработало шестое чувство,

выработанное долгими годами военной службы. Что-то было не так… Баг не понимал, что его разбудило – какой-то звук, или какое-то движение в темноте – но отреагировал рефлекторно: незаметно потянулся за ножом. И пожалел, что по приказу Большого Пепса охотники, кроме командиров крыльев, оставили в Аду все огнестрельное оружие. Тактический комплект и шлем сержанта тоже остались в поселке «блэкдевилсов»… Знал бы заранее, что придется ночевать в тундре, прихватил бы их с собой.

Костер догорел, в золе мерцали красные точки последних угольков. Но теплом от кострища тянуло, разбудил сержанта явно не холод… Подземный толчок? Так они по одному здесь не случаются, были бы и другие… Он присмотрелся – Тпина с другой стороны костра не увидел. Напарнику приспичило отлить, а Баг услышал негромкие звуки и проснулся?

И тут сзади, вне поля зрения, послышался шепот, разом снявший все сомнения.

– Крепко спит?

– Лучше б связать, да еще проснется ненароком…

– Тогда пусть дрыхнет. Намаялся, не услышит.

– Нет уж, на Аллаха надейся, а верблюда привязывай! Я ему щас выпишу снотворного, пусть утром гадает, откуда на башке шишка выросла…

Как минимум два противника, но вполне возможно, что больше. Однако Бага это ничуть не смутило. Нож уже был у него в руке, и…

Шепот смолк. В темноте раздавались слабые звуки, природу которых сержант определить не смог. Затем кто-то тяжелый, но старающийся ступать бесшумно, подошел поближе. И с размаху шандарахнул по затылку Багирова.

Но нападавший просчитался, Баг был готов к такому повороту событий. Длинное орудие – палка? труба? – вмялось в мох, головы сержанта в том месте уже не оказалось. Рывок, поворот, удар ногами, – и противник, завывая от боли, повалился на бок. Еще мгновение, и Баг оказался на ногах, а любитель бить спящих по затылку ворочался на земле.

Чуть поодаль, у груды тушек, виднелись еще два силуэта. Один вроде бы Тпин, второго Багиров не смог опознать в темноте. Зато хорошо разглядел две грузовые тележки, прицепленные к двум «лисапедам». Ого, значит, в эти игры играют не только саппорты, но и полноправные члены клуба…

– Крысы пришли за своей долей? – поинтересовался Баг.

От немедленной атаки он решил воздержаться… Все-таки его собирались не прикончить, лишь оглушить. Неплохо бы для

начала разобраться, в чем тут дело.

– Ты не злись, – примирительно произнес Тпин. – Ложись, спи. Ты нас не видел.

– Так не пойдет. Мы остались тут охранять, а не разворовывать.

– Ложись спать, саппорт, кому сказано! – Человек, стоявший рядом с Тпином, высокий и худой, харкнул на мох и шагнул вперед. – Плюс-минус пара зверьков, никто и не заметит, зато…

Но Баг решительно перебил:

– Минуса не будет!

– Да ты остынь, чудило упертое! – вновь вступил в диалог Тпин. – Неужто думаешь, что Пепс зачтет тебе преданность? На байк без очереди посадит?

Багиров пожал плечами, и на том дипломатическая фаза конфликта завершилась. Лекарь, пытавшийся «прописать снотворное», пришел в себя. И тут же ринулся в драку, размахивая своим оружием. Сейчас можно было разглядеть, что эта та самая труба, прикончившая сегодня немало грызунов, но конец ее теперь обмотан несколькими слоями тряпки, белеющей в темноте. Из соображений гуманизма обмотан, не иначе.

Отпрыгнув в сторону, Баг дал противнику пролететь мимо. А потом придал добавочное ускорение, отвесив смачный пинок под зад. Теперь трое заговорщиков замерли перед ним, словно собираясь с силами для новой решительной схватки.

– Забирайте свои пожитки и отправляйтесь к президенту, – предложил Баг. – Покайтесь, что собирались крысятничать, авось простит.

Предложение было с подвохом. Эта троица вполне могла на него купиться и в самом деле поспешить в Ад. Разумеется, не с покаянием, а с доносом на Бага, обвиняя его в каких-либо прегрешениях, – в конце концов, их трое, а он один, к тому же без году неделя в рядах «блэкдевилсов»… Кому старшины клуба поверят быстрее?

А подвох был в том, что все происходившее сейчас сержант фиксировал на «балалайку». Прихватил ее с собой, решив снять для личного употребления небольшой учебный фильм об особенностях здешней охоты. Чтобы потом еще раз неторопливо изучить все детали и подробности. По горячке-то много ли разглядишь и запомнишь?

Но противники, уверенные в полном своем превосходстве, на предложение не купились. Видать, очень уж им хотелось переделить добычу по своему разумению.

– Зарою гада! – Владелец обмотанной тряпками трубы бросился на сержанта.

Может быть, он рассчитывал на неожиданность своей атаки, но вот о принципах рукопашного боя с применением подручных средств даже не подозревал.

Баг мог бы вновь уложить его на мох без лишнего членовредительства, мог сразу поставить точку ножом… Но не сделал ни того, ни другого. Потому что от кучи мертвых грызунов донесся очень характерный звук – клацанье передернутого затвора. И что-то длинное блеснуло в лунном свете в руках у высокого.

Вот даже как… Похоже, решили идти до конца. Прикончат, отвезут труп подальше, прикроют мхом, – и объявят саппорта Бага дезертиром. А песцы и грызуны быстро обработают тело так, что если его и обнаружат, в причинах смерти не больно-то разберешься… Да и не станет никто разбираться.

Ну так получайте же, поганые крысы! Нож вспорол глотку на удивление легко, рассек гортань, сонную артерию, яремную вену… Даже шейные позвонки не смогли устоять перед ударом чудовищной силы.

Тело оставалось на ногах, рука с трубой еще двигалась, но голова откинулась назад, на спину, практически отрубленная, повисшая на полоске мышц и кожи.

Кровь ударила тугим фонтаном, окатила Багирова. Залила лицо, попала в рот. Горячая, соленая… Приятная… До чего же хорошо умыться кровью врага!

Высокий выстрелил, когда к нему стремительно метнулась фигура, с ног до головы окровавленная, больше напоминающая демона смерти, а не человека… Выстрелил и промахнулся, руки дрожали от увиденного… Нож тут же ударил – снизу, в пах. Клинок вошел легко, по самую рукоять, и так же легко двинулся вверх, разрезая брюшину и кишки. Затем сталь скрежетнула о кость, нож замедлил движение. Нож, но не рука Бага. Казалось, что мышцы у него сейчас способны на любое, самое запредельное усилие – и противник оказался поднят вверх, ноги его дергались, не находя опоры. Дробовик-помповушка упал на землю. И туда же, к земле, потянулись кишки – рассеченные, извергающие содержимое.

С торжествующим воем сержант загнал левую руку во вскрытую утробу – глубже, глубже, до чего же приятно, даже приятнее, чем входить в женщину – нащупал сердце, рванул…

Тпин завопил и бросился наутек, увидев, как страшный окровавленный человек запустил зубы в пульсирующий комок плоти. Далеко не убежал, споткнулся о кочку, растянулся. И тут же в его затылок вонзился нож – глубоко, с хрустом проломив

кости черепа. Еще раз, еще, еще, голова быстро превращалась в месиво, в кровавую кашу. Торжествующий вопль снова потряс тундру.

Багиров почувствовал, что сходит с ума… Или уже сошел. Ничего этого, конечно же, не произошло за те доли секунды, пока крысятник несся к нему, размахивая трубой. Однако сержант прекрасно видел все – и почти отрубленную голову, и вспоротое брюхо, и вырванное сердце. Словно в глубине черепа открылся загадочный третий глаз и быстренько посмотрел кошмарно-кровавое кино с Багировым в главной роли…

Противник махал своей трубой с утробным хеканьем, стараясь зацепить сержанта, – ни дать ни взять далекий предок человека, спустившийся с дерева и впервые взявший в лапы дубину. Багиров без особого труда уворачивался, используя врага как живой щит, прикрываясь от возможного выстрела, – все делал достаточно машинально, на рефлексах, пытаясь разобраться и понять, что же с ним творится. Губы и язык еще чувствовали соленый вкус крови…

Высокий стрелять не спешил, выжидая, чем закончится попытка товарища прикончить врага без лишнего шума.

И тут вперед шагнул Тпин, до того колебавшийся и не вмешивающийся в драку. Шагнул со здоровенным клинком в руке, весьма напоминавшим тот, что пригвоздил к стене Длинного. Сержант, имевший время сегодня приглядеться к этому оружию, мысленно окрестил его мачете, ввиду незнания местного названия… Десантный нож Багирова смотрелся на таком фоне несерьезно. Да и сам Тпин не выглядел слабаком.

Баг прекратил ломать голову над мгновенным и кровавым видением. Не то сейчас его самого выпотрошат, как лемминга… И швырнут тушу в общую кучу.

Тпин двинулся в сторону сержанта, поигрывая мачете. Трубоносец сместился в сторону, готовясь напасть с другого фланга. Высокий неторопливо поднял свое оружие на уровень глаз, – и теперь Баг уже не мог никем заслониться от выстрела, не подставляясь под трубу или клинок.

– Может, все-таки договоримся? – спросил он, стараясь, чтобы слова звучали растерянно и неуверенно.

И метнул нож, не успев закончить фразу. Без замаха, коротким движением опущенной кисти. Высокий схватился за грудь, вернее, за торчащую из нее рукоять ножа. Захрипел, упал на колени. Его подельники не успели ничего понять, не сообразили, что прикрывавший их стрелок вышел из строя, – Баг атаковал.

Уклонившись от трубы, он «подковал» правую ногу

противника, ударив по голени рантом ботинка, тут же перехватив руку с трубой, выдрал ее из ослабевших пальцев.

Тюк! – труба вступила в плотный контакт с черепом своего недавнего владельца. Дзинк! – мачете Тпина столкнулось с трофейным оружием и отскочило. Тюк! – еще один удар, по другой черепушке. И все закончилось. Баг подскочил было к высокому, но тому уже правка не требовалась, затих.

Сержант оглядел поле боя. Один убитый, два оглушенных, сам не получил ни царапины.

Вскоре оба неудачливых расхитителя общей добычи лежали на мху, связанные, с кляпами во рту, рядом с мертвыми леммингами и мертвым человеком.

Баг снова запалил костер, топливо еще оставалось. Присел рядом с мертвецом, всмотрелся в лицо, освещаемое пламенем. Светлые волосы, короткая борода чуть более темного оттенка. Не из их крыла, точно. Всех обитателей Ада сержант по именам не знал, даже лица не все запомнил за неполных две недели… А кожаную жилетку (на ней всенепременно имелась нашивка с прозвищем владельца) бородач не надел, как и прочие охотники, не желающие пачкать и пятнать кровью парадную форму.

Ладно, не важно, начальство опознает, кто тут крысятничать наладился. С любителем помахать трубой встречаться уже доводилось, но имя его Баг не запомнил.

Под утро, едва на востоке забрезжило, пожаловал Пепс собственной персоной в сопровождении эскорта из трех «лисапедистов».

– Мои люди слышали ночью у вас какой-то подозрительный шум.

Баг встал, сделал пару шагов от остывающего кострища, доложил:

– Гости заезжали. Но слишком горячими были, пришлось остудить. Один совсем холодный теперь. А Тпин решил в ножички со мной поиграть, да проигрался вчистую. Других происшествий не было, добыча в целости и сохранности.

Пепс прошелся вдоль лежавших рядком «гостей» и неудачливого игрока в ножички. Последний что-то пытался сообщить начальнику, но тот не обращал внимания на доносящееся из-под кляпа мычание и энергичную мимику. Застыл, внимательно изучая бородача и его оружие. Затем принялся столь же дотошно осматривать один из «лисапедов», задумчиво покачивая головой…

– Заберите этих. – Закончив осмотр, Пепс кивнул своим спутникам в сторону связанных и убитого. – Холодного в мешок запихайте. Везите в поселок, всех в Дом, и пришлите крыло Папы

Дока в полном составе, скажете – я распорядился.

Байкеры вскоре уехали, а их начальник уселся на кочку, приказал:

– Теперь рассказывай со всеми подробностями.

Рассказ не затянулся, но изложил сержант все в точности, постаравшись ничего не упустить. Лишь о кровавом своем видении не сказал ни слова.

– Что с живыми будет? – поинтересовался он, завершив повествование.

– Будем разбираться. Послушал тебя, затем послушаем их, – и решим, кого судить, а кого награждать…

– Долго разбираться ни к чему.

И Баг поведал о «балалайке» с записью ночных происшествий. Найдется, дескать, аппаратура для просмотра?

– Найдется… А ты, Баг, я смотрю, хитрожопым саппортом оказался… Или везунчиком небывалым. Мало того, что и услуги клубу оказал, которые на досрочный прием вполне тянут, так еще и байк трофейный раздобыл.

– Почему трофейный? – искренне удивился Багиров.

– Потому и трофейный, что не наш. Ты еще не въехал, что завалил чужака?

Сержант изумился. Что за чужак, откуда тут чужак с тундробайком? И что у него были за шашни с отдельно взятыми «блэкдевилсами» за спиной начальства?

Не совсем понятный новый расклад предстояло хорошенько обдумать. Но слишком мало информации к размышлению – Багиров очень сомневался, что Большой Пепс обнародует результаты допроса расхитителей. Начальник здешней безопасности склонен засекречивать все, что можно, коли уж даже рассказ саппорта Бага предпочел выслушать в полном одиночестве. Но все равно какие-то слухи по Аду поползут, происшествие странное и небывалое, толковать о нем будут долго…

Спустя час, когда тяжело нагруженные тундробайки крыла Папы Дока возвращались на базу, мнение Багирова о возможной лавине слухов изменилось. Пожалуй, ночное происшествие может пройти почти незамеченным…

Причиной, заставившей изменить мнение, послужил банальный для иных мест звук. Багиров множество раз его слышал, но никак не рассчитывал услышать здесь, по крайней мере так скоро.

Над тундрой грохотал ротор вертолета.

Вскоре показалась и сама винтокрылая машина, пролетела над растянувшейся цепочкой «лисапедов», прицепов и пешеходов,

шагавших с тяжелыми рюкзаками. Когда сержант хорошенько разглядел вертушку, он с трудом подавил порыв отшвырнуть рюкзак и залечь. Потому что на хвостовой части фюзеляжа, рядом с номером, был изображен бело-зеленый флаг мятежной Сибири.

Но вертолет не предпринимал ничего, что можно было истолковать как агрессию – заложив полукруг, начал снижение. Опускался он как раз туда, где за холмами скрывался Ад.

5. Контакты третьего рода

– Слишком не снижайся, – скомандовал я пилоту. – Зависни во-он там, метрах в восьмистах над землей.

Вертолетчик исполнил команду. Оператор старательно снимал раскинувшийся внизу поселок, Лайза тоже навела на него другую камеру, меньших размеров, и одновременно что-то скороговоркой наговаривала в микрофон. Хиджаб на работу моя супруга надела чисто символический, лишь намекавший: каноны соблюдены, но практически ничего не скрывавший. Выглядела увлеченная любимым делом Лайза еще более эффектно, чем обычно. Похоже, я помаленьку начинаю жалеть, что наш брак лишь формальность…

Зато вторая моя официальная ипостась – заместитель Хасана Бен-Захра по контактам с местным населением – формальностью отнюдь не была. Еще один повод для сожалений, потому что таймырские аборигены, пялившиеся снизу на вертолет, способными к мирным контактам не выглядели. Несколько десятков, сплошь мужчины, все при оружии…

Допустим, арбалеты и дробовики против летящего на километровой высоте вертолета абсолютно бесполезны, но в электронный бинокль я разглядел и охотничьи карабины. Из такой игрушки можно послать свинцовый привет пролетающим над головой людям, пусть и с самыми минимальными шансами причинить хоть какой-то вред.

Флаг сибирских мятежников (его я смастерил собственноручно перед вылетом, прилепив белый самоклеющийся пластик на часть эмблемы Исламского Союза) не давал никакой гарантии от выстрелов снизу. Если даже сюда и наведываются редко и нерегулярно эмиссары сепаратистов, неизвестно, какие у них сложились взаимоотношения именно с этой группой местных жителей…

Решив не искушать и не провоцировать аборигенов, я приказал снижаться в стороне от поселка – там, где громоздились руины двух не то заводских цехов, не то еще каких-то зданий промышленного назначения, и виднелись заросшие фундаменты еще двух или трех огромных строений, так и не возведенных. Кто, что и зачем пытался тут что-то построить еще до Катаклизма? Что собирались перерабатывать два огромных цеха? Все это оставалось загадками, совершенно меня не волновавшими. Можно порыться в архивах и разузнать, но не стоит терять время на получение бесполезной информации… (А вот историю мотоклуба «Блэкдевилс» я интереса ради изучил, и знал, как его

членов угораздило оказаться на Таймыре аккурат под Толчок, – участвовали в рекордном пробеге, призванном прорекламировать на весь мир технику для экстремального туризма, разработанную в «МосТех»).

Аборигены никак руины не эксплуатировали, даже в качестве источника стройматериалов для своих жилищ. Оно и правильно, слишком рискованно использовать металлические балки или железобетонные плиты для построек, возводимых в зоне постоянной сейсмоактивности.

Палатки и легкие домики, где обитали байкеры и примкнувшие к ним граждане, группировались вокруг весьма оригинального здания, не походившего ни на что, ранее мною виданное. Отчасти оно напоминало громадный цирк шапито – круглой шатрообразной формой и многочисленными тросами-растяжками, тянущимися во все стороны. А еще смахивало на теплицу или оранжерею – своими полупрозрачными стенами. Из чего возведен сей шедевр строительной мысли, я с высоты не смог разглядеть.

Лучше не задумываться, каково в этих постройках жить зимой. Видимо, не очень здорово…

Однако хватит любоваться архитектурными достопримечательностями Таймыра. Пора работать, налаживать контакты с местным населением… Но лучше делать это с безопасной дистанции – по слухам, население здесь недружелюбное и склонное к каннибализму.

– Помогите, пожалуйста, уважаемый, – громко обратился я к Хамизу Лануа, перекрикивая звук двигателя, шлемофона на Хамизе не было.

Он посмотрел на меня задумчиво, словно решая: пристало ли пресс-секретарю самого Эфенди заниматься погрузочно-разгрузочными работами? Но протестовать не стал, поднялся из кресла, взялся за ручку контейнера… За вторую ручку взялся я, за третью – пулеметчик, оторвавшийся от своей машинки. Четвертая осталась свободной, но я не стал отвлекать Лайзу и оператора, пусть снимают, позже можно будет посмотреть результаты их съемок неторопливо, внимательно, при хорошем увеличении.

Втроем мы кое-как подтащили контейнер к грузовому люку, прицепили трос… Вскоре наш гостинец устремился к грешной земле – быстро, почти со скоростью свободного падения. Когда он снизился до сотни метров, сработал тормоз лебедки, падение замедлилось, превратившись в быстрый спуск, затем в спуск медленный, затем контейнер завис на высоте в два человеческих роста, раскачиваясь с большой амплитудой на манер маятника.

Я положил палец на кнопку, управляющую фиксатором, и

выжидал, когда колебания погаснут. Пулеметчик вернулся к пулемету, Лануа вновь уселся в кресло, отряхнув свои абсолютно чистые руки с некоей демонстративной брезгливостью, – у него, похоже, сей жест служил эквивалентом возмущенной матерной тирады в устах менее воспитанного индивида.

Аборигены уже спешили сюда, вместе со своими пушками, разумеется. Дожидаться их не казалось мне разумным. Стрелять, наверное, не будут, коли уж не начали сразу. Но вдруг им здешняя жизнь опостылела настолько, что станут хвататься за трос, – в надежде хоть тушкой, хоть чучелком покинуть негостеприимные края?

Я стравил еще пару метров троса, нажал кнопку. Контейнер отцепился, упал под ноги первым из подбегавших. Совсем колебания не погасли, но толстая мягкая оболочка должна была сберечь содержимое посылки. Трос пополз вверх и вертолет тут же начал набирать высоту.

Забавно… Состоявшийся контакт точь-в-точь напоминал общение мореплавателей давних времен с туземцами в диких неисследованных местах: тогда европейцы подгребали на шлюпке к берегу, оставляли там предназначенные для бартера товары и тут же быстренько отплывали, – чтобы дикари могли спокойно рассмотреть и оценить предложенное и притащить что-либо для обмена… Правда, в нашем контейнере ни бус, ни зеркал, ни огненной воды нет. Но места дикие. И люди тоже.

Издалека я в бинокль наблюдал, как наши дикари столпились у контейнера. Вскрыть пока не пытались… Оставалось надеяться, что они не решат, будто зловредные чужаки спустили им с небес бомбу замедленного действия. И что не одичали настолько, чтобы счесть посылку порождением нечистой силы, обложить хворостом и сжечь с хоровым распеванием молитв и прочими приличествующими случаю ритуалами.

Но нет, обошлось… Туземцы подняли контейнер и, не вскрывая, потащили в сторону своего туземного стойбища. Показать вождю и шаману, не иначе. Операция «Первый контакт» успешно завершена, можно доложить по рации Хасану…

Что я и сделал. Доложил. И тут же получил новое, совершенно неожиданное задание, – даже намека на него перед вылетом не прозвучало. Дескать, в семидесяти километрах отсюда имеется недостроенный туристический комплекс, в данный момент вроде бы необитаемый… Надо слетать туда и произвести разведку, причем желательно приземлиться и оценить пригодность уцелевших зданий для проживания.

– А сразу ты не мог сказать?! – откликнулся я раздраженно. – Для наземной разведки надо было брать совсем других людей на

борт!

– Не мог, – отрезал Хасан. И добавил чуть мягче:

– Поверь, не мог… Но вы без нужды не рискуйте, проверьте там все биодатчиком, прежде чем приземляться.

– Задание понял, до связи, – откликнулся я без всякого энтузиазма.

Да что же за жизнь такая… Что на службе в ОКР, что на службе у Эфенди, – одно и то же. Начальство что-то знает, но делиться знанием с подчиненными категорически не желает, словно командует безмозглыми шахматными фигурками.

Но я все же понимал суть происходящего чуть лучше, чем какая-нибудь тупая ладья или пешка. Понимал, что делать неожиданные, сбивающие с толку, непредсказуемые ходы Хасан начал, как только получил известие о приближении «Гуанчжоу» к таймырским берегам. Бен-Захр не просто сдвинул вперед вылет «Стрелы Пророка», – первым же рейсом, всем первоначальным планам вопреки, сюда вылетел сам Эфенди с приближенными (в число приближенных попал и я, можно гордиться).

Мало того, швартовка и разгрузка дирижабля происходили ночью. А ночная разгрузка, да еще при изрядном ветре, – занятие весьма изматывающее. Особенно если учесть, что обслуживающий персонал экспедиции остался в Салехарде-23 дожидаться второго рейса, и работать грузчиками пришлось всем, невзирая на чины и должности. К тому же «Стрела» немедленно отправилась обратно, а во временном лагере квартирьеров никаких условий для отдыха после изнурительной работы не имелось, – единственная многоместная палатка не вмещала всех желающих, там разместился Эфенди с личной охраной… Остальные коротали остаток ночи в спальных мешках, положенных на голые камни, – распаковывать багаж, искать в нем палатки и расставлять их сил просто-напросто не осталось.

В общем, своими новациями Красный Хасан нажил себе кучу врагов, возмущенных его самоуправством. Хотелось бы надеяться, что нажил все-таки не зря…

Старый лис осторожничал сверх всякой меры. Впрочем, началось это не здесь и не сейчас, он всегда был таким. Некогда в Карпатах меня весьма расстраивала удивительная способность Красного Хасана избегать засад и ловушек, теперь же я мог ей только порадоваться.

Интерес Бен-Захра к туркомплексу тоже понятен – пока раздражение людей, привыкших к совсем иной, комфортной жизни, не дошло до точки кипения, неплохо бы предоставить им временное жилье, хотя бы на неделю, пока «Стрела» не доставит все необходимое для обустройства лагеря. Понятно и то, почему я

узнал об этом интересе так поздно. Все очень просто: Хасан не доверял до конца никому, и мне в том числе. Умом я понимал его резоны, но все же немного обиделся…

Лайза откликнулась на известие об изменении маршрута и об откладывающемся возвращении со сдержанным энтузиазмом. Всё здесь ей было в диковинку, отчего бы не поснимать еще немного. Лануа ничего не сказал, но выражение его лица говорило лучше всяких слов: все так плохо, что хуже уже не станет, делайте что хотите… До чего же богатая мимика у человека.

Кстати, если я правильно уловил логику действий Хасана, он отправил с нами в полет Хамиза Лануа не просто так, не из глупого самодурства, как наверняка считает пресс-секретарь Эфенди и по совместительству его же шеф протокола. Надо полагать, что Лануа в личном рейтинге подозрительных людей, составленном Бен-Захром, занимает куда более высокую позицию, чем я и моя дражайшая половина. По одной простой причине: именно он занял место покойного Саади Биркоффа, от смерти которого за версту разило убийством. Как знать, может, сегодняшнее сбивающее с толку поручение Хасан придумал для Лануа с единственной целью – убрать его с места высадки, не позволить что-то узнать и увидеть…

В моем списке кандидатов на роль Железной Маски для Лануа тоже нашлось местечко, и не последнее. После первого разговора Маска никак себя не проявлял, да и не мог проявить, – ретранслятор улетел обратно вместе со «Стрелой», а второй, смонтированный после высадки на возвышенном месте, по приказу Хасана пока не включали. Временно, до особого распоряжения… «Балалайки» всех участников экспедиции превратились в игрушки исключительно личного потребления, без возможности выйти в Сеть. Хотя нельзя исключать, что у кого-то есть усилитель, позволяющий выходить на спутники, изредка пролетающие над этими заброшенными краями… Но Хасан наверняка наготове, ждет момент такого выхода, – словно кот, затаившийся у мышиной норы…

Так что, если у Маски появится неотложная надобность со мной пообщаться, придется ему это делать лично и в реале. И тут уж никакие маскирующие причиндалы не помогут… Рискнет ли он потерей инкогнито?

Ладно, поживем – увидим. Кто доживет, разумеется…

…Задуман был туркомплекс как весьма живописное местечко, и даже умудрился остаться весьма живописным, несмотря на все выпавшие на его долю передряги. Уцелевшие здания свидетельствовали: архитекторы старались создать нечто приятное для глаза, нимало не заботясь об исторической

достоверности. В результате их трудов комплекс отчасти напоминал городок золотоискателей на Аляске – не реальный, а такой, какими представляют эти городки режиссеры авантюрно-исторических фильмов. При желании здесь можно было разглядеть и черты поселка героических советских полярников, позаимствованные из фильмов другой страны и другой эпохи.

В общем, смешение стилей и полная эклектика. Однако живописная. Как раз для непридирчивых туристов.

Но сейчас любой турист, попавший сюда каким-то чудом, бежал бы из комплекса со всех ног. Причем бежал бы, зажав нос, – вонь здесь стояла чудовищная. И дующий с Быррранги ветерок не помогал, и даже респиратор не спасал от гнусных миазмов.

Природу ядреного коктейля из запахов я опознать не смог. Присутствовал здесь и хорошо знакомый аромат разлагающихся трупов, но не он заставлял дышать ртом. Что-то непонятное смердело…

Развалины и уцелевшие дома я отправился обследовать в одиночестве – невзирая на бурные протесты Лайзы, она и остальные остались у вертолета, приземлившегося в отдалении, на вершине холма, причем с наветренной стороны от городка. Благоверная и знать не знает, как ей повезло и от чего я ее избавил.

Хотя особого выбора, кому идти в разведку, не было… Пилотом я рисковать не мог, от Лануа, оператора и Лайзы в критической ситуации было бы больше вреда, чем пользы. Боевую подготовку имел лишь пулеметчик, но не бросать же вертолет без охраны. При необходимости прикроет сверху огнем, городок простреливается почти насквозь, мертвых зон немного…

Впрочем, я надеялся, что до стрельбы дело не дойдет. Выполняя полученные инструкции, мы плотно просканировали и городок, и окрестности биодатчиком. Живой объект обнаружился лишь один – неподвижный, забившийся под развалины и упорно не желающий вылезти на звук низко летящего вертолета. Веса в том объекте было чуть больше сорока килограммов, и я решил, что это не человек – волк или одичавшая собака. С такой животиной и в нынешней своей физической форме справлюсь. Да и с сорокакилограммовым человеком, хочется надеяться.

Но что же стряслось со здешними жителями? Что в городке жили люди, причем совсем недавно, сомнений не было… Кое-где мне попадались следы боя – стреляные гильзы, пулевые отметины на стенах домов, почерневшие пятна высохшей крови. Странный бой, после которого не осталось никого, ни живых, ни мертвых.

Некоторые гильзы, что характерно, были от «абакана». Откуда здесь российский автомат? В сибирской армии, насколько

я знал, в роли основного стрелкового оружия используются «коловраты». Пардон, конечно же, не в армии – в незаконных вооруженных формированиях.

Выйдя на небольшую площадь, я обнаружил первый труп. Выглядел он гнусно. Нет, поймите правильно, любой мертвец – не картина Рембрандта, любоваться не на что. Но этот… Над тем, кто не так давно был рослым и плечистым мужчиной, основательно поработали какие-то хищники: содрали мясо с костей, разбросали вокруг требуху, в клочья изорвали одежду. А еще у покойника не было ног. Обеих. Непонятно – ведь судя по размерам укусов, пировали здесь некрупные зверьки…

Преодолевая брезгливость, я подошел поближе, присмотрелся.

Вот даже как… Ноги у мертвеца *отрубили*. Или, что еще хуже, не у мертвеца, у живого… Отрубили неумело, раз за разом ударяя тупым топором или чем-то похожим, – возле трупа валялись мелкие осколочки раздробленных бедренных костей, а на здешней псевдобрусчатке остались характерные следы прошедшего наскозь рубящего орудия.

Я осмотрелся и не увидел нигде поблизости отрубленных конечностей или хотя бы их костей…

Неприятное место. И люди здесь жили неприятные. Все увиденное я фиксировал на «балалайку» – пусть Хасан посмотрит и хорошенько подумает, стоит ли тут расквартировывать экспедицию… Жаль, запахи местные никак не записать. Лично я при большой нужде смог бы перекантоваться и здесь, – радиации нет, ядовитой химии нет, а к любой вони можно и притерпеться… Доводилось выживать в местах похуже. Но Лайза? Хамиз Лануа? Остальные штатские?

Однако не мог же один труп так испортить здешнюю атмосферу… И я продолжил поиски, обходя дом за домом, и на задах одного из них нашел то, что искал. Лучше бы не находил, честное слово.

Братская могила для всех здесь убитых была выкопана более чем небрежно. Даже не выкопана – вырыта взрывом. Мерзлота на обращенном на юг склоне пригорка оттаяла глубже, чем на ровном месте, и кто-то проковырял в верхнем мягком слое дыру, заложил в нее и подорвал заряд взрывчатки. Насколько я понимаю во взрывах, использовали два стандартных пластитовых брикета или нечто аналогичное по мощности.

Трупы скинули в получившуюся неглубокую и обширную воронку, кое-как присыпали выброшенной взрывом землей. И на этом неведомые мне могильщики посчитали свой долг перед мертвыми исполненным.

Но вот что я скажу: никогда не экономьте силы и время, копая неглубокие могилы!

Захоронение вскрыли. Наверное, не сразу, через несколько дней, когда снизу потянулся привлекающий падальщиков аромат. Но эксгумацией в гастрономических целях занялись отнюдь не те мелкие зверюшки, что потрудились над безногим бедолагой на площади.

На разбросанной по сторонам земле четко и глубоко отпечатались когтистые лапы. Я ни в коем разе не Дерсу Узала, но, по скромному моему разумению, из всех здешних зверей следы такого размера мог оставить лишь медведь. Причем исключительно крупный. Однако вид раскопанных трупов заставил усомниться, что виноват в осквернении могилы топтыгин. Здесь не обгладывали плоть с костей – откусывали огромные куски и, похоже, глотали вместе с костями.

Пасть у медведя здоровенная, но все же не позволяет перекусывать человеческие тела одним движением челюстей. И брюхо не маленькое – но даже если мишка не раз являлся сюда на трапезу, все равно не сожрал бы большую часть плоти у нескольких десятков мертвецов. А стаями медведи не бродят.

Ни единого следочка мелких хищников не видно – ни от их лап, ни от зубов… Здешняя столовая была закрыта на спецобслуживание единственного клиента.

Кто же здесь подкрепился? Мутировавший медведь? Искусственно выведенный монстр? Или же монстр давно известный – чучундра зверощерная, как именует ее генерал Кравцов? Вдали от озера никто и никогда с чучундрой не встречался, но всё когда-нибудь случается впервые… Озеро Таймыр сильно обмелело, разбилось на несколько водоемов, пищи стало в разы меньше, и…

Прекрати ломать голову, Мангуст. Ни к чему, коли уж под рукой есть профессиональный специалист по таинственным зверюгам – профессор Птикошон, консультант Эфенди по вопросам зоологии и криптозоологии.

Я тщательно, в нескольких ракурсах заснял на «балалайку» следы лап и челюстей. Пусть профессор выдаст авторитетное заключение. Но что бы он ни сказал, одно понятно сразу: зверюгу необходимо выследить и завалить, даже если она не заинтересует Эфенди. Во избежание.

– Что ты там возишься? Нашел что-то интересное? – прозвучал в наушниках голос законной супруги.

– Абсолютно ничего, – соврал я.

– Возвращайся побыстрее, надоело тут сидеть без дела…

– Сейчас пойду обратно, – сказал я чистую правду.

Пошел, но другим маршрутом, – так, чтобы ветер дул от меня к раскопанному могильнику. Трупный запах здесь не ощущался, и вонь непонятной природы тоже. Я подозревал, что источник ее – неведомый трупоед. Вонюч, как десять тысяч скунсов, и метит пахучими выделениями свою территорию: самым сильным зловоние оказалось как раз на месте кормежки твари. Оттого-то всякая зубастая мелочь туда и не совалась.

Опостылевший респиратор я снял, но далеко убирать не стал, оставил болтаться под подбородком на манер шейного украшения – на пути к вертолету еще придется пересечь зловонную зону.

Под ногами блеснуло нечто небольшое. Я нагнулся, поднял матерчатый пятиугольник с вышитой золотом эмблемой, рассмотрел. И кое-что понял…

– Оставь здесь, – прозвучал за спиной надтреснутый голос, лишь только я потянулся убрать находку в карман. – Плохое место. Ничего нельзя брать.

Обернулся я неторопливо, не желая спровоцировать выстрел. Обернулся с тоскливой мыслью: жизненный путь Мангуста подходит к концу. В следующий раз вот так прикончат сзади, и буду гадать на небесах, кто воспользовался моей глупой беспечностью. Датчик, обязанный писком предупреждать о приближении живых объектов, промолчал, что меня никоим образом не оправдывает, у любой техники случаются сбои.

Принадлежал голос аборигену, устроившемуся неподалеку, возле развалин, в тенечке. И моя самооценка, и без того близкая к нулю, упала до отрицательных величин. Потому что минуту назад, до того, как я нагнулся за находкой, никого там не было… Появление человека я не увидел, не услышал, не почувствовал.

В отличие от прочих насельников Таймыра этот выглядел аборигеном настоящим, чьи предки испокон веку обитали в здешних местах. Невысокий, скуластый, в оленьей парке с откинутым капюшоном. День выдался теплый, плюс восемнадцать в тени, по таймырским меркам рекордная жара. В меховой одежке свариться можно, но ни капли пота на смуглом лице местного жителя я не разглядел.

Судя по морщинам, лет ему изрядно. Но волосы густые, черные, и резко выделялась на них единственная седая прядь, снежно-белая.

Сидел абориген на каком-то обломке, а его оружие, охотничий карабин, стоял метрах в полутора, прислоненный к руинам, – так, что сразу не схватить, не дотянуться. Наверняка сделал он это специально, этакий показной жест миролюбия.

Прекратив мысленно посыпать голову пеплом, я приблизился и спросил:

– Ты кто?

– Человек.

– Я тоже, вот и познакомились, очень приятно…

Попытка пошутить не удалась. Ни тени улыбки на скуластом лице не мелькнуло, смотрел все так же равнодушно, словно задумавшись о чем-то своем.

Пауза затягивалась. Мне представлялось, что моя скромная персона должна вызвать хотя бы минимальное любопытство: кто я такой, откуда взялся и что здесь делаю? Ошибся. Ни малейшего интереса незнакомец не проявлял. Дескать, ты, странник, получил от меня ценный совет, ну и странствуй себе дальше.

– Меня зовут Руслан, – взял я инициативу на себя. – А как мне называть тебя, человек?

– Как хочешь.

– Тебе все равно?

– Если я назову песца оленем, разве у него вырастут рога? – ответил абориген вопросом на вопрос.

Я призадумался над глубокой мыслью. Рога у песца, понятно, не вырастут, а местные обычаи не позволяют называть свое имя первому встречному. Но тогда мой собеседник должен иметь какое-то обиходное прозвище.

– А как тебя зовут другие?

– Тульбигеем зовут. Еще Иваном зовут. Те, кто здесь жил, Вакулом звали. Плохие люди были. Место плохое, нельзя здесь жить. Люди плохими стали.

– Ты знаешь, кто их убил?

– Бдыр-Барус.

– В одиночку? Суровый человек, однако…

– Он не человек. Он забрал их души несколько зим назад.

Так… Порывшись в памяти, я вспомнил, кто такие «барусы», – демоны здешних верований, воплощения темных и враждебных человеку сил. Началась дремучая метафизика, приправленная мифологизированным восприятием действительности… Надо побыстрее возвращаться на твердую почву объективной реальности.

– Давай оставим души в покое, – предложил я. – Меня интересует, кто убил тела. Недавно, этим летом.

– Человек снизу.

– Снизу? Из-под земли?

– Да.

– Шахтер, что ли?

– Нет, человек снизу.

Похоже, слово «шахтер» незнакомо Туль… как его там… в общем, Ивану. Но я решил прекратить допытываться, имелись у

меня кое-какие соображения о личности «человека снизу», достаточно обоснованные. Неплохо бы прояснить другую загадку…

– А кто откопал и сожрал тела? Тебе знаком этот зверь?

– Здесь был не зверь.

– Хм… А кто же?

– Бдыр-Барус пришел и забрал своё. Это его место.

Опять двадцать пять… Но если я разговариваю не с психом, сбрендившим на почве местного фольклора, то отчего бы не допустить, что Бдыр-Барус на латыни звучит как чучундрус звероящерус? Если загадочное *нечто* обитало в озере Таймыр с давних пор, оно могло стать персонажем здешней мифологии. Я сейчас жалел, что слишком невнимательно проглядел материалы, сводившие воедино легенды и мифы кочевавших по Таймыру народностей…

– Бдыр-Барус живет в озере? Там его логово?

– Я не знаю.

Вопросов у меня имелось еще множество, но тут нашу познавательную и увлекательную беседу прервали.

– Командыр, говорыт Джафар, – послышался в наушниках голос пулеметчика. – Ты жыв, командыр? Пропал из выду давно…

Не знаю, кем был Джафар по национальности, но русским языком он владел вполне сносно, хоть и говорил с сильным акцентом. Я сделал в сторону Ивана извиняющийся жест, быстро отошел на несколько шагов и заговорил тихонько, не желая, чтобы абориген слушал нашу беседу.

– Я жив, все в порядке.

– Суда ыды, твой жэна к тэбэ ходыт собрался, нычэго слушат нэ хочэт…

– Не пускай, скоро вернусь. Возможно, не один, не удивляйтесь.

Попробую уломать аборигена на воздушное путешествие. Пусть профессор Птикошон и Эфенди получат информацию о Бдыр-Барусе из первых рук.

Понизив голос еще больше и отвернувшись от Ивана, я спросил:

– Скажи, Джафар, ты видел кого-нибудь, недавно подходившего к развалинам? К тем, что немного правее большого здания у площади? Отставить… для тебя они левее.

– Ныкто нэ ходыл. Эслы бы выдэл, сразу бы сказал.

– Ладно, продолжай наблюдать. И жену вниз не пускай, я сейчас…

Фраза, которую я произносил, вновь поворачиваясь к Ивану, осталась незавершенной. Потому что абориген исчез. Был – и не

стало. Дематериализовался, растаял в воздухе вместе с карабином.

– Командыр, что там? – поинтересовался Джафар, услышавший мой изумленный возглас.

– Все в порядке… – растерянно произнес я. – Сейчас тоже никого чужого не видишь?

– Нэт, всо чысто.

Чудеса… Ладно я, из моего поля зрения Иван мог исчезнуть легко и быстро, ему достаточно было сделать несколько шагов за развалины. Но тогда он непременно попался бы на глаза Джафару, и на прицел заодно. Чтобы остаться невидимым и для пулеметчика, мой собеседник должен был поставить рекорд в спринтерском беге – стремительно и абсолютно бесшумно пробежать метров сорок до соседних развалин. Причем за те три-четыре секунды, когда я на него не смотрел… В качестве альтернативы можно было лишь предположить, что капюшон парки Ивана обладал свойствами шапки-невидимки.

Ладно, посмотрим, что этот ниндзя из тундры сможет противопоставить современной технике. Я пошагал в ту сторону, куда, по моему разумению, скрылся Иван, на ходу настраивая биодатчик, увеличивая зону сканирования. Гоняться за быстроногим аборигеном на моих подпорках – затея бессмысленная, но надо хотя бы убедиться, что голову мне не напекло полярным солнышком и что беседовал я не с собственной галлюцинацией.

Есть! Зацепил! Далеко не ушел, спрятался… Думает, что хорошо спрятался, наивный человек.

– Вылезай! – крикнул я в щель, образованную искореженными плитами перекрытий. – Холодно там, простудишься!

В норе послышалось слабое шевеление.

– Вылезай, вылезай, – поторапливал я. – Негоже сбегать, не попрощавшись.

Звуки, доносившиеся из-под руин, стали громче. Вскоре на свет божий появился человек. Но хоть и измазался он весьма основательно, с Иваном обитателя норы спутать было трудно. Дрожащий, обросший, истощенный до последней степени, одетый в невообразимые лохмотья, – обитающие на помойках бомжи показались бы на фоне этого организма образцами респектабельности.

Вылезал он не молча – поскуливая, словно побитая собака. Вылез, встал передо мной согнувшись, сгорбившись, как будто провел много дней под развалинами в тесноте, скрючившись, и уже не мог распрямить позвоночник.

Я сочувственно смотрел на одичавшее создание. Опасность с

его стороны явно угрожать не могла. Хотя… Если тип сохранил дар речи, лучше не расспрашивать его, куда подевались ноги лежащего на площади мертвеца…

– В-вы не будете стрелять? – Человечек слабым голосом продемонстрировал, что говорить пока не разучился.

– Подумаю, – мрачно откликнулся я. – Посмотрю на поведение.

Ивана теперь уже не отыскать, время потеряно, и надо быстро решать, что делать с этим чудом в перьях… Срок, отпущенный нам на разведку, истекает. Вертолет, доставленный в полуразобранном виде на «Стреле», у экспедиции единственный, а сегодня ему еще предстоял разведывательный полет над озером, – Эфенди не терпелось приступить к охоте.

– Пойдешь со мной, – приказал я.

– К-куда?

– К вертолету. Я забираю тебя отсюда.

Возражений ожидать не стоило, любые изменения в жизни человечка могли быть только к лучшему. Но его реакции на мои слова я не предвидел. Существо как стояло, так и хлопнулось на землю, и тут же принялось лобызать мои ботинки. Не символически, самым натуральным образом, пятная слюной… И я не стал добавлять, что забираю его не насовсем с Таймыра, что цель нашей поездки расположена неподалеку.

Ну его, еще окочурится с горя.

6. Виртуальный посланец небес

Посыльный из Стеклянного Дома явился в самый интимный момент жизни сержанта – во время его общения с Аллахом. Даже если бы Баг попытался игнорировать появление посланника, все равно уже не смог бы сосредоточиться… Слова молитвы звучали бы фальшиво, а ведь при общении со Всевышним фальши быть не должно. Сержант разозлился, однако предпочел прервать свое общение с Богом, чем фальшивить, мысленно отвлекаясь.

Он встал с колен, еще раз поклонился и свернул коврик. Надо сказать, коврик был с правильной символикой, – единственный трофей, который Багиров забрал лично для себя из злого города, из «Звезды Таймыра». (А байкеры поживились там неплохо, вывезли все оружие с боеприпасами, всю водку и даже два ветрогенератора, демонтировав их и разобрав на части. И много еще чего по мелочам…)

Всю жизнь Баг относился к религии постольку-поскольку, вознося молитвы Аллаху только в самых критических ситуациях, но теперь… Теперь, окончательно убедившись, что основательно застрял на острове Таймыр, он думал лишь о том, как побыстрее слинять отсюда. А по всему получалось, что для этого необходимо ниспосланное Творцом чудо, не больше и не меньше…

Вот об этом он и возносил каждый вечер мольбы Аллаху в надежде, что тот услышит и поможет. На радио Баг больше не надеялся – даже если он «достучится» до своих, те едва ли станут принимать незакодированную передачу, а если даже примут и не сочтут ее провокацией, кто погонит воздушный транспорт через полконтинента, над враждебными территориями, ради какого-то сержанта?

– Президент приказал явиться как можно быстрее, – поторапливал гонец.

– Уже бегу.

Вопреки своим словам, зашнуровывал Баг высокие ботинки тщательно, неторопливо, не пропуская ни одну дырочку. Посыльный нервничал, переминался с ноги на ногу.

– Иди, я догоню, – выпроводил его Багиров.

Оставшись один, достал из укромного места скатанные в трубку бумаги, убрал за пазуху. Так будет надежнее, палатка не запирается… В чем ценность документов, некогда принадлежавших покойному Длинному, сержант не представлял. По самой прозаической причине – не знал языка, на котором те документы были составлены. Но ведь неспроста же главарь зэков

постоянно таскал их с собой?

Завершая свой туалет, Багиров натянул жилетку и куртку-косуху, – новенькие, с иголочки, поскрипывающие кожей. И не скажешь даже, что не так давно та кожа обтягивала диван в холле «меблированных нумеров», – какая-то из обитательниц Стеклянного Дома знала-таки толк в шитье.

На спине жилетки, снизу, вышита небольшая эмблема клуба, так называемый «рокер». Когда и если «хэнгэраунд» Баг дослужится до «проспекта», сверху добавится еще один рокер. А уж если станет полноправным «мембером» – спину украсит третья нашивка, центральная, самая большая. Заумно все и сложно, звездочки на армейских погонах куда проще и понятнее… Чтобы сохранить память о прежней жизни, Багиров собрался было собственноручно присобачить на рукав куртки эмблему «манулов». И только тогда обнаружил ее отсутствие. Ведь заметил же еще на стойбище Ивана, получив форму обратно, что нитки перетерлись, один край нашивки слегка отошел, – да все как-то не до швейных работ было. Ну и зацепился где-то, оторвал, не то в злом городе, не то позже…

Шагая к Стеклянному Дому, свежеиспеченный хэнгэраунд размышлял, что от него потребовалось главе байкеров. Надо сказать, что президент не панибратствовал не только с кандидатами-саппортами, но и с рядовыми «блэкдевилсами» держал дистанцию. Выходил он из Дома редко, в самых важных случаях, взвалив руководство повседневными делами на Большого Пепса.

Но в последнее время дела здесь творятся далеко не рутинные… После негаданного визита вертолета поселок уже несколько дней гудел, как растревоженный улей. Зачем прилетали? Что находилось в загадочном контейнере, бесследно канувшем в недрах Стеклянного Дома? Никто ничего толком не знал, никакая информация наружу из Дома не просачивалась, сплетни и слухи бродили самые дикие…

А теперь вот, непонятно зачем, президент решил пообщаться с новым хэнгэраундом. Впрочем, что гадать, очень скоро все прояснится. До сего дня с президентом Гором сержант встречался лишь один раз в жизни, причем в весьма официальной обстановке, – на общем собрании действительных членов клуба.

Собрание прошло спустя два дня после достопамятной охоты – и заполнены были те дни тяжелой и нудной работой по обработке добычи: зверьков ободрали, выпотрошили, затем одни тушки отправились на коптильню, а другие засолили в больших металлических бочках.

Байкеры собрались под открытым небом, не в Стеклянном

Доме, – тот хоть и казался снаружи огромным по площади, но не имел внутри помещений подходящего размера… Для общих сборищ приспособили площадку перед развалинами какого-то промышленного здания, оттого, наверное, что там имелось некое подобие трибуны – больше всего похожее на эстакаду для ремонта машин. Судя по размерам сооружения, осматривать и ремонтировать здесь предполагалось по меньшей мере карьерные самосвалы.

На эту-то трибуну-эстакаду и взошел Гор в сопровождении офицеров клуба – неторопливо, вальяжно, с достоинством. Был он далеко не молод, лет шестьдесят на вид, не меньше. Поседевшая борода, объемистый «пивной» живот… Глядя на президента, Баг подумал, что тот, скорее всего, фигура номинальная, живой символ былых традиций, не более того. А реально заправляют делами совсем иные люди…

Сюда же, на эстакаду, вкатили и единственный в клубе настоящий мотоцикл – «харлей-дэвидсон», принадлежавший лично президенту. На ходу ли древняя реликвия или сберегается лишь как память о старых добрых временах, Баг понятия не имел. Гор никогда и никуда не выезжал, однако речь перед собранием держал, взгромоздившись в седло «харлея». Еще одна традиция, надо полагать.

Повестка дня состояла из двух пунктов: прием в клуб нового члена, то есть Бага, и суд над крысятниками.

Пункт первый прошел без сучка и задоринки, но только, если судить по протоколу, который неутомимо строчил Макс – не то шестерка, не то ординарец президента – после того как Гор коротко рассказал о выдающихся заслугах саппорта Бага, позволивших существенно сократить испытательный срок, все дружно проголосовали «за». Никто не был против, воздержавшихся тоже не нашлось.

А если без протокола… Люди удивленно перешептывались, на многих лицах читалось в лучшем случае недоумение: как же так, другие по нескольку лет в саппортах ходят, а тут какой-то пришлый чужак – раз, два – и в дамках… И за руль какого же байка он сядет? Весть о чужой машине, захваченной Багом в ночной стычке, по Аду не разошлась, Большой Пепс строго-настрого приказал всем посвященным держать язык за зубами.

Гор поднял руку, призывая к тишине. Когда перешептывания и бормотания притихли, президент перешел прямиком ко второму пункту повестки:

– А теперь о печальном! Все вы знаете, что последняя охота была на диво удачной. Но сейчас, вместо того чтобы радоваться вместе с вами, я вынужден с болью в сердце сказать: братья, среди

нас завелись крысы!

– Кто? Кто они!? – взвыла толпа, разом позабыв о несправедливом возвышении Бага.

– К сожалению, люди, которым я доверял. Которым все мы доверяли! Те, что долгое время шли с нами рука об руку, притворяясь нашими верными товарищами!

По толпе прокатилась волна ропота.

– Имена? Назови имена!

Президент внимательно смотрел в толпу, затем обменялся взглядами с Пепсом, словно чего-то выжидая. И назвать имена не спешил. Объявил:

– Они воровали не только и не просто еду – они пытались украсть наши жизни, братья! Ведь вы знаете, что бывает в конце зимы, когда мы подъедаем последние крохи продуктов?

Гор явно подогревал эмоции толпы. Более-менее сытным летом люди наверняка отнеслись бы к расхитителям провианта не столь сурово, но президент очень вовремя напомнил про голодную зиму. Но вот на что именно он намекнул? Что бывает в конце зимы? Багиров уже успел отметить одно обстоятельство, наводящее на определенные размышления: кладбища при поселке байкеров не было. Ни в каком виде… И что здесь кладут ему в тарелку, сержант изучал придирчиво…

Когда возмущение достигло высшей точки, Гор объявил:

– Я называю вам имена крыс, братья! Это саппорт Тпин и хэнгэраунд Андрес. Приведите их!

Обвиняемые находились здесь же, с задней стороны эстакады-трибуны, и их тотчас же предъявили возмущенной общественности. Никто подсудимых не связывал и не сковывал, но к каждому приставили двух самых крепких байкеров.

– Что вы скажете в свое оправдание, крысы?! – гневно вопросил Гор.

Как-либо оправдаться или попытаться свалить вину на Бага провинившиеся не пытались. Да и не могли – запись из «балалайки» стала неопровержимой уликой. Оба твердили в один голос, что бес попутал, что оступились в первый и в последний раз, что больше не повторится, что искупят и загладят вину на самых тяжелых и непопулярных работах…

Гор оборвал их на полуслове:

– Надо решить, братья, что нам делать с этими… язык не поворачивается назвать их людьми. Какую кару вы им определите?

Наступила тишина, и тут же одинокий звонкий голос выкрикнул из задних рядов:

– Высшую меру!

И вскоре все собравшиеся грозно скандировали:

– Выс-шу-ю! Выс-шу-ю! Выс-шу-ю!

Проголосовали вновь единогласно. Багиров был уверен, что высшая мера здесь возможна одна – смерть, тюрьмы в Аду не имелось, даже какого-нибудь захудалого зиндана, выкопанного в земле.

Он ошибался. «Блэкдевилсы», оказывается, до сих пор жили по древнему-древнему Уставу, согласно которому самым серьезным наказанием считалось изгнание из мотоклуба. Багу показался неуместным такой гуманизм, но и в этом он ошибался…

Обряд очищения рядов совершили, не откладывая. У Андреса сорвали эмблему клуба и нашивку с именем, затем заставили снять кожаную униформу. Тпину жилетка и куртка не полагались, и лишился он только нашивки.

Затем толпа раздалась, образовав живой коридор, и оба изгнанника пошли по нему, понурив головы. Теснящиеся вокруг байкеры, не тая эмоций, высказывали все, что думают о людях-крысах, некоторые смачно харкали в их сторону и несколько плевков попали в отщепенцев… Но более серьезное физическое воздействие применить никто не попытался.

Выйдя с площадки, Тпин и Андрес пошагали не в поселок, – прямиком в тундру. Причем явно старались шагать побыстрее, порой опасливо оглядывались… Удалявшиеся фигурки уменьшались и наконец исчезли за небольшой возвышенностью.

Позже Багиров узнал: у изгнанных был ровно час на то, чтобы убраться подальше, а по истечении этого срока любой байкер, случайно повстречавший отщепенцев, имел полное право стрелять по ним на поражение. А если попробуют прокрасться в Ад и хоть что-то еще украдут – хоть крошку еды, хоть клочок одежды – на крыс состоится облавная охота, и дичь на той охоте живьем ловить не станут.

Гуманизмом здесь и не пахло. Смертная казнь в рассрочку, только и всего. Ни в одиночку, ни вдвоем в тундре не выжить, тем более без провианта и запасов. Но все-таки свой мизерный шанс крысятники получили.

Но вот что любопытно: умело дирижируя судилищем, Гор не позволил, не дал времени никому задуматься над вопросом: а куда, собственно, крысятники собирались подевать уворованное? Не пару тушек – два нагруженных прицепа? И про чужака и чужой байк ни слова не прозвучало…

Интересно почему?

…Стеклянный Дом, вопреки названию, сооружен был отнюдь не из стекла. Как говорится, глупо жить в стеклянном доме, если

имеешь привычку швыряться камнями в соседей. А строить здания из столь хрупкого материала в зоне сейсмоактивности не просто глупо, но и опасно. Гигантский, но невысокий круглый шатер Дома возвели из полупрозрачной флуорокарбоновой пленки. Кто и для каких целей завез ее преизрядный запас на Таймыр, Багиров понятия не имел, да и не важно, – главное, что Стеклянный Дом получился на удивление прочным, и до сих пор успешно противостоял всем подземным толчкам. А если бы вдруг рухнул, никого бы насмерть не раздавил, да и запасы бы уцелели…

…Комната, гордо именуемая «штабом», располагалась в самом центре Дома, рядом с личными апартаментами президента. Здесь было темновато – вообще-то флуорокарбон позволяет днем обходится без внутреннего освещения, но штаб отделяли от солнца слишком многие слои пленки. Глаза вошедшего Бага не сразу привыкли к полумраку, но он сразу понял, что зря надеялся на приватный разговор с Гором.

Вся верхушка байкеров собралась здесь. Президент, казначей, четверо командиров крыльев – дорожным капитаном первого крыла был по совместительству Большой Пепс. Он, разумеется, тоже присутствовал.

А еще в штабе сидел абсолютно незнакомый Багирову человек, который сразу же приковывал внимание любого вошедшего. Дело в том, что человек… светился! Самым натуральным образом, и даже освещал штаб сильнее, чем сочащийся с улицы свет.

Ни дать, ни взять ангел небесный, незнамо как заплутавший и очутившийся в Аду. Сержант Багиров при виде посланца небес в религиозный экстаз не впал. Ангелам положены крылья, а не офицерский мундир сибирских сепаратистов. Светящийся же гость оказался экипирован с точностью до наоборот: форма с погонами сеповского капитана была, крылья отсутствовали.

Не ангел, компьютерный фантом, бесплотный, сотканный из лучиков света. Хотя и в самом деле снизошедший с небес – присмотревшись, Баг заметил расставленную в штабе аппаратуру и догадался, что за груз находился в спущенном с вертушки контейнере.

– Опаздываешь? – негромко спросил Пепс, покосившись на сержанта.

Взгляды остальных устремлялись на фантома, вошедший не особенно их заинтересовал.

– Задержался по объективным причинам, – казенным тоном внес поправку Баг.

– Садись и молча слушай. – Пепс показал на свободный

складной стульчик, стоявший рядом с ним.

Фантом-сепаратист заговорил:

– Повторю для опоздавших: двое суток назад с судна «Гуанчжоу» совершена высадка на мысе Четыре Креста. И почти сразу караван двинулся в глубь Таймыра. Движутся не быстро, но безостановочно, даже без ночных привалов. Судя по всему, конечная точка маршрута находится где-то здесь, в Быранге или у ее подножия.

Остальные уже слышали новость и отреагировали спокойно, но Бага слова фантома шокировали. «Гуанчжоу»? Поднебесники? Реальная возможность выбраться?

– Что же они с Крестов-то сюда поперлись? – подивился Папа Док. – Через весь остров?

– Других удобных для высадки мест нет, – терпеливо пояснил фантом. – И даже неудобных нет.

– И что они тут забыли? – вступил в разговор Гарсон, капитан второго крыла.

Фантом ответил после паузы:

– Мы предполагаем, что цель первого десанта – основать опорный пункт, форпост на Таймыре. Возможно, построить взлетно-посадочную полосу, или восстановить одну из имеющихся. Затем последует масштабная экспансия.

– Но все-таки, что им тут надо? – настаивал Гарсон. – Леммингов заготавливать будут?

– Можно лишь предполагать, что главная цель – месторождения Быранги. Вы знаете – или не знаете, – что разведаны они давно, но в двадцатом и двадцать первом веке не осваивались: слишком далеки и относительно бедные… Лишь незадолго до Катаклизма добыча стала рентабельной, начались кое-какие работы. Вы, собственно, сейчас обитаете как раз над залежами полиметаллических руд.

– Значит, мы до дури богатые? – обрадовался Стингер. – Задорого землицу эту продать сможем?

– Свинцом они с тобой расплатятся, землевладелец… – ответил Папа Док вместо фантома; виртуальный сепаратист кивнул, подтверждая слова кэпа.

– И вы хотите, чтобы мы помножили этот караван на ноль… – задумчиво произнес Большой Пепс. – Чтобы ввязались в войну с поднебесниками… Сколько их там уцелело после Толчка? С миллиард хоть наскребется? Ерунда, семечки…

– Вопрос не в том, сколько их в Китае, – ответил сепаратист. – Вопрос в том, сколько их здесь, на Таймыре.

– С теми, кто тут, уживемся, – заявил Булл, командовавший четвертым крылом. – Остров большой, всем места хватит.

– Пока хватит… – кивнул виртуальной головой фантом. – А через год или два последует зачистка территории. Подсказать, кого зачистят в первую очередь?

Пожалуй, он прав… Не станут поднебесники заниматься бессмысленной для себя работой – эвакуацией с острова всех тут застрявших. И в самом деле зачистят все потенциально опасные элементы. Сержанта по прозвищу Баг в том числе.

Багиров заметил, что Гор и казначей упорно молчат, не участвуют в разговоре. Похоже, сейчас происходит не первый разговор с фантомом, и решение уже принято. Кажется, без участия Большого Пепса, что вообще-то странно…

– Не сходятся у тебя концы с концами, капитан, – сказал Пепс. – Не срастаются. Вы и поднебесники – друзья навеки, всем известно. А добывать таймырские руды у вас самих нет возможности.

Для обитателя напрочь отрезанного от мира поселка он был на удивление информирован. Наверное, внимательно слушал радио, и не только музыкально-развлекательные программы.

– Все не так просто, – покачал головой фантом. – Мы друзья, да. Но Таймыр – территория свободной Сибири. Точка, обсуждению не подлежит. И первые шаги своей экспансии поднебесники делают чужими руками…

Сеп замолчал, сообразив, что ляпнул нечто несуразное. Поправился:

– Вернее, чужими ногами… Короче говоря, нынешняя экспедиция происходит под эгидой Триады. Надеюсь, все слышали о такой организации?

Байкеры покивали. Кто ж не слышал… Но Баг, лучше информированный о положении дел в большом мире после Дня Станции, считал, что Триада, как строго организованная сила, более не существует. Выходит, ошибался.

– Вы тоже хотите сработать чужими руками… – сказал Пепс полуутвердительно. – А за работу полагается платить. Что мы будем иметь, если потрудимся для Сибири?

– Для начала всю добычу, которую захватите вместе с караваном. А там немало крайне ценных для вас ресурсов. А в перспективе – признание вашего поселения административной единицей Сибирской республики, со всеми вытекающими последствиями.

– Налоги, воинская повинность и присланные из центра чиновники у нас на содержании? – перечислил возможные последствия Пепс.

– Нет, воздушный мост, дотации и субсидии, лекарства и продовольствие…

«Ерундой они все тут занимаются, – подумал Багиров. – Нахрен нужны лекарства и продовольствие? Чтобы подольше растянуть процесс подыхания в этой дыре?»

Он понял, что сейчас сделает. Для начала убьет Большого Пепса – ножом, не вставая с места. Оружие на входе в штаб у Багирова изъяли, но нож за голенищем высокого ботинка никто поискать не догадался… И сейчас этот нож вонзится в спину Пепса, точно напротив сердца. А пока остальные будут пялиться недоуменно: с чего это начальник беспеки завалился вперед и почему это у него на спине растет красное пятно? – Баг начнет убивать и их.

Завалит всех, оставит в живых лишь Гора, – но командовать байкерами тот отныне будет с ножом, приставленным к жирному брюху. И вот тогда можно будет всерьез потолковать с сепаратистом. Плевать, сколько «блэкдевилсов» погибнет в столкновении с экспедицией, пусть хоть все сдохнут. Но узкоглазых остановят, а плата за то будет небольшая, вполне подъемная, – доставить сержанта Абдуллу Багирова на Большую землю, не задавая ему лишних вопросов…

Он остановил себя в последний момент, пальцы уже скользнули за голенище, вцепились в рукоять ножа. Багиров разжимал их усилием воли, по одному… Какая-то часть сознания понимала, что дурацкий план неисполним, даже самая первая его фаза, что бесшумно прикончить шестерых ни за что не удастся, что в штаб ворвется охрана и откроет пальбу… И вообще казалось, что идиотская выдумка пришла в голову лишь для того, чтобы как-то оправдать, замотивировать желание устроить здесь большую резню…

Но одновременно сержант свято верил: все у него получилось бы. Если действовать, как в том видении, что примерещилось в тундре, у груды добытых леммингов.

Пока сержант Багиров был занят борьбой с самим собой, слово взял президент:

– Мы уничтожим пришельцев, – весомо произнес Гор, тон его явно намекал, что дискуссию пора сворачивать. – Сколько их, чем вооружены, на чем движутся?

– У меня есть лишь данные спутниковой разведки двухдневной давности… На берег выгрузили пять вездеходов типа «Старатель-3», личного состава как минимум полсотни человек. Чем вооружены, неизвестно. Но едва ли тащат с собой тяжелое вооружение.

– Им и автоматов с пулеметами хватит, чтобы всех нас положить, – уверенно заявил Пепс. – Из гладкостволок по ним пулять прикажете? Сколько у нас карабинов-то? Все там ляжем,

если автоматов не подкинете. И пяток пулеметов. И патронов побольше. И гранатометы, да не подствольники, а чтобы вездеход остановили… Да, и еще батареи Ллейтона нужны, полсотни, не меньше. Наши старые, совсем дохлые, байки едва катаются.

«Губа не дура… С таким арсеналом, пожалуй, «блэкдевилсы» легко и просто установят контроль над всем Таймыром, подчинив все уцелевшие поселения».

– Исключено, – отрезал фантом. – Доставить вам партию оружия мы попросту не успеем. Разве что батарей подкинем, но не больше десятка. Нападать на караван надо на марше, из засады, используя фактор внезапности. Если развернут лагерь, наверняка тут же примут все меры безопасности. Тогда вы и в самом деле даже приблизиться не сможете – издалека засекут электроникой и перестреляют.

– Засада – дело хорошее, – сказал Стингер. – У нас тут аммонала до дури, можно минное поле быстренько забабахать… Только тундра большая, дорог нет. Как их на то поле загнать? Или заманить?

– Сейчас они движутся от океана как раз по узкой дороге, – объяснил фантом. – По долине Нижней Таймыры. В сторону не свернуть, берега там скальные, отвесные. Смотрите…

В штабе появилась подсвеченная рельефная карта, повисла в воздухе рядом с фантомом. Хорошая карта, подробная, жаль что виртуальная, не попросить на память о знакомстве…

– Вот место высадки… Вот маршрут каравана и его местонахождение на данный момент…

Одновременно со словами фантома, на карте появился крестик на побережье, затем протянулась жирная пунктирная линия, повторявшая изгибы Нижней Таймыры.

– Вот предполагаемый дальнейший маршрут… А вот здесь Таймыра течет по равнине, в низких берегах, и у пришельцев сразу появится множество возможных направлений. Значит, где-то вот здесь вам необходимо выбрать место для засады. И устроить панихиду с танцами.

Произнося последние слова, фантом устремил свой виртуальный взгляд прямо на Бага. И самым натуральным образом подмигнул.

Сержанта словно пыльным мешком по голове ударили… Он участвовал в дальнейшем обсуждении операции, – для того, собственно, и был приглашен как единственный здесь военный специалист… Что-то говорил, что-то советовал, и даже вроде не совсем глупое. Но голова была занята абсолютно другим. Багиров пялился на фантома и пытался понять – видел или нет он раньше этого человека? Лицо, фигура, одежда, даже тембр голоса, – в

данном случае – не приметы, электроника смоделирует любой потребный облик. Но пластика движений остается та же, что и у находящегося вдалеке человека, управляющего движениями своего компьютерного двойника. И сержант напряженно всматривался в каждый мельчайший жест виртуала.

А когда обсуждение завершилось, произнес, обращаясь к фантому:

– Панихиду с танцами устроим знатную. Станцуем от души, как в лучшей консерватории.

Большой Пепс хмыкнул, восприняв сказанное, как солдафонскую шутку юмора. Фантом тоже никак не продемонстрировал понимание, но все же Абдулла Багиров подумал, что долгие часы, проведенные на молитвенном коврике, даром не пропали… Аллах все-таки смилостивился и послал надежду на возвращение.

7. Большое таймырское сафари, начало

Профессор Птикошон очень напоминал сейчас известного героя русской сказки – Емелю-дурака. Причем в тот момент из биографии Емели, когда дурак общался с пойманной щукой. А поскольку рыба в руках у профессора находилась отнюдь не волшебная, то и способностью к разговору не обладала, и беседа свелась к монологу профессора, негромко бормотавшего себе под нос…

Понимал я его с пятого на десятое – профессор, уроженец Квебека, говорил сейчас на тамошнем жаргоне, к тому же обильно загрязненном научными терминами, и программа-переводчик, закачанная в мою «балалайку», бездарным образом спасовала… Кого профессор именовал «мой дружочек» – рыбу или таинственного обитателя озера, я так и не понял.

Закончилось все в полном соответствии со сказочным русским каноном: Птикошон шагнул к озеру, осторожно положил на мелководье метровую рыбину. Она лежала в воде неподвижно, лишь слегка покачиваясь на мелкой ряби. Профессор отошел от уреза воды, взял со стоявшего неподалеку складного столика пульт управления, коснулся клавиши… Рыба, выглядевшая безнадежно дохлой, ожила, взмахнула хвостом и стремительно исчезла в глубине.

Разумеется, рыба лишь выглядела рыбой, но для ухи или заливного никоим образом не годилась. Небольшой аппарат для подводных исследований, очень скоростной, очень маневренный, напичканный всевозможной электроникой – и притом не отпугивающий своим внешним видом обитателей озера. Не всех обитателей, наверное, – рыбья мелочь, скорее всего, бросалась врассыпную при виде электронной щуки, но профессора Птикошона интересовали куда более крупные объекты, неспособные испугаться метровой рыбины.

Присутствующие встретили отплытие чуда техники негромкими аплодисментами. На «пляже» собрались почти все свободные на данный момент участники экспедиции. Но главный охотник, Эфенди, отсутствовал. Возможно, был занят сейчас исполнением своих служебных обязанностей – в одной из палаток для него был оборудован самый настоящий кабинет, со всей необходимой аппаратурой, позволяющей и работать с электронными документами, и проводить виртуальные встречи и совещания. Хотя, может быть, отсутствовал аль-Луаньян на берегу по иной причине – следовал старинной практике стрелков-сахибов, которых абсолютно не интересовало, каким способом

егеря выследят слона или тигра, а темнокожие загонщики выставят его под меткий выстрел…

К профессору, разумеется, тут же подскочила Лайза с микрофоном наперевес, оператор нацелился объективом камеры. На вопросы профессор отвечал, перейдя на более классический вариант французского, а сам поглядывал одним глазом на экраны – на одном из них отражалось положение фальшивой рыбины на карте озера, на двух других – то, что видел каждый глаз-объектив аппарата (бинокулярным зрением псевдощука не обладала, зато имела угол обзора триста шестьдесят градусов).

Лануа стоял со скучающим видом. На груди его висела фотокамера – я в них разбираюсь слабо, но даже по виду ясно, что техника мощная, не просто профессиональная, но и безумно дорогая, возможно, знаменитая «Шива», а может быть, вообще аппарат штучной сборки, не имеющий серийного названия… Однако Хамиз услугами своей навороченной техники почти не воспользовался, сделал лишь кадр или два для ежедневного пресс-релиза, вывешиваемого в Сеть, – и всё. В конце концов его задача – отражать жизненный путь и свершения великого Эфенди, а не какого-то никому не известного профессора…

С берега пресс-секретарь ушел первым. Я мысленно поставил галочку против его имени… Только не спрашивайте, что эта галочка означала. Сам не знаю. С одной стороны, абсолютно не интересоваться подводными пейзажами озера мог человек, в монстра не слишком верящий и слыхом не слыхавший о «Сатане». Или человек, осведомленный о том, где лежит «Сатана». И знающий, что никакой чучундры в природе не существовало и не существует, что она – фейк, созданный для дезинформации Эфенди.

Вот и гадай, что означает уход Хамиза Лануа… Я вздохнул. Третью неделю околачиваюсь с охотниками, но до сих пор понятия не имею, кого должен застрелить… Непорядок. Этак до получения гонорара дело никогда не дойдет. Конечно, рано или поздно «икс» проявит себя открыто. Но как бы не стало и в самом деле поздно что-то предпринять… А в деле может быть замешан еще и «игрек», и «зет»… На самом деле выход есть: когда охота подойдет к финалу, надо залечь с пулеметом на высоком месте, – и как только аль-Луаньян пристрелит свою зверюгу, открыть огонь и уложить всю компанию, за исключением Хасана и Эфенди… Шутка.

Вслед за Лануа с берега ушли еще несколько человек. Другие, более любопытные, остались. Профессор, освободившийся наконец от Лайзы, и его ассистент священнодействовали, не обращая внимания на столпившихся за спинами зрителей.

Задержался и я, разглядывая экраны. Ничего необычного или хотя бы любопытного на них не происходило. Вода в озере оказалась достаточно прозрачной, видимость составляла несколько метров, дальше всё тонуло в смутной дымке. Немного, но я знал, что сонары электронной щуки позволили бы ей засечь любой живой объект на вдесятеро большем расстоянии и приблизиться на дистанцию прямой видимости.

Лжерыба, управляемая профессором, двигалась по синусоиде, то опускалась ко дну, то поднималась в верхние слои воды. У дна ничего интересного не обнаруживалось: валуны, торчащие из ила, – вот и всё, что удавалось разглядеть. Никаких коряг, никаких водорослей, привычных для озер более умеренных широт. Отсутствие подводной флоры слегка меня удивило, не совсем понятно, с чего начинаются пищевые цепочки у обитателей озера… Однако рыба в Таймыре-17 водилась, пару раз нашему аппарату повстречались густые косяки, состоявшие из достаточно крупных особей. Но Птикошона они ничем не заинтересовали, щука продолжала свое стремительное плавание, не задерживаясь в местах рыбьих скоплений.

Созерцание однообразных подводных пейзажей надоело, я посмотрел на третий экран – интересно, каким методом собирается Птикошон прочесать не такой уж маленький водоем?

Озеро Таймыр-17 напоминало при взгляде сверху не то сильно растолстевшую цифру «8», не то амебу, совсем было собравшуюся размножиться методом деления, но в самый последний момент передумавшую. Высота восьмерки составляла около четырнадцати километров, ширина в самом узком месте – меньше двух.

Сейчас аппарат удалялся от лагеря к юго-востоку, повторяя изгиб береговой линии. Щука держалась метрах в четырехстах от берега, не совалась на прибрежное мелководье, но и не удалялась в более глубокие районы озера. Я решил, что понял логику профессора, – наверное, эти районы самые рыбные. Любая чучундра должна чем-то питаться, а кроме рыбы, здесь питаться, по большому счету, нечем…

Электронная рыба плыла и плыла, не встречая на пути ничего нового. Я подумал, что таким методом при упорных и долгих поисках можно в конце концов обнаружить объект, неподвижно лежащий на дне. «Сатану», если называть вещи своими именами. Но с небольшой группой животных, находящихся в движении, очень легко разминуться, даже если прочесать все озеро частым гребнем. Вчерашняя воздушная разведка тоже не принесла результата – правда, вертолет не так уж долго кружил над водной гладью, запас топлива мы привезли с собой весьма

ограниченный… Оставалось надеяться, что в заначке у профессора и Эфенди есть более эффективные способы поиска. Не хотелось бы застрять на Таймыре до белых мух.

Лайза решила, что увидела и сняла сегодня достаточно, обратилась ко мне томным голосом:

– Дорогой, я устала, проводи меня до палатки…

Ну что за напасть… Какого шайтана моя благоверная выбрала публичную профессию? Сидела бы дома, как примерная мусульманская жена. Или, если уж так неймется, трудилась бы в чисто женском коллективе…

Делать нечего, пошел провожать, благо идти было совсем близко. Выбирая место для лагеря, Хасан исходил прежде всего из соображений безопасности. И выбрал так, чтобы от вооруженных и недружелюбно настроенных людей, бродящих по Таймыру, нас с двух сторон прикрывали кручи Быррангы, а с третьей озеро.

Низкий берег, где разместились наши временные жилища, когда-то был озерным дном – волны в те дни бились прямо в отвесные скалы. Потом вода ушла, обнажив нечто вроде маленького пляжа в форме неправильного треугольника. На нем-то мы и жили…

Слева и справа от пляжа скалы по-прежнему доходили до воды, и добраться к нам по берегу можно, лишь спустившись с отвесных круч, с немалым риском поломать шею. А для начала на те кручи надо вскарабкаться, но едва ли среди аборигенов имелись люди с альпинистскими навыками и с необходимым снаряжением… Теоретически, более вероятны недружественные визиты на лодках, но ни лодок, ни других плавсредств воздушная разведка не обнаружила ни на берегах, ни на поверхности Таймыра-17.

Платой за безопасность стала теснота. «Пляж» вытянулся вдоль берега метров на триста, а в самом широком месте не достигал и сотни метров. Вот и все пространство, доступное для прогулок без использования катеров и вертолета. Хотя нет, имелся еще запасной летательный аппарат, мотодельтаплан.

Сверху над лагерем нависала небольшая ровная площадка – ровной ее сделали наши квартирьеры, щедро используя пенобетон и взрывчатку. Но эта терраса для праздных прогулок никоим образом не предназначалась. Там стоял наш вертолет, высилась причальная мачта, украшенная тарелками антенн. Там же располагался и атомный мини-реактор, снабжавший энергией лагерь. В общем, стратегический объект. И охранялся объект соответствующим образом – люди Хасана никого без разрешения начальника не пропускали.

Стена отвесных скал не была сплошной, имелся в ней разрыв,

нечто вроде небольшого перевала, вполне преодолимого без альпинистских трюков. Но спуск с перевала к лагерю опять-таки лежал через техплощадку, и система ее охраны была более ориентирована на пресечение нежелательных визитов извне.

Такая вот диспозиция… В тесноте, как говорится, но не в обиде.

Проводив Лайзу, я решительно отказался от ее предложения заглянуть на чашку чая. У меня были иные планы – собирался завалиться в свою палатку и поспать часа два-три. Ночью предстояла новая встреча с как бы президентом здешней байкерской как бы республики. Виртуальная встреча, разумеется. Насколько она растянется, я не знал, но в любом случае надо быть свежим и бодрым, чтобы не допустить какой-нибудь прокол…

Автором простого и изящного плана – столкнуть противников лбами – стал Хасан Бен-Захр. Терпеть под боком у экспедиции банду в несколько десятков стволов, к тому же достаточно мобильную, он в любом случае не собирался. Но и уничтожить «блэкдевилсов» не мог.

Вернее, с технической точки зрения, мог: хватило бы одного вертолета с пулеметом, чтобы разогнать байкерское стойбище, перестреляв на открытом ровном месте большую часть убегавших, а затем высадить небольшой десант и уничтожить всю инфраструктуру поселка – чтобы убежавшим и спрятавшимся стало некуда возвращаться.

Проблема лежала в политическом аспекте. Шило таких размеров в мешке не утаишь, рано или поздно информация просочится наружу – и недоброжелатели Эфенди в руководящих структурах Исламского Союза с радостью ухватятся за представившуюся возможность. Бойня мирных жителей, белых и пушистых, к тому же учиненная на суверенной территории чужого государства, – именно так будет подана история.

Рисковать репутацией или даже карьерой работодателя Хасан не мог, не имел права. И придумал простую и беспроигрышную комбинацию. Я согласился участвовать в операции без колебаний и без консультаций с Кравцовым, и даже внес свою лепту в разработку деталей провокации: предложил выступить от имени сибирских сепов. Едва ли у байкеров получится задуманное (выступая в ипостаси сибирского капитана, я намеренно преуменьшил силы поднебесников). Какой-то ущерб «блэкдевилсы» каравану нанесут, нарушат планы, замедлят продвижение… Но в итоге будут разбиты, возможно, кто-то угодит в плен… Так отчего бы и не вбить небольшой клин между сепаратистами и их китайскими покровителями? Пленные не

станут молчать, выложат, кто был инициатором акции.

Итак, перед ночным виртуальным общением я намеревался выспаться. Но не сложилось. Едва начал раскладывать спальный мешок, в гости ко мне заявился таймырский робинзон, он же этнограф Гусев.

За появление в лагере этого организма я получил публичный разнос от Хасана и, опять же публично, был оштрафован в размере трехдневного жалованья. Чуть позже, в приватном разговоре, выговор сменился благодарностью, а штраф – вдвое большей премией. Время от времени мы с Бен-Захром разыгрывали перед публикой такие спектакли.

– Решили переехать ко мне? – спросил я, видя, что Гусев тащит с собой обшарпанный чемодан, единственное свое имущество, спрятанное под развалинами и увезенное в лагерь экспедиции.

Сразу по прибытии Гусева вымыли, переодели, бороду и шевелюру укоротили до приличной длины, и лишь затем он попал на допрос… Теперь бедолага куда более походил на представителя разумных приматов – если не обращать внимания на такие мелочи, как безумный, бегающий по сторонам взгляд, сгорбленная фигура с болтающимися ниже колен кистями рук, неконтролируемая мимика и жесты.

И я теперь называл этнографа на «вы» – кандидат наук, как-никак. А в драгоценном чемодане хранились собранные для докторской диссертации материалы.

– Я… что… – Гусев явно не понял обращенного к нему вопроса. – Я… нет… я хотел помочь… Вам помочь… Рассказать о… Вам будет интересно… Хочу помочь…

– Попробуйте. Только постарайтесь побыстрее. Я сейчас немного занят.

Свободное время одичавший этнограф убивал двумя способами. Во-первых, постоянно ел – раз по пятнадцать в день, но крохотными порциями, от больших у него немедленно случались жесточайшие желудочные колики. Во-вторых, болтался по лагерю и очень старался быть всем полезным, услужливо предлагая любую помощь по любому поводу. Очень уж боялся, что его выставят из экспедиции, в лучшем случае снабдив сухим пайком.

Он не знал Хасана Бен-Захра. Тот при нужде любого резанет по глотке, не задумываясь. Но без нужды собаку не пнет и муху не прихлопнет, такой уж человек. Хасан уже принял решение – через пару дней, когда к нам вновь прибудет «Стрела», обратным рейсом Гусев улетит в Салехард-23. Пусть, дескать, Россия сама разбирается со своим блудным сыном.

Помощь, с которой заявился ко мне этнограф, первым делом свелась к вопросам:

– Вы знаете, с кем говорили? Знаете, кто… Можно я съем?

– Съешьте. Где говорил? Когда говорил? Я вообще-то много с кем разговариваю…

Ответ Гусева прозвучал невнятно из-за шоколадного батончика, пожираемого с рекордной скоростью. Но я кое-как разобрал: в Новой Хатанге говорил, вот где. Именно так именовался полуразрушенный туркомплекс, и речь идет, очевидно, о таинственном аборигене-спринтере…

– Вы о том тунгусе? – уточнил я.

– Он не тунгус! – сквозь бурчание и причавкивание пробилось неподдельное возмущение от попрания основ этнографической науки.

– Хорошо, о нганасане… – внес поправку я, припомнив, как называлась главная коренная народность Таймыра.

– Он не нганасан! – Гусев одолел-таки батончик, и речь его начала звучать более внятно; возмущение, впрочем, никуда не подевалось.

– Пусть так… Представитель малой народности Севера. Такая формулировка не оскорбляет ваши чувства?

– Он энец! – произнес Гусев таким тоном, словно сообщал, что Иван – марсианин или какой-нибудь сириусянин.

– Ненец? – не расслышал я.

– Да нет же, энец! Последний энец, вы понимаете? Считается, что они частично вымерли, частично ассимилировались с нганасанами полтора века назад. Он говорит на языке, который считается мертвым!

Ну надо же… Стоило этнографу оседлать любимого конька – и куда только подевалась сбивчивость речи… Недаром говорится, что профессионализм не пропить. И в результате длительного голодания не потерять, как выяснилось.

– Любопытно… – сказал я. – И с кем же он в таком случае говорит? Сам с собой?

– А… он… он не говорит с собой… он, скажем так, думает на этом языке.

– Все энцы отличались способностью к быстрому бегу?

– При чем здесь бег… Вы не понимаете, что это такое… Это целый пласт традиций, верований, обычаев, считавшихся утраченными или известных обрывочно! Это же золотая жила для исследования!

Так-так-так… Похоже, Гусев пришел не для того, чтобы помочь мне. Он сам явился за помощью. Неужели сейчас попросит, чтобы доставили для беседы последнего энца?

Почти угадал.

– Его обязательно надо вывезти в Россию! – горячо продолжал Гусев. – Обязательно! Это бесценный клад для этнографической науки!

– Боюсь, вы плохо представляете, в каком сейчас состоянии этнографическая наука в России…

Гусев остановил свой метавшийся по палатке взгляд на мне, воздел палец к неопреновому потолку. И торжественно изрек:

– Ведь вы не знаете самого главного! Он не просто энец! Он из рода Тульгай-гире!

Наверное, он был уверен, что после такого заявления Россия тотчас отправит к берегам Таймыра по меньшей мере авианосец, дабы немедленно доставить на большую землю последнего энца и его первооткрывателя, этнографа Гусева.

– А я из рода Дашкевичей… И что дальше?

Дальше выяснилось, что Тульгай-гире – старинный шаманский род, этакая таймырская аристократия.

– Он показывал документы? – поинтересовался я. – Последний уцелевший на свете русский, например, легко назовется Рюриковичем, и поди проверь…

– Ему не нужны документы! Вы видели его волосы? Седую прядь? Сейчас я вам кое-что покажу…

Он стал возиться с застежками своего древнего чемодана. Пальцы дрожали, соскальзывали с замков. Наконец открыл. Я ожидал увидеть беспорядочную и неряшливую груду бумаг, но ошибся – бумажные документы аккуратно разложены по папочкам, микрочипы укреплены в специальных держателях. Свой архив, невзирая на все передряги, этнограф содержал в идеальном порядке.

– Вот, смотрите, – протянул он мне ламинированный лист. – Видите ту же прядь? Она была у каждого мужчины из рода Тульгай-гире!

Газетная вырезка… Не оригинал, копия, но сделанная очень давно – бумага успела пожелтеть, прежде чем ее закатали в пластик.

Коротенький текст сообщал о награждении Ивана Ивановича Тульгая орденом Трудового Красного Знамени, не раскрывая какие-либо подробности о причине и поводе награждения.

Потомственного шамана наградили советским орденом? Чудеса… Ударно, наверное, шаманил. По-стахановски перевыполнил план по камланиям.

Фотография над текстом была преотвратного качества, но белую прядь можно было отлично разглядеть. Да и вообще орденоносец Иван Иванович изрядно смахивал на моего

недавнего знакомца.

– За что ему дали орден?

– Это долгая история…

– Рассказывайте уж… – сказал я, сообразив, что поспать сегодня не удастся. – Но все-таки постарайтесь покороче.

И Гусев поведал мне о Таймырском восстании 1932 года – о событиях этих мало кто знал даже в те дни, когда они происходили. А дело было так: по стране победным маршем шагала коллективизация, и на самом верху приняли решение объединить в колхозы и местных оленеводов с охотниками. Новую коллективную жизнь даже многие крестьяне России встречали, мягко говоря, без энтузиазма, хотя исторически были куда более предрасположены к общинному ведению хозяйства. Но с какой радости, скажите, удачливому охотнику делиться добычей с неумехой и лодырем, добывающим за сезон впятеро меньше шкурок? И Таймыр восстал. Началась смута у долган, чуть позже к ним присоединились нганасаны и энцы, уже тогда малочисленные, стоявшие на грани вымирания. Убивали присланных активистов, сжигали фактории, совершили несколько нападений на русские поселки… Попытка окружных властей справиться своими силами закончилась плачевно – бой завершился победой восставших, погибло четырнадцать карателей. Центр отреагировал жестко, на Таймыр прислали отряды войск НКВД, поднаторевшие в усмирении крестьянских восстаний. Но те хорошо умели приводить к покорности деревни, которые стоят на месте и никуда не денутся. А поди-ка отыщи мятежных кочевников в бескрайней тундре… Применили авиаразведку, но поначалу и она не помогла: охотники, привыкшие бить песца в глаз, умудрились свалить пару железных птиц…

Конечно, мятеж в конце концов подавили, слишком огромная государственная мощь стояла за спинами усмирителей. Схваченных зачинщиков после короткого суда расстреляли. А у остальных аборигенов изъяли огнестрельное оружие. До последнего ствола. У всех, и у восставших, и у державшихся в стороне. Изъяли осенью, как раз перед подходом к зимним пастбищам стад дикого оленя, – а его мясо было одним из главных видов питания местного населения.

Акция по изъятию оружия стала смертным приговором. Приговором к массовому вымиранию от голода зимой – умеющих охотиться по-прадедовски, с луками и копьями, в стойбищах не осталось.

И вот тогда к Шорохову, главному чекисту Игарки, руководившему подавлением мятежа, и приехал Иван Иванович

Тульгай. О чем они говорили с обер-чекистом, неизвестно. Но после разговора Шорохов отдал беспрецедентное распоряжение – все оружие и все патроны раздали обратно. Всем, даже экс-мятежникам.

Шорохов рисковал не просто карьерой – головой. Случись на полуострове любой рецидив мятежа, чекиста бы без затей расстреляли. Но ни один выстрел по русским в тундре больше не прозвучал. Хотя недовольных хватало, много лет, даже десятилетий по Таймыру бродили слухи о «диких нганасанах» и «диких долганах» – о родах, так и не признавших новых порядков, кочующих наособицу и не поддерживающих никаких контактов с властью. Про энцев такие слухи не ходили – уже во время переписи 1939 года ни один человек на Таймыре не назвал себя принадлежащим к этой народности.

История любопытная, но я хотел задать несколько вопросов, перекидывающих мостик от орденоносца Ивана Ивановича к Ивану нынешнему, умеющему незаметно появляться и исчезать. Хотел – и не успел.

Снаружи послышались крики. Да что там крики – самые натуральные вопли, среди которых без труда опознавался высокий голос Птикошона. Выдернув из кобуры «ассасин», я поспешил из палатки. Этнограф за мной не последовал – наоборот, съежился, втянул голову в плечи и отодвинулся к дальней стенке.

Как я ни спешил, но у озера оказался одним из последних. Разучился спешить быстро… На вид ничего экстраординарного не происходило – кучка людей столпилась у навеса, прикрывающего столики с аппаратурой. Профессор что-то возбужденно тараторил, показывая на экраны. На двух ничего не видно, сплошной серый фон. На третьем вместо движущейся синей точки мигала неподвижная красная, то вспыхивала, то гасла… Похоже, с нашей чудо-рыбкой случилось нечто непредвиденное.

Птикошон пробежался пальцами по клавиатуре со скоростью пианиста-виртуоза. Погасшие экраны снова ожили, показали подводный пейзаж. Запись недавних событий, догадался я. Причем повторяемая с большим замедлением, судя по тому, как неторопливо меняются цифры на таймере в углу экрана.

Изображения были темнее и видимость стала хуже, наверняка электронная рыба ушла на бóльшие глубины, чем в первый час своего путешествия. Приходилось вглядываться, дабы разглядеть в смутной дымке детали. Что метнулось к объективу, выдающему левую картинку, я толком не разобрал. Что-то большое – и длинное, вытянутое, змееобразное. Экран покрыла непроглядная чернота. Чуть позже, буквально через долю секунды, черным стал

и правый экран. Несколько секунд ничего не происходило, а затем чернота сменилась на обоих экранах мерцающим серым фоном, рыба перестала выдавать сигнал.

Ну, здравствуй, чучундра звероящерная…

8. Операция «Троянский конь»

В точку, тщательно вычисленную как исходный пункт операции, Багирова на рассвете повез Смок, полноправный мембер из крыла Большого Пепса. Сержант сам хотел сесть за руль, – дескать, пора ему получать водительские навыки, но Смок не пустил. Дело поручено крайне важное, негоже рисковать поломкой из-за дилетантской езды.

Едва лишь выехали, сержант понял, что Смок был прав. И понял другое, что до сих не мог взять в толк: да как же байкеры в свое время решились пересесть с мощных скоростных машин на относительно тихоходные электроциклы?

Как выяснилось, он просто не знал, на что способны «лисапеды» с новым свежим аккумулятором. Никакого вращения педалей, дельтоид солнечной батареи снят, и по тундре они не катили – мчались. Летели… Ветер в лицо, мелькание зеленых кочек, куропатки, испуганно вспархивающие из-под колес и тут же остающиеся далеко позади.

В исходную точку прибыли много раньше запланированного. Смок спрыгнул с седла, стянул с головы шлем. Ощерил бородатое лицо в усмешке:

– Эх, хорошо-о-о… Давненько так не гонял… Еще бы по шоссе, а не по здешним кочкам, да ночью, да с нормальной соской, да после косячка…

Бороду Смока густо припорошила седина, может быть, в молодости ему доводилось гонять на байках с настоящими бензиновыми двигателями.

Передохнули после бешеной езды, затем Смок отправился маскировать «лисапед», подыскав подходящую ложбинку среди мхов, потом загодя занялся обустройством укрытия для себя. Он должен был проследить издалека за действиями Бага, и удостовериться, что все прошло нормально.

А Баг забрался повыше, на вершину холма, уже вполне достойного так называться, – дело происходило неподалеку от предгорий Быранги. Расположился поудобнее, пустил в ход электронный бинокль. Все тихо и спокойно, дорогих гостей пока не видать…. Ну и ладно, в данном конкретном случае гораздо лучше ждать, чем догонять.

Река Нижняя Таймыра не была отсюда видна, но близкий берег угадывался – по заметному понижению рельефа, по чуть иному характеру растительности. Именно здесь вездеходы должны выкатиться на просторы тундры, дальше по речному руслу им дороги нет – там начинается Быранга, и река прорезает

ее, как ножом, стиснутая между отвесными склонами.

И здесь по принятому первоначально плану предполагалось устроить засаду. Увы, тот план оказался невыполнимым по техническим причинам. Союзники-сепы не слишком расщедрились на помощь – всего восемь новеньких ллейтоновских батарей, доставленных прежним способом, в опущенном в отдалении контейнере. Не доверяли союзнички, страховались…

В результате байкеры просто не успевали перебросить в нужную точку людей, оружие и взрывчатку. Вернее, перебросить-то могли, но времени на обустройство засады уже не оставалось.

Пришлось импровизировать, на ходу менять планы, – и нападение на караван состоится гораздо ближе к Аду. Проблема в том, как заманить поднебесников именно в то место. Проедут стороной, всего-то в километре, – и пиши пропало.

Роль кролика, заманивающего волков в ловушку, должен был исполнить Багиров. Он с радостью бы отказался от сомнительной чести, но хорошо понимал: у него, с его подготовкой, шансы есть, любой другой просто без толку погибнет.

…Караван появился часа на три позже, чем планировалось. За это время Багиров успел и ногу отлежать, и проголодаться.

– Ну не хрена ж себе, – ошарашенно произнес он, не отрываясь от бинокля. – Натуральный экспресс… Транстаймырский…

– Дай глянуть, – теребил за рукав Смок.

– Успеешь, насмотришься, – недовольно ответил сержант; по плану он в самом деле должен был оставить бинокль байкеру.

Но все-таки протянул прибор. Смок припал к нему глазами и прокомментировал увиденное без слов – удивленно присвистнул.

Багиров ожидал появления вездеходов, наподобие найденного в тундре древнего «Старателя» – может, побольше размером, поновее, и наверняка загруженных топливом под завязку, иначе долгий путь от океана не проделать.

Но выползающие в тундру машины приходились дальними потомками заслуженному дедушке-«Старателю». Причем потомками, вскормленными гормональными ускорителями роста. Громадные, настоящие дома на колесах…

Двигались громадины не поодиночке, соединялись между собой, образуя сюрреалистичное подобие поезда. «Паровозом» работала машина другого типа, раза в полтора больше остальных, с вовсе уж громадными и широченными колесами, Багиров насчитал их аж десять пар.

Атомный тягач, догадался сержант. Разумно… Топлива эти махины наверняка жрут немерено, а так доберутся до места хоть

медленно, но не спалив зря ни литра горючки, все останется в целости для выполнения локальных задач…

«Вагонов», между прочим, в поезде насчитывалось пять плюс тягач, итого шесть машин, а вовсе не пять, как байкеров уверял офицер сепаратистов. Ошибка или преднамеренная дезинформация? Теперь уже не важно, ничего не изменить… Карты розданы, надо играть.

Состав и без того двигался медленно, бегом можно догнать, если хорошенько выложиться. А сейчас и вовсе остановился… В чем дело? Неужто умудрились засечь двоих людей на вершине далекого холма? Сомнительно…

Вдоль состава двигались фигурки людей, совсем крошечные в сравнении с громадной техникой… Какая-то неполадка, наверное.

Вскоре все прояснилось: караван разделился. Задняя машина отделились от состава и покатила в другую сторону, очень круто забирая к югу. Катилась она теперь гораздо быстрее. И что бы это значило? Впрочем, какая разница… Из двух зайцев остался более жирный, его и надо валить.

Укоротившийся «поезд» неторопливо двинулся в прежнем направлении.

– Пора, – сказал Баг, – приступаем.

– Не боязно? – поинтересовался Смок. – Экие мамонты…

– Мамонтов бояться, в тундру не ходить.

Сержант еще раз критически осмотрел себя. Он оставил в Аду и байкерскую униформу, и всю свою армейскую экипировку, и выглядел теперь, как настоящий бродяга: драный ватник, грязные штаны, сапоги, подошвы которых примотаны проволокой и бечевкой. Оружие под стать форме – самый бросовый из найденных в Аду дробовиков, обшарпанный, исцарапанный, ложе треснуло и кое-как замотано изолентой. Боезапас – ровно три патрона.

Физиономия соответствовала прочему. Сержант как раз начал отращивать бороду на манер всех здешних жителей, – когда налетает мошка, чем меньше открытых участков кожи, тем лучше. Но за две недели успела отрасти лишь неопрятная и длинная щетина. Если учесть, что за время своих таймырских приключений Багиров сбросил килограммов пятнадцать, – новый имидж получился вполне законченным.

– Как видок?

– То, что надо, – усмехнулся Смок. – Глянешь на тебя, и в самом деле слеза прошибает.

– Ладно, – отмахнулся Баг. – Иди, прячься. Хрен знает, что у них там за оптика, лучше перебдеть…

Смок пожал плечами, а потом направился к небольшому

холмику. А когда Баг повернулся в ту сторону, Смока уже видно не было.

Баг опустил на мох и стал ждать, лишь изредка отмахиваясь от мошки. На ноги он поднялся, лишь когда огромные машины смог бы разглядеть человек, не имеющий бинокля, истощенный, обессиленный, теряющий сознание от голода и усталости…

Вскочил, стал размахивать руками, выпалил в воздух из двустволки и побежал в сторону каравана. По пути несколько раз упал, однако всякий раз поднимался. Оказавшись неподалеку от машин, он вытянул руки в их сторону и что есть сил завопил:

– Помогите! Помогите!

Момент был критический. Существовала вероятность, что помогут ему, осуществив акт сурового гуманизма, – пустят пулю в голову. В лучшем случае проедут мимо, никак не отреагировав.

Но сержант очень надеялся на иное развитие событий. Какие у пришельцев имеются разведданные о здешней обстановке? Наверняка лишь полученные в результате спутниковой разведки… А тут по тундре с воплями бежит бесценный источник информации, одинокий абориген. И ликвидировать его без обстоятельного допроса – непростительная глупость.

Состав сбавил ход и остановился. Баг прибавил шагу. Боковой люк на ближайшем вездеходе приоткрылся.

Похоже, клюнули, решил Баг. Теперь нужно усилить впечатление, предстать вовсе уж беспомощным и жалким. Абсолютно не опасным. Со всего маха Баг лицом вперед рухнул в мох и замер. Одновременно он раскусил капсулу, сглотнул… Капсула была не простая, ее желатиновая оболочка не так давно лишилась своего законного содержимого, и наполнял ее теперь этамол – мазь безобидная, но предназначенная исключительно для наружного употребления. Трюк старый, очень хорошо известный армейским симулянтам. И армейским сержантам, разумеется.

Этамол, найденный в запасах адского фельдшера, оказался безбожно просроченным. Но действовал, как надо, сержанта охватила неодолимая слабость, руки и ноги стали, как ватные.

Замерев, он скорчился на мху, ожидая решения своей судьбы. Шорох, хруст стланика под ногами… Баг крепко зажмурился, когда его перевернули.

Прозвучала короткая фраза на непонятном языке. Затем уже по-русски:

– Что с тобой? – Голос был приятным, женским, звучал с акцентом.

Багиров молчал и не открывал глаза. А вот попробуй догадаться с трех раз, что со мной…

Вновь последовал обмен непонятными фразами. Говорили трое, и один из них, мужчина, судя по интонации, был недоволен. Возможно, ругался на задержку. Возможно, предлагал пристрелить найденного в тундре доходягу. Поди пойми…

Как бы то ни было, победила иная точка зрения. Баг почувствовал, как чьи-то руки ощупывают его, проверяют карманы. Он знал, что за трофеи найдут сейчас поднебесники: два патрона и полуобглоданную пеструшку, маленького тундрового грызуна, наподобие мыши. Причем сырую пеструшку. Ладно уж, забирайте… Нашли, потянули из кармана – и тут же послышался брезгливый возглас. На том обыск и завершился. Отлично…

Его подняли с земли, понесли в машину, причем в другую, дальнюю, идущую в составе предпоследней. Когда грузили в люк, Багиров негромко застонал… Лицедействовать особо не пришлось – случайно или преднамеренно, но грузившие хорошенько приложили сержанта головой о металлический край проема.

Лишь когда его положили на что-то мягкое, он позволил себе приоткрыть глаза. И прошептал:

– Bang…

После чего в его личном словарном запасе китайского языка остались неиспользованными целых два слова.

– Не говорите, лежите, вам помогут, – произнес по-русски тот же приятный женский голос, но говорившая в поле зрения не появилась. А широко распахивать глаза и уж тем более вертеть головой сержант не мог себе позволить.

Сапоги с него стащили, но раздевать не стали. Судя по какой-то медицинской хреновине, стоявшей напротив, Багиров лежал на койке в лазарете, или в медблоке, или еще в какой-то больничке на колесах… Однако никто не собирался устраивать здесь для него санаторий. Ловкие сильные пальцы завернули кисть сержанта, щелкнули наручники, и его правая рука оказалась прикованной к чему-то рядом с койкой.

Женщина начала протестовать возмущенным тоном, мужской голос прервал ее коротко, двумя словами. «Приказ командира», – уверенно перевел Багиров. Никакая иная фраза не пресекла бы возмущение в зародыше.

И лишь затем ему оказали обещанную помощь. Налепили датчики комплексного монитора – сержант не волновался за показатели, этамол будет действовать еще минут тридцать-сорок. Пульс, дыхание и давление у Багирова сейчас, словно у серьезно больного человека, и даже температура тела понижена… Применять допрос третьей степени к такому пациенту никак не возможно, живо копыта откинет. Необходимо подлечить, а уж

потом допрашивать.

А УЗИ внутренних органов проводить не стали. Решили, что много чести для бродяги, наверное. Обидно… Полтора дня постился, чтобы при оказии продемонстрировать пустое брюхо, а никто не заинтересовался.

Лечение свелось к двум инъекциям, сделанным в прикованную руку. Что ему вкололи, Баг понятия не имел, но понадеялся, что хуже не станет.

Неприятность поджидала другая… Поправляться в одиночестве его не оставили. А потрудиться сиделкой назначили не медсестру, а молодого парня в камуфляже без знаков различия, с автоматом и с кобурой на поясе.

Наручники, а теперь еще и часового приставили… Нет, не думал он, что все будет так сурово. Затеянное казалось сейчас абсолютно безнадежным предприятием. Хотелось лежать и ничего не делать, ожидая, когда вездеходы разминутся с засадой байкеров, а если и влетят сдуру в нее, то размажут по мху самонадеянное воинство Гора… А потом попытаться правдами-неправдами втереться в доверие к поднебесникам…

Так действует на мозги этанол, то ли сам по себе, то ли совместно с инъекциями, – догадался сержант в минуту просветления. Надо просто не думать о будущем, эта дрянь рассасывается быстро, симулянты, бывает, лежат умирающими лебедями, а полчаса спустя скачут молодыми козлятами…

Надо ждать. Время в запасе есть, таким ходом каравану добираться часа два, два с половиной до района, где притаилась засада.

И он стал ждать. О безнадежном будущем на задумывался, вместо того вспомнил разговор, предшествовавший его появлению на пути каравана…

Большой Пепс не стал ходить вокруг да около, сразу взял быка за рога:

– Что думаешь о всей затее?

– Потерь будет много… – предположил Баг. – Но может и выгореть, если сильно повезет.

– А если не повезет? Зачем, как ты считаешь, Гор согласился на эту авантюру? Капитаны не в счет, он таких и подбирал, чтобы не возражали, но ему-то зачем?

Сержант о таком вообще не задумывался. Его мысли были заняты другим: что же на него нашло, когда совсем недавно страстно хотел воткнуть нож в спину Пепса. Сейчас они вдвоем, режь-кромсай, никто не помешает, однако никаких дурных желаний не возникает…

Большой Пепс явно не считал свой вопрос риторическим,

ждал ответа. Багиров поднапрягся и выдвинул версию:

– Президент решил уменьшить число едоков зимой?

– Нет смысла, если погибнут добытчики… Еще варианты?

– Не знаю…

– А ты подумай, тут все на поверхности…

Баг подумал и со скрипом выдал новую догадку:

– Ему что-то пообещали за нашей спиной…

– Уже теплее… А что ему могли пообещать? Учти, что Гору пятьдесят девять годков, и он уже не тот, что был пять лет назад. Артроз прогрессирует, куча других болячек… А какая у нас медицина, ты в курсе. Стоматолог-недоучка в роли фельдшера. Ну и?

– Гору посулили билет на Большую землю?

– В точку!

– Казначей с ним заодно?

– Ясное дело… Есть у них золотой запасец, общая казна клуба. Прибрали к рукам и деньги, здесь всякую цену потерявшие, и бранзулетки всякие.

Сержант вспомнил собрание, озлобленные лица байкеров, плюющих в крысятников, и уверенно заявил:

– Их на куски порвут, когда вздумают сбежать и всех тут бросить.

– Порвут… Если будет кому рвать. А если всех загнать под китайские пулеметы? Каждому по стакану водки – и вперед, на танки?

– И что теперь делать?

– Думать. Хорошенько думать.

– Да ладно… Ты уже все надумал, я гляжу. Излагай уж…

– Пусть все идет, как было решено. С одной маленькой поправкой – место Гора и казначея в сибирском вертолете займем мы. Именно мы с тобой, вдвоем. Устраивает?

Багиров задумался… Вдруг Пепс его провоцирует? Но зачем? Баг был уверен, что начальник службы безопасности подкапывается потихоньку под президента, рассчитывая занять его место. Но если появилась реальная возможность выбраться, все прежние интриги теряют смысл. Стать главой Ада, так или иначе обреченного на вымирание? Один неудачный охотничий сезон – и половины жителей поселка к весне не останется, сильные сожрут слабых… Даже если все пойдет, как сейчас, – перспектив никаких.

– Идея хорошая… – осторожно проронил Багиров. – Но есть одна закавыка… Если Гору пообещали билет на вертолет до Новосибирска, на тот самый, что кружил над нами, – его развели, как последнего лоха.

– Почему?

– Эта вертушка туда не долетит. У нее дальность полета – шестьсот километров. С полной загрузкой еще меньше.

– Как же сибиряки сюда добрались?

– По цепочке аэродромов подскока.

– Что это?

– Да ничего особенного… Вертолетная площадка, здоровенная емкость с горючкой, взвод солдатиков охраняет все хозяйство. И так вдоль всей трассы.

– Бред… Столько сил и времени угрохать надо… Не окупится.

– Значит, у них есть всего одна точка – здесь, на Таймыре. Но способная принимать дальнобойный транспорт.

– Какой?

– Дирижабль, или конвертоплан, или что-то еще вертикального взлета…

– А самолеты?

– Мы бы заметили…

– Уверен, что такая точка есть?

– Иначе никак.

– Слухи бы просочились… – Пепс вдруг неожиданно хлопнул себя по колену. – А ведь они и просочились! А я, дурак, сразу не понял, в чем дело… Вот что, Баг, – нас они не разведут. Мы не будем ждать, заберут нас или нет, сами заявимся в гости… Но не с пустыми руками.

Прошло не менее часа с тех пор, как Багиров очутился в медицинском отсеке. Пора начинать…

Действие этамола уже завершилось, он чувствовал себя здоровым и бодрым. Готовым убивать. Мог начать и раньше, но решил не спешить. Известный факт – любой часовой, вообще любой находящийся на посту или на вахте человек наиболее внимателен и готов к неожиданностям именно в первый час своего дежурства. А потом, если ничего не происходит, поневоле расслабляется, так уж устроена человеческая психика.

Приставленный к Багу часовой расслабился, сомнений нет. Уже не пялится на пациента-пленника, задумчивый взгляд устремлен куда-то в туманную даль… Сидит на табуреточке, автомат поставил между коленей… Одна беда – слишком далеко сидит. Достать ногой можно, но нет гарантии, что парень мгновенно вырубится, что не заорет, не попытается пустить в ход оружие… А надежно его не отоварить, пока рука прикована к скобе над изголовьем койки. И с наручниками невозможно разобраться, не привлекая внимание часового. Замкнутый круг какой-то.

Но сейчас Багиров чувствовал прилив сил, и физических, и

душевных. Откуда-то появился кураж, шальная уверенность: только начни, и все получится…

Начал он без затей, импровизируя: застонал, пошевелился. Затем произнес скороговорку:

– На дворе трава, на траве дрова.

Очень быстро произнес, очень тихо и очень невнятно, словно в полубреду. Даже если часовой владел русским, ничего бы не понял. Он и не понял, уставился удивленно. Багиров повторил свою фразу, причем еще тише и невнятнее.

И часовой купился! Отреагировал рефлекторно, как любой нормальный человек, желающий лучше расслышать, – наклонился к говорившему.

Цап! – пятерня вцепилась парню в кадык, рванула. Часовой буквально перелетел со своей табуреточки на койку, но еще в полете его промежность встретилась с согнутым коленом сержанта.

Ну так чье же кунгфу круче, малыш?

Автомат грохнулся на пол, а про кобуру часовой просто-напросто позабыл, – пытался разогнуть глубоко ушедшие в горло пальцы Бага, вместо того, чтобы потянуться к оружию.

Умирал поднебесник долго. Уже прекратил бороться за жизнь, руки бессильно повисли, лицо посинело, глаза выкатились из орбит… Обделался, судя по запаху. Но все еще жил, Багиров хорошо чувствовал тугой пульс под вдавившимся в артерию пальцем. Он мог прекратить мучения, вмазав затылком парня о стену, но не стал, – неизвестно, есть ли кто там, за тонкой переборкой, и не прибежит ли на стук. Терпеливо дождался конца агонии.

Ключ от наручников лежал в нагрудном кармане, повезло. Через несколько секунд Багиров был свободен и вооружен. Однако на том везение закончилось. Дверь крошечной палаты открылась, и на пороге появилась молодая женщина. Баг навел дуло «дыродела» ей прямиком в переносицу и поднес палец к губам. Не заорала… Застыла, выпучив глаза и хлопая длинными ресницами.

Багиров поманил ее согнутым пальцем. Китаянка, словно загипнотизированный удавом кролик, сделала два шажка вперед. Сержант аккуратно притворил за ней дверь.

Подносик в руках у девушки подрагивал, ходил ходуном. На нем лежал шприц, поблескивали медицинские инструменты. Баг выбрал среди них скальпель, повертел в пальцах, чтобы пленница осознала и прониклась.

– По-русски говоришь? – спросил он негромко и приставил скальпель к горлу.

Девушка молчала.

– Говоришь?!

Пролопотала что-то по-своему. Значит, не та… Очень жаль. Он сделал рукой короткое движение и отступил в сторону, спасаясь от потока хлынувшей крови.

А вот теперь она пыталась кричать… Безуспешно пыталась. Воздух толчками выходил из рассеченной гортани, вылетали кровавые капли, но не раздавалось ни звука.

Прежде чем выйти из медблока, Багиров проверил трофейное оружие, затем обулся. Натягивать паршивые говнодавы не хотелось, они отыграли свою роль и могли развалиться в самый неподходящий момент. Но разувать часового смысла нет, и без того видно, что носил он обувь размера на три меньше. Ладно, все же лучше, чем скакать тут босиком. Скальпель он сунул за голенище, может еще пригодиться, пока не отыщется более серьезный клинок. Трофейный автомат закинул за спину, в здешней тесноте короткоствол сподручнее.

Дверь он приоткрыл осторожно, выглянул наружу… Никого. Медицинский блок располагался в задней части огромного вездехода. От двери вперед вел узкий проход вдоль правого борта, а почти все остальное пространство отсека занимали коробки и ящики, громоздившиеся до потолка. Откуда-то из-за коробок доносились голоса.

Он прислушался, ни слова не разобрал, но понял, что беседуют двое, мужчина и женщина. Паршиво, что здесь такая хорошая слышимость… Работал бы двигатель, было бы куда больше шансов прикончить этих двоих, не привлекая внимания. Ну что же, прикончит как уж получится.

За откидным столиком сидели двое и кушали последнюю в своей жизни трапезу. Ковырялись палочками в прямоугольных пластиковых судках с каким-то непонятным и совсем неаппетитным на вкус Бага дерьмом. Здесь же стоял электрочайник и две крошечные чашечки.

Оба в цивильном, но одеты, словно туристы, совершающие пеший переход по лесам и горам. Самое удивительное, что на вышедшего из-за коробок Багирова они даже не взглянули, занятые едой и беседой. Идет кто-то мимо, ну и пусть идет, свои ведь все кругом.

Вот ботаники, как еще живы-то до сих пор?.. Но учить их жизни уже поздно. Да и незачем.

Баг шагнул к ним, легонько постучал стволом по краю столика, привлекая внимание. А когда две головы повернулись в его сторону, широко-широко улыбнулся.

Мужчина от этакого чудного видения впал в ступор. Рука его

застыла, не донеся до рта палочки, – с них свисало нечто длинное и мерзкое, показавшееся Багу маринованным ленточным глистом. Глаза у китаезы округлились, как две пятиюаневые монеты.

Женщина – к удивлению Бага, оказалась она блондинкой с европейским типом лица – чуть лучше умела вести себя в критических ситуациях. Откинулась назад, нервно кусала губы, зыркала взглядом по сторонам, пытаясь высмотреть свой шанс. Но шансов у нее не было.

– Извините, что помешал, – сказал Багиров очень вежливо. – Вы говорите по-русски?

Окаменевший поднебесник промолчал, похоже, он вообще не услышал вопроса. А вот женщина, как показалось сержанту, поняла, о чем ее спрашивают. Но тоже промолчала.

«Дыродел» взметнулся и обрушился рукоятью на затылок мужчины. Череп хрустнул, как спелый арбуз. Женщина коротко вскрикнула. Поднебесник уткнулся лицом в свою неаппетитную порцию, тело его дернулось и застыло.

– Так ты говоришь по-русски? – повторил Багиров так же негромко и вежливо.

– Д-да… – выдавила из себя женщина.

– Скажи что-нибудь.

– Что в-в-вам сказать?

Он удовлетворенно кивнул. Та самая, неплохо болтающая… Сгодится. По голосу казалась молодой, а на деле лет сорок, не меньше. Да какая разница, не для того нужна…

И тут из следующего отсека послышался голос с явно вопросительной интонацией. Там что-то услышали.

«Дыродел» тут же уставился в лоб женщине.

– Что он хочет? – тихонько спросил Багиров.

– Спрашивает, что случилось…

– Скажи, что этот хрен капнул на тебя чаем… Горячим. Живо!

Прозвучавшую фразу он, конечно же, не понял, – и в ней вполне мог содержаться призыв о помощи. Сержант приготовился вышибить мозги пленнице и тут же открыть стрельбу по тем, кто сунется в дверь.

Но нет, женщина хотела жить… Из-за тонкой переборки послышался смех, два голоса обменялись репликами, там находился не один человек.

Хорошо, первый шаг сделан, дальше будет легче. Человек, который подчинился тебе один раз, – считай, твой навсегда. Тем более женщина…

– Как зовут?

– Хайна… Найкинен…

Вот даже как… Далеко же ты драпанула из своей Эльскандии,

Хайна Найкинен, аж до самого Китая. В хиджабе ходить не понравилось?

– Слушай меня внимательно, Хайна. Ты хочешь выжить. Хочешь, я же вижу. А меня зовут Баг, и я тоже хочу выжить, такое вот совпадение. Так что интересы наши полностью… Руки на стол, живо!

Она повиновалась с секундной задержкой.

– А теперь скажи мне, Хайна, что у тебя лежит в боковом правом кармане.

– Там… пистолет…

– И ты решила меня застрелить? Нехорошо, Хайна. Ты выбрала неправильный путь, чтобы выжить. Мы можем выжить, только помогая друг другу. Но ты сделала ошибку и будешь наказана. И не вздумай кричать. Это станет твоей второй ошибкой и последней.

Левой рукой он ударил ее по лицу. Не очень сильно, но достаточно болезненно. Голова женщины дернулась в сторону, лицо скривилось, но она даже не вскрикнула.

– Сейчас, Хайна, ты снова потянешься к тому карману, но уже левой рукой. Медленно, неторопливо. Двумя пальцами вытащишь пистолет и положишь его на стол.

Она повиновалась… Оружие оказалось вполне дамским – маленький плоский пистолетик калибра 6,35. Багиров хотел зашвырнуть его в дальний конец вездехода, за коробки, но передумал, прибрал в карман.

– Теперь, Хайна, ты расскажешь мне все, что я хочу знать о вашей таратайке…

Допрос не затянулся. Очень скоро Багиров знал, что впереди осталось всего два помещения. В первом сидят четверо вооруженных людей, охранники каравана. Дальше водительская кабина, и не важно, что двигатель не работает, все равно там находятся двое, сам водитель и капитан Чжень, командир вездехода, якобы кадровый офицер НОАК…

Остальные подробности Бага не заинтересовали. Их можно выяснить позже, на досуге.

Четверо вооруженных – это серьезно. Без стрельбы завалить их трудно. А стрелять не хочется, из кабины наверняка можно связаться с другими машинами, позвать на помощь.

Но тут ему пришла в голову одна мысль, пришла при взгляде на тоненькие, словно картонные, переборки вездехода. Машина явно грузовая, и для перевозки пассажиров приспособлена второпях, экспромтом. Недаром сладкая парочка обедала в закутке среди коробок.

И звукоизоляция здесь практически нулевая, грузу рев

двигателя не помеха. Везде нулевая, но только не в водительской кабине. Сейчас двигатель заглушен, но когда-нибудь же заработает… А это значит…

– Открой дверь, Хайна, – кивнул Багиров на отсек с охранниками. – Открой дверь и скажи им что-нибудь.

– Что сказать?

– Что угодно. Можешь сказать, что у тебя начались критические дни и спросить, нет ли лишней прокладки…

Ему и в самом деле было все равно, что попытается сказать пленница. Потому что он не собирался позволить ей закончить. И не позволил. Едва лишь Хайна, открыв дверь, начала говорить, он резким толчком швырнул ее вперед и вбок, сам шагнул на порог и тут же начал стрелять из дамской пукалки.

И как стрелять! Каждая пуля попадала в цель, именно туда, куда он метился, а противники казались неподвижными бумажными мишенями, развешанными на стене тира. Сержанта охватило дикое возбуждение и безграничная уверенность в себе. Он чувствовал себя в силах перебить не только экипаж одного вездехода – всех заявившихся на Таймыр поднебесников.

Обычно люди с такими настроениями в бою не заживаются. Теряют голову в шальном кураже, и рано или поздно ловят свою пулю… Но сейчас был не тот случай, Баг ощущал, что привычка логично мыслить и трезво оценивать ситуацию никуда не исчезла. Просто к ней добавилась необыкновенная удача. Случаются такие дни, когда при раздаче карт на руки постоянно приходят тузы или шарик рулетки раз за разом останавливается на загаданной цифре. Случаются, и надо уметь ими пользоваться.

…Да уж, не «дыродел», подумал он, опустошив обойму. Пули с ног не валят, отдача совсем слабенькая… Но и звук у выстрелов негромкий, а это сейчас главное.

Шести маломощных патронов едва хватило, чтобы прикончить троих. В четвертого Баг швырнул пистолетик, не сомневаясь, что не промахнется. Не ошибся: угодил точно между бровей, а потом одним ударом сломал оглушенному шейные позвонки.

Насчет звукоизоляции водительской кабины Багиров тоже угадал. Переборка здесь капитальная, многослойная, вокруг овальной двери по периметру тянется прокладка из чего-то мягкого и пористого… Командир и водитель остались в блаженном неведении.

Хайна Найкинен, не поднимаясь на ноги, забилась в угол, с ужасом смотрела оттуда на расправу. Багирову вдруг страстно захотелось трахнуть белобрысую сучку. Немедленно и прямо здесь. Разложить чухну среди окровавленных трупов и вдуть по

полной программе. Плевать, что не молоденькая, так надо, так победителям издавна полагается поступать с женами и дочерями врагов.

Желание не стало чисто умозрительным. Багиров чувствовал, как его засаленные и драные брюки чуть не лопаются от напора изнутри.

Хайна как-то сумела понять, что происходит, – шарахнулась от него, вжалась в стенку… Может, взгляд был слишком красноречивым, а может, женщины умеют улавливать такие вещи без слов и взглядов, по незримым флюидам.

Кое-как Багиров сумел обуздать неуместный порыв. Бой еще не закончен… Не хватало в самый интересный момент получить в затылок пулю, выпущенную капитаном Чженем.

Хайну он усадил в командирское кресло, еще не остывшее после командира. Усадил прямо на кровавые пятна, еще не высохшие. Водитель остался сидеть, где сидел. А сам Багиров стоял сзади, – так, чтобы сидящие его не видели, но он мог контролировать обоих.

В такой непринужденной обстановке началось выездное занятие автошколы: Баг задавал вопросы, Хайна переводила, солдатик отвечал, Хайна переводила ответы. Возможно, в чем-то водитель врал, но проверить его, не запустив двигатель, возможности не было. А запускать нужно в последний момент, никаких учебных поездок в этой автошколе не предусмотрено – краткий теоретический курс и сразу же экзамен.

Обучению весьма помогал тот факт, что здешние рычаги, ручки и тумблеры не так сильно отличались от системы управления российским десантным вездеходом, а с ней Багиров был знаком. В принципиальных вопросах водитель не мог соврать, а мелочи не так уж важны, с ними можно будет разобраться и самостоятельно…

В процессе получения новых знаний сержант не забывал поглядывать на таймер, показывающий и местное, и пекинское время. И на экран картплоттера, где отмечалось положение каравана. Судя по экрану, место засады останется правее, километрах в четырех или пяти… Не смертельно, никто и не ожидал, что поднебесники прикатят прямиком в ловушку.

Начинать Багиров решил минут через десять, когда расстояние до засады уменьшится до возможного минимума. Но не сложилось, начать пришлось раньше…

Ожил динамик, врезанный в приборную панель. Сержант не стал требовать от Хайны перевода, ни к чему. Затевать переговоры, делая вид, что на борту все в порядке, смысла нет. В любом случае возникнут подозрения, если на связь не выйдет

командир вездехода.

– Скажи ему, чтобы запускал двигатель, – приказал Багиров.

Перегнулся вперед, вмазал рукоятью «дыродела» по динамику, нечего тут вякать под руку… Затем стукнул пару раз по замку ремня, пристегивающего Хайну к креслу. Проверил – деформирован, не открывается.

Движок здесь стоял на редкость мощный. Даже когда он заработал на холостых оборотах, Багиров ощутил неприятную вибрацию, поднимающуюся от подошв и пронизывающую каждую клеточку тела. И решил, что пора перебираться в комфортное кресло, гасящее колебания.

А водитель тем временем затеял рискованную игру. Наверняка сообразил, что выспрашивали его о секретах управления не просто так, не праздного интереса ради. И понял, что сейчас нужда в нем пропадет…

В общем, решил использовать момент, когда сержант отвлекся на динамик и замок. Выполняя приказ о запуске, потянулся вниз и влево, дернул за ручку, открывавшую воздушные заслонки системы охлаждения, а потом тем же движением потянулся дальше, в нишу под приборной панелью.

Что у него там спрятано, нечто вроде молотка или же что-то стреляющее, Багиров не стал проверять. Аккуратно тюкнул в висок, выволок обмякшее тело из кресла, уселся сам… И пристегнулся, езда предстояла более чем экстремальная.

– Покатаемся, Анюта?

Хайна Найкинен ничего не ответила.

Интересно, на флагманском вездеходе уже сообразили, что дело неладно? Или все еще грешат на поломки связи? Но сейчас неясностей не останется.

Двигатель взвыл. Колеса завертелись в обратную сторону – Багиров дал задний ход и вдавил педаль газа до упора.

Сразу преодолеть громадную инерцию «поезда» не удалось. Наверное, со стороны все выглядело сюрреалистично – огромные, в полтора человеческих роста, колеса крутятся назад, а машина продолжает двигаться вперед, увлекаемая четырьмя другими.

Первой не выдержала жесткая сцепка, соединявшая третий и четвертый «вагоны», – оторвалась от заднего, захваченного вездехода.

Машина тут же дернулась назад, буквально прыжком, словно лягушка неимоверных размеров. Если бы не ремни, Багирова и Хайну просто размазало бы по приборной панели.

Задняя сцепка смялась, деформировалась, но пока держалась. Багиров потянул правый рычаг на себя, левый толкнул, заставляя вездеход выбраться из глубокой колеи, прорытой колесами,

вращавшимися в обратную сторону.

Двигатель ревел раненым мастодонтом. Комья грязи и клочья мха летели из-под колес. Вездеход с трудом развернулся под углом градусов тридцать к прежнему направлению, и тут же сержант врубил полный вперед.

Удивительно, но сцепка и на этот раз выдержала. Пятый вездеход, последний в «поезде», волочился сзади. Завести двигатель и попытаться как-то помешать маневрам Багирова там пока не додумались. Хотя, если водитель и командир не были пристегнуты, досталось им от рывков не слабо…

Он дал задний ход и тут же врубил передний. Что-то внутри вездехода заскрежетало, протестуя против такого варварского обращения. Но многострадальная машина выдержала, а вот сцепка – нет.

Багиров покатил по тундре, причем не выжимая максимальную скорость. Ни к чему… Ну как решат, что машина слишком оторвалась, что бросаться в погоню нет смысла, – и саданут сзади чем-нибудь бронебойным? Расчет был на то, что поднебесники попытаются вернуть захваченный вездеход неповрежденным.

Как бы ни были потрясены противники, оправились они быстро. И ни секунды даром не потеряли. Состав, и без того разорванный действиями Багирова, распался окончательно. Атомный тягач остался на месте, а три вездехода, разворачиваясь веером, двинулись вдогонку за беглой машиной.

«Интересно, о чем они там думают? Решили, что командир Чжень затеял непонятную свою игру? Или что произошел бунт экипажа? Или все-таки догадались связать ЧП с подобранным истощенным бродягой?»

Но что бы там преследователи ни думали, действовали они грамотно. Растянулись в линию, как на облавной охоте, – отрезать беглеца от тундры, прижать к горам, не дать свободы маневра.

Пару минут и пару километров четыре вездехода катили именно в таком порядке. Затем одна из преследующих машин начала отставать – может, оттого, что была нагружена больше остальных, может, по иной причине. Зато две других постепенно сокращали отрыв от беглеца.

И тут Баг свернул вправо, направив вездеход в лощину между двумя холмами. Наверняка со стороны это смотрелось жестом отчаяния: беглецы потеряли надежду оторваться в гонке на ровной местности и теперь стремятся к горам, где можно бросить машину и спрятаться, затеряться среди многочисленных ущелий и каменистых осыпей.

Преследователи немедленно срезали путь, отыграв чуть ли не половину отрыва. Третий, поостави́вший вездеход тоже подтянулся. Багиров внимательно следил за действиями погони на экране, куда передавалось изображение с камеры заднего вида.

Теперь загонщики уже не могли растянуться в цепь, склоны холмов становились все круче, на них стали появляться валуны изрядных размеров. Возможно, вездеходы прошли бы и там, но скорость бы наверняка потеряли. И погоня катила след в след за машиной-беглянкой.

Багиров увидел чуть в стороне два очень характерных валуна – точь-в-точь два барана, столкнувшихся лбами. Сейчас начнется…

И началось!

Грохнуло так, что вся звукоизоляция кабины оказалась не при делах. Многотонная махина вездехода содрогнулась от взрывной волны. Аммонала, прав был кэп Стингер, у байкеров хватало. И они его не пожалели, подготавливая засаду.

Багиров бросил взгляд на экран, но ничего толком не разглядел, столб дыма, устремленный к небу, скрыл все подробности… Сержант смог увидеть лишь громадное колесо, оторванное взрывом и падающее вниз, и понял – мина сработала не впустую.

Захваченный вездеход не замедлил ход, продолжал катиться с прежней скоростью. Лощину здесь уже можно было назвать самым настоящим ущельем, и ущелье это раздваивалось – как раздвоился в незапамятные времена промывший его поток, катящийся со склонов Бырранги. Багиров, прикативший по левому рукаву, сейчас свернул в правый, почти развернувшись.

Место боя исчезло из вида. Сержант привстал, приподнял люк над головой, слегка замедлил ход… Надо хотя бы на слух определить, что там происходит.

Рвануло еще раз, а после минутной паузы сработала третья мина. Оба взрыва оказались под стать первому, со склонов покатились камни, забарабанили по крыше вездехода… Короткая тишина, затем послышался сухой треск карабинов и раскатистый грохот дробовиков. Неужели бойцы Гора сумели подорвать все три машины, причем так, что способных сопротивляться почти не осталось? А теперь своим примитивным оружием добивают уцелевших, выскакивающих из горящих вездеходов?

Не самый удачный расклад. Их с Пепсом план предусматривал большие потери среди байкеров… Не пришлось бы самим корректировать итоги сражения.

Но нет, сзади послышался звук, который ни с чем не спутаешь, – заработал «ревун», причем спаренный. Естественно,

ничего даже отдаленно похожего в арсенале «блэкдевилсов» не имелось. Уцелевшие поднебесники показали-таки зубки… Баг удовлетворенно кивнул и прибавил ходу.

…Пепс ждал в условленном месте – километрах в трех, там, где ущелье вновь расширилось и вывело в тундру. Не один ждал, с бойцами своего крыла и с Шурупом, – на его участии в предстоящем деле настоял Багиров. Кто знает, может бывшему вертолетчику придется вспомнить полузабытые навыки пилотирования.

Вообще-то эти отборные бойцы находились здесь в засаде, на тот случай, если хотя бы одна из машин преследователей проскочит невредимой через минное поле. А если не проскочит, они должны были на своих скоростных байках, оснащенных новенькими ллейтоновскими батареями, незамедлительно вернуться к основным силам и вступить в бой, – возможно, решив тем самым его исход.

Должны были – так считал президент Гор.

У Большого Пепса на сей счет имелись другие планы.

Часть пятая
Остров невезения

1. Казанова с железным стержнем

Мне снился кошмар – Новая Хатанга, заваленная трупами. Трупов было много, куда больше, чем я видел в реальности у раскопанной братской могилы, и валялись мертвецы повсюду, – и на улицах, и в домах, и на развалинах. А я по мере сил избавлялся от заполнивших городок мертвецов… Только я в кошмаре был не совсем я, и трупы не хоронил обычным способом – попросту пожирал их.

Я метался среди домов, стремительный и легкий, никакого сравнения с нынешним неуклюжим Мангустом. И жрал, жрал, жрал… Но никак не мог насытиться. Самое поганое, что все происходившее мне нравилось, даже дикий неутолимый голод доставлял странное мазохистское удовольствие…

Какая-то часть сознания понимала, что занимаюсь я не совсем правильным делом, но понимала со стороны, не в силах вмешаться в происходящее.

Спас меня от прелестей трупоедства сигнал побудки, выданный таймером.

В палатке я был один, отсыпался после трудовой ночи. И вообще жил один, но долго одиночество не продлится – сегодня ночью прилетает «Стрела Пророка» (как я понял, Хасан абсолютно не хотел, чтобы крупная и слабоспособная к маневрам цель засветло появлялась над озером). В лагерь десантируются еще двадцать девять человек, в палатке придется потесниться… И даже думать не хочется, что мои новые соседи смогут услышать по ночам, если меня будут терзать этакие сновидения.

Вот ведь напасть – только-только избавился от кошмаров про Остров Мертвых, а продюсер-Морфей уже спешит порадовать свежим сериалом… Если вернусь живым в Питер, схожу с покаянием к зловредному мозговеду, пусть пропишет что-нибудь, дарующее здоровый сон.

…Однако таймер разбудил меня не просто так. Через полчаса состоится публичная лекция Птикошона, призванная ответить на вопросы любопытствующих: на кого же, по мнению мэтра профессора, мы начали охоту?

На лекции ожидается аншлаг. Учитывая наше малолюдье, можно смело сказать, что публика так и ломится. И не только криптозоологические выкладки Птикошона тому причиной. Лекцию почтит присутствием сам Эфенди, что сродни снисхождению Зевса с олимпийских высот на грешную землю. Великий Охотник не то что не панибратствовал с участниками экспедиции, но и официального-то общения с ним удостаивались

считаные единицы. Я, например, в число избранных не входил. Но не обижался, в конце концов сам согласился на роль представителя власти, силком навязанного Великому, и на роль джокера в игре Красного Хасана.

Проще говоря, на лекцию придут все, кроме постовых. Не послушать профа, так хотя бы помелькать перед глазами у Эфенди, авось вспомнит, когда придет время выписывать премии по завершении охоты…

И я тоже приду. Но не сразу, чуть запоздаю. Проспал человек, с кем не случается…

Расчеты оправдались полностью. Когда я через полчаса, перекусив и приведя себя в порядок, вышел из палатки, то оказался в опустевшем лагере, – лекция происходила на воздухе, возле самой линии прибоя. Там был установлен большой экран, и профессор уже начал рассказ, даже отсюда слышался его возбужденный высокий голос…

А я неторопливо прошел вдоль ряда палаток, затем свернул в проход между двумя крайними. Здесь все уже привыкли, что я хожу неторопливо, и мне это только на руку. Путь мой завершился неподалеку, в полусотне шагов, в небольшой расщелине, или в мини-ущелье, уж и не знаю, как правильнее назвать эту деталь ландшафта. Но дело не в названии, а в том, что местечко крайне неприметное, – и закрыто от взглядов из лагеря, и часовым, бдящим наверху, на террасе, не видно, что тут происходит. Обвалов здесь опасаться не стоило, все, что могло обрушиться, сползти или свалиться со склонов во время подземных толчков, уже обрушилось, сползло и свалилось, дно балки усеивало хаотичное нагромождение больших и малых камней.

Место казалось мне идеальным для устройства тайника, и я вчера после заката попытался его устроить. Но прежде, на всякий случай, проверил дно ущельица наноскопом – и тут же обнаружил чужую закладку. Насколько я смог понять, не приближаясь, хранилась там портативная аппаратура, способная узконаправленным лучом связываться со спутниками. Неподалеку таились еще два замаскированных приборчика, наверняка датчики неизвестной мне системы, способные зафиксировать посторонний интерес к захоронке…

Разорять тайник я не стал. Зачем? Даже близко подходить к нему не стал. Любой датчик можно так или иначе вывести из строя, но предусмотрительные люди очень часто используют в комплекте с самыми современными электронными сторожами что-нибудь прадедовское, архаичное, никакой аппаратурой не обнаруживаемое… Сдвинешь невидимый в темноте контрольный

камешек, оборвешь ниточку или волосок, и хозяин тайника, считай, оповещен о твоем визите.

Однако не повод, чтобы владелец аппаратуры остался неопознанным. Оставлять в ущельице какую-либо следящую аппаратуру я не рискнул, – не стоит считать, что противник глупее меня или не имеет портативного наноскопа. Вместо того я пустил в ход – сейчас, при повторном визите, – небольшой аэрозольный баллончик.

Жидкость, наносимая на камни под ногами, не имела ни цвета, ни вкуса, ни запаха, к тому же очень быстро испарялась, по видимости бесследно. Но это только по видимости… У любого, кто заглянет в расщелину, подошвы обуви будут помечены надолго.

Для гарантии я заодно распылил жидкость на отвесные каменные стены – там, где они сходились почти вплотную и приходилось протискиваться. Не заполучив невидимые следы на одежду, здесь сможет проскользнуть только очень худой человек, к тому же обладающий безупречной координацией движений.

Теперь есть шанс познакомиться с хозяином тайника. Хотя, конечно же, я, скорее всего, с ним знаком, причем дважды, – есть подозрение, что именно он выбрал для разговора виртуальный островок в виртуальном океане.

Первым делом Большой Пепс бросился к корме вездехода. И тут же вернулся обратно, сказал зло и раздраженно:

– Винта нет!

– Расслабься… – посоветовал Багиров. – Плавает хреновина, плавает… У них тут испарительный водомет.

– А-а… ну ладно. Что с экипажем?

– Почти все холодные…

Пепс сделал знак своим орлам, чтобы подтягивались к вездеходу. Сам полез внутрь. Багиров за ним не последовал, сил почти не осталось… Ничего не осталось, даже голод куда-то подевался. И направленная на Хайну вспышка желания без следа исчезла. Хотелось сидеть в мягком кресле, долго-долго сидеть, и ничего не делать… Совсем ничего.

Бойцы подтаскивали к распахнутому грузовому люку имущество – туго набитые вещмешки, два каких-то длинных ящика защитного цвета. Но внутрь пока не заносили, ждали приказания от начальства. Баг отметил, что у пятерых висят за спинами «коловраты», а он и знать не знал, что в Аду имеется автоматическое оружие. Откуда оно там появилось, задумываться не хотелось. И о том, что лежит в ящиках защитного цвета, – тоже. А уж на то, где спрятали «блэкдевилсы» свои тундробайки с

новенькими аккумуляторами, и вовсе было наплевать.

– Где мои шмотки? – вяло, через силу спросил Багиров. На самом деле даже этот вопрос его не волновал.

Вскоре двое байкеров притащили имущество сержанта – оружие, снаряжение, байкерскую униформу и скатанный в трубку молитвенный коврик. Баг подумал, что надо хотя бы переобуться, – и остался сидеть, как сидел. В говнодавах.

Бойцы поглядывали на него с явной опаской. Багиров не обращал внимания.

Доносившиеся звуки боя стихли. Напоследок прозвучало несколько одиночных выстрелов – победители добивали раненых врагов? – и всё смолкло. Чем дело закончилось и кто победил, сержанта не заинтересовало.

Обход захваченного вездехода Большой Пепс завершил в водительской кабине.

– И вправду всех обнулил, – произнес он без удивления и восхищения, словно привык уже к тому, что есть у сержанта такой талант – умножать все живое на ноль. – Ребята, залезайте, и всех холодных – за борт! Оружие ихнее и что в карманах найдете – во второй отсек, на стол!

Он понизил голос и спросил у Багирова:

– А бабу зачем оставил? Для Дома новенькую? Так мы в Стеклянный Дом…

– Это моя доля, – оборвал его Баг и больше ничего не стал добавлять.

Сидел и молча смотрел, как из грузового люка падают на мох мертвецы, – некоторые поднебесники успели лишиться обуви и обмундирования, другие, чересчур залитые кровью, остались при своем барахле… Багирову теперь казалось, что окровавленные тела никакого отношения к нему не имеют. Кто-то другой их убивал, какой-то брат-близнец сержанта… А он, настоящий Багиров, так и лежал в медицинском отсеке после действия инъекций и этамола. Может, до сих пор лежит, а все люди, что сейчас якобы окружают его, и вообще все якобы вокруг происходящее, – бредовые видения.

– Ну ладно… твоя так твоя, заслужил… – произнесло бредовое видение по прозвищу Большой Пепс. – Однако пора нам рулить отсюда. Не Гор подвалит, так поднебесники про колымагу свою вспомнят… Да соберись же, Баг!

– А Смок? – вспомнил Багиров, собираться и куда-то еще рулить ему не хотелось. – Он-то как?

– Зачем нам Смок? – удивился Пепс. – Старый Смоки – отработанный материал. А нам надо двигаться дальше.

Отработанный так отработанный… Но следить за Пепсом

надо в оба глаза. Людьми он нынче жертвует, как пешками в шахматной партии. Смока отдал за темп, например…

– Куда едем? – спросил Багиров, заводя двигатель.

Недолгая передышка пошла на пользу. Совсем усталость и апатия не исчезли, но способность хоть что-то делать помаленьку возвращалась.

– В Рай, Баг, в Рай… Дорогу я покажу.

– С какого хрена нам в Рай?! – изумился сержант. – Мы ж к сепам в гости намылились…

– А они там и сидят, в Раю. Ты еще не понял?

Когда я проходил мимо, из палатки послышались звуки, человеку не слишком приличествующие. Так могла бы фырчать голодная дикая кошка, решившая подкрепиться змеей – ядовитой и активно сопротивляющейся. Так могла бы шипеть змея, отбивающаяся от гастрономических притязаний дикой кошки… Короче говоря, за пологом палатки я обнаружил свою дражайшую супругу.

В гневе она была прекрасна… Жаль, что объектом гнева оказался именно я.

Ну да, каюсь, обещал проводить ее на лекцию. И слегка задержался…

Слишком много Лайза не потеряла – на установленном в палатке экране можно было наблюдать за тем, как распинается Птикошон. Но женушка привыкла находиться в гуще событий…

Оправдываться я не стал. Ссылаться на прямую трансляцию не стал тоже. Быстро сказал:

– Ты очень красивая!

И пожалел, что в словаре делового новонемецкого, запихнутом мне в голову за несколько сеансов лингвосуггестии, нет эпитетов посильнее, более подходящих для общения с молодыми и красивыми женщинами.

Но и сказанного хватило… Лайза распахнула зеленые глазища, шагнула ко мне. И тихонько попросила:

– Повтори то же самое по-русски…

Я повторил. И еще кое-что добавил. А затем перешел на язык, понятный без переводчиков.

С чего бы на меня в последнее время так западают рыжие женщины? Оттого наверное, что я обаятельный. И в то же время мужественный. Этакий Казанова с железным стержнем…

Подозреваю, что супруга моя обладала даром подслушивать чужие мысли. По меньшей мере касающиеся ее особы. А подслушав – тут же обламывала мыслителя. Не успел я себе польстить, – уперлась руками мне в грудь, оттолкнула.

– Не сейчас… Приходи вечером, до прилета «Стрелы». А теперь, муж мой и господин, на лекцию профессора, – бегом марш!

Кажется, я начинаю ненавидеть криптозоологию… Но делать нечего, и новоявленный Казанова пошагал к берегу вместе со своим железным стержнем и с прочими металлическими частями организма, обретенными в ЦВГ.

Я тоже следил за выступлением профессора во время своей прогулки в расщелину, вернее, слушал по «балалайке», – не слишком внимательно, вполуха. И мне показалось, что ничего важного мы с Лайзой не пропустили. До сих пор Птикошон лишь блистал красноречием, эрудицией и умением строить парадоксальные теории. Выстраивал изящные версии – о том, что в озере могла обитать заплывшая из океана акула, или крупное морское млекопитающее, или даже гигантский головоногий моллюск, изгнанный Толчком из привычной своей штаб-квартиры в глубокой океанской впадине. Однако, выстроив очередную гипотезу и практически убедив слушателей, профессор с ловкостью карточного шулера извлекал из другого рукава контраргументы, – и вдребезги разбивал собственные предположения.

Когда мы подошли, Птикошон как раз закончил разбираться со звероящерами, и с чудом сохранившимися до наших дней двинозаврами, и с современными крупными рептилиям, непонятно каким ветром занесенными на Таймыр. Одним словом, со всеми пресмыкающимися.

Оказывается, жить пресмыкающиеся в здешних климатических условиях не могут, причем никакие, ни крупные, ни мелкие. Вернее, жить-то смогут, если выпустить в таймырскую тундру какую-нибудь кобру, – не пропадет. Возможно, даже аллигатор, запущенный в местное озерцо, сумеет встроиться в пищевую цепочку. Беда в том, что здесь нет никаких условий для размножения пресмыкающихся. Слишком короткое лето, фактически один лишь июль, да и в том случаются заморозки. А рептилии свои яйца не высиживают, и не смогли бы, поимей вдруг такое желание, – животные холоднокровные, полностью зависящие от температуры окружающей среды.

Между тем в отложенных яйцах змей, ящериц и прочих черепах с крокодилами процессы происходят сложные и длительные, зародыш растет долго, – в отличие от рыб и амфибий из яйца выходит не личинка, а особь, ничем не отличающаяся от взрослой, кроме размеров. И на Таймыре не стоит рассчитывать на встречу даже с захудалым гекконом, не говоря уж о зверощере, способном стать рекордным охотничьим

трофеем.

Эфенди слушал разливавшегося соловьем профессора спокойно, ни малейших эмоций на лице не отражалось. Хотя я на его месте давно бы уже гаркнул на Птикошона, как сержант на новобранца: хватит нести пургу, докладывай четко и ясно, какая тварь сожрала твою электронную рыбину!

Аль-Луаньян, закаленный в словесных баталиях Евромеджлиса, не гаркнул. Он и окружавшая его небольшая группа сидели чуть в стороне от остальных собравшихся. Случайно так получилось или преднамеренно, но на каменистом берегу словно бы провели невидимую черту или выставили невидимый барьер – и никто из прочих членов экспедиции не посмел установить свой раскладной стульчик за этим барьером, поближе к Великому.

Ближний круг Эфенди дружно следовал примеру сюзерена, никак не выдавая своего отношения к изящным и бесплодным выкладкам профессора. Хотя от Зога и его братьев-близнецов проявления нормальных человеческих чувств ожидать не приходится: все трое идеальные боевые машины, но с весьма ограниченным набором прочих функций, в число которых не входит способность удивляться, раздражаться или хотя бы посмеяться незамысловатой шутке.

Красного Хасана, казалось, лекция профессора интересовала лишь в одном аспекте: может или нет во время нее произойти что-нибудь опасное.

Тем временем Птикошон наконец-таки добрался до главного. До сути. До непонятного существа, не то сожравшего, не то разрушившего нашу псевдощуку.

На трехметровом экране вновь повторилась уже знакомая мне короткая подводная трагедия: нечто продолговатое и смутно различимое, стремительно вытягивающееся в сторону аппарата.

У профессора, как выяснилось, имелось совершенно иное мнение об информативности последних кадров.

– Вот он, мон дье, ответ на все наши вопросы! – экспрессивно вещал профессор, остановив запись. – Вы видите, господа?! Вы видите?

Ну видим… Однако что видим, поди разберись… Хвост? Хобот? Щупальце? Или объектив запечатлел почти все существо – змею, угря? Земляного червяка, накачанного анаболиками и стероидами?

Я был не одинок в своих сомнениях. Судя по недоуменным перешептываниям, большинство собравшихся не могли взять в толк, что сумел разглядеть Птикошон…

– Это язык! – возвестил профессор, выдержав

гроссмейстерскую паузу. – Выстреливающий язык, подобный языку хамелеона! Вернее, в нашем случае – языку лягушки! Потому что мы имеем дело с земноводным существом! Да-да, именно с земноводным, господа! С амфибией!

– Одно слово – лягушатник, что с него возьмешь… – тихонько шепнула мне Лайза.

Птикошон немедленно бросился доказывать свой тезис, тыкая лучом лазерной указки в экран: «Вы прекрасно можете разглядеть, господа, эти характерные гантелевидные образования, и нет никакого сомнения, что…»

Он не закончил. Зазвучал голос Эфенди, и звучал он в полной тишине – мгновенно смолкла и возбужденная речь лектора, и негромкие разговоры аудитории.

– Вы хотите сказать, что я прилетел сюда охотиться на лягушку?

Говорил Великий спокойным и ровном тоном, но в подтексте ошибиться было невозможно: если дело обстоит именно так, первым же дирижаблем мы улетим обратно. А затем уж кто куда: Эфенди, наверное, отправится за сасквочем в орегонские дебри, а Мангуст вернется к своей пенсионерской жизни… Потому что лягушка недостойна находиться среди трофеев Великого Охотника, и не имеет значения, до каких размеров она умудрилась дорасти.

Птикошон, как бы ни был он увлечен и возбужден, прекрасно понял все оттенки смысла, заложенные в вопрос Эфенди. И немедленно открестился от существа, издавна ассоциировавшегося с французской национальной кухней:

– О нет, мон дье! Конечно же, не лягушка! Лягушек таких размеров никогда не было, нет и не будет, ни среди современных, ни среди ископаемых… Опорно-двигательный аппарат лягушки устроен так, что особь весом хотя бы в центнер попросту не сможет сдвинуться с места! Нет, нет, мы имеем дело с уникальным видом! Скорее всего, он родствен стегоцефалам, исполинским амфибиям, обитавшим в болотах пермского и триасового периода… Посмотрите, господа, посмотрите! Не правда ли, красавцы?

Птикошон потыкал в кнопки пульта, и на экране начали появляться представители древних земноводных. Судя по комментариям профа, вес представителей некоторых видов исчислялся тоннами, а длина метрами. Да и вид достаточно грозный…

Скажу честно: если бы я разгуливал по болотам пермского периода и повстречался невзначай с исполинской амфибией – задал бы от нее стрекача, приняв за самого заурядного

двинозавра. Не стал бы уточнять, к какому классу животного мира относится зверюга. Да и какая разница, кто тебя сожрет – пресмыкающееся или земноводное? Никакой.

Эфенди выглядел по-прежнему невозмутимо, но мне все же показалось, что объяснения профессора его успокоили. Здоровенный стегоцефал – это вам не лягушка-переросток, а вполне достойная дичь для лебединой песни Великого Охотника.

– Посмотрите, господа, какое чудесное создание! – указывал профессор на нечто, на мой дилетантский взгляд, крокодилообразное. – Двинозавр! Вторая часть названия неправильная, появившаяся на свет в результате ошибочной первоначальной классификации, но обратите внимание на первую часть имени этого красавца! Фрагменты его скелета были найдены на Северной Двине, господа! Это ведь совсем рядом с нами, мон дье, совсем рядом!

М-да… Профессор мог бы для интереса заглянуть в атлас, измерить линеечкой расстояние, умножить на масштаб… Хотя его можно понять – и мы на севере России, и Двина протекает там же, считай по соседству…

Профессор продолжал нахваливать своего двинозавра так, словно сам проектировал его генокод в мутаборских лабораториях или, по меньшей мере, дневал и ночевал у вольера, откармливая и выращивая зверюшку.

– Один лишь череп, господа, длиной более метра! И обратите внимание – это не взрослая особь, это всего лишь личинка, притом сама способная размножаться! Как выглядел и каких размеров мог достигать взрослый двинозавр, мы попросту не знаем! Скелеты амфибий менее прочны, чем у рептилий, и сохраняются, увы, лишь при удачном стечении обстоятельств… Или же мы знакомы со взрослым двинозавром, но абсолютно под иным именем!

Далее профессор поведал, что земноводные растут всю свою жизнь и не имеют установленных эволюцией пределов роста. Рыбы и пресмыкающиеся отличаются тем же, но в отличие от них родственники лягушек и тритонов по мере взросления кардинально меняют внешний вид и строение, проходя порой до тридцати и более стадий в своем развитии. Некоторые промежуточные формы способны к размножению, и порой размножаются, так и не выходя на следующую ступень жизненного пути, из-за каких-либо неблагоприятных внешних условий.

Причем, что характерно, жизнь и крохотной современной лягушки, и здоровенного ископаемого стегоцефала начиналась одинаково – с крохотной оплодотворенной икринки, диаметр

которой почти не зависел от окончательных размеров существа. И таймырский климат – не помеха для развития икры амфибий. Известны случаи, когда икра лягушек не погибала в воде, сверху покрывшейся корочкой льда, более того, продолжала развиваться, – особый пигмент, окрашивающий икру в темный цвет, помогал ей собирать максимум солнечного тепла… И теплые недели, тем более месяцы для успешного развития икринки не нужны, личинка появляется из нее через неделю, иногда даже через три дня…

Затем профессор вернулся к существу, покусившемуся на аппарат-разведчик, – и доказанные научные факты немедленно сменились криптозоологическими построениями, порой весьма предположительными. Но профессор Птикошон был уверен, что его догадка о гигантской амфибии объясняет все странности и загадки таймырского монстра, как нынешние, так и известные по давним наблюдениям. Почему разные свидетели замечали столь различающихся между собой существ? А они видели разные стадии развития одного и того же гигантского земноводного, только и всего. Этим же объясняются и огромные перерывы в наблюдениях – не исключено, что многие поколения чучундры останавливались на одной из ранних и очень мелких стадий развития, и тем не менее имели способность размножаться. Кого из случайных гостей озера могла заинтересовать мелочь вроде тритонов или головастиков, снующая на мелководье? Никого, господа, никого!

Более того, он, профессор, совершенно уверен, что таймырские реликты обитают здесь миллионы лет – но при том значительную часть этого срока провели в спячке! Иначе никак не объяснить, как пережили они Великое оледенение. У земноводных, оказывается, есть уникальная способность – они могут вмерзать в лед и сохраняться в нем живыми неопределенно долгий срок!

– Полюбуйтесь, господа, – этот тритон был обнаружен в ископаемом льду на русском острове Стрежневой более века назад! И посмотрите, что с ним стало после размораживания!

На экране появились кадры – крохотное хвостатое существо вяло шевелило лапами в воде, налитой в прозрачную емкость.

– Он жив, мон дье, он готов жить и размножаться! – ликовал профессор. – А между прочим, данные радиоуглеродного анализа показали, что ему более пяти тысяч лет! Пирамиды Египта еще не стояли, когда этот маленький дружок вылупился из икринки! Вы только представьте, господа!

Казалось, восторги профессора никогда не утихнут – слушатели потихоньку разбредутся, а он так и будет продолжать,

подобно токующему тетереву, ничего не замечая вокруг… Но нет, потихоньку Птикошон выдохся и вскоре поинтересовался у слушателей: имеются ли у них вопросы?

Вопросы имелись. В основном свелись к тому, чем чучундра питается и не взбредет ли ей в голову, случайно, десантироваться на наш пляж в поисках пропитания? И насколько опасным может оказаться такой десант? Профессор успокоил: нет никаких оснований подозревать озерного жителя в питании человечиной. Так просто свой рацион ни одна живая тварь не меняет, а чучундра привыкла питаться рыбой и лишь иногда, в сезон, могла вносить разнообразие в меню за счет водоплавающих птиц. Между тем ихтиофауна озера бедна по видовому составу – мускун, арктический голец, еще пара видов рыб. Рыбешки относительно некрупные, средний вес взрослых особей три-четыре килограмма. Существ, на порядок более крупных, чучундра просто не сможет рассматривать в качестве потенциальной пищи.

Не убедил. Меня, по крайней мере…

Потому что я вспомнил Новую Хатангу, раскопанную могилу и растерзанные трупы. Если пировавший там мифический Бдыр-Барус и наша реликтовая амфибия – одно и то же существо, то надо признать, что какая-то из его конечных форм развития способна далеко удаляться от водоемов. И питается кое-чем покрупнее, чем гольцы с мускунами…

Смущали явные следы зубов, оставленные на телах Бдыр-Барусом. Мне всегда казалось, что лягушки, тритоны и прочие саламандры по определению беззубые, что клыки с резцами и прочими молярами возникли на следующем витке эволюции.

И я поинтересовался вслух: может ли реликтовое земноводное обладать зубастой пастью?

Профессор обрадовался вопросу. Тут же вывел на экран новые картинки и пустился в объяснения: оказывается, существовал среди древних земноводных многочисленный надотряд лабиринтодонтов, представители его обитали и в воде, и на суше, одни весьма напоминали крокодилов, другие смахивали на исполинских саламандр…

Свое имя лабиринтодонты получили не оттого, что жили в лабиринтах, а из-за сложного устройства челюстей. Зверюги не имели зубов в нашем понимании – с корнями, с коронковой частью и всем прочим, – но из дентина на их челюстях формировались складки и выступы, вполне успешно игравшие роль клыков и резцов. Для примера профессор продемонстрировал нам изображение скелета одной земноводной зверюшки. Пасть внушала уважение. Перекусить пополам

человека такими складками дентина не проблема, не важно, живого или мертвого.

На этой оптимистической ноте лекция завершилась.

2. Затерянный Рай

Багиров быстро понял, отчего Большой Пепс настаивал на захвате вездехода целым и невредимым, причем не простого, а вездехода-амфибии.

Двигаясь на ином транспорте, они бы дорогу не осилили. На тундробайках уж точно, а на каких-нибудь самодельных плотах (лодок у «блэкдевилсов» не было) путь затянулся бы на недели, как минимум.

Ехать пришлось по бывшему озерному дну. И ладно бы то дно просто стало сушей – но нет, оно превратилось в настоящий лабиринт из относительно сухих мест и крохотных водоемов: одни заслуживали называться лишь лужами, глубина в них была по колено, другие смахивали на небольшие озерца и вездеходу приходилось через них плыть, третьи оказались длинными, вытянутыми – не то каналы, не то речки с навеки остановившимся течением…

Короткое плавание, короткий рывок по суше, снова плавание, – и так километр за километром. Суммарная скорость движения получалась невысокой, на плаву машина поднебесников выдавала километров пять или шесть в час, никак не больше. К тому же двигаться пришлось не по прямой, а выбирая более проходимые места, и в результате траектория движения выходила замысловатой. Но хорошо было поднебесникам с их громадным тягачом, а если все-таки завязнет трофейная машина, придется ее бросить.

Цель их путешествия – северо-восточные отроги Быранги – казалась близкой, но приближалась медленно. Именно там, по убеждению Пепса, притаилось местечко, известное как Рай.

– Я сразу понял, что дело нечисто, – говорил Пепс с командирского места Багу, управляющему вездеходом. – Как только ты эту парочку, Андреса с Тпином, повязал, так я и сообразил, что ниточка от них в сторону тянется… Чужой человек, чужой байк… Ну не совсем чужой, из крыла Спайдера…

– Кто из крыла – человек или байк?

– Байк, человека я впервые видел.

– Подожди… Крыло Спайдера – это те, что не вернулись из Новой Хатанги? Чьи машины у дороги сожгли?

– Вот-вот. Сожгли, да не все. И кто ж на том байке раскатывал, откуда и куда? Если в Новой Хатанге ни одной живой души не осталось?

– Надо было Тпина с приятелем хорошенько потрясти, – убежденно заявил Баг. – Меня бы на допрос позвал… Нас

маленько учили людей разговорчивыми делать.

– И сам бы справился. Гор не позволил. Законы братства и прочая туфта… Мне ихние законы – как кость поперек ануса!

– Ихние? Ты сам тоже не из байкеров?

– Я так похож на придурка? На дитятю великовозрастную? Я со здешнего рудника…

– Инженером работал? – предположил Багиров; речи Большого Пепса не позволяли заподозрить в нем простого работягу.

– Не работал, а служил. Замом по оперчасти.

– Вертухай при зэках? «Кум», как говорят они?

– За базаром следи. И за дорогой, – крайне неприязненно посоветовал Пепс.

Повисла пауза. Долгая, неприятная.

– Извини, – сказал Багиров.

– Проехали, – откликнулся Пепс.

Помолчали еще. Затем Пепс продолжил давешним тоном, словно и не было никакой словесной стычки:

– Короче, я дал Андресу и Тпину уйти. А следом человечка послал… Посмотреть, куда направятся. Обычно изгнанные далеко не уходят. Шатаются поблизости, оружие и жратву пытаются в поселке умыкнуть… Но эти двое тут не задержались. Прямиком к Бырранге почесали. Значит, знали, куда и к кому уворованное мясо поедет… Думаю, ты не первый их гешефт накрыл.

– Они вот этой дорогой чапали? – кивнул Багиров на фонтаны воды и грязи, вылетавшие из-под колес, вездеход как раз пересекал топкое место.

– Есть другой путь, вполне цивильный. Но мой человечек по нему в Рай не попал, не сумел. Через горы не перелезть, а проход сторожат. И вот что я думаю, Баг…

Большой Пепс изложил свое видение событий: Рай просто так, сам по себе, существовать не может. Все уцелевшие на Таймыре поселения имели какой-то козырь в борьбе за выживание, а кто не имел, тех уж нет. В Новой Хатанге таким козырем стал преизрядный запас спиртного, завезенный неизвестно по какой прихоти поставщиков раньше многого другого… Водка служила товаром для бартера, но и с ней дела шли туго, коли уж жители опустились до откровенного людоедства. По большому счету, злой город был обречен и без визита Багирова, может, год бы протянул, может, два, но в конце концов они просто сожрали бы друг друга… Козырем «блэкдевилсов» стали тундробайки в большом количестве – позволяли проводить массовые облавные охоты в тундре и при нужде собирать лагерь и откочевывать из обедневших зверьем

мест. И плюс к тому жестко организованная структура клуба, позволившая обойтись без кровавого выяснения вопроса, кому быть главным в новых условиях…

А у Рая козырей не имелось. Вернее, предъявлять их Рай не спешил. Вообще никто толком не знал, что там творится. Райские эмиссары, забредавшие иногда к «блэкдевилсам», врали о замечательной тамошней жизни, никак не затронутой Катаклизмом. Причем каждый врал на свой манер, даже не могли толком сговориться… Кое-кого из этих ребят Пепс брал в плотный оборот, не помогло, – фанатики, глаза горят, твердят одно и то же и сами себе верят. То ли их в Раю наркотой галлюциногенной кормили, то ли гипнотизировали, поди разберись без специалистов и аппаратуры.

А теперь, с учетом всех новостей, у Пепса сложилось убеждение: Рай есть не что иное, как тайная база сибиряков. Светиться они не хотят, в первую очередь шифруются от поднебесников – дружба дружбой, но на китайских картах Таймыр давно окрасился в розовый цвет… Посланцы Рая попросту фильтруют уцелевшее население, отбирают специалистов, способных пригодиться самозваной республике. Территория-то у Сибири огромная, да люди в большом дефиците… Внешний источник существования Рая очевиден – помощь с Большой земли, и все вертолеты, которые порой замечали над Таймыром, имеют базу в Раю. Эпизод с тушками леммингов вполне укладывается в такую схему – помощь помощью, но когда каждый ящик с провиантом, сюда доставленный, по стоимости золотым становится, не грех и на местные ресурсы опереться.

Примерно так представлялась Большому Пепсу общая картина, которую грозило нарушить вторжение поднебесников… Ну а остальное Баг и сам знает.

– Одного в толк не могу взять: как в Раю наш байк оказался… У этих, из Новой Хатанги, зимой снега не допросишься… С чего бы им расщедриваться?

Багиров вел родословную не из злого города, но делиться с Пепсом своими соображениями тоже не стал. А соображения эти у сержанта имелись. Насчет «приказчика» Игната, как в воду канувшего. У «блэкдевилсов» он не обнаружился, – так куда еще мог податься, кроме как в Рай? Туда и подался, верхом на одном из трофейных «лисапедов». Недаром так темнил, говоря о Рае…

Мысли о злом городе заставили Багирова кое-что вспомнить. И он поинтересовался у Пепса:

– Ты знал Длинного?

– Х-хе… Ясный пень… Лучшей «наседкой» у меня был.

Слизняк, хоть и здоровенный. А ты думал, он из законников, из авторитетов? Черта с два, авторитетов там не осталось.

– Куда ж делись?

– Я их расстрелял. Через неделю после Толчка. Когда стало понятно, что мы в глубокой заднице и вытаскивать нас никто не станет.

Вот даже как… То-то Багиров не мог взять в толк, отчего в злом городе сложилось странное двоевластие: ряженые и Игнат сами по себе, банда Длинного сама по себе… Ну да ладно, дело прошлое.

А вот кое с чем из наследства бывшей «наседки» самое время разобраться…

– Говоришь, Длинный с собой таскал? – уточнил Пепс, разворачивая свернутые в трубку листы. – Любопытно…

– Угу… До самой смерти не расставался.

Увы, любопытство Большого Пепса тоже осталось не удовлетворенным. Он сумел лишь определить, что рукопись написана на каком-то из классических языков романской группы. И предположил, что писал ее человек, волею судьбы застрявший после катастрофы на Таймыре. Чем придется писал и на чем придется, пуская в дело любую подвернувшуюся под руку бумагу.

Но содержание густо исписанных листов осталось для Пепса такой же тайной, как для сержанта. В иностранных языках бывший вертухай не преуспел.

Но Пепс не расстроился. Убрал рукопись в карман, пояснил:

– Есть у меня в крыле один крендель, бывший студент-филолог. На привале перетолмачит, я надеюсь. А если и он не справится – то только на растопку или на подтирку твои бумаги сгодятся.

Багиров остановил вездеход на первом же сухом месте, на протяженной каменистой гриве, разделявшей два озерца.

– Случилось что? – встревожился Пепс.

– С машиной все в порядке, – пояснил Багиров. – А вот со мной – не очень… Устал, как собака. Но если шибко спешишь, садись за рычаги сам. Что да как, я покажу.

После короткого раздумья Пепс отказался от почетной должности водителя. Спросил:

– Часа на отдых хватит?

– С лихвой… Ноги размять, спину разогнуть. Прогуляюсь тут неподалеку, а ты пока своего филолога припаши. Чтоб время не терять.

– Прогуляешься… – задумчиво повторил Пепс, словно ища в словах Багирова подвох.

Бросил взгляд наружу, хмыкнул.

– Не один прогуляюсь, – пояснил сержант, видя сомнения собеседника. – С бабой.

– Хе-хе… Обессилел, говоришь? Ну прогуляйся, прогуляйся, разомнись…

…Хайна Найкинен лежала на той же самой койке в медицинском отсеке, куда поднебесники сгрузили найденного в тундре бродягу, прикованная к той же самой скобе теми же самыми наручниками. Вполне подходящая обстановка, чтобы поразмыслить о том, как глупо и опасно проявлять милосердие к незнакомым людям.

Баг отомкнул наручники, скомандовал:

– Пойдешь со мной! Двигай вперед!

Подталкивая пленницу дулом автомата, он вывел ее из вездехода, приказал шагать по гриве в сторону от машины.

Хайна шагала молча – спина ссутулена, голова втянута в плечи. Видно было, что она в любую минуту ожидает пулю в затылок. А может, и чего похуже…

Минут через пятнадцать ходьбы женщина неожиданно остановилась, резко повернулась к Багу:

– Куда ты меня ведешь?

– На кудыкину гору.

– Можешь изнасиловать прямо здесь.

– И не мечтай.

– А то я не видела, как ты на меня там, среди трупов, уставился…

Баг невесело рассмеялся… Он стоял и смеялся под непонимающим взором пленницы. Объяснять ей ничего не стал. Да и как растолковать, что там и тогда был не совсем он, а другой сержант Багиров, и действия того Багирова нынешний сам вспоминал с изумлением, отчасти восхищенным, отчасти брезгливым…

Хайна истолковала его смех абсолютно неправильно.

– Старая и страшная, да?

– Шагай, старушка! Не выклянчивай комплименты…

Пленница сделала несколько шагов, а потом демонстративно уселась на обломок камня.

– Можешь убить меня здесь, дальше я не пойду.

Баг тяжело вздохнул, словно родитель непослушного пятилетнего ребенка, угодивший в ситуацию, когда надо бы взяться за ремень, но очень не хочется. Оглянулся на вездеход – ладно, пожалуй, сойдет, отошли достаточно.

Мох здесь, на дне отступившего озера, не рос, и уж тем более не успел нарасти стланик. Но кое-какая флора на высохшем иле все же имелась – стелющаяся серо-зеленая трава с мягкими

тонкими стеблями.

На эту траву Баг положил вещмешок, куда собрал кое-какие продукты, найденные в вездеходе. Выложил полную флягу – армейскую, с нанофильтром. Добавил к натюрморту скатанный спальник и индивидуальную аптечку.

Хайна следила за его действиями с недоумением, потом сообразила, что к чему.

– Бросить меня решил?

– Не бросить. Отпустить. – Баг сделал паузу, собираясь с мыслями, потом продолжил: – Ты там, – он кивнул в сторону вездехода, – помогла мне. Не то, чтоб сильно, но помогла. И я возвращаю должок. Если бы осталась у наших, то попала бы в Стеклянный Дом. Стала бы подстилкой для любого желающего. Баб там мало, а желающих много, и жила бы ты насыщенно, но недолго. Не заживаются там бабы, понимаешь ли… А если бы взбрыкнула, могла бы и сразу в котел угодить.

Он намеренно сгустил краски, чтобы Хайне Найкинен не пришла случайно в голову дурацкая идея отправиться в Ад.

– Так вот, сейчас ты возьмешь этот мешок, и попробуешь использовать свой шанс. Можешь попытаться найти ваш тягач. Можешь попытаться вернуться к кораблю. Дойдешь, не дойдешь… Тут уж как карта ляжет. Повезет, так дошагаешь, а нашим лучше не попадайся.

– Зачем ты все это делаешь?

– В душе я белый и пушистый! – фыркнул Баг. – Но главное не в этом. Если доберешься до своих, то сообщи, что операцию по уничтожения вашей группы затеяли сибирские сепы.

На мгновение на лице женщины появилось выражение удивления, но потом она сообразила.

– Хочешь оклеветать наших…

– Думай, что угодно, – перебил ее Баг. – Но начальству доложи. Пусть проверят информацию. Пусть расследуют. А что уж там накопают, не наше дело. И вот еще что… Ствол я тебе оставлю. И патронов немного. Ты их попусту не расходуй, ладно? Например, на дурную затею подстрелить меня…

С этими словами Багиров снял с плеча автомат – трофейный, китайский. Вынул магазин, передернул затвор, ловко подхватив в воздухе выброшенный оружием патрон. Затем выщелкал из рожка остальные патроны – и с размаху, горстью, швырнул их вперед. А магазин откинул в другую сторону, не очень сильно, чтобы не повредить о камни. Автомат положил под ноги Хайне.

– Ну вот и все. Прощай. Надеюсь, больше не свидимся.

Она молчала. Не попрощалась, не поблагодарила, ни словом не прокомментировала последние действия Багирова. Сжавшись,

сидела на камне, о чем-то напряженно размышляла. Да и хрен с ней…

Отойдя на два десятка шагов, сержант искоса глянул через плечо. Все в порядке, сидит, к оружию не бросилась.

Он прошагал половину расстояния до вездехода, когда за спиной прозвучал выстрел. Стреляли явно не в него, звук глухой… А значит…

Вернулся он бегом. Хайна Найкинен лежала на спине, разбросав в стороны руки и ноги. Пустые, остекленевшие глаза уставились в серое таймырское небо, губы были чуть приоткрыты, и в правом уголке рта застыла красная капелька крови…

Собирать разбросанные сержантом боеприпасы она не стала, застрелилась первым же найденным патроном – на левой стороне груди женщины виднелось темное пятно порохового нагара с красной кляксой посередине. Автомат лежал чуть в стороне, словно в агонии Хайна отшвырнула его в сторону. Баг взял ее за руку, поискал пульс и не нашел.

– Вот и все, – тихо сказал Баг. – А могла попытаться…

Тело он оставил на том же месте – нет времени на похороны, на хождение к вездеходу и обратно, на поиски в машине шанцевого инструмента… Но вещмешок, автомат и флягу забрал, живым нужнее.

– И стоило ноги бить, чтобы трахнуть и пристрелить эту сучку? – поинтересовался Большой Пепс, когда Багиров снова устроился в водительском кресле. – Разложил бы прямо в отсеке, мы б не подглядывали…

– Люблю секс на природе, – сумрачно откликнулся Баг.

Тарантул по сути своей – существо безобидное и малозаметное. Убивает иногда, куда ж без этого, но не со зла, а пищи ради или для самозащиты. Никого и никогда не укусит из-за денежной выгоды, или ради политической идеи, или просто из садистского желания поглазеть, как корчится в судорогах жертва, получившая порцию яда. По нынешним временам – образец гуманизма.

И человек, известный крайне узкому кругу людей как Тарантул, не считал свое прозвище обидным. Более того, однажды сподобился посмотреть научно-популярный фильм о тарантулах – и подивился: ну надо же, прозвище угодило в десятку…

Тарантулы, как сказано выше, существа малозаметные. Напоказ себя выставлять не любят. Тарантул выкопает глубокую норку в земле или в песке и сидит в ней, никого не трогает. Пока не проголодается. Тогда и только тогда он появляется на

поверхности. Стремительная атака, быстрый укус, – и с добычей в норку. До следующего раза.

Человек, известный как Тарантул, привык действовать именно так. Незаметность и безобидность – до самого конца, до стремительной атаки. В качестве норки в его случае выступал безупречный имидж. Любовно созданная, идеально отшлифованная маска безобидного создания. Легенда, способная выдержать любую проверку. Тщательно, до мелочей отрепетированная манера поведения.

Каждую маску он использовал лишь один раз, для одной операции. Затем без сожаления с ней расставался. Хотя к некоторым привыкал, и еще как… Порой на то, чтобы приблизиться к объекту на необходимое расстояние, уходили долгие месяцы. И Тарантул уже сам под конец не очень понимал, что в нем откуда – где свое, врожденное, а где придуманные черты личности-маски.

Последняя его личина побила все рекорды. Два с половиной года Тарантул прожил в чужом облике. Причем на этот раз маской стала не придуманная с нуля личность. Он изображал реального человека, канувшего в Катаклизме. Внешность – полбеды, современные методы косметической медицины позволяют скопировать кого угодно, и на фото ни человек, ни компьютер не распознает подделку. Но речь, но манера поведения… Он часами просматривал старые записи, копируя все, вплоть до мельчайших жестов и микромимики – а ими, как известно, человек управляет над подсознательном уровне. Он вбивал, вколачивал чужую личность себе в подсознание, словно гвоздь в неподатливую доску.

Тарантул был асом маскировки. Он не сомневался: если по маловероятной случайности доведется встретиться с кем-то, знавшим объект копирования до Дня Станции, – фальшивку никто не распознает.

По сравнению с этими трудами небольшая предварительная операция – коррекция биометрического паспорта, хранившегося в нескольких базах данных, – стала детской игрой. Но и ее Тарантул провел очень тщательно. Подчистка не была грубой, почти все осталось как прежде, включая дактилокарту… А длинная и малопонятная расшифровка генома – да какой же нормальный без или полицейский будет в нее вчитываться, не имея на то крайней нужды? Теперь может вчитываться, всё в порядке.

Пришло время воспользоваться плодами долгих трудов. Тарантул поднялся по своей норке к самой поверхности и готов к стремительному броску, к смертельному укусу.

…На экране повторялась в записи лекция, повторялась без звука – и молчаливая, но бурная жестикуляция профессора смотрелась комично. Но Тарантула сейчас не интересовали криптозоологические теории и охота на якобы выживших доисторических монстров. Он всматривался в лица слушателей. Особенно в лицо человека, которому очень скоро предстояло узнать, как стремительно умеют атаковать тарантулы.

Бывший филолог и нынешний хэнгэраунд по прозвищу Баунти числился у «блэкдевилсов» неплохим бойцом. Даже одним из лучших, другие в крыло Большого Пепса не попадали. Но переводчик из него был, по мнению Багирова, на редкость хреновый. Может, Баунти на своем филологическом факультете уделял слишком много времени девушкам, пиву и ночным гонкам на электробайках в ущерб учебе, может, перезабыл все, что знал.

Но перевод звучал примерно так:

– …Покинув место… э-э-э, место, где сидел… наверное, место высадки или посадки, да… он, согласно чему-то, здесь неразборчиво, двинулся на восток, затем… черт, нужен словарь… а-а-а, понял… и разбил лагерь, вот.

Вездеход продолжал свой неспешный путь к Быранге. Баунти переводил, устроившись за спинками кресел на ящике, принесенном из грузового отсека. Баг медленно зверел от качества перевода. Пепс слушал внимательно и никак своих эмоций не проявлял.

Изучаемый документ представлял из себя нечто вроде пространного отчета, составленного неким Джулио Ленцем. Кому адресовался отчет, осталось неизвестным, первого листа или нескольких листов в документе не хватало, начинался он в буквальном смысле с полуслова. Но изредка мелькавшее в тексте обращение «ваше превосходительство» позволяло предположить, что Ленц был человеком военным или по меньшей мере работавшим на военных. Подпись в конце документа имелась, но ни своего звания, ни должности Ленц не указал, лишь имя и фамилию.

– После этого он оставил… – бубнил Баунти, – он оставил… да, он оставил фару с рабочей частотой… чушь какая-то… а-а-а, он оставил маяк, радиомаяк, фу-у-у… и двинулся к холмам… или к горам… у него не было с собой… не знаю, тут какой-то специальный термин или жаргон…

Сбивчивое, через пень-колоду, повествование о странствиях незадачливого Джулио продолжалось. Отчитывался он обо всем подробно, расписывал чуть ли не каждый шаг, и возникавшие по вине Баунти разрывы в переводе не мешали следить за развитием

сюжета.

Одинокий путешественник добрался до ледника и вскарабкался на него, имея в распоряжении альпинистское снаряжение. А затем у Ленца начались проблемы со здоровьем… Какие именно, понять было трудно, с переводом медицинских терминов дела у Баунти обстояли вовсе уж плохо…

Кое-как оклемавшись, Джулио продолжил путь, спустился с ледника в долину. А там…

– Что?! – перебил Пепс. – Небоскреб?!

– Ну да… grattacielo… именно небоскреб. Посреди озера.

– Охренеть… – покачал головой Багиров. – Поскользнулся парень на леднике и башкой приложился.

– Мираж какой-то, как в пустыне, – предположил Большой Пепс.

Баунти тоже внес свою лепту догадок:

– Он какие-то препараты принимал, когда ему поплохело. Переборщил, видать, с дозой.

– Читай дальше, – приказал Пепс. – Сейчас поймем, мираж или глюки…

Ничего они не поняли… Небоскреб, по Ленцу, якобы оказался самой взаправдашней реальностью. И озеро с тихой и теплой водой – тоже (это на Таймыре-то, в конце сентября!), и раскиданные по долине бунгало с цветущими вокруг садами. Или Джулио раздружился с головой всерьез и надолго, или сознательно лгал, считая «превосходительство» наивным простаком, способным скушать любую сказку о творящихся на Таймыре делах…

– Он, когда спускался, через туман не проходил? – поинтересовался Багиров.

– Да нет… вроде бы ничего про туман не написано… – ответил Баунти не без сомнения в голосе; вернулся на предыдущую страницу, вновь пробежал ее взглядом, заявил уверенно:

– Не было никакого тумана.

– Ты к чему это, про туман? – подозрительно спросил Пепс.

– Да так… разные штуки в тумане случаются… – обтекаемо ответил Багиров.

– Ну-ну… Давай-ка, Баунти, пропусти десяток листов. А то мы скоро доедем, а тему так и не просечем.

Баунти послушно пролистал рукопись, не читая. Начал переводить отрывок, касавшийся отношений Ленца с некоей Кларой, судя по всему, соотечественницей Джулио, – и тем не менее обитавшей в долине, затерянной в горах Быррангы. В Парадизе, как теперь именовал Ленц это место.

Парочка жила душа в душу в одном из бунгало, окруженном райским садом, – и происходил у них самый настоящий медовый месяц, бурный и страстный. Случались и ссоры, но неизменно заканчивались примирением и безудержным сексом. Багиров заметил, что интонация рассказчика изменилась – из повествования исчезли лаконичные фразы и казенные обороты, характерные для любого военного человека, и новый стиль Джулио сержант для себя определил как «размазывание соплей по паркету». Баунти, надо заметить, переводил теперь гораздо увереннее и быстрее. Наверное, почитывал в свое время любовные романы на итальянском.

Окружавшую его якобы действительность Ленц воспринимал абсолютно не критично. Отмечал некоторые странности – не мог понять, откуда в бунгало берется свежая еда, куда исчезает грязная посуда и вообще, кто содержит гнездышко любви в идеальном порядке. Но задуматься над этими странностями не мог или не желал.

– Достаточно, – сказал Пепс. – Суду все ясно… Погляди в конце, как он оттуда выбрался.

Но ничего конкретного на последних страницах не обнаружилось. Джулио Ленц коротко сообщал, что покидает Парадиз, дабы следовать некоей «великой миссии», и новая его жизнь ну никак не совместима с прежней службой. О чем «превосходительство» извещается. С уважением, дата, подпись… Закончил свой гибрид служебного рапорта и любовной истории Джулио Ленц чуть менее двух лет назад.

– Молодец, хорошо поработал, – сказал Пепс, забирая у Баунти исписанные листы. – Можешь отдыхать. От всех нарядов сегодня свободен.

Он дождался, когда за подчиненным плотно закроется дверь, и спросил у Багирова:

– Ты все понял?

– Кое-что… Это один из психов, распускавших слухи про Рай. Длинный его изловил, бумажки отобрал, а самого, наверное, в духовку наладил… Или на сковородку.

– Плевать, куда его потом наладили. Парень был шпионом. Самым настоящим кадровым разведчиком. Может, из Анклавов, не знаю… И влетел он натурально на базу сибиряков. Взяли его еще на перевале, выпотрошили всю информацию, потом промыли мозги… Конкретно так промыли, на всю катушку. Психотропы, суггестия, все дела… И ступай, зазывай народ в райское местечко, Катаклизмом никак не затронутое.

– Значит, нет там никаких бунгало… Жаль. Я б отдохнул недельку с какой-нибудь отзывчивой девчонкой.

– Забудь. Ты сам мне говорил, что там есть: база, способная принимать конвертопланы… Непонятно лишь, как сибиряки сюда добрались, чтобы базу эту построить.

– Приехали.

– Приехали? Как? Откуда и на чем?

– Да не они – мы приехали. Дальше дороги нет.

Разведка закончилась. Началась охота. Началась она буднично – не трубили в рога доезжачие, выжлятники не удерживали рвущихся со сворок собак, егеря не горячили коней молодецким гиканьем… По озеру Таймыр-17 бесшумно двигались два RIB-катера, или две RIB-лодки, уж и не знаю, как правильно назывались эти суденышки с жестким корпусом и окружавшим его U-образным надувным баллоном, термин RIB-boot можно перевести и так, и этак. Но как бы наши шаланды ни именовались, функции они сейчас выполняли, более присущие минным заградителям, – с них время от времени отправлялись за борт цилиндрические предметы. Размером и формой предметы больше всего напоминали шестилитровые пивные бочоночки старых добрых времен, но были окрашены в ярко-красный цвет. Время от времени катера возвращались к лагерю за новой порцией «бочонков».

Какой электроникой напичканы эти жестянки, я не знал. По обмолвкам профессора понял, что это не просто разведчики, стационарные аналоги канувшей лжещуки. Но еще по совместительству и электронные загонщики. Погонят засеченную зверюгу – не то ультразвуком, не то каким-то еще излучением, крайне дискомфортным для обитающих в воде тварей… Причем включаться будут не абы как, но по строгому графику – прижимая дичь к берегу, подставляя ее под меткий выстрел Эфенди. Здесь, на прибрежном мелководье, все и завершится, – под прицелами камер, снимающих с разных ракурсов.

Птикошон в расстановке приборов не участвовал. Оставался на берегу и был занят яростным спором с Хасаном. Вернее, говорил на повышенных тонах и бурно жестикулировал лишь один из участников спора, догадайтесь какой… Второй оставался невозмутимым. Я прислушался – речь шла о том, чтобы установить наверху, на скалах, антенну, через которую будет осуществляться мониторинг, телеметрия и управление всей разбросанной по озеру машинерией.

На этом многословно настаивал профессор, приводя самые разные доводы, Хасан коротко возражал, – слишком опасно, и предлагал взамен воспользоваться причальной мачтой. Профессора мачта не устраивала, аппаратура, по его словам, должна оставаться абсолютно неподвижной, дабы определять с

точностью до метра положение выслеживаемого объекта. А мачта имеет собственную амплитуду колебаний всегда, даже когда нет подземных толчков.

Сошлись на том, что антенна и усилитель будут установлены на краю террасы, – там профессор и его ассистент смогут обслуживать свою технику под охраной бойцов Хасана. Птикошон согласился на компромиссный вариант неохотно и казался крайне недовольным, – отпустил несколько франко-канадских жаргонизмов, не поддающихся усилиям программы-переводчика.

Морис, рыжий и веснушчатый ассистент профессора, стоял рядом, жевал жвачку и, по-видимому, не интересовался спором. Равнодушно двигал челюстями и всячески демонстрировал, что ему все равно. Прикажут монтировать аппаратуру на скалах – полезет на скалы, прикажут на террасе – переживет и это.

Верный оруженосец Птикошона вообще был полной противоположностью шефу. Проф, даже оставшись в одиночестве, не мог замолчать, продолжал бормотать себе под нос. Морис предпочитал жевать, а не говорить. Его запасы жевательной резинки казались безграничными, похоже, она составляла большую часть личного багажа Мориса.

Я, надо заметить, не бездельничал на берегу, убивая излишки времени. Тоже охотился. Но совсем на другую дичь, предпочитающую не соваться в холодные и мокрые озерные глубины.

Ближе к вечеру ветер разогнал пелену низких серых облаков, выглянуло солнце – а оно здесь греет слабо, но глаза слепит не хуже, чем в прочих местах. И солнцезащитные очки на моем лице никого не могли удивить. Очки были не простые, позволявшие разглядеть невидимые следы вещества, распыленного мной в расщелине…

Если сторожевые датчики засекли мой визит, хозяин тайника (Железная Маска?) должен к нему наведаться после лекции и проверить сохранность имущества. И я внимательно присматривался ко всем появляющимся на берегу – не обнаружатся ли у кого-нибудь светящиеся пятна на одежде или обуви?

Морис был чист. И профессор, и Хасан, и четверо его бойцов, работавших на катерах. И Лайза, и ее оператор, снимавшие с двух точек начало охоты.

Однако профессор после лекции переоделся. И переобулся. Зачем? Выглядело это замотивированным – началась охота, и главный ее теоретик снял пиджак с галстуком и облачился в охотничий костюм. Но такая уж у меня работа – подозревать всех.

Камуфляжный комплект и высокие ботинки смотрелись на

нескладной фигуре профессора, как седло на корове. Так ведь мало того – он нацепил на ремень открытую кобуру, и торчала из нее рукоять внушительного «дыродела»! Ковбой, гроза Дикого Запада… Можно ставить сто к одному, что, если вдруг у профессора возникнет необходимость быстро начать стрельбу, он будет долго-долго возиться с застежкой и ремешком, а если все-таки сумеет вытащить пушку и останется к тому времени жив – начнет давить на спуск, позабыв снять с предохранителя.

Мои предположения подтвердились очень быстро. Красный Хасан тоже заинтересовался преображением профессора. И его оружием. Попросил взглянуть – и криптозоолог-милитарист возился с кобурой именно так, как я и думал. Долго и неуклюже. Хасан опасливо шагнул в сторону, не желая подставляться под случайный выстрел. Я подумал, что ствола сейчас Птикошон лишится… Ни к чему нам такой источник опасности для всех окружающих.

Но нет, не угадал. Получив «дыродел» в руки, Хасан разулыбался. Улыбку на его лице можно увидеть не часто, и я, заинтересовавшись, подошел поближе.

Бен-Захр тут же сунул ствол мне в руки – небрежным движением, вовсе не похожим на обычное обращение Хасана с оружием. И все немедленно разъяснилось. «Дыродел» лишь выглядел грозно, а на деле оказался муляжом, легковесной пластиковой игрушкой.

Птикошон объяснил без тени смущения: ему, дескать, приходилось бывать с экспедициями в местах самых разных, в том числе в таких, где невооруженных полноценными людьми не считают, а держат за легкую добычу… А он, профессор, никогда в живого человека выстрелить не сможет, да и вообще опасается огнестрельных предметов, опасных и непредсказуемых. Вот он и выдумал этот трюк – неплохо, кстати, срабатывающий.

Муляж вернулся к своему владельцу, а владелец опустился в моем рейтинге подозреваемых на десяток пунктов.

…Торчание на озерном берегу улова не принесло, пятна не обнаруживались. Возможно, датчики не сработали. Возможно, их хозяин обладал не только виртуальным железным намордником, но и железными нервами…

Или просто за минувшие три часа ему не представился удобный случай отойти к тайнику незамеченным. Я подсознательно считал, что противником окажется кто-то из более-менее заметных участников экспедиции. Потому что если Маска, например, – один из охранников, из бойцов Хасана, – дело плохо.

Разрабатывать я их не стал, даже по именам знал не всех, –

уверенный, что Бен-Захр трижды проверил каждого и ловить здесь нечего. Но и на старуху, в смысле на Хасана, случается проруха…

А личина охранника, если вдуматься, – идеальное прикрытие. Примелькавшиеся люди, ставшие, по сути, деталью пейзажа. Если кто-то увидит, что по лагерю идет человек в униформе и с автоматом, даже не возникнет вопрос: куда он идет и зачем? Идет – значит, надо. Выполняет поручение Хасана или Эфенди. И через пару минут увидевший забудет, кого видел. В самом прямом смысле забудет. Хоть на детекторе лжи допрашивай, будет твердить, свято уверенный в своей правоте: никто здесь не проходил.

Восемь охранников плюс пилот вертолета плюс его сменщик плюс три техника – один работает с вертушкой, еще двое с системами связи и с мини-реактором… В сумме получается половина населения нашего лагеря. Конечно, все они люди подневольные и имеют меньшую свободу передвижения, чем, например, Лануа или профессор. Но все же нет полной гарантии, что кто-то из них не окажется «кротом». Или «змеей», если воспользоваться терминологией Хасана.

Как вычислить «змею» среди охраны и обслуги, я не имел понятия…

Обнадеживало лишь одно обстоятельство: маскировка маскировкой, но рано или поздно «змея» должна начать активные действия. И момент этот приближается. Откладывать не стоит – судя по всему, в озере и в самом деле обитает *нечто*, и охота Эфенди может не затянуться надолго.

Но как будут выглядеть эти активные действия – загадка природы. Какая задача у нашего «икса»?

Диверсия в том случае, если Эфенди и Хасан как-то проявят свой интерес к «Сатане»? Или «икс» должен сам добраться до этой игрушки?

Во втором случае без помощи со стороны ему не обойтись. И внешняя помощь катила сюда медленно, но неудержимо, – колонна вездеходов с атомохода «Гуанджоу». Катила, катила, – и не докатила. Понесла огромные потери в бою с «блэкдевилсами». Понаблюдать за эпической битвой возможности не было, но Хасан получил данные спутниковой разведки – наши «друзья»-байкеры удивили, сумели прыгнуть выше головы, сожгли либо повредили три машины поднебесников.

И теперь «икс» попал в очень затруднительное положение. Если только…

Если только в миру он не носит имя Хасан Бен-Захр. Либо Мухаммат-Абу-Гастон-Не-Помню-Как-Там-Дальше аль-Луаньян.

3. Маска, маска, я вас знаю!

– Все, – сказал Багиров, – привал. Все равно до темноты к леднику не подберемся…

Пепс взглянул на белую стену, казалось, не приблизившуюся за последний час ни на шаг. Вздохнул, но спорить не стал.

А Шурупу было все равно. Рухнул на бок, не снимая рюкзака, дышал тяжело, одышливо. Никаких навыков пешего хождения у бывшего вертолетчика не оказалось, привык раскатывать на пассажирском сиденье тундробайка…

Большой Пепс держался лучше, однако и его, по мнению Бага, отчислили бы из кандидатов в роту «Гамма-7» после первого же марш-броска. Но и сам бывший комвзвода упомянутой роты для марш-бросков сейчас не годился. Два часа по пересеченной местности с полной выкладкой – и готово дело, бобик сдох. Хотя денек у Багирова выдался куда более насыщенный, чем у его спутников, все равно десантник из спецуры обязан выдохнуться позже, чем две штафирки. Укатали, укатали сивку таймырские горки…

К леднику они двигались втроем, оставив остальных «блэкдевилсов» охранять вездеход. Багиров подозревал, что Большой Пепс не планирует возвращаться. Ни к вездеходу, ни вообще… Пепс все поставил на Рай и не допускал мысль о проигрыше. Но почему он так уверен, что райские жители будут с ним разговаривать? Какие бы договоренности у них ни имелись с Гором, на остальных «блэкдевилсов» они не распространяются… Какой-то козырь припрятан у бывшего начальника безопасности, какая-то убойная карта… Знать бы какая…

Темнело, но костер они не разводили. Не из чего. Даже мох на каменистых склонах рос лишь местами, стланика вообще не было. Но нагревшиеся за день скалы отдавали сейчас тепло, как-нибудь перебедуют до утра в спальных мешках… Некоторое время все трое лежали молча, а потом Шуруп спросил:

– А что будет, если там и в самом деле Рай? Останемся?

– Рая для живых не бывает, – отрезал сержант. – А тебе и мертвому не светит, я думаю… Тихо! Слышите!

– Чего? – вскинулся Шуруп. – Чего слышать-то?

– Смолкни! Во, опять… Слышите?

Где-то далеко-далеко, на пределе слышимости, раздавался хорошо знакомый сержанту вой… Вой трехглазого.

– Слышу, как Шуруп сухой паек переваривает, – сонным и недовольным голосом откликнулся Пепс.

– А вой не слышишь?

– Кому тут выть?.. Разве что ветру в скалах.

– Или в ушах гудит, – ввернул Шуруп.

Багиров прислушался еще и ничего не услышал.

– Наверное, в самом деле ветер, – произнес он с сомнением.

– Не ветер! – прозвучал чужой голос.

В один миг сержант ужом выскользнул из спального мешка, схватился за оружие. Разглядел на фоне скал темную фигуру, бесшумно передвинул предохранитель… Скомандовал:

– Стой, где стоишь!

– Не узнал? Короткая память у тебя, человек снизу.

– Иван?

– Можно и так, – ответил абориген. – Вы устали. Лежите. Я огонь разведу.

Отложив автомат, Багиров медленно опустился на спальник.

– Давненько не видались, Тульбигей, – вступил в разговор Пепс, выбираясь из мешка.

– Давно…

– Ты все кочуешь, скитаешься, сегодня здесь, завтра там?

– Скитаются те, у кого дома нет. А мой дом – тундра… Чай будем пить?

– Не из чего тут костер запалить… – сказал Багиров. – Так что, если голоден – угощайся, есть, что пожевать. Но с чаем облом…

– Запалим, – успокоил Иван.

Сделал несколько шагов в темноту, тут же вернулся, принес тючок с пожитками, хорошо знакомый сержанту карабин и связку сушняка. Совсем небольшую вязанку, – по разумению Бага, ее никак не хватило бы на приличный костер: вспыхнет и сгорит, котелок или чайник даже не нагреется.

Но Иван, он же Тульбигей, развел костерок с умом: крошечный, под самым дном памятного Багирову котелка, – так, чтобы ни единая калория тепла даром не пропадала. И все равно, окажись каким-то чудом рядом букмекерская контора, сержант поставил бы любую сумму на то, что котелок не закипит.

И проиграл бы. Иван даже все свои веточки спалить не успел – котелок забулькал, крышка задребезжала, выпуская излишки пара.

Чай пили долго и молча, пуская по кругу алюминиевую помятую кружку. Выпили всё, хотя под конец Багиров с усилием глотал терпкий напиток. Но не выливать же, коли дрова тут в большом дефиците.

– В Рай собрались ходить? – спросил Иван по окончании чаепития; равнодушно спросил, словно между прочим, словно исполняя обязательную для путешественников формальность.

– Вроде того, – кивнул сержант. – Бывал там?

– Я много где бывал, – обтекаемо ответил абориген. – Разные места. Люди по-разному их зовут.

– А в Раю? – настаивал Багиров. – Там, за ледником?

– Не ходите туда.

– Это еще почему? Плохое место? – припомнил сержант старую песню Ивана.

– Нет, – пожал плечами Иван. – Не плохое, просто другое… Не для вас.

– Почему?

– Не для вас, – настойчиво повторил Иван.

– Почему? – уперся Баг.

Иван глубоко-глубоко вздохнул. Словно родитель, не знающий, что ответить на простейший детский вопрос: отчего все-таки трава зеленая? Родитель, не желающий ни врать, ни растолковывать про хлорофилл с фотосинтезом…

Одновременно со вздохом Иван потянулся к своему тючку, достал знакомый глухо побрякивающий мешочек. Сказал, развязывая тесемку:

– Сейчас сам увидишь.

Пепс резко поднялся на ноги. И заявил не менее резко:

– Я в эти игры не игрок. Пойду прогуляюсь. Вы уж тут без меня как-нибудь…

Багиров удивился. Что за муха укусила Большого Пепса? Когда-то нагадал ему узкоглазый неприятность – и она сбылась?

Шуруп тоже энтузиазма не проявил. На прогулку не отправился, но отодвинулся подальше от погасшего костерка и от Ивана. Бывший вертолетчик вообще ни слова не произнес после появления аборигена. Это Шуруп-то, способный живого заболтать до смерти и продолжить над бездыханным телом свой бесконечный монолог о бабах, выпивке, жрачке и поганой здешней житухе…

Светила луна – полная, яркая. Пики Бырранги казались черными дырами в звездном небе. Ледник искрился в лунном свете, словно огромная груда алмазов, далекая и в то же время близкая. В общем, самая подходящая обстановка для гадания, столоверчения и вызывания духов.

Свой знаменитый поднос Иван с собой не прихватил, метнул костяшки на донце перевернутого котелка, давно остывшего. И остановил Багирова, хотевшего подсветить фонарем:

– Не надо. Я все вижу. Сиди, смотри, слушай.

Все происходило, как в первый раз: так же быстро мелькали в лунном свете пальцы, с удивительной точностью выдергивая фигурки, – не потревожив, не стронув с места соседние. И все

происходило иначе: по краям котелка теперь не выстраивались два ряда костяшек, все извлеченные из общей кучи сразу отправлялись в мешок.

Закончив свои манипуляции, Иван долго молчал. А потом заговорил с большими паузами, словно тщательно подбирал слова и боялся сболтнуть лишнее:

– Им нельзя за ледник… Им двоим (Иван показал взглядом на Шурупа и легонько кивнул в ту сторону, куда ушел Пепс)… Не вернутся… Ты можешь ходить… Ты вернешься… Но лучше останься там… Теперь можешь спрашивать.

– У меня опять две дороги, вверх и вниз? – спросил Багиров.

Он ждал, что Иван сейчас вновь заговорит низким, глубоким, как бы не своим голосом. Но нет, отвечал абориген все тем же надтреснутым тенорком.

– Дорога одна… Ты выбрал и теперь не свернуть. Но можно остановиться…

– Нет уж, зимовать тут не буду… А дорога-то правильная?

– Она твоя. Другой нет.

– Вверх? В Рай? В Аду я уже побывал…

Иван молчал. Решительно смахнул с котелка фигурки, ссыпал в мешочек, убрал его на место. И лишь затем ответил, причем совершенно невпопад:

– Не сможешь остановиться – иди. Не сможешь умереть – живи. Не сможешь увидеть – смотри.

Ахинея и бессмыслица, но любая бессмыслица звучит весомо, если произносить ее в соответствующей обстановке. На залитых мрачным лунным светом склонах Бырранги, например.

– Ты куда это собрался? – удивленно спросил сержант, глядя, как ловко Иван приторочил к тючку котелок, а затем закинул поклажу на спину и подхватил с земли карабин.

– Домой пойду.

Не прощаясь, сделал несколько шагов в темноту и исчез. Сколько ни пялился сержант в сплетение густых теней, никакого движения не разглядел. На освещенных луной участках Иван тоже не показался… И ни звука, свидетельствующего, что кто-то движется по камням, ни шороха, ни стука покатившегося со склона камешка. Словно призрак, словно горный дух навестил их бивак, – и растаял, вернулся в свое царство теней.

– Ушел старый леший? – спросил вернувшийся Пепс.

– Ушел, – вздохнул Шуруп. – Лучше б не приходил…

– Он вам обоим раньше гадал… – сообразил Баг. – Гадал ведь? И что, сбылось?

Его спутники дружно промолчали.

– Я думала, там у тебя все железное… Всесокрушающее и неутомимое.

– Ну и как? Разочаровал?

– Нет… Ты живой, ты настоящий. И это здорово!

– Рад, что тебе… Э-э, подожди, подожди…

– Дорогой, я привыкла снимать двухсерийные фильмы…

– Я согласен хоть на сериал из восьми сезонов. Но меня немного отвлекает срочный вызов. Мешает сосредоточиться.

– Та-а-а-к… Это женщина? Твоя женщина? Переключи на меня, я скажу ей, что ты умер. Для нее умер, навсегда. Пусть поищет себе другого.

– Это мужчина.

– Замечательно… Ладно хоть не самка лемминга.

– Он старый, толстый, бородатый и давно не мытый. И вообще, у нас просто деловое знакомство.

– Тогда ответь. Скажи ему, что занимаешься сексом с женой, молодой и красивой, пусть завидует. Скажи вслух, чтобы я слышала!

– Не надо, еще умрет от зависти… А он сегодня совершил без малого подвиг и заслужил лучшую участь. Я просто не отвечу на вызов.

– Тогда отключи эту мерзкую игрушку. Нет, совсем отстыкуй… Сегодня ты мой, и я не желаю делить тебя с немытыми и толстыми мужчинами… Так что у нас сейчас в вечерней программе? Ах да, вторая серия знаменитого блокбастера «Лайза Валевски ищет любовь»… Сначала, как полагается, краткое содержание предыдущей серии…

Толстый и давно не мытый мужчина – проще говоря, президент Гор – громко и затейливо выругался. Он был в ярости. Ему очень хотелось вскинуть «дыродел» и высадить всю обойму. Расстрелять, изрешетить человека в мундире сибирских сепаратистов, сидевшего напротив и застывшего, как восковая фигура.

Гор понимал, что его молчаливый, неподвижный и бесплотный визави не более чем марионетка или напалечная кукла, никак не отвечающая за отсутствие кукловода. Но рука все равно тянулась к кобуре.

Казначей клуба, находившийся здесь же, в штабе, бурных эмоций не проявлял. Последняя его эмоция – безмерное удивление – навеки застыла на мертвом лице. Хранитель клубной казны знал толк в бухгалтерии, но слишком поздно сообразил, что при делении любой суммы наибольший результат получается, если делить на одного.

В Стеклянном Доме стоял шум и гам, гремела музыка и перекрывали ее пьяные вопли. Байкеры праздновали победу. Водка лилась рекой, президент не поскупился. Женщины, даже самые немолодые и страшные, шли нарасхват.

Гор не выпил ни капли. Он понимал, что одержанная победа сродни поражению. Что поселок «блэкдевилсов» после нее обречен. Что обратный отсчет начался…

Они сегодня не просто прищемили хвост Триаде. У поднебесников очень трудно понять, где кончается Триада и начинается государство, но дело даже не в том. Сегодня адские жители оказали сибирякам услугу особого рода… После таких услуг услужившие не заживаются. Их устраняют при первой возможности, во избежание утечек информации.

Пепс, знавший толк в разводках и провокациях, тоже наверняка понимал, во что вляпались «блэкдевилсы». Поэтому на собрании и сопротивлялся, как мог, принятию решения о нападении. Поэтому и дезертировал. Гор не расстроился и не разгневался, хотя на людях изобразил именно такие реакции. Пускай… У бывшего вертухая нюх еще тот, и чем дальше он сейчас от Ада, тем лучше. Именно сейчас, когда творится нечто странное и непонятное…

Гор не вчера родился и прекрасно понимал – сибиряки могут пообещать ему что угодно, но спишут в расход президента «блэкдевилсов» с той же легкостью, с какой он сам списал свою команду. Гор сделал свое дело – какой смысл возиться с отработанным материалом?

Он все понимал и подстраховался. Запись всех бесед с эмиссаром сепаратистов спрятана в надежном месте, вдалеке от поселка. Копию Гор держит при себе. И если союзники подведут, убойное доказательство уйдет к поднебесникам. Даже если Гор будет к тому времени мертв, все равно уйдет. Тайник с записью помечен аварийным радиобуйком, найденным на захваченном вездеходе. Если буек не отключить, через две недели он активизируется.

Гор считал, что этих гарантий вполне достаточно… Но произошло непредвиденное. Сибиряки не выходили на связь. Вообще. Словно им было абсолютно наплевать на все, и на свои дальнейшие отношения с поднебесниками в первую очередь.

Президент не понимал ничего. И был в ярости.

А вокруг, диссонируя с его настроением, царило самое безбашенное ликование. Ликовали мемберы, радуясь захваченной богатой добыче. Ликовали безлошадные доселе саппорты – потери большие, два десятка человек убитыми и тяжелоранеными, куча байков освободилась… Ликовал в доску

пьяный кэп Стингер, не без оснований рассчитывавший занять место Большого Пепса.

Стеклянный Дом – огромный светящийся купол посреди безмолвной ночной тундры – казался исполинской поганкой, грибом-люминофором невероятных размеров.

Первый пристрелочный снаряд упал с небольшим недолетом, метрах в десяти. Сверкнуло, грохнуло, одна растяжка лопнула, рассеченная осколком.

В поганке продолжалось веселье. Продолжала греметь музыка, пьяные вопли и женский визг не смолкли. Грохот взрыва почти никто не услышал. Трудно услышать, когда над ухом куда громче грохочут динамики. А толчок – так кого тут удивишь толчками…

Серия из пяти выстрелов накрыла Дом прямыми попаданиями. 105-миллиметровые снаряды прошивали флуорокарбон, как бумагу, взрывались внутри. Взрывная волна сметала хрупкие перегородки, осколки убивали людей. Каркас был поврежден, здание вздрогнуло, покосилось, но устояло. Свет горел, музыка продолжала греметь, но крики людей звучали теперь совсем в другой тональности.

В обстреле наступила пауза. Короткая, на четырнадцать секунд, не больше и не меньше. Именно столько времени отводят нормативы на то, чтобы вставить новую кассету со снарядами в индукционное орудие.

Новая серия, шесть снарядов. И все легли точно в цель. Свет мигнул, снова вспыхнул, затем погас окончательно. Музыка смолкла. Вопли стали слышней.

Сопротивление никто не оказывал. У Гора имелись причины не выставлять в эту ночь дозоры по периметру лагеря. На большом празднике гуляли все.

Но даже будь дозорные на своих постах, трезвые как стеклышко, – ничего бы не сделали. Даже не сообразили бы, откуда летят снаряды. Индукционка стреляет практически бесшумно, и казалось, что летящие в Стеклянный Дом посланцы смерти материализуются из ничего, из пустоты, из ночной темноты…

Левая часть здания сложилась, будто карточный домик, завалилась внутрь – медленно, неторопливо. Хрустко ломался флуорокарбон, скрежетал сминаемый каркас, оборванные кабели трещали и искрили. Правая сторона еще держалась, скособоченная, готовая рухнуть, – перенапряженные стальные тросы растяжек издавали низкий гудящий звук, словно огромные басовые струны. Где-то в глубине Дома разгорался пожар.

Лишь после третьей серии снарядов байкеры начали

выскакивать наружу. Разбегались в панике, не понимая, что можно и нужно сделать. Кто-то просто бежал, куда глаза глядят, другие, сохранившие чуть больше самообладания или чуть более трезвые, устремились к тундробайкам, – главное унести ноги из-под обстрела, а уж потом можно задуматься, кто стрелял и зачем…

В этот момент на вершине ближнего холма показались нападавшие. Громадная машина, атомный тягач, «паровоз» разграбленного поезда… Победители и не вспоминали о нем, уверенные, что уцелевшие поднебесники драпают без оглядки, спешат добраться до своего судна.

Они не драпали. Они спокойно уничтожали Ад и его обитателей. Неторопливо, без суеты, но и не теряя ни одной лишней секунды.

Луч огромного прожектора скользнул по тундре, выхватывая из темноты мечущиеся фигуры, ослепляя бегущих. Индукционка больше не стреляла. Башенка, где она была установлена, опустилась, втянулась в корпус машины. И тут же заработали «ревуны».

Президент Гор сразу сообразил, что происходит. Ожидал чего-либо подобного, хоть и не так скоро. И действовал быстро, но продуманно.

Вторая порция смертельных подарков не успела еще устремиться к Дому, а Гор уже оказался в соседнем помещении. Там хранилось главное его сокровище, его «харлей».

Байк стоял полностью заправленный, багажные сумки набиты так, что едва застегнулись. Гор, собираясь на Большую землю, не хотел бросать старого проверенного друга. Если бы пришлось выбирать, он, наверное, оставил бы здесь клубную казну, но не мотоцикл.

Выбирать не пришлось, деньги и побрякушки лежали, упакованные в багаж. Не то чтобы очень много, но все же христорадничать не придется.

Двигатель завелся с четверти оборота. «Харлей» с ревом рванулся с места.

Снаряды снова загрохотали, где-то совсем рядом, Гор понимал: вывести байк из гибнущего здания он не успеет. И все же сердце болезненно сжалось, когда мотоцикл вломился в полупрозрачную стену… Президенту казалось, что острые осколки флуорокарбона полоснули не по хромировке, а по его коже.

Свет погас. В коридоре фара высветила женщину с перекошенным от ужаса лицом. Гор не сбавил ход, наоборот, прибавил газу, готовый сбить дуру, размазать по полу. Дура

отскочила, прижалась к перегородке, байк пронесся мимо, врезался во внешнюю стену. Она была вчетверо толще внутренних, но три центнера металла и полтора центнера плоти набрали неплохую инерцию…

Байк с легкостью протаранил лишние слои пленки и выскочил наружу. Как раз под луч включившегося прожектора и под очереди «ревунов» – тягач надвигался на Дом именно с этой стороны.

Гор, ослепленный мощным световым потоком, не сумел разглядеть нападавших. Но отреагировал мгновенно. «Харлей» вошел в резкий вираж, развернулся, вспахивая мох и наклонившись чуть ли не параллельно земле. Вылетел из круга света, помчался в сторону.

Через пару секунд Гора и его врагов уже разделяло то, что осталось от Стеклянного Дома. Он прибавил газу.

Странное дело – вокруг рушилось и гибло все, чему он посвятил последние годы, – а Гор был счастлив. От бешеной езды через ночь, от рева двигателя, от позабытого ощущения скорости и свободы.

Казалось, все вернулось на сорок лет назад. Нет лишних килограммов, нет одышки и болезненного хруста в коленях. Он снова молод, впереди пустое и ровное ночное шоссе, ветер треплет неприкрытые шлемом волосы, а сзади плотно прижалась очередная мочалка – так, что твердые ее груди прекрасно ощущаются сквозь кожу косухи. Гор почувствовал, как пальцы девушки коснулись его затылка, – да, киска, да! – а шоссе тянулось в бесконечность, шоссе манило, шоссе звало…

Пуля «ревуна» ударила в назатыльник шлема и полетела дальше, превратив голову президента в мешанину из мозгового вещества, нашпигованного осколками кости и пластмассы. Умер Гор мгновенно.

Вот так всегда бывает в жизни – стоит расслабиться в объятиях любимой жены, молодой и красивой, и тут же из динамиков звучит сигнал общего сбора.

– Ну, что там у них? – капризно поинтересовалась молодая и красивая. – Из озера вынырнула какая-нибудь жабоящерица и надо срочно заснять, как господин аль-Луаньян ее героически застрелит?

– По-моему, все прозаичнее, – ответил я, одеваясь. – Прибывает «Стрела», предстоит швартовка и разгрузка.

– Никуда не пойду, – постановила Лайза. – И швартовка, и разгрузка у меня уже засняты, со всех ракурсов… И ты оставайся. Пускай поработают те дармоеды, что отлеживали бока в

Салехарде, пока мы тут в поте лица трудились грузчиками.

Предложение заманчивое… Тем более заманчивое, что изрекла его женушка, откинув покрывало. Не всякий грузчик может похвалиться такими внешними данными…

Но я устоял. По моим расчетам, суматоха, неизбежная после прибытия дирижабля, – самое подходящее время, чтобы Маска наведался к своему тайнику. Ретранслятор до сих пор не включен, и других каналов связи у моего замаскированного приятеля нет. Если повезет, познакомимся поближе. Невидимый маркер – штука хорошая, но абсолютно бесполезная, если хозяин тайника сменит одежду и обувь. Лучше подстраховаться и понаблюдать за входом в расщелину.

На ловца, как известно, и зверь бежит. Нет, я не про Эфенди и чучундру… Про свою маленькую охоту. Едва вышел из палатки – на задах лагеря, как раз у расщелины, мне почудилось какое-то шевеление в темноте. Я торопливо нацепил очки. Ну так и есть – в темноте светилась полоса неправильной формы. Полоса колебалась в такт шагам, человек уходил.

Я поспешил было следом – и через секунду остановился. Быстро шагает, не догнать! Будьте вы прокляты, биомеханические чудеса медицинской техники! До чего же мне сейчас не хватало своих прежних ног…

Понял ли Маска, что он помечен? Если позаботился захватить на Таймыр очки, подобные моим, – без сомнения понял. Оставалось лишь надеяться, что предусмотреть все на свете невозможно и очков у него нет.

Наверху, на причальной мачте, вспыхнули прожектора, подсветили лагерь мягким рассеянным светом. Мне это ничем не помогло. Та часть территории, что примыкала к скальным отрогам и куда удалился Маска, осталась в густой тени. Там даже стало еще темнее, по контрасту…

Обитатели лагеря покидали свои палатки, собирались у вырубленной в скале лестницы, ведущей наверх, на террасу. Пошагал туда и я, отказавшись от мысли о погоне или выслеживании. Если человек с моей меткой не появится там, попробую вычислить его методом исключения, перебирая опоздавших и не явившихся.

Хотя Лайзу уже сейчас можно смело вычеркнуть из списка. Чтобы оказаться у расщелины раньше меня, она должна была не только овладеть мифическим искусством телепортации, что крайне маловероятно, – но и научиться мгновенно одеваться и накладывать макияж, а это уже ненаучная фантастика. А г-жа Валевски, появляющаяся где-либо без макияжа, – такая версия даже фантастикой именоваться не заслуживает, полная

небывальщина.

Над лагерем и в самом деле снижалась «Стрела Пророка». Контур дирижабля еще нельзя было разглядеть на темном фоне неба, а все до единого бортовые огни оказались погашены. Но сверху доносился негромкий рокот двигателей, и примешивался к нему характерный свистящий звук – компрессоры засасывали атмосферный воздух, сжимали его и перекачивали в балластные емкости. Разумеется, иллюминация в лагере включилась не ради удобства моих поисков Маски, – для облегчения ориентировки экипажу дирижабля.

…Оказывается, на свете еще встречаются глупые звери, выбегающие на ловца два раза подряд. Редки и занесены в Красную книгу, но встречаются.

Выяснился этот удивительный факт сразу же, едва я снова вооружился солнцезащитными очками. Насколько уместно выглядит этот аксессуар ночью, заморачиваться не стал. Слепят прожектора, дескать…

Смазанная полоса светилась на куртке Хамиза Лануа, на спине. Размеры и форма ее не оставляли сомнений: именно эту метку я разглядел в темноте пять минут назад. На обуви пресс-секретаря тоже виднелись небольшие светящиеся пятнышки.

Вот и всё. «Змея» вычислена. Трогать ее пока не буду, и Хасану сдавать – тоже, пусть поползает… Для начала надо выйти на связь с генералом Кравцовым, доложить о наших новостях. Если Лануа и в самом деле Железная Маска и агент индийской спецслужбы, нельзя исключить, что генерал прикажет продолжить контакты с ним, припрятав до поры такой козырь, как опознание. Если же Маска блефовал и никакого отношения к Индостану не имеет, то… Не буду загадывать. В любом случае, Кравцову из Питера легче раскопать, где, когда и как индусы могли завербовать Хамиза.

Среди редкой толпы встречающих послышались удивленные возгласы. А с неба послышался характерный громкий звук. Вернее, абсолютно нехарактерный для снижающегося дирижабля, но лично мне прекрасно знакомый.

В вышине работал пороховой ускоритель. Даже два… И два ярких пятна наискосок чертили небо.

Турбодвигатели «Стрелы» взвыли. Я прикусил губу, прекрасно понимая, что сейчас произойдет. Противоракетный маневр в такой ситуации можно исполнить на самолете, и даже на вертолете есть шансы… Но не на дирижабле. К фигурам высшего пилотажа эта громадина решительно не способна.

И все же командир «Стрелы» попытался… Резко бросил воздушного исполина вперед и вниз. Но резко лишь в сравнении с

обычными неторопливыми маневрами дирижабля. Слон, пытающийся уклониться от атаки комара, имеет столько же шансов на успех.

Взрыв. Тут же второй. И мы наконец увидели трехсотметровую сигару «Стрелы».

Ракеты «земля-воздух» крайне редко вступают в физический контакт с объектом своей атаки. Обычно боевая часть ракеты взрывается, когда дистанция сокращается до считаных метров, и цель поражают осколки.

Не стала исключением и трагедия, разворачивающаяся на наших глазах.

Вспышки взрывов, осветившие громадный корпус, выглядели новогодней пиротехникой на фоне этакой махины. Казалось, что серьезных повреждений дирижабль не получил, по крайней мере сохранил способность к полету и посадке.

Но так лишь казалось…

Наверху вспыхнул язык пламени. Еще один, и еще, и еще… Вскоре объятый огнем дирижабль в крутом пике устремился к земле.

Пытался ли командир таким отчаянным маневром сбить пламя, или же потерял к тому моменту управление, я не мог понять, слишком плохо разбираясь в технике воздухоплавания. В любом случае, маневр успеха не принес. Выровнять полет не удалось, пылающая громадина исчезла за отрогами Бырранги, уже фактически падая…

Место падения мы не видели, но прекрасно слышали донесшуюся оттуда серию из нескольких взрывов, а после одного из них, особенно мощного, небо в том районе на мгновение подсветилось алым…

Все было закончено. «Стрелы Пророка» не стало.

4. Прогулки при ясной луне

Затерянный в море островок остался прежним, но все, его окружавшее, сильно изменилось. Небо стало темным, грозовым, чаек как ветром сдуло… Впрочем, что значит «как»? Ветром и сдуло, – сильным, порывистым, трепавшим длинные волосы Железной Маски и срывавшем с волн белые хлопья пены.

И море стало другим – зловещим, даже на вид холодным, и билось в гранитные скалы сильно, злобно, словно боксер, молотящий грушу. В общем, хозяин этого виртуального местечка самым простым способом давал понять, что со времени нашего предыдущего разговора многое поменялось. И не в лучшую сторону.

– У нас очень мало времени, Мангуст, – начал Маска без обиняков и политесов. – Вести долгие беседы нет возможности. Пора действовать, и действовать быстро.

Он не ошибался. Запасной ретранслятор врубили немедленно после гибели «Стрелы», и наверняка эфир сейчас ломился от шифрованных переговоров с Эль-Парижем. Я же воспользовался оказией, чтобы связаться с Кравцовым. Но не успел закончить разговор с генералом, как меня уже дожидался вызов Маски – приоритетом «Сатана» теперь были отмечены лишь сообщения этого единственного абонента…

Наш разговор мог оборваться в любой момент на полуслове, – как только Хасан решит, что пора снова вводить режим радиомолчания.

– Как именно действовать? – уточнил я.

– Мы отправимся за «Сатаной». Немедленно. Вдвоем.

– Придется нырять? Или лезть в горы?

– Тебе придется сесть в лодку. Одному. И плыть вдоль берега озера на запад.

– Как долго?

– Ты поймешь, где надо причалить… Не ошибешься.

– И что дальше?

– Что дальше, узнаешь на месте. Или не узнаешь, если сделаешь глупость и приплывешь не один.

– Вообще-то я еще не согласился…

– Ну так соглашайся побыстрее. Времени действительно очень мало.

– А если не соглашусь?

– Тогда для начала умрет твоя жена. Я понимаю, что брак ваш фиктивный, и вдовство тебя не очень расстроит. Она умрет просто для того, чтобы своей смертью доказать: слов на ветер я не

бросаю.

Проклятый Маска! Наносил удар наугад, но умудрился-таки меня зацепить… Пару недель назад я пережил бы смерть Лайзы без особых душевных терзаний. И никто не смог бы заставить меня что-либо сделать, приставив нож к горлу супруги… Но как-то постепенно и незаметно наша невинная ролевая игра в мужа и жену всерьез сблизила нас… Наверное, я слишком многих терял за последние годы. И очень устал читать знакомые имена на могилках…

– Убивай, – сказал я равнодушно. – Переживу. И докажет ее смерть лишь одно – ты маньяк, с которым опасно иметь дело.

– Переживешь так переживешь, – покладисто согласился Маска. – Если смерть Лайзы тебя не вразумит, тогда умрет другой человек. А я попробую добраться до «Сатаны» в одиночку.

– Другой – в смысле я?

– Нет. Эфенди.

– Вот даже как…

– Именно так. Брачными узами вы не связаны, но ведь он тебе по-своему дорог, не правда ли? Он умрет очень скоро, а ты останешься жить. Жить и думать, какую глупость умудрился сотворить.

– Ты выкручиваешь мне руки…

– У меня нет выбора. Скоро поймешь почему. Итак, ты согласен?

– Согласен… Но если с головы аль-Луаньяна упадет хоть волос, то…

– Не надо патетики… Упадет – и что?

– Если без патетики, то я тебя просто прикончу. Вот этой рукой.

Маска рассмеялся.

– Это будет нелегко… Не хочешь ли потренироваться? – Он шагнул в сторону и отсалютовал мне шпагой, неведомо каким образом у него очутившейся.

Я почувствовал, что мои пальцы сжимают эфес такого же оружия. В виртуальном мире этими фокусами никого не удивишь…

Шпаги зазвенели, столкнувшись. Я никогда не занимался фехтованием, ни спортивным, ни историческим, но мой виртуальный двойник обращался со старинным оружием на удивление ловко. По крайней мере выпады Маски ему удавалось парировать и даже пару раз атаковать.

Если честно, трудно было придумать занятие более глупое и несвоевременное. Но…

Но я впервые, черт знает, за сколько времени, ощущал себя

прежним Мангустом. Способным к быстрым движениям, к драке, пусть и виртуальной. И я оторвался по полной – резко взвинтил темп и заставил-таки Маску отступить. Вскоре мы стояли на самом краю лужайки, над скальным обрывом.

И тут что-то пошло не так… Маска легким пируэтом ушел от моего выпада, отскочил в сторону, а я словно бы прирос к месту. Опустил взгляд и увидел вместо ног две примитивные железные конструкции – на похожих передвигался Железный Дровосек в старой детской сказке. Только эти еще и не ходили, заржавев до невозможности, покрывал их не просто налет ржавчины, а отслаивающиеся рыжие хлопья. Я все-таки попытался шагнуть – от левой конструкции отвалился, упав на траву, не то болт, не то заклепка, – вот и весь результат.

Маска злорадно хохотал, уперев конец шпаги в землю. Хохот становился все громче, терзал уши, и не только их – почва завибрировала, по траве проползла черная трещина, лужайка раскололась, а затем я рухнул вниз, в море, – вместе со всем, на чем стоял…

Однако вместо холодных волн оказался в собственной палатке.

Разумеется, я не бросился к озеру и причалу, чтобы немедленно выполнить все инструкции Маски. Еще чего… Вся игра этого типа, от начала до конца, может оказаться блефом. Не исключено, что цель железноликого господина очень далека от заявленной… Может, ему нужно просто удалить из лагеря меня и один из двух катеров. А дальше открывается простор для вариантов: провести некую акцию и свалить на отсутствующего, не имеющего алиби… Проще говоря, на меня. Или обеспечить условия для такой акции, дождавшись, когда Хасан отправит на поиски вторую лодку с вооруженными людьми – и малочисленная охрана станет еще более малочисленной…

Впрочем, что гадать. Пришла пора брать в оборот Лануа. Пусть познакомится поближе с моей правой клешней, это ему не шпажонкой махать на виртуальном острове. Послушаю, что за песни споет эта пташка. Не исключено, что мы действительно отправимся за «Сатаной». Но без всякого шантажа и на моих условиях. Либо Хасан получит свою «змею» тепленькой и готовой к употреблению.

Но сначала надо обеспечить безопасность Лайзы. Имелась на сей счет одна идея…

…После гибели «Стрелы» население лагеря четко разделилось на две части. Некомбатанты забились в палатки, шокированные случившимся. Люди в форме и при оружии, напротив, проявляли невиданную активность, так и сновали

между террасой и складом, таскали какие-то ящики. Бен-Захр готовил акцию возмездия? Возможно, сбившие «Стрелу» люди как раз ее сейчас и ожидают… Но не мне учить Красного Хасана – волк стреляный и не раз уходивший из капканов.

Единственным штатским, встреченным мною на пути к палатке Лайзы, стал Осби, ее оператор. Увидев меня, он сделал какой-то нелепый жест, пошатнулся, с трудом устоял на ногах. Да что с ним?

Ничего особенного с Осби не происходило. Не ранен, не контужен, – всего лишь пьян. В доску. В дугаря. Хотя надо признать, что для экстерриториального лагеря, живущего по законам Исламского Союза, зрелище не самое заурядное.

Я взял его за грудки – в основном для того, чтобы оператор не рухнул мне под ноги. Сказал негромко, но весьма настойчиво:

– Живо в палатку! И не высовывайся, пока не проспишься!

– Ре-э-э-эймонд… – промычал в ответ Осби.

И попытался ухватиться за мое плечо. Не вышло, промахнулся. Реймондом звали одного из трех оставшихся в Салехарде-23 операторов, первым рейсом прибыли лишь Лайза и Осби. Теперь из них двоих и состоит вся съемочная группа…

– Ре-э-э-эймонд… – вновь завел Осби свою тоскливую песню.

Я принюхался. Разило от парня не просто, как от винной бочки – как от железнодорожной цистерны со спиртом, серьезно пострадавшей при крушении поезда. Но запах был свежий, не перегоревший, – и демон подозрительности немедленно запустил в меня когти.

С чего бы Осби оказался тут, словно поджидая, когда я выйду из палатки? Не с целью ли заполучить алиби? Дескать, никак он не мог только что беседовать со мною на скалистом островке, физически неспособен к беседам…

У меня имелось доказательство, что спрятанная в расщелине аппаратура принадлежит Лануа. Однако то, что Маска и хозяин тайника одно и то же лицо, – предположение вероятное, но отнюдь не доказанное.

А притвориться упившимся дело недолгое. Прополоскать рот спиртным, пропустить пару глотков внутрь, остатки пролить на рубашку… И изобразить крайнюю степень опьянения, диплом театрального вуза для такой репризы не нужен, хватит и минимальных актерских способностей.

– Пойдем! – приказным тоном сказал я, развернув Осби и придав ему легкое ускорение.

Оператор покорно переставлял ноги, продолжая время от времени взывать к покойному Реймонду. Но у входа в свою палатку остановился, сложился пополам, – и мощной струей

изверг содержимое желудка. Лицедейством тут и не пахло. Пахло другим… Осби и в самом деле скушал преизрядное количество спиртного с самой минимальной закуской.

Он согнулся еще сильнее и рухнул лицом в собственную рвоту. После чего перестал подавать признаки активной жизнедеятельности, даже Реймонда звать прекратил.

Я втащил бедолагу в палатку, уложил на бок, чтобы не захлебнулся невзначай рвотными массами. Пощупал пульс – учащенный и неровный, но сердечный приступ вроде бы не грозит… Посветил фонариком вокруг и обнаружил полуторапинтовую бутыль «Баллантайна». Вернее, из-под «Баллантайна», содержимого не осталось даже на донышке. Силен, бродяга, в одно-то рыло… Для западного человека силен, разумеется, наши борцы с зеленым змием после такой дозы еще кучу «подвигов» совершат, пока угомонятся.

На сем моя благотворительная акция завершилась. Я ушел, Осби остался в палатке. А в моем черном списке осталось на одну строчку меньше…

Вход в палатку Лайзы оказался заблокирован изнутри. Я негромко позвал ее – ноль реакции. Позвал погромче – и вновь внутри ни звука, ни движения. Неужто тоже приложилась к горячительному, потеряв большую часть группы? Орать на весь лагерь не хотелось, я обошел вокруг палатки, рассчитывая без лишнего шума растолкать ее обитательницу через эластичную стенку.

И понял, что опоздал. Кто-то уже побывал здесь с визитом… Без приглашения.

Наклонную стенку пересекал вертикальный разрез – длинный, до самого низа. Залезать внутрь не хотелось. И не хотелось видеть, что там внутри. Хотелось немедленно найти Лануа, выстрелить ему в живот и долго-долго смотреть на агонию…

Я достал фонарик, включил и раздвинул им края разреза, держа в далеко отставленной правой руке, посветил внутрь. «Ассасин» был в левой, готовый к выстрелу. Мало шансов, что Маска еще здесь, но в жизни всякое случается.

Искоса заглянул в разрез и через секунду уже был внутри.

Маски в палатке не оказалось. Лайзы тоже, ни живой, ни мертвой. Нигде ни пятнышка крови. Вещи разбросаны, перерыты… Г-жа Валевски имела склонность к творческому беспорядку, но все же не до такой степени.

Ну и как это понимать? Лайза жива, в нашей ситуации никто не станет вытаскивать человека из палатки, чтобы прикончить его где-то в сторонке. Слишком мал «пляж» и, как следствие,

слишком велик неоправданный риск.

В чем тогда смысл? Я все-таки прокололся в разговоре с Маской, не обманул его своим показным равнодушием к судьбе Лайзы? И эта железномордая сволочь позаботилась обеспечить себя страховым полисом?

Но в лагере заложника не спрячешь, а значит…

В палатке Лануа теплился свет, входной клапан был гостеприимно приоткрыт. Я заглянул внутрь – никого. На самом видном месте лежала скомканная куртка – та самая, помеченная. Рядом белел листок с какой-то надписью.

Я вошел, поднял записку. Она оказалась весьма лаконична – всего два слова, начертанные крупными печатными буквами: «boot», а чуть ниже «eile». «Лодка» и «спеши». Делай, что сказано, Мангуст, и не вздумай взбрыкнуть, а не то…

К причалу я шагал, уже зная, что увижу.

Угадал. На легчайшей ряби покачивалась лишь одна моторка. Вторая исчезла.

Багиров остановился в последний момент. В самый последний… Он уже стоял на коленях над спальником мирно похрапывающего Шурупа, занеся нож для удара.

Он стоял и не мог понять: как, каким образом пришла ему мысль зарезать обоих своих спутников и в одиночку отправиться к леднику, причем немедленно… Секунду назад эта мысль казалась не просто здравой, а естественной настолько, что логически ее обосновывать не было смысла… Никто ведь не задумывается над желанием выпить стакан воды или справить малую нужду, не копается в побудительных мотивах и не ищет логических обоснований. Захотел – попил. Захотел – отлил.

Багиров захотел убить Большого Пепса. И, заодно, чтобы два раза не вставать, – Шурупа. Простое человеческое желание… И лишь в самый последний момент какая-то часть Абдуллы Багирова завопила: «ЗАЧЕМ???»

Он услышал вопрос. И не смог на него ответить.

Надо было убрать нож. Надо было тихонько залезть в спальник и всерьез поразмыслить о состоянии собственной психики.

Он не смог. Окаменел, застыл с ножом в руке. Пальцы не хотели разжиматься, не хотели отпускать стиснутую рукоятку ножа.

Медленно, словно преодолевая сопротивление невидимого, но мощного эспандера, Багиров подтянул руку с ножом ко рту. И впился зубами в мякоть ладони, рядом с большим пальцем. Глубоко впился, до крови.

Боль отрезвила. Рука разжалась, нож упал, тихонько звякнув о камни. Шуруп что-то пробормотал во сне.

Сержант облизнул губы и почувствовал вкус собственной крови. Рука должна была болеть неслабо, но уже не болела. Какой-то краешек сознания отмечал: с ладонью не все в порядке, – но боль Багиров прекратил ощущать, едва разжал зубы.

Вой… Это все проклятый вой. Страж Быррангы не сдох, он приветствует старого знакомца. Пока что издалека, еле слышно. Но стоит лечь, стоит закрыть глаза, – вой становится громче и громче, разрывает уши и терзает мозг… Баг будил этой ночью Шурупа и Пепса, когда вой стал вовсе уж нестерпимым, но они опять ничего не услышали, хитрая трехглазая тварь немедленно замолчала…

Ладно… Ладно… Он ляжет, он заберется в спальник, хотя уснуть, конечно же, не удастся, но он ляжет и будет сторожить сам себя – от себя же.

Ложись, Баг, ложись… Он уговаривал себя, как мать уговаривает избалованного ребенка, затем вдруг разозлился и гаркнул: ложись же, сука!

Вроде помогло… Он подобрал нож левой рукой, – и тут же, мгновенно, не давая сам себе ни доли секунды на сомнения, вонзил клинок в горло Шурупа.

Артериальная кровь ударила тугим фонтаном и показалась в лунном свете черной, как нефть.

– Баг!!! Баг!!! – истошно вопил проснувшийся Пепс.

Сержант медленно повернулся к нему. Медленно вытащил нож из фонтанирующей раны.

– Баг! – крикнул Пепс значительно тише. – Просыпайся, Баг!

Он помотал головой, стряхивая липкие клочья кошмара. И опасливо открыл глаза. Брезжил рассвет. Шуруп, живой и здоровый, пытался сложить костерок из остатков принесенных Иваном веток и что-то недовольно бубнил себе под нос.

С каждой секундой кошмар отступал, становился все менее реальным, превращался в смутное воспоминание. Пригрезится же такое… Лучше никому про сегодняшний сон не трепаться. А то еще, не ровен час, начнут связывать на ночь.

Правая ладонь саднила, побаливала. Багиров осмотрел ее, но никаких следов укуса не увидел, даже самых слабых вмятинок от зубов.

Отлежал, наверное…

Наш вертолет, еще пару часов назад выглядевший вполне мирно, превратился теперь в самую настоящую машину убийства. Два выносных пилона украсились скорострельными

шестиствольками, и пеналами с «Кадетами», и постановщиком дымовых помех, и разными электронными прибамбасами, позволяющими обнаруживать врага, а самому оставаться необнаруженным…

Хасан выпрыгнул из вертушки легко, пружинисто, проигнорировав приставленную алюминиевую лесенку. Быстро отдал одно распоряжение, другое – техники буквально метнулись к пилону с ключами и отвертками, два бойца торопливо загрохотали подметками вниз по каменной лестнице.

– Извини, Мангуст, – сказал Хасан, прежде чем я успел к нему обратиться. – С собой взять не могу. Полетят те, кто способен прыгать под пулями.

Меня поразило его лицо, радостно-возбужденное, как… да, пожалуй, именно такое, как бывает у жениха перед свадьбой, другое сравнение в голову не приходило… Я понял, что вижу сейчас настоящего Хасана Бен-Захра. Окунувшегося с головой в то, что он умел делать лучше всего. И любил делать. Прошло время ловли змей, шипящих в траве, – тигр показал этой ночью клыки, и тем хуже для тигра!

Я тихонько сказал Хасану три слова на ухо. Он уже начал было что-то говорить технику и показывать для большей доходчивости рукой… Замолк на полуслове, рука замерла в незаконченном жесте.

Сделал несколько быстрых шагов в сторону, поманил меня.

– Излагай. У тебя две минуты. Постарайся уложиться.

Я изложил. Даже сумел сэкономить пятнадцать секунд из отпущенного времени. Беседы с Маской оставил за кадром, начал с тайника в скалах и закончил похищением Лайзы.

Размышлял Хасан недолго. Ход его мыслей я мог восстановить без труда: вертолет один, число бойцов крайне ограничено, а разоблаченная «змея» не так опасна, как «тигр», способный в любой момент атаковать снова…

– Найди его, – отрывисто сказал Хасан. – Не сможешь взять живым, – убей. Судьба женщины меня не волнует.

– Мне нужны люди.

– Сколько?

– Трое.

– Нет.

– Двое.

– Нет.

– Он ждет меня одного. Хорошо знает, на что я способен. И на что неспособен, знает тоже.

– Мобилизуй кого-нибудь из нестроевых.

Я подумал о профессоре с его пластмассовым пистолетом, о

вечно жующем Морисе… Вспомнил и Осби, жертву алкогольной интоксикации. Выбор, как таковой, отсутствовал, и я озвучил единственный реальный вариант:

– Заг. Или другой из их троицы.

– Опоздал, – показал Хасан куда-то мне за спину.

Я обернулся. У вертушки выстроилась шеренга бойцов в полном боевом снаряжении и явно ждала лишь отмашки командира. Зига и Зага можно было опознать сразу, по габаритам, не вглядываясь в лица. А может, там стоял Зог, если расстался со своим прикованным к запястью сейфом.

Вот даже как… Быстро пересчитав людей по головам, я понял, что в лагере останутся четверо охранников и один из близнецов-генавров. Хасан явно затевал не акцию устрашения – бой до конца, до полного уничтожения противника. Охрану лагеря он ослабить не мог. А ударный отряд ослаблять не хотел.

Придется тебе, Мангуст, выкручиваться в одиночку…

Едва я так подумал, Бен-Захр смягчился:

– Ладно. Выбирай одного, любого.

Он кивнул на шеренгу. Я на секунду задумался. Генавр-охранник, конечно, идеальная боевая машина… Но чересчур уж специализированная. Насколько Зиг или Заг способны принимать самостоятельные решения в непривычных для себя ситуациях, я не знал. А ставить эксперименты не хотел.

– Джафар.

Хасан сделал знак, пулеметчик вышел из строя. Остальные начали подниматься в вертолет. Джафара, похоже, переход под мое начало не расстроил и не обрадовал.

– Будэм воэват, командыр? – деловито спросил он, когда мы спускались с террасы.

– Не то чтобы очень… Скорее просто гуманитарная миссия. Больше одного-двух трупов не обещаю.

– Тогда два лышных граната возму, – не совсем логично заключил Джафар.

Тарантул изготовился к удару, подобрался к самому выходу из норки, – все шло по плану, дичь, ни о чем не догадываясь, шагала прямо в засаду, и ей оставалось сделать всего пару шагов, чтобы получить свою порцию яда…

Но случилось непредвиденное. Не нарушившее тщательно выверенный план, но сделавшее многие его звенья ненужными, излишними… Дирижабль рухнул, охваченный пламенем, выживших наверняка нет, а лагерь остался почти без охраны. Можно нападать прямо сейчас, с полными шансами на успех.

Тарантул не боялся экспромтов. Незачем рабски следовать

планам, если обстоятельства изменились. Но эта операция стояла особняком среди прочих, числившихся на его счету. Мало удачно атаковать, не менее важно унести ноги и унести добычу, успеть юркнуть в безопасную норку. А остров Таймыр такое место, где отступить в убежище экспромтом невозможно. Нет тут подходящих убежищ…

Чтобы воплотить в жизнь новый план отхода, потребуется несколько часов. Что произойдет за эти часы, Тарантул понятия не имел. События развивались лавинообразно – пока что с пользой для Тарантула, однако, кто возьмется предсказать дальнейшее?

Предстояло самое трудное – ждать несколько часов, ничего не предпринимая. При том, что ситуация прямо-таки соблазняла нанести удар немедленно…

Но Тарантул умел ждать.

Ночь была роскошная. Тихая, безветренная, лунная… Озеро совершенно успокоилось, исчезла даже легкая рябь. Казалось, что лодка не скользит по гладкой воде, а летит в бездонных глубинах космоса, – звезды были повсюду, и нависали над головой, и отражались в зеркальной поверхности Таймыра-17. Электродвигатель работал практически бесшумно, ничем не нарушая идиллию.

В такую ночь и среди таких звезд хорошо катать по озеру девушку. И читать ей стихи. Увы, мой пассажир не девушка, а Джафар, хладнокровный убийца из команды Хасана. Не оценит, если меня вдруг пробьет на поэзию…

Хотя со стороны казалось, что в романтическое путешествие на моторке отправился один человек. Джафар лежал на дне, забившись под носовой тент и ничем не выдавал свое присутствие.

Плыл я неторопливо, внимательно вглядываясь в береговую линию. Но ничего интересного высмотреть не удавалось… Никаких оставленных для меня приметных знаков. Никаких сигналов, подаваемых с берега. Тишина, темнота и безлюдье. Время от времени я активизировал то «ночной глаз», то биодатчик, но и приборы не обнаруживали ничего подозрительного.

Плавание заняло около часа. Километров шесть или семь, учитывая небольшую скорость моторки. Береговая линия все круче изгибалась, скоро мы удалимся от Быранги. Берега дальше топкие, болотистые, для высадки малопригодные. Похоже, я купился на провокацию, призванную убрать лишних людей из лагеря… Но как-то всё слишком сложно, а результат не особо

впечатляет – в лагере стало всего лишь на один ствол меньше, ведь Джафар при ином раскладе все равно улетел бы с Хасаном.

…Лодка – сестра-близняшка нашей – была наполовину вытащена на берег. Маска не соврал: проплыть мимо, не заметив ее, я не смог бы.

– Приплыли, – тихонько сказал я Джафару. – Будь наготове.

– Да, командыр, – прозвучал из-под носового тента столь же тихий ответ.

Наше суденышко направилось к берегу, прибавив ходу. Вскоре носовая часть баллона зашуршала по крупному песку, лодка заползла на пологий береговой склон примерно на полметра и замерла. Я отключил двигатель.

Ничего не происходило. Никто нас не встречал – ни дружескими приветствиями, ни пулеметным огнем. Лодка, в паре метров от которой мы причалили, была, по видимости, пуста. Не доверяя видимости, я проверил биодатчиком – нет, никто в ней не прятался на манер Джафара. Вообще в радиусе семидесяти метров живых объектов не обнаружилось.

И что теперь?

Подождал пару минут – встречающие упорно не желали объявляться. Но ведь зачем-то Лануа затеял со мной долгую и сложную игру? Почему-то именно я ему нужен? Так какого же черта?

Выбрался на берег, подошел к покинутой лодке. Там не оказалось ни записки, ни чего-либо, способного сойти за указательный знак. Разве что сама лодка… Вернее, ее положение – стояло суденышко не перпендикулярно береговой линии, Маска вытащил его повыше, так что на воде осталась только корма, затем развернул под углом сорок пять градусов к берегу.

Если поднапрячь фантазию, можно предположить, что нос лодки служит указующей стрелой – шагай, дескать, туда, Мангуст. Я поднапряг и предположил, все равно других светлых мыслей в голову не приходило.

Вернувшись к нашей моторке, я забрал свое имущество. Все оно умещалось в сумке на длинном ремне. Автомат не взял, шлем-сферу и броник тоже оставил в лодке. Пусть видят: Мангуст настроен мирно и подвохов не ждет. А боец в полном боевом пусть станет джокером, до поры до времени припрятанным в моем рукаве.

– Через десять минут выходи на берег, – тихонько сказал я Джафару. – И двигай в сектор двенадцать-три, по биссектрисе. Действовать по обстановке, в мужчину стрелять сразу на поражение, женщину не трогать.

Рассудил я просто: за десять минут ситуация так или иначе

разрешится, – или мы с Маской до чего-либо договоримся, или, будем реалистами, он меня угрохает из засады.

– Да, командыр, – откликнулся Джафар, не балуя разнообразием ответов.

Местность напоминала наш «пляж», но берег не стискивали с двух сторон скалы, доходящие до воды, и вообще крутые склоны здесь начинались на значительно большем удалении от озера. Отшагав сотню метров, ничего интересного я не обнаружил и начал сомневаться: уж не плод ли моего воображения этот якобы указующий знак?

Может быть, что-то удастся здесь отыскать при дневном свете? Рассвет близился, небо на востоке светлело, но еще час или полтора темноты нам гарантированы…

А потом я увидел человека. Человек лежал на спине. Ноги и нижнюю часть туловища прекрасно освещал лунный свет, грудь и голова скрывались в густой тени. На мое приближение лежавший никак не реагировал, хотя шагал я не таясь.

Включив биодатчик, я понял – человек мертв. Подошел, начал наклоняться…

Выстрел я не услышал. Просто мир вокруг вспыхнул и тут же погас, исчез, растаял в кромешной тьме.

5. Даже в Раю плохо быть одному

Утром они подошли к ледяной стене. Добрались туда, двигаясь по компасу и чуть ли не на ощупь пробираясь между скалами – ясная погожая ночь завершилась на редкость туманным утром. Туман был густой, хоть ломтями режь, липкий и холодный.

Багиров, с туманами имевший свои особые отношения, с тревогой поглядывал на компас и приборы. Но все работало исправно. Туман как туман, никакой мистики, а что такой густой, неудивительно, – утро холодное, первое настоящее осеннее утро, а денек вчера выдался теплый – ну и куда деваться в безветренную ночь влаге, испарившейся со всех здешних озер?

У ледника стало еще холоднее. И видимость уменьшилась. На какую высоту придется карабкаться, не понять. Именно карабкаться – кое-где срез ледника был отвесным, кое-где наклонным, но очень крутым, человеку без специальных приспособлений не удержаться.

Идею обследовать местность в поисках пологого ледяного склона Багиров и Пепс после короткого совещания забраковали. Ленц бродил тут два дня и все-таки был вынужден заняться альпинизмом.

– Первым поднимусь я, – предложил Багиров. – Спущу вам трос, затащу наверх рюкзаки. Затем вас, по очереди.

– Я не пойду наверх, – неожиданно заявил Шуруп.

Заявил без тени сомнения, словно давно обдумывал эту мысль и пришел к непоколебимому решению. А затем демонстративно уселся на камень, всем видом показывая: хоть что делайте, с места не стронусь.

Вот они, результаты дурацкого гадания Ивана. Во всей красе. Багиров мысленно наградил аборигена рядом эпитетов, среди которых «чурбан узкоглазый» стал самым мягким.

Что делать, как переубедить экс-вертолетчика, он не знал. Заставить-то недолго, но тогда придется всю дорогу конвоировать Шурупа, чтобы не задал стрекача при первой оказии. Не самый лучший вариант, учитывая, что за ледником пришельцев могли встретить негостеприимно…

– И что ты здесь один собираешься делать? – спросил Баг.

– Вас буду ждать, – сказал Шуруп столь же твердо и уверенно. – Если не дождусь, к вездеходу пойду.

Пепс, стоя за спиной Шурупа, подал сержанту успокаивающий знак: пускай, дескать. Не то имел какие-то рычаги давления на бывшего борттехника, не то считал, что без

его помощи можно обойтись.

Поразмыслив, Баг согласился. Может, и в самом деле лучше провести разведку вдвоем, без этого балласта. А если обнаружится вертушка, за штурвал которой можно усадить Шурупа, – приволокут его как угодно, хоть под дулом «дыродела».

Багиров стал готовиться к штурму ледника. Разложил на камнях небогатое снаряжение, имевшееся в наличии. Задумался о плане восхождения…

Самый простой вариант – подняться при помощи мини-лебедки, входившей в стандартный комплект десантника. Она, конечно, предназначена не для альпинизма – для боя в городских условиях, когда порой необходимо быстро спуститься с крыши или подняться по отвесной стене к высоко расположенному окну. Но и в горах не подведет, поднимет, как на лифте.

Да только горы горам рознь… Молекулярная присоска на конце тридцатиметрового леера намертво присосется хоть к камню, хоть ко льду, ей все одно, к чему присасываться. Но прочность льда вызывала сомнения. Лето, теплые ветра облизывают ледник, делают его поверхность рыхлой и помаленьку разрушают ее… Отвалится от ледяного массива кусок вместе с присоской – и альпинист Багиров превратится в парашютиста Багирова, позабывшего надеть парашют.

Так что вариант с лифтом отменяется. Придется двигаться неторопливо, выбирать прочные участки, вбивать в них костыли, крепить страховочный трос. А через каждые тридцать метров рубить во льду уступ, дающий прочную опору… Баг вздохнул, посмотрев на свой ледоруб – самодельный, второпях переделанный из топора. Возможно, среди груза вездехода имелось нормальное альпинистское снаряжение. Но вскрывать в его поисках все коробки и ящики времени не было.

Сержант раскатал свой коврик, развернулся лицом в ту сторону, где, по его мнению, находилась Мекка. Опустившись на колени и игнорируя Пепса с Шурупом, обратился мыслями и молитвой к Аллаху. Молитва-хаджат была проста: пошли мне шанс, всего один, а я уж постараюсь не сплошать…

Потом началось восхождение. Все тяжелые вещи Баг оставил внизу, хотя расставаться с автоматом очень не хотелось. Но ограничился ножом и «дыроделом», ни к чему сейчас лишние килограммы.

Догадки о прочности льда немедленно оправдались. Вернее, о непрочности. После первого выстрела из пневмометателя присоска притащила вниз ледяной карниз, развалившийся при падении. После второго сверху обрушился поток талого льда, перемешанного с водой, – видимо, разрушился какой-то

водоемчик, образовавшийся на подтаявшем уступе.

Процедуру пришлось проделывать трижды, прежде чем присоска схватилась как следует. Багиров несколько раз дернул, проверяя надежность, – держит; затем потянули втроем – снова держит… Пора наверх.

Он стянул перчатки, поплевал на ладони – ритуал, на удачу.

– Что у тебя с ладонью? – удивленно спросил Пепс.

– С ладонью? – переспросил сержант не менее удивленно, посмотрел на одну руку, на другую. – Ничего, все в порядке…

Пепс хмыкнул, переглянулся с Шурупом, но ничего больше не сказал. Мало ли какие у людей тараканы в голове водятся, кто-то ногти грызет, кто-то себя за мякоть ладони кусает…

Багиров нажал кнопку, лебедка начала выбирать леер. Пепс и Шуруп, задрав головы, следили за фигурой сержанта, исчезающей в тумане. Исчезла… Был человек и не стало. Сожран туманом, и сколько ни жди, никогда не вернется.

Если такие мысли и вправду бродили в головах у оставшихся внизу, жизнь опровергла их очень быстро. Сверху посыпались крошки льда, и небольшие льдинки, и вполне увесистые ледяные обломки, и матерки сержанта, тоже не легковесные.

Чуть позже спустился трос – перлоновый, плетеный, нижний конец его свернулся кольцом на камнях, словно решившая отдохнуть змея. Большой Пепс успокоенно кивнул и стал ждать, когда сверху прозвучит сигнал привязывать рюкзаки.

…До гребня сержант добрался, изматерившись и промокнув насквозь. Лучше бы зимой лез, в лютый мороз, чем вот так, под регулярным ледяным душем… Одолел по вертикали полторы сотни метров, едва ли больше, но лебедкой пришлось воспользоваться много раз, двигался сложным зигзагом, слишком мало оказалось на ледяном откосе мест, способных удержать присоску.

Баг вколотил костыль, надежно закрепил на нем трос. Подумал немного и вколотил поодаль второй, привязал к нему свободный конец, для гарантии. И лишь затем выпрямился во весь рост и взглянул вперед, на цель своего путешествия…

Тумана здесь не было, туман остался внизу, колебался серым покрывалом, скрывая и землю, и Пепса с Шурупом.

А здесь было светло, солнечно, и огромная долина целиком открывалась взору. Баг смотрел на нее, не отрываясь, очень долго… Солнце светило в глаза, но почему-то не слепило.

Он сделал это, сумел… Он поднялся, а мерзкий туман остался внизу. И мерзкие людишки, пожирающие друг друга.

Баг с неохотой оторвался от созерцания открывшегося ему пейзажа. Взглянул вниз, хотя даже вид тумана вызывал

отвращение. Вынул нож и резанул по тросу. Рассеченная перлоновая змея какой-то миг лежала неподвижно, затем скользнула вниз и исчезла.

Вот так… Прав Иван: это место не для Пепса и Шурупа. И делать им здесь нечего.

Открыть глаза и первым делом увидеть мертвеца – не самый приятный вариант пробуждения. И хотя я не проснулся, а скорее очнулся, мертвец был тут как тут, – лежал неподалеку, уставившись на меня остекленевшими глазами.

Как говорится, с добрым утром, – ночь и в самом деле прошла, и труп я разглядывал в блеклом утреннем свете.

Память неохотно, со скрипом, пыталась восстановить предшествовавшие события… Одновременно остальная часть сознания пыталась осмыслить события, ныне происходящие.

Так… Мертвец, прежде чем превратиться в груду разлагающейся органики, носил имя Хамиз, и фамилию Лануа, и, по моим предположениям, прозвище Железная Маска. Он заманил меня сюда, на дальний берег, и попытался прикончить… Как-то тупо попытался и банально, совсем не в стиле своих давешних игр с плащами и шпагами… Попытался и не преуспел. Вернее, преуспел, но не до конца… Хотя и это утверждение спорное, раз уж я размышляю, глядя на его труп, а не наоборот.

Кто прикончил Лануа, оставалось загадкой… Недолго оставалось – послышались шаги, кто-то неторопливо приближался по берегу. Я попытался повернуться в ту сторону – голова откликнулась таким взрывом боли, что пришлось воздержаться от дальнейших попыток.

А тело отозвалось каким-то неприятным ощущением, которое я не сразу осознал, потому что в поле зрения появился Джафар и задумчиво произнес:

– Жывучый ты…

Вот кто всадил пулю в Маску… Одну, точно над переносицей, правка не потребовалась. Осталось лишь понять, насколько серьезно меня зацепило, и где сейчас Лайза.

– Что с Лайзой? – спросил я.

Язык с трудом ворочался, голос звучал хрипло. Я сплюнул какую-то гадость, скопившуюся во рту, спросил более внятно:

– Ты ее нашел?

И тут картина мира, сложившаяся в результате моих размышлений, пошла трещинами и рассыпалась на куски.

– Жывучый… – повторил Джафар, проигнорировав мои вопросы. – Пула в башку попал, а всо жыв. Жывучый, но нэвэзучый. Нэ стал быстро помырат. Тэпэр плохо будэш помырат,

долго.

Одновременно со словами он достал из ножен нож, попробовал пальцем острие. И посматривал на меня с нехорошим интересом. Примерно, как мясник на ожидающую разделки тушу.

А я разобрался, что мне доставляло дискомфорт и мешало повернуться – руки были стянуты за спиной, не то связаны, не то скованы наручниками… Точно, наручники, запястье левой руки явственно ощущает браслет. Ноги тоже что-то держало, но что именно, не понять, с чувствительностью там дела у меня обстоят хуже.

Утро выдалось туманное, в двадцати шагах ничего не разглядеть… А туман в моих мозгах, наоборот, наконец-то развеялся. Джафар, конечно же, не убивал Лануа. Потому что труп Хамиза я увидел перед тем, как в меня прилетела пуля. Сейчас он лежит в другой позе, на боку, вот и не опознал сразу… Дырочка во лбу Лануа небольшая и аккуратная. Не армейский калибр, сразу видно, и стрелял не Джафар.

А вот меня он попытался убить, – издалека, не приближаясь. Возможно, выстрелил от лодок, для штурмовой винтовки с ночной оптикой сотня шагов – не расстояние.

Однако касательно моей живучести и везучести можно поспорить… Встречаются на свете удивительно везучие люди. Везение у них проявляется по-разному, иногда весьма специфичным образом. Некоторые, например, умудряются выжить, заполучив сквозное пулевое ранение головы. Абсолютный рекорд в этих делах принадлежал фельдмаршалу Кутузову: за долгую военную службу его многострадальную голову прострелили навылет аж два раза, одна из пуль выбила глаз… Что не помешало ему продолжить карьеру полководца и командовать войсками в Бородинском сражении.

Но моя живучесть, прав Джафар, не имеет отношения к везению, а скорее к хирургии и трансплантологии. С титановой пластиной, заменяющей часть черепной кости, самый неудачливый человек может пережить выстрел в затылок… А еще я начал в тот миг наклоняться, и пуля ударила по касательной, отрикошетила.

А потом этот змееныш обнаружил, что я жив, сковал мне руки за спиной и дождался, пока очухаюсь. Из чего следовало, что вся затея Джафара не экспромт и не внезапный порыв. Наручники на всякий случай он припас еще в лагере, когда отлучался якобы за гранатами.

В роли сыщика Мангуст облажался по полной программе. Допускал ведь вариант, что «змеей» окажется кто-то из бойцов Хасана, но не стал их отрабатывать…

– Думал, что Хасан лучше отбирает людей, – вслух признал я свою оплошность. – Думал, среди них нет предателей и трусов, стреляющих в спину.

Джафар к тому времени опустился на камни рядом со мной, – осторожно, явно опасаясь удара связанными ногами. Уложил меня поудобнее, приподняв голову. Надо думать, для того, чтобы я мог в деталях разглядеть все затеянные им процедуры… Потянул за мой ворот, не иначе как собираясь для начала разрезать одежду. Но остановился, ненадолго задумался. И изрек:

– Хорошо. Ты будэш знат, зачэм умыраэш. Шэст лэта назад в Карпатах ты убыл мнэ брата. Не родного, кровного. Вспомныш, как звалы – умрош быстрээ.

Он сделал паузу, словно и впрямь ждал, что я начну вспоминать имена убитых мною людей. Не дождался и вновь взялся за ворот. Посоветовал:

– Ты крычы. Сылно громко крычы. Мэншэ болно будэт.

И будто в ответ на его слова раздался громкий звук. Но отнюдь не крик. Джафар повернулся вполоборота, в глаза ему я взглянуть сейчас не мог, но хорошо разглядел отвисшую челюсть. Немудрено – теперь я мог видеть, чем он связал мои ноги. Причальным канатом, срезанным с лодки, не больше и не меньше. Канат мог выдержать подвешенного слона, держащего под мышками пару стегоцефалов пермского периода. Мог, но только что лопнул с громким звуком.

Длилась немая сцена очень недолго, долю секунды. Затем ноги мои разошлись и снова сошлись, – и Джафар оказался схвачен, сжат ими поперек груди. Приема такого нет, наверное, ни в одной школе единоборств… Какой толк изобретать приемы, которые нормальный человек провести не сумеет.

Ребра трещали. Джафар хрипел. Кровь хлынула у него изо рта.

Но все же он доказал, что Хасан подбирал крепких парней, бьющихся до конца. Его руки были притиснуты, придавлены к телу, – сумел-таки изогнуть сустав и всадил нож мне в бедро. Вернее, попытался всадить. Лезвие скрежетнуло о металл и остановилось. Я усилил хватку, нож звякнул о камни, голова Джафара бессильно повисла…

Ну, вот и всё… Я с трудом, неловко поднялся на ноги. Голова трещала, голова раскалывалась на куски, и каждый кусок продолжал нестерпимо болеть… Но боль медленно, постепенно стихала. Если не делать резких движений, возможно, и дойдет до терпимого уровня.

Снять наручники оказалось труднее, чем разорвать канат. Будь правая рука прикована ими, например, к батарее – порвал

бы одним движением. Не наручники, так батарею. А так, скорее всего, сломаю себе левую руку…

Биомеханическая кисть руки хоть и выглядела в точности как самая обычная, но имела больше степеней свободы. Я сжал ее, чуть ли не свернув в трубочку, попытался протащить сквозь браслет. Вроде пошла… нет, все-таки застряла… ну тогда вот так… Я изо всех сил попытался растопырить пальцы. Крепкий сплав, однако…

Порвать браслет не удалось, у любых чудес, даже биомеханических, есть свои пределы. Не выдержала какая-то деталь внутри замка – короткий скрежет, и рука почувствовала свободу.

– Ты мог бы выступать в цирке с трюками в стиле Гудини, – послышался знакомый голос.

Я очень медленно обернулся, опасаясь расплескать болезненное содержимое своей многострадальной башки. В круг, очерченный стеной тумана, вплывал смутный призрак моей супруги.

– Могла бы и помочь, – сказал я, когда призрак окончательно материализовался.

– Когда я подошла, ты сам справился… И вообще, женщинам нравятся самостоятельные мужчины. Что у тебя с затылком?

– Бандитская пуля, – лаконично ответил я, на длинные фразы меня не хватало. – А что с твоим плечом?

Ее правый рукав был разрезан, и на правом плече и части предплечья белел сквозь разрез кокон самонакладывающегося бинта. А в левой руке Лайза сжимала свою неразлучную камеру. Профессионалка…

– Аналогично… Пустяк, по мягким тканям чиркнула.

– Стрелял Джафар?

– Нет, Лануа.

– Скажи, он…

– Подожди, – оборвала меня Лайза. – Давай ты задашь свои вопросы чуть позже. А пока я займусь твоей головой. Видел бы ты себя со стороны… В лодке есть аптечка.

Аптечка и в самом деле нашлась, и благоверная тут же пустила ее в ход. Вкатила обезболивающего, затем стала превращать меня в подобие египетской мумии, начав с головы. А я, едва боль утихла, вернулся к нашим баранам:

– Мне неудобно спрашивать о таком любимую женщину, к тому же раненую, но все-таки позволю себе бестактный вопрос: не ты ли случайно застрелила Лануа?

– Я, – не моргнув глазом, подтвердила любимая и раненая женщина. – Стыдно признаваться в таком любимому мужчине, но

я признаюсь: застрелила и не случайно. Вполне осознанно. Но, в качестве смягчающего обстоятельства, прошу высокий суд учесть, что он нажал на спуск первым.

– Ты отлично стреляешь, – вздохнул я.

– Ну вот, наконец-то дождалась искреннего комплимента…

– Лучше бы ты стреляла не так метко… Мне о многом хотелось расспросить этого господина.

– Можешь расспросить меня.

– В смысле?

– Так ты еще не догадался, что Стальная Маска – это я? Не дергай головой, бинт криво ляжет.

Перед ним раскинулась огромная долина, края которой чуть поднимались по отношению к ее центру. А в центре раскинулась аль-Масджид аль-Харам, Запретная Мечеть.

Ошибиться было невозможно: огромное пустое пространство, посреди которого возвышалась Кааба, лишь шелковый кисуах почему-то не черного, а снежно-белого цвета.

И горделиво высились девять минаретов, ни одна мечеть в мире не имеет их столько, лишь эта, самая священная для любого мусульманина…

А чуть дальше сверкали стеклами башни Абража аль-Баита.

Багиров не удивился. Ничуть. Все правильно. Так и должно быть.

И не в тумане тут дело, туман – это порождение шайтана, может увести человека в любую даль, за тысячи километров от дома, в самые гнусные и мерзопакостные места…

Но только не сюда.

Он выбрал свою дорогу, и прошел ее, и спустился в Ад, и выбрался из него… Он сражался с трехглазым демоном и победил. Он заслужил.

Где-то в глубине души слабо пискнул скептик и маловер: может быть, все это мираж, какой-то оптический эффект?

Багиров крепко зажмурился, затем сильно потер глаза. Мечеть Аль-Харам осталась на месте.

Но зачем мучить себя сомнениями, если можно подойти и посмотреть?

Он расстегнул ремень, кобура с «дыроделом» упала под ноги. За ней последовал нож в ножнах. С оружием Багиров расстался без колебаний, никто не входит в Святой Город вооруженным. И не спеша направился в сторону ближайших домов – белоснежных строений, как будто сошедших со страниц «Тысячи и одной ночи».

Он не торопился, но дома приближались с удивительной быстротой, словно каждый шаг переносил его на десяток метров.

Когда из-под ног исчезли камень и лед, Баг не понял и не заметил. Но сейчас он шагал по обочине асфальтового шоссе.

В каком-то маленьком и дальнем уголке сознания еще жило убеждение: такого не может быть, он на Таймыре, он просто сошел с ума и видит картинки, порожденные больным мозгом…

Баг нагнулся, осторожно коснулся асфальта. Осязание подтвердило: да, асфальт, твердый, горячий… Скептик и маловер посрамленно умолк.

– Добро пожаловать, Абдулла! – прозвучал за спиной голос, низкий и звучный.

Багиров резко обернулся.

Только что рядом никого не было, он мог поклясться. И он не слышал никаких шагов. Тем не менее сейчас перед ним стоял высокий, статный человек в белой джалабии, и это была не та профанация, что выдают за традиционные мусульманские одежды модельеры в странах Исламского Союза.

Лицо человека казалось смутно знакомым. Баг попытался вспомнить, где и у кого он видел эту черную бороду с благородной проседью, этот глубокий и внимательный взгляд черных глаз. Казалось, еще чуть-чуть, и имя сорвется с языка, и они радостно обнимутся со старым знакомцем… Но нет, не смог, не вспомнил.

– Добро пожаловать домой, Абдулла, – вновь заговорил знакомый незнакомец. – Домой, в Макку ал-Мукарраму.

Багиров сглотнул комок в горле. Значит, все правда… Не бывает миражей, беседующих с путниками, и никакому порождению шайтана не выговорить имя Святого Города – оно застрянет у него на губах и разорвет гортань в клочья… Скептик и маловер в душе Багирова тихо и безболезненно скончался.

– Мир вашему дому, – с трудом произнес сержант.

Отчего и почему они беседуют с жителем Мекки по-русски, он даже не задумался.

– Как ты могла?! Жена моя и мать моих детей… в будущем, надеюсь… и вдруг шпионка!

– Дорогой, ты не мог бы коротко, навскидку, перечислить секретные объекты России, за которыми я шпионила здесь, на Таймыре? Если список окажется слишком коротким, можешь добавить в него совершенные теракты и диверсии. И завербованных российских граждан.

– Так дела не делаются… Твое начальство могло бы договориться с моим, если их интересы действительно совпадают. И мы бы работали тандемом на вполне законных основаниях.

– Ты так веришь своему начальству?

На этот скользкий вопрос я предпочел не отвечать. Вера в

начальство у военных людей испаряется очень быстро. Еще в кадетском корпусе. Или в военном училище. У рядовых – в учебной части.

– Я нашим генералам не доверяю абсолютно, – сказала Лайза, не дождавшись ответа. – Я работаю на одного конкретного человека, верить которому у меня есть все основания. На Раджива Чанга.

– Э-э-э… Чанг… Пресс-секретарь ИКА?

– Ну, если ты не забыл, Лануа тоже числился у нас пресс-секретарем, – крайне обтекаемо ответила Лайза.

Понятно и знакомо. Есть конторы, сотрудники которых, даже пребывающие в немалых чинах, всю службу проводят под прикрытием, официально числясь в рядах совсем иного ведомства… И у господина Чанга висит в шкафу – в качестве домашней пижамы – китель с погонами. С полковничьими, а то и с генеральскими.

Зря мне Лайза это сказала… Если один профессионал так вот запросто выдает другому тщательно проработанное прикрытие своего начальника, – значит, уверен, что дальше информация не уйдет. А меньше всего склонны болтать мертвецы. Неужели Лайза не понимает, что я способен сложить два и два?

Она все понимала. Потому что тотчас же произнесла слова, разъяснившие дело. Прежде чем я успел задуматься о том, каким способом моя женушка собирается овдоветь и как бы мне воспрепятствовать ее затее.

– Три недели назад Раджив Чанг исчез. Пропал без вести. А пять дней назад его тело обнаружено со следами жесточайших пыток.

– Жесточайших? В наше время? – изумился я. – По-моему, можно выжать человека досуха и весьма жестко, – и останутся лишь следы инъекций. Возможно, еще пятнышки на коже, если неаккуратно отлеплять электроды.

– Думаю, его труп стал своего рода посланием… Но главное в другом… Кое-кто теперь имеет самую полную информацию о «Сатане» и о моей миссии. И пока мы тут играем в вопросы и ответы, этот кое-кто, возможно, уже летит в точку «Т». На вертолете, до зубов вооруженном. И с командой лично преданных бойцов. Нам надо поспешить, Мангуст.

Уже второй раз (первый – в ипостаси Железной Маски) она открытым текстом намекает на Хасана… Я побарабанил пальцами по туго надутому борту лодки, на котором мы сидели.

– Прежде чем куда-то и зачем-то спешить, мне хотелось бы очень многое от тебя услышать.

– Хорошо, предлагаю промежуточный вариант: мы будем

шагать, а я буду рассказывать. Ты способен идти?

Я поднялся, опасливо сделал несколько шагов. Череп не откликнулся болью, как совсем недавно. Резко повернул голову – реакция ограничилась легкой, едва заметной болью в затылке.

– Способен… по крайней мере, способен, пока инъекция действует. А ты сама-то в форме?

Вид у моей законной супруги был не очень боевой… Бледная, осунувшаяся, огромные темные круги под глазами. Возможно, рана куда серьезнее, чем считает Лайза.

– Дойду, – отрезала она.

– Оружие потребуется? – И я достал из лодки свой автомат, не дожидаясь ответа.

– Сомневаюсь… На месте – точно нет. Разве что на подходах возможны эксцессы. Да и то едва ли. Там путников встречают радушно.

– Тогда возьму две лишние гранаты, – сказал я, процитировав покойного Джафара.

Восточные люди, что ни говори, понимают толк в таких вещах.

6. Мертвые мангусты попадают в рай

Индийские генералы не лгали – выведенное ими на орбиту уникальное оружие никоим образом не попадало под статьи Эль-Парижского договора.

Намек содержался уже в названии орбитальной станции – «Колесница Кришны». Как известно, Кришна, будучи колесничим Арджуны в битве на Курушкетре, с большим успехом практиковал неконвенционные способы достижения победы.

«Колесница» не была способна уничтожать города и армии, вообще вести военные действия. Она предназначалась для обратного – уничтожать возможность войны. Она стала громадным ушатом холодной воды, подвешенным над готовой полыхнуть планетой.

Все новое – хорошо забытое старое. Еще в середине двадцать первого века проводились опыты по боевому применению «белого» пси-излучения, в основном в области борьбы с терроризмом. Идея была неплоха: вместо долгих переговоров и кровавых штурмов подкатить излучатель, врубить, – и террористы бросают оружие, с блаженными улыбками на лицах оправляются в сторону источника излучения. Десятисекундный сеанс обеспечивал человеку несколько часов сна наяву, наполненного самыми привлекательными видениями…

В теории все было гладко, но реализация подкачала. Создать излучатель с приемлемой диаграммой направленности не удалось. Проще говоря, «пушка счастья» стреляла во все стороны разом, поражая и своих, и чужих. К тому же надежных средств защиты не существовало. Вообще. Ни индивидуальных, ни коллективных. Активно обсуждалась возможность интерференционной защиты, но до воплощения дело не дошло, – по всем расчетам, защитное оборудование получалось в разы более громоздким и дорогим, чем сам излучатель.

Наигравшись, господа генералы отправили непонравившуюся игрушку в пыльный чулан. Некоторое время к «белому счастью» проявляли интерес структуры, специализирующиеся на электронных наркотиках. Но и у них дело заглохло. По тем же причинам.

Индийские ученые велосипед не изобретали… Прорыв они совершили лишь в одном – сумели многократно усилить мощность излучения, значительно снизив при этом энергоемкость процесса. Все прочие врожденные недостатки проекта остались при нем. Интерференционная защита, наконец-то воплощенная в металле, обеспечивала лишь небольшую мертвую зону,

призванную защитить экипаж станции в пилотируемом режиме.

И в чью-то светлую голову пришла идея подвесить громадную пси-пушку на орбиту. Пусть при включении излучает во все стороны, не так и страшно, когда вокруг космический вакуум. О точечном поражении отдельного здания или даже города разговор уже не шел. «Колесница» разила с размахом – на поверхности планеты можно было отправить в состояние всеобщего счастья государство средних размеров…

Нельзя сказать, что «оружие мира» было совсем безобидным. Масштабное и длительное применение «Сатаны» неизбежно породило бы многочисленные жертвы – люди, погруженные в блаженный мир своих грез, просто умирали бы от голода, не говоря уж о тех, кого пси-удар мог застигнуть за рулем, за штурвалом, за пультом атомной электростанции.

Но генералы и специалисты ИКА считали, что все под контролем, не раз испытанные и многократно продублированные системы управления даже теоретически не могли породить проблем… Разумеется, во всех расчетах и теориях День Станции никак не учитывался.

И случилось то, что случилось.

Расчеты полетели в тартарары. Продублированные системы безопасности – туда же. Но судя по тому, что сейчас происходит, одна все же сработала – система «мягкого падения». Не в полном объеме, но сработала. Излучатель «Сатаны» остался в относительно рабочем состоянии. Никто его, разумеется, не включал, ни до падения, ни после. Но проблема в том, что отключенными оставались лишь усиливающие контуры, позволяющие накрывать целые страны. А сам источник пси-частоты был включен постоянно. Включен и сейчас. По космическим меркам радиус его действия ничтожен. Но на поверхности все оказавшиеся вблизи от аппарата или его обломков люди попадали под излучение, со всеми вытекающими последствиями. И не только люди, любые существа, обладающие высшей нервной деятельностью.

Вторая проблема еще хуже. Мощность излучения стала расти. По экспоненте. Спутники, уцелевшие от космической группировки Индостана, засекли «Сатану» полгода назад. До того не могли засечь, хотя поиски проводились. За минувшие шесть с небольшим месяцев излучение «Сатаны» усилилось вдвое, и прирост идет с ускорением. Абсолютные цифры невелики, но тенденция настораживающая.

Без сомнения, модуль разрушается, уцелевшие системы идут вразнос. Не исключено самопроизвольное включение усиливающих контуров на полную мощность.

Последние известия о «Колеснице Кришны» внесли глубокий раскол в руководство Индостана. Генералы очень желали вернуть свою игрушку. Представители спецслужб, в том числе и Раджив Чанг, считали, что «Сатану» следует немедленно уничтожить точечным ударом. Политики (кто был в курсе) колебались, заняв выжидательную позицию.

Разумеется, Лайза не владела информацией обо всех подковерных играх. Но у нее сложилось впечатление, что и военные, и спецслужбы получили негласный карт-бланш. Сумеете выцарапать «Сатану» со спорной территории – хорошо, уничтожите – тоже неплохо. Ситуация возникла патовая: у спецслужб не было оружия, способного нанести точечный удар через полконтинента, у генералов – агентурной сети, способной обеспечить операцию по эвакуации модуля. А господа политики крепко зажмурились и выжидали, чем все закончится.

Чем все закончилось, известно. В игру вступили новые, весьма амбициозные игроки. И ситуация пошла вразнос.

Вот так, очевидно, представлялись наши таймырские игрища с олимпийских высот большой политики. Есть проблема, есть разные способы ее решения, а кто там умирает на грешной земле, сверху не очень-то и видно.

Эх, выложить бы политиканам и генералам во время их совещания на стол труп пулеметчика Джафара с раздавленной грудной клеткой…

Для наглядности.

Бывший филолог, а ныне хэнгэраунд по прозвищу Баунти говорил быстро и горячо, давясь словами.

Вокруг стояло несколько вооруженных людей, но Баунти мигом сообразил, кто тут главный, и обращался только к нему, – к невысокому сухощавому человеку в камуфляже.

В отличие от подчиненных, буквально ощетинившихся стволами, сухощавый выглядел достаточно мирно. Держал в руке лишь пистолет – небольшой, словно игрушечный, с длинным и тонким стволом. Двадцать пятый калибр, понял Баунти, неплохо разбиравшийся в оружии. Такими пушками вооружаются либо полные дилетанты, понятия не имеющие о том, что не всё стреляющее способно убить. Либо профессионалы, не имеющие обыкновения промахиваться. К первой категории сухощавый человек явно не принадлежал.

Из «блэкдевилсов», охранявших по распоряжению Большого Пепса захваченный вездеход, остался только Баунти. Остальных после короткого разговора с сухощавым отводили в сторону. За стеной тумана не разглядеть, что с пленниками происходило

дальше, но доносившиеся оттуда одиночные выстрелы места для радужных надежд не оставляли… Вообще для любых надежд.

А Баунти вытянул счастливый билет. У него нашлась информация, нужная сухощавому. И он говорил, говорил, говорил… Умом понимал: надо бы замолчать, придержать что-нибудь про запас, иначе выжмут досуха, уведут в туман, – и все…

Понимал, но не мог остановиться. Казалось, стоит ему смолкнуть, и пистолет с тонким стволом поднимется, уставится в лоб бездонным зрачком, и он, Баунти, на собственном опыте узнает, в самом ли деле у пуль двадцать пятого калибра ничтожное останавливающее действие.

Баунти выложил все, что знал. И немедленно начал врать – лишь бы не замолкать, лишь бы не останавливаться. Дополнял вдохновенной отсебятиной переведенные отрывки из рапорта Ленца, мешал с собственными домыслами услышанные обрывки разговоров Багирова и Пепса.

Пистолет оборвал Баунти на полуслове. Выстрел прозвучал не громче хлопка в ладоши. Хотя густой туман всегда ослабляет звуки…

– К вертолету, – негромко скомандовал Красный Хасан. – Здесь где-то есть ледник. Посмотрим, что за ним.

Баунти остался один. Он стоял, изумленно опустив взгляд на крошечную дырочку на левом борту своей кожаной жилетки, и лишь после долгой-долгой паузы начал падать ничком.

Прежде чем все вокруг затянула красная пелена, Баунти успел подумать, что у двадцать пятого и впрямь паршивое останавливающее действие.

Нужную информацию он получил незадолго до рассвета. Настало время действовать, и Тарантул не медлил.

Для начала расчистить дорожку отхода. Никто не должен оказаться после атаки между ним и норкой… По лестнице, вырубленной в скале, он поднимался быстро и совершенно не скрываясь. Чуть ли не вприпрыжку. Тарантул хорошо знал, что дозорных гораздо больше настораживают люди, старающиеся двигаться осторожно и незаметно.

Часовые, оба, не насторожились. А удивились лишь в самый последний момент, когда стало поздно что-либо предпринять. Так и умерли – удивленными. Обычное дело для людей, принимающих тарантулов за мирных и безобидных паучков…

Затем Тарантул прошел в радиорубку и «удивил» дежурившего там техника. Теоретически тот мог разглядеть что-то сквозь пелену тумана, затянувшего террасу. Не детали расправы с часовыми, разумеется, действовал Тарантул

аккуратно, – но что-либо, способное вызвать легкое недоумение, а не желание врубить сигнал тревоги…

Техник ничего не разглядел. Потому что разглядывал журнальчик с картинками, созерцание коих едва ли приличествует твердому в вере мусульманину. И не только разглядывал.

Тарантул несколько секунд смотрел на труп, вытянувшийся на полу рубки. Затем нагнулся, подтянул мертвецу брюки, застегнул. Журнальчик и баночку с гелем для рук убрал с глаз долой.

Зачем он этим занимался, теряя драгоценные секунды, Тарантул едва ли смог бы объяснить. Но мертвый техник лежал неправильно. Неприлично. Вызывал смущение даже у него, постороннего человека.

Он набрал код на замке, открыл небольшой ангарчик, приткнувшийся к скале. Выкатил мотодельтаплан. Выглядел крошечный летательный аппарат несерьезно по сравнению с имевшимся в экспедиции вертолетом, не говоря уж о «Стреле Пророка». Игрушкой выглядел.

На то и был расчет… Тарантул прекрасно знал, что несерьезно выглядящие вещи отношение к себе вызывают соответствующее. Равно как несерьезно выглядящие люди. Знал и неоднократно с успехом пользовался своим знанием.

Проверка аппарата заняла около десяти минут. Очень много, учитывая то, как филигранно все спланировано. За десять минут в дело может вмешаться проклятие всех тщательно продуманных планов – непредвиденная случайность. Он был готов ко многим случайностям, способным повлиять на ход операции, но ключевое слово здесь «непредвиденная»… Однако без проверки никак. Рухнуть с неба из-за технической неисправности – это не случайность, это собственная глупость и небрежность…

Обошлось… Мотодельтаплан был в порядке. Случайности не вмешались. Можно переходить к главной фазе операции.

А с нашей таймырской колокольни ситуация с «Колесницей» представлялась Лайзе следующим образом:

«Стрелой Пророка», считала Лайза, Хасан Бен-Захр пожертвовал преднамеренно. Эфенди он под удар подставлять не стал, здесь последствия могли быть поистине непредсказуемыми. А «Стрелу» подставил не колеблясь. Старый дирижабль и полсотни пешек, охранников и обслуги, – не такая уж большая цена за полученную свободу рук.

А ее Хасан получил, сомнений нет. Теперь он может уничтожать конкурентов, не стесняясь в средствах, – после

сбитого дирижабля, после многочисленных жертв все можно списать на самооборону, никто из политических противников аль-Луаньяна рта не посмеет открыть.

Плюс к тому – полная свобода в поисках «Сатаны». Под видом поисков злоумышленников, сбивших дирижабль, разумеется.

Я мог добавить, что в версию Лайзы прекрасно укладывается и водород, закачанный вместо гелия в баллонеты «Стрелы». С гелием находившиеся на борту имели бы шансы выжить, но чем больше жертв – тем значительнее общественный резонанс.

Мог, но не стал.

Потому что версия красивая, но все доказательства косвенные или умозрительные. Имел Хасан виды на «Сатану» или нет, он в любом случае действовал бы одинаково: попытался бы уничтожить врагов.

О своей роли в событиях Лайза повествовала достаточно скупо.

Да, она изображала в общении со мной Железную Маску. О чем я, по мнению благоверной, мог бы и сам догадаться: сцены обставлены и срежессированы с идеальным вкусом и чувством меры, – так неужели я не почувствовал руку талантливого режиссера?

Я вспомнил дурацкую дуэль на шпагах и ржавые подпорки, что виртуально присобачил мне талантливый режиссер при последнем посещении островка, – и воздержался от комментариев.

Получив известие о смерти Чанга, Лайза поняла, что оставаться в экспедиции небезопасно. И инсценировала свое похищение, использовав втемную Хамиза Лануа. Она тогда считала, что втемную…

– Как ты его выманила? – поинтересовался я.

– Очень просто. Назначила свидание, разумеется… Ты не ревнуешь?

Я не ревновал, но разобраться в деталях все равно не удавалось… Элементы мозаики-пазла упорно не желали складываться.

Лайза растолковала: она пригласила Лануа в одно из немногих уединенных мест в лагере, в расщелину за палатками. А сама не пришла, занявшись деталями инсценировки. После чего подкинула в палатку Лануа записку, приглашающую того к лодкам.

Расчет был на то, что суматоха, сопутствующая прибытию «Стрелы», не позволит заметить убытие парочки. Что дирижабль подвергнется ракетной атаке, Лайза никак не ожидала. И сама была шокирована… Но менять планы было поздно.

А дальше произошло самое любопытное. Хамиз оказался не так прост… И не так глуп и доверчив. Лануа, согласно планам Лайзы, очутившись на дальнем берегу, должен был получить инъекцию снотворного и продрыхнуть сном младенца ближайшие сутки.

Вместо этого моя супруга угодила на допрос под дулом пистолета. Причем интересовал Хамиза единственный вопрос: где находится «Сатана»? В том, что Лайза владеет информацией, Лануа не сомневался. А она не сомневалась, что выспрашивает он в интересах Хасана Бен-Захра.

Затем произошло то, что специалисты называют скоротечным огневым контактом. И Лануа умер, унеся с собой ответы на многие вопросы. О чем благоверная искренне сожалеет, она всего лишь хотела поменяться с Хамизом ролями, но уж получилось, как получилось…

– Ты носишь пистолет в камере? – спросил я, почти уверенный в положительном ответе.

Хиджаб хиджабом, но в прочем своем гардеробе следовать исламским канонам Лайза не собиралась. И ее обтягивающие костюмы для скрытного ношения оружия решительно не годились.

– Не совсем, но почти так, – уклончиво ответила ненаглядная половина.

Я не стал допытываться… У женщины должны быть свои маленькие интимные секреты.

– Тайник в расщелине твой? – продолжил я расспросы.

Если светящиеся метки на куртку и обувь Лануа заполучил случайно, то аппаратура принадлежит кому-то другому. И круг возможных владельцев не так уж велик.

– Какой тайник? – удивилась женушка, на вид вполне искренне.

Я объяснил, Лайза решительно открестилась от спрятанной аппаратуры… Ладно, допустим, что владельцем в самом деле был Лануа. На него сейчас можно валить все, так же как на любого другого покойника…

– А где ты была, когда Джафар собрался поиграть в вивисектора? Надеюсь, не наблюдала за действом из амфитеатра?

– Извини… Я и понятия не имела, что ты притащишь с собой этого отморозка. У меня тут случилось… В общем, я встретила одного человека… случайно…

– Человек? Случайный? Здесь?

– Знаешь, это долгая история… А я устала от разговоров.

– По-моему, ты устала не от разговоров… Может, сделаем привал, передохнешь? И надо бы осмотреть твою рану.

– Дойду, – упрямо заявила женушка. – Дело не в ране… Я на ногах уже двадцать часов и чем только за эти часы не занималась: и похищала сама себя, и шаталась по горам, и плавала на катере, и… и убила человека. Первый раз в жизни.

Если так, то для первого раза она держалась неплохо – там, на берегу. Но сейчас совсем расклеилась… Уже не бледная – изжелто-зеленая, шагает все медленней, видно, что движения даются через силу…

И я вновь поднял тему о привале. Сказал, что альтернатива ему одна: очень скоро мне придется нести ее на руках.

– Не придется… Мы почти пришли.

– Пришли? К «Сатане»?

– Нет… Сейчас сам все увидишь. И заодно познакомишься с тем человеком…

Слова ее сбылись очень быстро.

Из полосы тумана мы давно вышли. А теперь выбрались из скопления каменных обломков – угловатых и неровных, самых разных размеров, – от моего кулака до высоты в три человеческих роста. Продвижение каменный лабиринт затруднял неимоверно, но наконец-то закончился.

И я увидел… Наверное, это могло называться альпийским лугом… конечно, если, бывают луга, поросшие вместо травы ягелем. На лугу стояла палатка – большая, многоместная, ярко-синяя. Возле палатки пасся северный олень – понурая животина с понурым взглядом. Чум, установленный чуть в стороне, я заметил не сразу…

– Познакомься, – сказала Лайза, кивнув на сидевшего у костерка человека.

Тихо сказала, почти прошептала. Потом собралась с силами и продолжила еще тише:

– Это…

– Мы уже знакомы. Как жизнь, Иван?

– Как всегда. Живу, – откликнулся потомственный шаман, он же ниндзя из Новой Хатанги. – Чай пить будем?

Сердце билось так, словно твердо решило сокрушить ребра, разорвать плоть и кожу, увидеть, наконец-таки увидеть небо и солнце, – а там будь что будет. По жилам вместо крови струилась ледяная вода, так по крайней мере казалось Хасану Бен-Захру.

С ним что-то не так… Ранен?

Он провел тыльной стороной ладони по лбу. Лоб был липким и мокрым. Пот, всего лишь пот…

Он решил, что опасность немедленно умереть пока не грозит. И переключился с насущного вопроса «Что со мной?» на другой,

не менее насущный: «Где я?» Ресурсов мозга явно не хватало, чтобы оценить все субъективные и объективные факторы в совокупности…

Он был в вертолете, полном психов. Чтобы осознать этот факт, Хасану потребовалось секунд десять, или десять минут, или десять часов, он совершенно утратил чувство времени. И совершенно позабыл, что существуют измеряющие время приборы.

Вокруг творилось безумие. Кто-то пел, пел без слов, – негромко и заунывно мычал, раскачиваясь совершенно не в такт песне, и опять же не в такт стучал головой о переборку десантного отсека. Хасан не вспомнил имя певца, хотя лицо показалось очень знакомым. Другой человек изгибался и корчился на полу, словно в приступе эпилепсии. Третий говорил с кем-то невидимым, говорил горячо, убежденно, сопровождая свою речь богатой мимикой и жестикуляцией, – но при всем том беззвучно, губы шевелились, как на экране визора с отключенным звуком.

Дверь в кабину пилотов оказалась распахнутой настежь – и там, в кабине, происходило нечто шумное. Кто-то хохотал, не переставая, кто-то вопил радостно и бессвязно, Хасан долго пытался разобрать слова, отчего-то они его заинтересовали… Что-то мешало этому увлекательному занятию, он отмахнулся раз, другой, не помогло, Хасан повернулся и увидел человека, теребящего его за плечо.

Человек был огромен. Широченный разворот плеча. Громадные мускулистые руки. Мышцы, облепившие торс, рельефно выступали через одежду. Движения гиганта выглядели несколько странно: он тряс за плечо Хасана очень осторожно и аккуратно, словно добродушный великан, опасающийся раздавить невзначай детскую игрушку.

– Командир, ты в порядке? – спросил великан.

– Да… – соврал Хасан и сделал паузу, надеясь что имя великана само всплывет в памяти.

Имя всплывало медленно и неохотно, словно пузырь болотного газа, протискивающийся через вязкий ил. Но все же всплыло.

– Да, Зиг… – повторил Хасан.

А может, это Заг, но какая разница… Внезапно Хасан понял одну вещь – вертолет с психами стоит на земле, двигатель не работает, иначе он не слышал бы ни Зага (Зига?), ни заунывного певца, ни веселящихся в кабине. Шлемофона на Хасане не было, шлемофон куда-то подевался…

Он обрадовался сделанному выводу. Не столько тому, что

никуда не летит в компании психов (хотя полет воздушного дурдома едва ли завершится мягкой посадкой), – сколько тому, что удалось наконец выстроить хотя бы такую короткую логическую цепочку, нащупать хоть какую-то причинно-следственную связь.

Мозг включался. С трудом, но включался.

– Где мы, Заг? – спросил Хасан.

Гигант выглядел наименее пострадавшим в творящемся вокруг повальном сумасшествии. Но видимость оказалась обманчивой. Мозг генавра тоже пошел вразнос, только проявилось это иначе. Генавр наморщил лоб. И завис. Секунды капали и утекали в вечность, а под наморщенным лбом все продолжались и продолжались загадочные мыслительные процессы, не воплощаясь ни в каком внешнем проявлении…

Потом морщины разгладились.

– Мы на Таймыре! – объявил Зиг (или Заг).

И облегченно вздохнул: задача решена, результат верный.

«И-ди-от», – хотел сказать ему Хасан, не в обиду, а просто констатируя факт. Но не сказал, потому что идиотский ответ дал ему толчок. Или точку опоры. Или что-то еще третье, не важно… Будто песчинка упала в перенасыщенный соляной раствор и немедленно начался процесс кристаллизации.

Да, они на Таймыре. Да, вылетели на вертолете в поисках людей, сбивших «Стрелу Пророка». Да, нашли их, поднебесники не успели далеко укатить на своем вездеходе от брошенной в предгорьях пусковой установки, – и были все уничтожены комбинированной атакой с воздуха и земли. Потом под раздачу угодил и второй вездеход, захваченный байкерами, Хасан не хотел оставлять позади никого, способного выстрелить в спину… Вообще никого живого.

Потом был полет за ледник… И автопилот, запрограммированный на включение реверса в том случае, если действия пилота станут неадекватными. Винтокрылые машины, способные в точности проделать обратный путь и самостоятельно приземлиться в точке вылета, называют «умными». Но это не так, ума у автоматики нет, и сойти не с чего. К счастью.

Лишь одно Хасан не смог восстановить: что происходило во время последнего недолгого полета. Что-то он увидел… Что-то неимоверно важное, требующее немедленных и решительных действий… Он бы вспомнил, увиденное уже всплывало в памяти, просто мозг отпихивался и отбрыкивался от него, как мог, не желая вновь ломать целостную картину мира, с трудом выстраиваемую… Он бы вспомнил, но не успел.

Дверь десантного отсека откатилась в сторону. И их начали

убивать.

Тарантул спустился с лестницы в расчетное время, секунда в секунду.

Среди палаток не видно ни души. И не утренний холод был тому причиной – фаджр, обязательная рассветная молитва.

По лагерю Тарантул бежал быстро, но бесшумно. Дышал ртом и старался делать это неравномерно: долгая пауза, затем несколько быстрых, но неглубоких вдохов-выдохов… Нехитрая методика принесла результат – лицо раскраснелось, дыхание сбилось. Наверное, того же эффекта можно было добиться приемом какого-нибудь препарата, но Тарантул не любил без крайней нужды пичкать организм химией.

В нужную палатку он буквально ворвался – не спрашивая разрешения, вообще никак не оповещая о своем намерении.

Ворвался – и немедленно оказался под прицелом огромного «дыродела». Точнее, он был под прицелом, еще когда подбегал, владелец оружия мог при нужде стрелять по невидимым мишеням, на звук, – и не промахиваться.

Без приглашения сюда не входили. Никто и никогда. Потому что за перегородкой находился рабочий кабинет Эфенди.

Даже ворвавшись всего лишь в тамбур, игравший роль приемной, Тарантул рисковал сразу же получить пулю. Вполне возможно, и получил бы, если бы в роли здешнего цербера выступал человек.

Но целился в Тарантула генавр. Скорость реакции этого существа, многократно увеличенная генными изменениями, позволяла давать противникам изрядную фору, ничем ни рискуя.

«Дыродел» опустился мгновенно. Генавр за непредставимо малый промежуток времени оценил обстановку, вычислил степень опасности, принял решение. Обольщаться не стоило. Поступок Тарантула был вопиющим нарушением всех формальных и неформальных запретов. Просто генавр счел, что сможет ликвидировать нарушение, не применяя оружия.

Но немедленно к ликвидации не приступил, иначе Тарантул находился бы уже в свободном полете… Мозг генавра явно решал сейчас более сложную задачу: в чем причины странного поведения гостя – и не кроются ли среди означенных причин потенциальные угрозы?

И здесь таился шанс… С такими задачами генавры справлялись значительно хуже.

– Там… – воскликнул Тарантул, – там… мон дье… там…

Он задыхался. Ему не хватало воздуха и слов. Он бурно жестикулировал обеими руками, и порой сжатое в правой оружие

на доли секунды оказывалось направленным на генавра.

Зог не реагировал на эту направляемую на него пластмассовую игрушку, имитирующую пистолет, – сей объект давно (для генавра – давно, для остальных секунду-другую назад) опознан, идентифицирован и признан абсолютно безопасным.

Но и этим обольщаться не стоило. Даже выстрелом из боевого оружия генавра-охранника взять на расстоянии в два с половиной метра трудно: увернется от пули, рефлекторно отреагировав на вспышку выстрела. Без участия мозга – примерно так же, как нормальный человек отдергивает руку от горячего чайника. Только гораздо быстрее.

– Там… там… – задыхался Тарантул, приплясывая на месте и тыча рукой в полог. – Там…

– Профессор… – произнес Зог низким и словно со дна глубокой бочки раздающимся голосом.

И шагнул к выходу из палатки! В одной руке «дыродел», в другой поблескивает металлом здоровенный чемодан, настоящий носимый сейф…

Когда расстояние сократилось на два шага (что соответствовало трем шагам обычного человека), пластмассовый игрушечный пистолетик издал негромкий чпокающий звук, словно кто-то раздавил пальцами шарик баблпака.

На таком расстоянии не могла спасти даже феноменальная реакция генавра. Да и вспышки не было, работал пистолетик на сжатом воздухе.

Гигант не закончил очередной шаг. Нога, обутая в ботинок черт знает какого, но огромного размера, повисла в воздухе.

Одной порции курарина-би хватает, чтобы надежно парализовать все мышцы, но Тарантул быстро нажал на спуск еще дважды. Не хотел рисковать, кто знает, какие резервы сопротивляемости заложены в мутировавший организм, электрошок и нервнопаралитические газы на генавров почти не действуют, даже в смертельных для людей дозах…

Зог покачнулся и начал падать. Медленно. Как столетнее дерево. Как рушащаяся башня.

Тарантул подхватил, замедлил падение, не позволил грохнуться.

Генавр еще жил. Легкие, сердце, да вообще всё парализовано, – но он жил! Из полуоткрытого рта слышался слабый-слабый клекот. Зрачки неподвижных глаз расширились – внизу, у пола, было значительно темнее.

Тарантул не стал дожидаться смерти поверженного великана. Натянул длинные латексные перчатки, вынул спрятанный под комбинезоном инструмент, поименованный в каталоге как «пила

ампутационная листовая», приставил к неохватному запястью. Зажмурился было, но усилием воли заставил себя широко распахнуть глаза.

Полотно ножовки скользнуло по коже, сначала легко, по касательной, но зубья тут же зацепились, впились, чуть замедлились…

Тарантул поморщился, увидев на своем рукаве, выше перчатки, маленькое красное пятнышко. Он ненавидел грязную работу.

7. Большое таймырское сафари, завершение

Абдулла-хаджи, седьмой и любимый мюрид Учителя праведных Абу-Нагиля, стоял у ледяной стены, разделявшей два мира. Позади была Макка ал-Мукаррама, и Абдулла-хаджи даже затылком чувствовал исходящие оттуда свет и тепло. Впереди лежал мир, погрязший во тьме и насилии, утонувший в черном море грехов, отчаянно нуждающийся в свете истины.

Абдулла (тогда еще не хаджи) оказался у врат Святого Города год назад, и это были недобрые дни: нечестивые псы, карматы Абу-Тагира, незадолго до того ворвались в город, сея смерть и разрушения, а самое главное – уходя, забрали аль-хаджар аль-асвад, Черный камень Каабы, главную святыню мусульман. Кааба оделась в белый траурный саван…

Он мечтал вступить на путь мудрости, на путь праведных. Пришлось отложить и вернуться на путь меча.

Был поход, страшный поход через раскаленную пустыню, до самого Бахрейна, – и долгий кровавый штурм карматской твердыни.

Абдулла никогда не задумывался, как сумела армия праведных добраться посуху до островного Бахрейна, как в ней оказались не только вертолеты и бэтээры, сражавшиеся бок о бок с верблюжьей кавалерией, но и старые боевые товарищи: Муха, Носорог, Маленький Чаки, другие, – одни из них давно погибли, другие никогда не были мусульманами…

Не важно. Главное, что они победили, что святыня триумфально вернулась в Святой Город.

Начались месяцы ученичества, прикосновения к светлой мудрости… И конечно же, был хадж, одна из главных обязанностей любого мусульманина, глупо оказаться волею судьбы в Святом Городе и не совершить все полагающиеся обряды, и он совершил, и с гордостью надел зеленую чалму и белоснежную галабею.

Теперь пришло время не брать, а отдавать. Делиться светом с погибающими во тьме.

– Возьми меч Солнца и меч Луны, Абдулла, – произнес Учитель глубоким и звучным голосом. – И пусть рука твоя будет тверда, но не жестока, а сердце полно силы, но не злобы.

– Да, Учитель, – сказал Абдулла-хаджи, с поклоном принимая клинки.

Поправил чалму, одернул галабею, – и двинулся к миру,

ожидающему света. Длинная лестница вела вниз, ступени ее светились изнутри и казались сделанными из янтаря. Абдулла-хаджи шагнул на них и начал спуск.

– Да благословит Аллах тебя и путь твой! – прозвучало вслед напутствие Учителя.

Человек, которого Абдулла-хаджи знал как мудреца и Учителя праведных, Абу-Нагиля, а сержант Багиров – как приказчика Игната, внимательно следил за спуском грязного оборванца по ледяному обрыву. Соскальзывая, отчаянно цепляясь за малейшие неровности, тот добрался до части перерезанного троса, державшейся на вбитом в лед костыле, ухватился… Все в порядке, теперь не упадет.

Учитель и мудрец ухмыльнулся, показав темные гнилые зубы. И изрек нечто, не совсем мудрое и праведное:

– Всё же зря я тебя, утырка, на махан не пустил в Хатанге…

Препараты из аптечки помогли лишь отчасти. Лайза говорила быстро, возбужденно, никакого сравнения с той едва ворочающей языком женщиной, что с трудом доплелась до стоянки Ивана.

Показать мне рану она категорически отказалась – не время, дескать, если все пройдет удачно, появится смысл заниматься врачеванием, а если нет, то… Встать Лайза так и не смогла, хотя дважды пыталась… И выдавала мне последние инструкции, лежа у погасшего костра.

– Ты все запомнил? Все? Возьми, на всякий случай здесь записаны все коды, и даже нарисовано, куда нажимать.

Я кивнул, взял черный плоский футляр и повесил на шею. Какой именно случай она именует «всяким», не стал уточнять. Она и сама не знает, в каком состоянии окажутся мои мозги, когда я доберусь до мертвой зоны «Сатаны». И я не знаю, и никто в целом свете не знает… Даже аборигены, что как-то притерпелись и живут на периферии облучаемой зоны, на склонах Долины Мертвых, не знают. Они сродни людям, принимавшим яд крохотными, но постоянно увеличиваемыми порциями, чтобы приобрести иммунитет к смертельной дозе. Но и для них приближаться к модулю смертельно опасно.

Дойти до «Сатаны» мог только я, так уж сложилось. Кудесники из ЦВГ, запихавшие в мой организм аналог автопилота, позволяющий шагать даже в бессознательном состоянии, едва ли рассчитывали на такое его применение… Дойти-то дойду, но будет ли дошедший все еще мною? Загадка природы.

Полог чума откинулся, появился Иван, мой проводник в Страну Мертвых. Узнал я его не сразу, да и мудрено было:

исчезла меховая национальная одежда, исчезли меховые не то унты, не то валенки, – бесформенные, цилиндрические.

На последнем энце красовался пиджак древнего-древнего покроя, на груди поблескивало какое-то украшение. Брюки-галифе заправлены в начищенные сапоги, на голове кепка. Длинные черные волосы с белой прядью, собранные на затылке в «конский хвост», несколько дисгармонировали с общим имиджем, но впечатления не портили.

Талию Ивана стягивал ремень с латунной бляхой, на нем – три брезентовых подсумка ископаемого вида. За спиной висел карабин. Никакой другой поклажи потомственный шаман не взял.

Когда он подошел, я разглядел вблизи «украшение», вспомнил историю, рассказанную этнографом, и спросил:

– Трудовое Красное Знамя?

– Кто как зовет… Большие начальники «знамя» называли. Простые русские «шестеренка» называли. Я «бдыбильдо» зову.

– От прадедушки достался? Или от прапрадедушки?

– Зачем от дедушки? Большой начальник Шорохов мне давал.

Шорохов, значит… Главный чекист Таймыра… Почти два века назад…

– Понятно… – сказал я. – А совсем как новый.

– Берегу, редко достаю. Сегодня можно. Пошли?

– Пошли…

– Нам пора, – сказал я Лайзе по-немецки. – Надо спешить. Постарайся уснуть. Когда проснешься, мы уже вернемся.

Я намеренно говорил коротко и деловито. Хотел избежать долгих прощаний. Поскольку подозревал, что прощаемся мы навсегда. Лучше не растягивать такие моменты.

– Подожди, – остановила меня Лайза, когда я уже шагнул вслед за шаманом-орденоносцем. – Давно хотела сказать…

Тщательно выговаривая, она произнесла три слова на русском.

Так и знал, что ее познания в великом и могучем глубже, чем «привет» и «спасибо». Как бы иначе столковалась с Иваном?

Тарантул парил в небе. А профессор Птикошон остался на земле – сброшенная пустая шкурка, личина, отслужившая свое.

Он любил летать на воздушных малютках – никакого сравнения с вертолетом или стратопланом, где слишком много слоев металла и пластика отделяют человека от живого синего неба…

Туман остался позади, туман жался к Бырранге, а здесь было хорошо – солнце, безоблачное небо, встречный поток свежего воздуха… Летел бы и летел, до самого конца, до цивилизованных

мест. Увы, даже при благоприятных условиях дальше чем на двести километров на мотодельтаплане этой модели не улететь, если не ставить дополнительный бак. Он бы поставил, но взлетный вес и без того получился предельным – сзади, на пассажирском месте, стояла добыча, весившая немало.

Так что стоило подумать о приземлении, не сжигая остатки топлива. При полетах на мотодельтаплане обычно не возникает проблем с выбором места для вынужденной посадки: крохотный аппарат может приземлиться на дороге, на площади, на ровной и гладкой лужайке.

Беда в том, что дорог и площадей внизу не имелось. А гладкость тундры вызывала сильные сомнения… Но Тарантул привык заранее просчитывать такие моменты.

Приземляться было рискованно – и он приводнился на поверхность небольшого тундрового озера. Аппарат был комбинированный, у пилота имелась возможность надуть поплавки-баллоны прямо в полете.

Птицы, в изобилии гнездившиеся на берегах, тучей поднялись в воздух, но быстро расселись по местам, дичь здесь обитала непуганая.

Все шло хорошо. Просто идеально. Тарантулу это не нравилось, он бы предпочел какую-нибудь возникшую по ходу дела каверзу, преодолимую, разумеется, – в качестве искупительной жертвы судьбе.

Вода казалась черной, а небольшое по размерам озерцо – бездонным. Иллюзия, объясняемая цветом донного грунта, но Тарантул чувствовал себя не совсем в своей тарелке. А вдруг тот бред, что он бойко излагал в ипостаси профессора Птикошона, неожиданно окажется правдой? И из глубины вынырнет огромная, древняя и зубастая тварь? Вот уж случайность так случайность… Непредвиденная.

Чушь, конечно же… Всю теорию о гигантских земноводных он слепил, не особенно утруждаясь, черпая информацию из Сети. Полазал по древним сайтам, уже несколько лет необновляемым, кое-какие данные подкорректировал, кое о чем не стал упоминать, кое-что присочинил, – и до чего же складно получилось! Настоящие криптозоологи, подозревал Тарантул, работают по той же схеме.

Разумеется, единственное доказательство – последние кадры, переданные якобы сожранной псевдощукой – фальшивка, сработанная заранее, еще на Большой земле…

Всё так, но на озере Тарантулу было тревожно. Мерещился чужой и чуждый взгляд, устремленный снизу сквозь толщу воды.

Не заглушая двигатель, он подогнал аппарат к берегу,

высадился и выгрузил багаж, а затем без сожалений затопил мотодельтаплан.

Предстояла последняя фаза операции, самая ответственная.

– Баг! Вернулся! Вернулся, мать твою!

Абдулла-хаджи обернулся на крик. Он не знал подбегавших. И прошел бы мимо, не тронув их, – Учитель послал его исполнить важное и срочное дело, заниматься пустяками недосуг.

Но они не отставали, называли Абдуллу какой-то гнусной кличкой, более подходящей для собаки, один из них протянул свою грязную лапу и схватился за белую галабею, оставив пятна…

Меч Луны бесшумно рассек воздух, и не только. Затем сверкнул в коротком выпаде. Абдулла-хаджи развернулся и продолжил свой путь.

Большой Пепс умер почти мгновенно. А Шуруп всё никак не хотел расставаться с поганой здешней житухой, давненько им проклинаемой, – ухватился двумя руками за горло, рассеченное десантным ножом, сжал, стиснул, желая остановить кровь и удержать вытекающую жизнь… Борьба с неизбежным длилась пару минут и закончилась вполне предсказуемо.

…Учитель, как было всегда, оказался прав. Вертолет – железное порождение шайтана – стоял именно там, где велел его искать Абу-Нагиль.

Абдулла-хаджи резким движением откатил дверь, запрыгнул внутрь. И сразу же пустил в ход меч Луны и меч Солнца.

Светлановский проспект был таким же, что и раньше. До Дня Станции, до Большой волны, до многих миллионов тонн песка и ила, поднятых обезумевшей водой со дна залива и обрушенных на город…

Все было привычно и знакомо.

Зеленели тополя.

Смеялись дети.

Два бомжа дрались из-за найденной бутылки. Мне захотелось их расцеловать.

Впереди высилась многоэтажная «шайба» Северного шопинг-центра, недалеко, минут пятнадцать неторопливым шагом, но я неторопливо не сумею, я побегу и буду смеяться и плакать на ходу, не прекращая бега… Потому что там, за «шайбой» – уродливой для нового человека, а нам привычной – стоит неприметный восьмиэтажный дом, часто снившийся мне ночами, и я взбегу на второй этаж, и звонок взорвется ликующим воплем, и дверь распахнется, и…

Рука. Не моя. Чужая, хоть и растет из моего плеча.

Изогнулась, тянется к шее. В ней карпульный шприц. Зачем?

«Шайба» приближалась на удивление быстро, словно серая лента тротуара стремительно двигалась под моими подошвами, причем в попутную сторону. На короткую колющую боль я не обратил внимания. Я торопился. Я спешил домой.

Сейф лежал на мягком мху, как на перине. К его замку прилипло металлическое устройство, изначально непредусмотренное конструкцией. Что-то там пощелкивало, попискивало, – Тарантул не вмешивался в работу электронной отмычки. Сейчас откроет, пять минут – самый максимум, возможный в крайнем случае, если из огромного, но все же конечного числа перебираемых комбинаций верной окажется последняя.

Но справиться с замком и поднять крышку – полдела, его самая простая и легкая часть. Потому что под первой крышкой окажется вторая, и запор там другой, отпираемый дистанционно с помощью сигнала, каждый раз нового, завязанного на дату, время, биометрию владельца и кучу других вещей… И попробуй ошибись хоть в самой малости, – тут же активизируется система уничтожения и на исправление случайной ошибки останется ровно двадцать секунд.

История о том, как Тарантул ухитрился несколько раз тайно записать сигнал, как бился с его расшифровкой и алгоритмом, каким изысканным способом произвел проверку достигнутого результата, – отдельная песня. Да что там песня – эпическая поэма! Именно в том и состояла главная трудность растянувшейся на годы операции. В сравнении с ней перестрелять охранников, хотя бы и генавров, – детская забава.

Награда соответствовала масштабу подвига. Тарантул знал, что внутри. Электронные дорожные чеки на большие суммы – для тех немногих мест, где уцелели остатки банковской системы. Пачки банкнот – валюты разные, самые ходовые, номиналы крупные – для тех частей мира, где банков нет, но все же сохранились остатки цивилизованности. Монеты и небольшие слитки, золотые и платиновые, и даже два десятка ограненных алмазов, примерно одного веса и стоимости, – универсальное платежное средство для мест диких, практикующих самую первобытную торговлю.

Но это все мелочь… Вернее, общая сумма огромна, но в сравнении с остальным состоянием аль-Луаньяна – мелочишка на карманные расходы. Все это можно бросить здесь, большого убытка не будет…

Потому что в сейфе хранился раллер – на вид обшарпанный,

старый, непонятно как и зачем здесь оказавшийся. Точно так же в набитой сокровищами пещере, куда забрел пытливый юноша по имени Аладдин, валялась в углу запыленная, исцарапанная лампа, позабытая и никому не нужная.

Но именно лампа была главным сокровищем в пещере. А раллер – в сейфе, он давал прямой выход на главный банковский счет Эфенди, не больше и не меньше. С возможностью бесконтрольного распоряжения.

Конечно, счет будет заморожен, едва владелец разберется в ситуации. Но Тарантул недаром побывал сегодня в радиорубке, и знал: несколько часов у него в запасе есть.

За несколько часов грамотный человек может сделать очень многое. Даже отсюда, из таймырской тундры. Все рассчитано идеально – спутник появится в зоне приема через двадцать три с половиной минуты. И тут же начнется ударная экспроприация экспроприатора. Первый транш уйдет Триаде, без него вертолет, который должен прилететь и вывезти Тарантула на мыс Четыре Креста, в воздух не поднимется.

А потом…

Электронная отмычка сработала. Наружная крышка поднялась. Устройство, напоминавшее коммуникатор, выдало кодированный сигнал абсолютно бесшумно. Тишина стояла мертвая. Тарантул не дышал, в самом прямом смысле, организм позабыл, что имеет такую функцию.

Через миллиард лет томительного ожидания прозвучали несколько первых тактов детской песенки. Тарантул хотел заплакать, но он не умел.

Внутренняя дверца отворилась – сама, словно услышав «Сезам, откройся!»

Тарантул увидел именно то, что должен был увидеть, – монеты, банкноты, чеки, слитки, раллер… То, что видел не раз в своих снах.

Через миг наваждение рассеялось. Всё было не так, как представлялось. Кто-то и зачем-то завернул сокровища в большой сверток из упаковочной бумаги, местами испачканной. И нарисовал на бумаге маркером картинку – стилизованная кисть руки, четыре пальца согнуты, средний оттопырен.

Тарантулу повезло. Он не успел ничего понять. Сверток взорвался, вспыхнул ослепительной сверхновой звездой, испепелившей и поглотившей Тарантула.

Популяция диких северных оленей на Таймыре переживала не лучшие свои времена. Далеко не лучшие. Возможно, последние…

Одни пастбища исчезли в пучине вновь образовавшегося моря. Другие уцелели, но любой человек, имеющий радиометр или аналогичный прибор, обошел бы их десятой дорогой.

У оленей радиометров не имелось. Они щипали зараженный ягель, а потом важенки телились странными и уродливыми оленятами, погибавшими вскоре после рождения. Олени не умели удивляться и не умели понять, что все в мире сдвинулось, что все идет не так…

Они, пока могли, пытались жить, как многие поколения их предков, кочевавших по тундрам и предгорьям. А когда не могли – погибали.

Олени вымирали.

Едва ли десятая часть от прежних бесчисленных стад двинулась в ежегодную осеннюю откочевку. Но в абсолютном значении их оставалось еще много, счет шел на тысячи голов.

Словно живая серая река текла по долине – олени двигались на юго-запад, в Авамскую тундру, куда позже приходит зима и ягель дольше остается питательным и сочным.

Так было тысячи лет назад. И в позапрошлом году. И в прошлом…

Но теперь случилось то, чего не случалось никогда. Зона действия излучателя «Сатаны» увеличивалась медленно, исподволь, почти незаметно… Но увеличивалась. И в этом году пересеклась с путем миграции северных оленей.

И произошло небывалое.

Вожак – огромный матерый самец с развесистыми рогами – остановился, замер, глубоко втягивая ноздрями воздух. Издал трубный призывный звук, хотя до гона оставалась еще пара месяцев. И устремился в сторону, почти под прямым углом к прежнему направлению движения.

Остальные поначалу двинулись за ним по инерции, по привычке следовать за вожаком. Но вскоре излучение подействовало и на них.

Живая река хлынула в новое русло, слишком тесное для нее, – в узкий горный проход, ведущий в сторону от долины.

Олени давили друг друга. Олени ломали ноги на каменистых осыпях, падали и тут же превращались в кровавое месиво под ударами десятков и сотен копыт. Олени ни на что не обращали внимания. Несколько сотен животных рвались в свой олений Рай.

Создатели «Сатаны» не раз говорили, что их детище – «умное» оружие. Преувеличивали, конечно же, ума у комплекса было не больше, чем у бетономешалки с компьютерным блоком управления. Но цепь обратной связи имелась – с ростом числа активных целей мощность удара автоматически увеличивалась.

До сих пор прирост шел постепенно. Сейчас произошел резкий всплеск. И столь же резкое расширение зоны действия, разом зацепившей еще несколько оленьих стад, движущихся той же дорогой. Процесс пошел лавинообразно, но долго не продолжался.

Выйдя на пик мощности, аппаратура продержалась пять или шесть секунд. Затем «сердце» комплекса – генератор тета-частоты – не выдержало нагрузки.

Образно говоря, смерть «Сатаны» произошла от инфаркта. Но в предсмертные пять секунд пси-удар накрыл огромную площадь.

…За несколько секунд до того, как вожак оленьего стада застыл на перепутье, Эфенди пытался связаться с группой Хасана Бен-Захра. Безуспешно пытался. Зону действия УКВ группа явно покинула. Техники обещали восстановить дальнюю связь в течение двух часов. Посмотрев на их бледные лица и подрагивающие руки, Эфенди счел такой прогноз чересчур оптимистичным…

Сам он был реалистом. И хорошо понимал: охота закончена. Охота полностью провалилась.

Он понял это в тот момент, когда охваченная пламенем «Стрела» неслась к земле. Ни на одном из его многочисленных сафари не случалось таких трагедий. Платить за рекордный трофей почти полусотней жизней он не был готов.

Значит, не судьба.

А вскоре выяснилось, что охотился Эфенди за призраком… За миражом. И изначально не имел шансов на успех.

Прав оказался Хасан, никогда не веривший в таймырского монстра и с большим подозрением относившийся к теориям Птикошона. Но даже Бен-Захр не смог разглядеть, кто скрывается под маской говорливого и взбалмошного франко-канадца. Хасан считал, что это всего лишь жулик, достаточно экстравагантным способом выманивающий деньги у богатых остолопов. А оказалось…

Когда Эфенди смотрел запись, сделанную скрытой камерой в его приемной, сначала его чуть не стошнило при виде хладнокровной и методичной ампутации. Потом он не поверил. Смотрел, все видел своими глазами, – и не верил. Ему случалось иногда ошибаться в людях, но чтобы настолько…

Вся экспедиция на Таймыр стала ошибкой, с того самого момента, когда смутная идея о ней родилась в эль-парижском кабинете Эфенди. Родилась с подачи Птикошона, разумеется…

Последнюю ошибку он совершил минувшей ночью, когда отпустил Хасана. Не хотел отпускать… Но взглянул в глаза – и отпустил. Понял, что иначе тот улетит без разрешения.

Хасан всегда казался ему зверем. Одним из тех хищников, которых Эфенди стрелял в разных уголках гибнущей планеты. Леопардом, например. Прирученным, носящим ошейник, выполняющим команды… Но лучше никогда не заглядывать такому зверю в глаза. Потому что можно увидеть там собственную смерть.

Хасан улетел, и тут же выяснилось, что без него ситуацию в лагере под контролем не удержать. И его, и его людей, и вертолет – последнее уцелевшее транспортное средство – надо вернуть, и как можно быстрее. Надо – но не получалось. Связи не было.

Он вышел из палатки-кабинета (в приемной теперь никто не дежурил). Проклятый утренний туман наконец развеялся, и над Таймыром-17 виднелись лишь последние легкие клочья. Эфенди раздраженно посмотрел на озеро, а на небо – с надеждой. Прислушался… Нет, вертолета не видно и не слышно.

И тут его *накрыло*. И его, и весь лагерь, и горы, и озеро… Удар ощущался даже физически, и Эфенди показалось, что произошел очередной подземный толчок.

По озеру бежали волны, расходясь концентрическими кругами, словно кто-то поднатужился и зашвырнул в воду громадный камень, шлепнувшийся в полукилометре от берега.

Но никакого всплеска Эфенди не увидел и не услышал. Вместо этого поверхность озера бесшумно приподнялась, набухла холмом. Через мгновение взгорбившаяся вода хлынула в стороны, Эфенди разглядел непонятный темный объект. Отдаленно он напоминал термитники, виденные Великим в Африке, – нечто неправильно-коническое, скругленное, но более низкое и широкое… Над водой «термитник» возвышался метра на два или чуть более.

Но чем бы ЭТО ни было, оно плыло. Плыло само по себе, достаточно быстро, оставляя хорошо заметную кильватерную струю. Плыло к берегу.

Эфенди понял все. Байки шарлатана и по совместительству садиста-убийцы неожиданно угодили в десятку. Или очень близко к ней…

Он метнулся в палатку. Тут же выскочил обратно с длинным и плоским футляром в руках. Футляр был роскошный, из полированного красного дерева, такого футляра не постыдилась бы и скрипка Страдивари, – Эфенди опустил его на камни без всякой бережливости.

Открывал замки торопливо, ломая ногти, – не упустить момент, не позволить дичи уплыть. Откинул крышку, поднял голову, – и понял, что дичь уплывать не собирается. Скорее наоборот…

Тварь плыла не просто к берегу – прямо к лагерю. И уже преодолела две трети расстояния.

Оружие, хранившееся в достойном Страдивари футляре, не уступало изделиям великого итальянца ни количеством вложенного труда и умения, ни тщательностью отделки, ни стоимостью. Симфонию, конечно, не исполнить, так ведь и скрипка не застрелит даже воробья…

Нарезной двуствольный штуцер калибра.58, работы Шайринга-младшего, сделанный по спецзаказу Эфенди. Прототипом послужил «ройал», знаменитый «африканский» штуцер, пуля из которого опрокидывает навзничь взрослого слона, но калибр был увеличен.

Эфенди собирал штуцер, не отрывая взгляд от зверя. И собрал очень быстро, он мог сделать это в кромешной тьме или с завязанными глазами.

Вынырнувшая из озера тварь оказалась на мелководье и теперь приближалась значительно медленнее. Но все-таки приближалась…

Ничего хорошего в этом не было. Поговорку «на ловца и зверь бежит» в позитивном смысле можно рассматривать только в применении к белкам-зайчикам и тому подобной мелочи. Стрелять «в штык» крупного и опасного зверя, способного покалечить охотника, – самый рискованный вид стрельбы.

Эфенди не колебался. Патроны лежали здесь же, в футляре, в отдельных гнездах. Специально разработанные для оружия, существующего в единственном экземпляре. Эфенди вложил два в стволы, еще два опустил в нагрудный карман. Больше не потребуется. Хватило бы и двух, если зверя не остановят две пятидесятиграммовые пули, то не остановят и четыре…

Неписаный охотничий кодекс запрещал применять для снаряжения пуль любые взрывчатые или отравляющие вещества. Легальный путь для увеличения убойной силы оружия – увеличить калибр, то есть массу пули и навеску пороха. Но до бесконечности его увеличивать нельзя, отдача будет сбивать с ног и ломать кости.

Есть и другой способ – стрелять с минимальных расстояний. Крайне рискованный способ. Эфенди решил рискнуть.

Он медленно шагал к берегу, сокращая дистанцию. Штуцер держал наготове. Пятьдесят метров, сорок пять… Тварь двигалась теперь не быстрее, чем шагал Эфенди. Казалось, что два дуэлянта сходятся по команде «к барьеру!»… Сорок… Тридцать пять…

Тварь остановилась. Замерла. Вернее, замерла та ее часть, что возвышалась над водой. Ниже поверхности происходило какое-то движение, вода была неспокойна, что-то там двигалось у самой

поверхности… Понять бы еще, что именно.

Эфенди тоже остановился. Дуэлянтов разделяло тридцать метров или чуть меньше. Он понятия не имел, на что способна тварь. Может ли она двигаться по суше? Если да, то с какой скоростью? Что скрывается под неспокойной водой – лапы, плавники, щупальца, ласты?

Одно он знал точно – ничего подобного он за долгую карьеру охотника не встречал. И другие охотники современности и минувших веков тоже. Ну разве что в совсем незапамятные времена, когда люди не оставляли письменные свидетельства своих охотничьих подвигов, ввиду поголовной неграмотности…

Он принял удобную для стрельбы позу, широко расставил ноги, – отдача у такого штуцера чудовищная, даже сильных и крепких людей сбивает с ног, если они стоят неправильно.

Эфенди прицелился. Промахнуться по такой цели и на такой дистанции трудно, но в зверя огромных размеров мало просто попасть. Надо попасть удачно, зацепить жизненно важный орган.

Где у чудовища находятся таковые, Эфенди не знал. И он прицелился низко. Так, чтобы пуля вошла в тушу чуть выше «ватерлинии». Решил последовать старому правилу стрельбы по водяным и водоплавающим тварям. От добра добра не ищут.

Зверюга никак не реагировала на действия стоявшего на берегу человека. Возможно, она их просто не видела, ничего похожего на глаза Эфенди не разглядел. Хотя они могли таиться в складках кожи – морщинистой, бугристой, покрытой трещинами. Более всего тварь напоминала корягу, или пень, оставшийся от спиленного баобаба, неизвестно каким ветром занесенный на Таймыр и там оживший, – «кора» двигалась, перекатывались под ней легкие судороги.

Эфенди плавно потянул спуск. И едва устоял на ногах от мощнейшего удара в плечо. Без компенсатора отдачи – не устоял бы. Выстрел звуком напоминал пушечный. Бырранга откликнулась громким эхом.

Тварь взметнулась в воздух. Вверх и вперед – на берег, на Эфенди. Он выстрелил из второго ствола.

Казалось, бросок зверя ничто не остановит. И уж тем более кусочек свинца, ничтожный в сравнении с размерами и массой цели. Но так лишь казалось… Как заверяет наука физика, энергия движущихся тел пропорциональна их массе и скорости, но скорость в этой формуле возводится в квадрат… Скорость пули, вылетевшей из штуцера Эфенди, в два с лишним раза превосходила скорость звука.

Тварь рухнула на самой границе воды и суши. Поток взметнувшейся воды окатил Эфенди. Он быстро переломил

штуцер, вставил новые патроны.

Однако стрелять не потребовалось… Чудище не билось в агонии, вообще не шевелилось.

Вот и всё… Он нагнулся, уже неторопливо, никуда не спеша. Поднял стреляные гильзы, убрал в карман. Для музея. Эфенди верил, что когда-нибудь появится музей, посвященный его подвигам. Может, не сейчас и не в этом мире, но появится.

Рядом послышались аплодисменты, негромкие, сдержанные. Эфенди повернулся и увидел группу людей, стоявшую невдалеке, на небольшом возвышении берега. Оружия у них не было, но Эфенди сразу понял, кто перед ним.

– Поздравляю, сэр, отличный выстрел, – сказал лорд Демфри, четвертый виконт Спеллоу. – Дорого бы я дал, чтобы увидеть мушку своего «бленда» на фоне этой милашки!

– Неплохо, неплохо… – скупо похвалил маркиз Рипон.

Маркиз был очень похож на свой портрет, висевший в «Шутер-клабе», и говорил именно так, как представлял Эфенди, с легкой французской картавинкой.

Единственная женщина в компании (герцогиня Бедфордская?) восторгов не проявляла. Ни скупых, ни бурных. И не аплодировала. Откинув вуалетку с охотничьей шляпки, что-то негромко втолковывала своему соседу, багроволицему здоровяку с пышными бакенбардами.

Здоровяк, явно не вняв резонам герцогини, широко улыбнулся Эфенди, сделал приглашающий жест и произнес:

– Присоединяйтесь, граф де Луаньян! Мне кажется, нам стоит немного отпраздновать вашу победу!

Да, все правильно, понял Эфенди, его место там, среди Великих Охотников, но сначала… Он шагнул к туше поверженного чудища, выдернув из ножен клинок. Нет, не нож, – хиршфангер, охотничий кортик из своей коллекции, размерами и формой более напоминавший меч средних размеров. Как и когда оружие оказалось на его поясе, Эфенди не понял, но каким-то образом оказалось.

Но что же здесь взять? У волка в такой ситуации отрезают уши, у слона – хвост (бивни – потом, забрать этот трофей не так легко и просто), у кабана-секача выламывают из челюсти клык… Ладно, сойдет и кусочек шкуры, в конце концов это всего лишь символ победы, не более.

Едва сталь кортика коснулась морщинистой и бугристой шкуры, та лопнула. Треснула на всю высоту туши, сверху донизу. Края трещины немедленно разошлись в стороны, и показалось, что за ними ничего нет, черная пустота, бездонный космос без звезд и планет. Затем в пустоте вспыхнули три глаза, огромные и

светящиеся, как фары мобиля, расположенные равносторонним треугольником.

Больше Эфенди не видел ничего, не в силах отвести взгляд от неподвижных зрачков чудовища, непропорциональных, до странного крохотных.

Что-то сбило его с ног, удар был страшен, все вокруг быстро потемнело. Но три глаза никуда не делись, по-прежнему маячили перед ним. Как по берегу метнулись чудовищные щупальца, сминая и круша палатки, Эфенди не видел.

Последним его ощущением и последней мыслью стало чувство огромной обиды и несправедливости: таких глаз нет и не может быть ни у одного порожденного эволюцией существа, значит, он все-таки подстрелил мутаборское создание, какой позор, да еще и при Великих…

Потом мыслей и чувств не осталось, Эфенди падал, летел в пропасть бездонных глаз и никак не мог долететь.

Абдулла-хаджи ничего не понимал. Сержант Багиров – тоже. Но оба чувствовали, что немного сошли с ума… И оба умирали.

Мысли того и другого странным образом смешивались в одной и той же черепной коробке. Но однородный коктейль не получался.

Мир они видели одним глазом на двоих, второй был выбит или залит спекшейся кровью, проблема эта казалось второстепенной и не заботила сейчас ни того, ни другого. И ограничивался весь наблюдаемый мир десантным отсеком вертолета. Здесь вповалку лежали мертвецы. И двое живых – выглядевшие со стороны, как единственный едва живой полутруп – пытающиеся разобраться, что происходит.

Получалось примерно так:

Он ворвался в вертолет, потому что…

…это был шанс, долгожданный шанс вернуться в нормальный мир, к нормальным людям… ну ладно, пусть к относительно нормальным, но все же не пожирающим друг друга.

…дети шайтана, засевшие в железном чреве, угрожали Святому Городу, так говорил Учитель, а Учитель никогда не ошибался.

Ворвался и…

…разил мечом Луны, и мечом Солнца, и был близок к победе, и победил бы, если бы противостояли ему нормальные люди, пусть и продавшие души Отцу Греха. Но с ними было какое-то порождение Джиханнама, скорее всего ифрит, тварь чудовищной живучести и силы, Абдулла-хаджи сумел повергнуть и его, но слишком дорогой ценой.

…бил ножом, стрелял из «дыродела», одновременно успевая прокачивать обстановку и пытаясь понять, кто тут пилот, потому что пилота убивать не стоило. И был близок к успеху, но подвернулся какой-то хренов генавр – хоть и далекий от нормальных своих кондиций, однако живучий, как сотня кошек, и все-таки Баг его достал. Но и ему досталось не хило.

А сейчас вертолет куда-то летел, и…

…и это стоит немедленно пресечь, если бы Аллах хотел, чтобы люди летали по воздуху, он бы создал их с крыльями.

…и надо добраться до пилота, приставить дуло к голове, приказать изменить курс.

Рука медленно ползла вперед – и доползла. Пальцы Абдуллы сомкнулись на рукояти меча Солнца, а Багиров ухватил «дыродел». Затем оба двинулись вперед, ползком по залитому кровью полу отсека, двинулись очень медленно, не в силах подняться. Дверь в пилотскую кабину казалась далекой и недостижимой. Абдулла-хаджи подумал, что может добираться до нее всю оставшуюся ему жизнь, – и все же не доберется. Багиров впервые был с ним полностью солидарен.

При первом взгляде на Долину Мертвых у меня возникли две мысли.

Первая: ну до чего же она маленькая! Совершенно не понять, как здесь уместился преизрядный кусок моего родного города с тянущимся вдаль Светлановским проспектом.

Вторая: это ж сколько здесь трупов!

Трупов и вправду хватало. С избытком. Трупы людей и трупы животных, совсем свежие и разложившиеся почти до скелетов. В некоторых местах они лежали так густо, что не позволяли разглядеть скудную здешнюю растительность.

Смердеть все это хозяйство должно было сногсшибательно. Но не смердело, не знаю уж почему. Скорее всего, причина субъективная: мое обоняние, очутившись в этакой атмосфере, объявило решительную и бессрочную забастовку.

И лишь чуть позже, вдоволь наглядевшись на долину и трупы, я понял самое главное: «Сатану» я не нашел. Не нашел по уважительной причине – «Сатаны» здесь не было.

Воронка каплевидной формы имелась, но сколько я ни вглядывался в склоны и в жидкую грязь на ее дне, ничего не разглядел. Ни обломка, ни куска обшивки, вообще ничего.

А ведь казалось, что самое сложное – сюда добраться, а дальше проблем не возникнет. Или они возникнут, но вполне решаемые. На худой конец, не решаемые, но все же очевидные. Но чтоб вот так – совсем ничего…

Подсознательно мне представлялся космический аппарат изрядных размеров с треснувшей, расколотой обшивкой, стоящий посреди горной долины. И я в ту трещину проникну и быстренько разберусь в аппаратуре, сверяясь со шпаргалкой Лайзы, и отключу генератор. А уходя, активизирую систему уничтожения, и на табло замигает обратный отсчет, и механический голос объявит, что у всех не желающих превращаться в горсточку пепла есть ровно пять минут, чтобы убраться подальше от модуля, и я поспешу, но какая-то дурная случайность или чья-то злая воля мне помешают, но я, разумеется, героически их преодолею, однако не сразу, а когда на таймере останется секунда-другая, – и покину модуль длинным красивым прыжком, преследуемый огненной волной взрыва. И, как положено, долгий-долгий поцелуй с подоспевшей Лайзой. На фоне завершающихся титров.

А тут воронка с болотной жижей… И никаких предпосылок для героизма. Обидно.

При взгляде на воронку у меня появилась одно предположение… Я пустил в ход нож, стал скрести склон, копал, – и докопался-таки. Не до аппарата с треснувшей обшивкой, разумеется. И даже не до его обломка, отброшенного взрывом.

Лед… Не те принизывающие землю кристаллики, что мы зовем вечной мерзлотой, – натуральный сплошной лед.

Я еще раз внимательно огляделся, игнорируя трупы и обращая внимание лишь на склоны долины. И, как мне показалось, понял, что здесь произошло. Не сейчас, и не после Дня Станции, – многие тысячи лет назад, или даже десятки тысяч.

Когда-то дно долины находилось значительно ниже, на сотни метров. Фактически здесь была обычная таймырская тундра, глубоким языком вдающаяся в горы Быррангы. Язык этот по форме напоминал бутылку с узким горлышком. Наверняка здесь протекала речушка, или ручей, должна же была куда-то стекать талая вода с горных склонов. А потом в горлышке бутылки появилась пробка, обвал перекрыл выход из долины. И она, лишившись стока, начала наполняться водой. Известная история, многие горные озера возникли именно таким образом.

Когда и как озеро промерзло до дна и превратилось в ледник, – не знаю. Я, в конце концов, не геолог. Но превратилось. Будем считать, что во время Великого оледенения… Или не до конца превратилось? И где-то глубоко-глубоко подо мной есть еще незамерзшая вода?

Не важно. Важно то, что при последующем потеплении ледник не растаял – сверху появился нанесенный слой почвы, растения наросли… Теплоизоляция.

А спустя много тысяч лет сюда, на ископаемый и скрывшийся с глаз ледник, свалился космический модуль. Раскаленный. «Мягкое падение» все-таки не управляемый спуск, и предназначен спасти прежде всего аппаратуру, люди бы такого не выдержали… И обшивка была очень горячей. Ну а дальше понятно…

Насколько глубока ледяная могила «Сатаны», я понятия не имел. Может, счет идет на метры. Или на десятки метров. А то и на сотни, если учесть сейсмические подвижки, корежащие древний ледник. «Пробку» постоянная сейсмоактивность уже разрушила, внешний край ледника открыт и постепенно тает. Скоро совсем растает. По геологическим меркам скоро – через тысячу лет, или через две, или через десять. В любом случае мне не дождаться, когда покажется оттаявшая обшивка модуля. И ножом до нее не докопаться.

Из моей умозрительной теории следовал практический вывод, довольно гнусный. Вот какой: дни мои закончатся здесь, у воронки. И очень скоро. «Сатану» не отключить, сейчас я в мертвой зоне, но сделаю хоть сотню шагов в сторону – попаду под облучение. «Автопилот» не даст упасть, но в лучшем случае вернет меня обратно, к воронке. В худшем – я присоединюсь к здешней коллекции трупов людей и животных… Хотя, почему «в худшем»? Не самый плохой вариант, кстати. Умру с приятностью и не зная, что умираю. Лучше, чем сидеть, где сижу, и медленно подыхать с голоду. Решено, попробую вернуться на Светлановский…

Немедленно, чтобы не передумать, я пошагал обратно – к выходу из долины, где расстался с Иваном. Шагал и каждую секунду ждал: сейчас, ну вот сейчас, зазеленеют вокруг тополя и я услышу детский смех…

Ничего. Я шагал и шагал Долиной Смерти, стараясь не наступать на трупы. Получалось не всегда, слишком густо лежали.

Обернулся – расстояние до воронки уже превышало радиус мертвой зоны. Как ни округляй, как ни делай скидки на то, что «Сатана» лежит чуть в стороне – все равно превышало.

Что стряслось-то? Батарейка села? Именно сейчас?

Иван призывно махал рукой. Я пошагал к нему. Отчего-то мне уже не хотелось очутиться на Светлановском.

– Ты зачем убил этих людей?

– Стреляли, – пожал плечами Иван. – И я стрелял. Но я хорошо стреляю.

И впрямь неплохо… Десятка полтора жмуриков, не меньше. В основном мужчины, но есть и пара женщин. Несчастные, в сущности, люди, подумал я. Способные жить лишь на узкой

полоске земли, на границе зоны облучения… Уходить, наверное, могли, но всегда возвращались обратно, как завзятый наркоман возвращается к своему продавцу наркотиков.

Моя жалость к паразитировавшим при «Сатане» созданиям испарилась очень быстро. Буквально через сотню шагов, когда мы проходили через их убогий лагерь. Достаточно было взглянуть на колоду для разделки туш. И на то, что на ней лежало.

…Лайза была в сознании. Но не сказал бы, что в чистом и ясном… Пришлось повозиться, пока она соизволила обратить внимание на законного супруга.

– Если бы знал, где я сейчас была… – шептала благоверная. – Если бы ты только знал…

Широко распахнутые зеленые глазищи смотрели сквозь меня куда-то вдаль. Ладно хоть не спрашивает про «Сатану». Потому что ответить нечего.

Но я ошибся. Про «Сатану» Лайза не забыла.

– Ты сделал это… Его больше нет…

– С чего ты взяла?

Ответить она оказалась не в силах… Лишь указала взглядом на свою камеру, лежащую рядом. И потеряла сознание…

Я впервые смог взять в руки эту электронную игрушку. Дульному срезу со слабыми следами нагара, обнаруженному под объективом, не удивился, стоило ожидать.

Но камера Лайзы оказалась не только камерой, совмещенной с пистолетом. На экранчик видоискателя – в том режиме, что был сейчас включен, – должна выдаваться некая информация. Пеленг, насколько я мог судить, и мощность засеченного сигнала…

Пеленг отсутствовал.

Мощность равнялась нулю.

Я все понял. И одновременно не понял ничего. Случается и такое.

Понял, зачем Лайза не расставалась с этой игрушкой, в то время как у Осби и других операторов имелась куда более совершенная аппаратура. Лайза просто пеленговала с разных точек «Сатану», уточняла приблизительно известное местоположение.

И не понял, что стряслось с «Сатаной». В самом деле «сдохли» аккумуляторы? Или выработал ресурс генератор? Именно сейчас, не раньше и не позже? Непонятное совпадение, но мне только на руку. Может, индийские генералы теперь успокоятся… А то ведь могут затеять новый тур той же игры, будут зондировать или бурить ледник, добираясь до модуля, – если, конечно, их приблизительные данные не чересчур уж приблизительны.

Остальных игроков можно не принимать в расчет. Точка, где

лежит «Сатана», им неизвестна, а Таймыр велик. Пускай ищут, если больше заняться нечем.

Решено, возьму грех на душу и оставлю супругу в заблуждении. Пусть считает мужа героем.

Через минуту я понял, что неведение Лайзы будет недолгим. Понял, когда осмотрел наконец ее руку. Край самонакладывающегося бинта туго врезался в кожу. А выше него рука чудовищно распухла, став чуть ли не вдвое толще… И была уже не красной – темно-бурой.

Газовая гангрена, причем в крайне быстротечной форме. Пуля, выпущенная Лануа, оказалась непростой… Существует такая поганая химия, ускоряющая некрозные процессы и препятствующая действию антисептических препаратов вообще и антигангренозных в частности. На войне эту гадость применяют очень редко, в основном снайперы, и если снайпер с таким боекомплектом попадает в плен, то умирает на месте, долго и мучительно, – командир обычно крепко зажмуривается и не мешает бойцам…

И что теперь?

Ампутация, произнес чужой и холодный голос у меня в голове.

Я понимал, что другого выхода нет. Но и ампутация даст один шанс из сотни… Штатный врач экспедиции погиб на «Стреле», с ним кануло и все его медицинское хозяйство. Ампутировать придется или мне, или другому дилетанту. Подручным инструментом и в походных условиях, без общей анестезии. Один шанс из сотни? Да нет, пожалуй, из тысячи…

О госпитале или больнице нечего и мечтать. Даже если Эфенди вызвал помощь немедленно после гибели дирижабля, когда она сюда доберется, из всех врачей потребуется лишь патологоанатом…

– Больная рука, – констатировал Иван очевидное. – Сильно больная. Лечить надо. Не то отрезать придется.

Я лишь вздохнул. А то сам не знаю…

– Что сидишь? Вставай, за плечи бери. Я за ноги возьму.

– Зачем? – вяло откликнулся я.

– В палатку понесем. Лечить буду. Хорошая женщина. Надо вылечить. Детей тебе родит.

Лечить? Попробуй, хуже не станет… Потому что хуже некуда. А я все-таки сгоняю в лагерь, посмотрю, может, найдутся хоть какие-то инструменты. И люди, лучше меня сведущие в медицине. Тащить к берегу Лайзу нельзя, придется оперировать здесь.

Иван против моего возвращения в лагерь возражать не стал.

– Иди. И покушать поищи. Женщина поправится, будет кушать просить. Чем кормить будешь?

Оптимист… Я бы очень хотел поверить Ивану. Но не мог. Слишком много видел в своей жизни гангренозных ран.

Мимо пронеслось звено реактивных Ме-382. Пилоты не обратили на вертолет внимания. Возможно, сочли тихоходную цель не представляющей никакой угрозы. Или посчитали, что здесь проходят испытания своей же, но глубоко засекреченной техники.

Хасан Бен-Захр на «мессершмитты» тоже не отвлекался. Он знал, что должен сделать, знал еще во время первого полета сюда. Но тогда не вовремя вмешался автопилот. Сейчас он отключен. Штурвал у Хасана, и не помешает никто.

Город внизу пылал, подожженный снарядами катапульт и зажигательными бомбами «дорадо». Город был взят в клещи, с хрустом сжимавшиеся. Но город пока держался.

Крестоносцы Жофруа де Буйонна уже рубились на стенах, рыцари Раймунда прорвались через Яффские ворота и угодили сразу же за ними в жесточайшую мясорубку. Легионеры дрались во дворе пылавшего Храма – и ярость пламени меркла перед яростью нападавших и оборонявшихся.

И все же город мог отбиться и устоять. Мог бы… Но с востока, под прикрытием Масличной горы, подходил XIX танковый корпус СС и готовился к атаке с марша. Тяжелые танковые батальоны Pz-VIII уже выходили на ударные позиции, а слева, прикрывая им фланг, разворачивалась в боевой порядок 47-я ваффен-гренадерская дивизия СС «Алджихад».

Остальные части были на подходе, заполонив Амманскую дорогу.

С них-то Хасан и начал. Вертолет пронесся на бреющем над бесконечной колонной – танки, тентованые грузовики, бронетранспортеры, тягачи с орудиями, – поливая ее огнем и смертью. С ревом вырывались из пеналов «Кадеты», шестистволки чертили свой смертельный пунктир по машинам и людям.

Сопротивления никто не оказывал. Хотя на некоторых «Королевских тиграх» стояли крупнокалиберные зенитные пулеметы, а на «Императорских» – реактивные зенитные установки, хватало и других средств ПВО ближнего боя. Но атаки с воздуха здесь не ждали…

Позади что-то горело, что-то взрывалось, но Хасан не смотрел назад. Потому что оседлавшие Масличную гору «кайзертайгеры» уже направили тяжелые хоботы орудий на город.

Он проутюжил гребень раз, и второй, и третий – уже для

страховки и проверки, не обращая внимания на людей, покидающих чадно горящие танки.

Хасан не удивлялся тому, что у него не заканчиваются «Кадеты», что боезапас шестиствolок кажется бесконечным. Он даже не задумывался об этом. Он спешил к Храму и знал, что там будет труднее, что работать придется ювелирно…

Хасан не оборачивался и не видел, как за его спиной, у ведущей в десантный отсек двери, пытается подняться на ноги человек с залитым кровью лицом. Не то Абдулла-хаджи, не то сержант Багиров…

Смотрел только вперед – туда, на Храм – и видел, как все началось. Как вспыхнула ослепительная, режущая глаз огненная точка, как мгновенно вздулась исполинским огненным шаром, засасывающим и небо, и землю, и город, и весь мир…

Он понял, что видит. После сожженного Гавра, после Бристоля трудно было не понять… Он видел всё и понял всё, но не хотел принимать увиденное и верить своему пониманию. Он закричал, истошно, оглушительно, как не кричал никогда в жизни. Казалось, его голова не выдержит, взорвется от этого крика, и не станет только его, Хасана, а мир и город останутся прежними.

Все получилось наоборот. Он был. А города не стало. И мира тоже.

Хасан Бен-Захр замолчал. И направил вертолет в то единственное, что осталось, что маячило перед ним в беспощадной и абсолютной пустоте, – в самый центр ядерного гриба.

Багиров-хаджи с третьей попытки встал на ноги. Он даже сумел с грехом пополам прийти к некому консенсусу, к странному симбиозу двух личностей… И навел «дыродел Солнца» на затылок сидевшего за штурвалом человека. Больше он не успел ничего – вертолет на полной скорости врезался в крутой, почти отвесный склон Бырранги.

Эпилог

Наш лагерь был разгромлен и уничтожен. Лагеря как такового не осталось.

Казалось, что по берегу и прямо по многочисленным палаткам не так давно гонялась стая взбесившихся асфальтовых катков. Гонялась за бульдозером. Тоже взбесившимся.

Ни одной целой палатки. И ни одной поврежденной, но все же устоявшей. Ни одного человека.

Террасу, насколько я мог видеть, тоже не миновала эпидемия разрушений. И над всем раздраем и разгромом издевательски торчала целенькая и новенькая причальная мачта.

«Да что же тут произошло, пока меня не было? Сходил на подвиг, называется…»

На самой границе воды и суши лежало НЕЧТО, способное дать если не ответ на мой вопрос, то хотя бы пищу для размышлений. Но размышлять хотелось где-нибудь в сторонке – выглядело нечто как труп колоссальных размеров, гниющий настолько давно, что полностью утратил первоначальную форму. Запах стоял соответствующий.

Но я все-таки подошел… На стегоцефала эта куча падали никоим образом не походила. На лабиринтодонта тоже. Профессор Птикошон дал маху.

– Ну здравствуй, Бдыр-Барус… – прогнусавил я, двумя пальцами зажимая нос.

Рядом, среди потеков гноя, сочащегося из туши, лежало ружье. Шикарное – гравировки, инкрустации. Но я не присматривался к оружию. Потому что около него лежала рука. Левая, отделенная от тела в районе запястья. Откушенная…

На безымянном пальце поблескивал знакомый перстень. Великий Охотник все-таки угрохал свою чучундру, но эта охота стала для него последней. Прощайте, Эфенди…

Заодно можно попрощаться с клиникой Фонда Вальдсхаймера. Прощай, клиника… Жаль, что наше знакомство не состоялось.

Хотя не факт, что мы познакомились бы и при других раскладах. Сдавать Хасану найденную «змею», проще говоря – Лайзу, я не собирался. А пулеметчик Джафар на премию не тянет. Эфенди и Хасану он служил верно, лишь со мной имел старые счеты.

Однако прав Иван, надо бы посмотреть, чем тут можно разжиться из продуктов и других полезных вещей. За Эфенди спасательная экспедиция прискакала бы со всей возможной

скоростью. А вот после его смерти лучше смотреть на вещи реально. И запасаться продуктами.

Я начал поиски. И быстро разочаровался – полное впечатление, что в районе складских палаток буйство дорожной техники происходило с особым размахом. Там не просто не осталось целых ящиков, но даже консервные банки были раздавлены в блин, содержимое выдавлено… Что уж говорить о продуктах с менее прочной упаковкой.

Пришлось продолжить поиски по всей территории лагеря. Не совсем безрезультатные, полтора десятка банок я за час наковырял, еще кое-что по мелочи.

Трупы тоже попадались. Морис, которого я опознал только по волосам соломенного цвета. Один из охранников, целый и невредимый, если не брать в расчет сломанные шейные позвонки. Этнограф Гусев….

Нашелся и генавр Зог – его тело могло послужить дополнением к останкам Эфенди, поскольку у гиганта отсутствовала как раз левая рука и как раз ниже запястья… После такой находки не стоило и надеяться отыскать чемодан-сейф (каюсь, имелась такая грешная мыслишка).

Необследованных палаток оставалось все меньше. Я решил обыскать все. Трофеи трофеями, но неплохо бы понять, кто остался в живых и бродит где-то по окрестным горам.

И тут я увидел Ивана. Он двигался мне навстречу с другой стороны лагеря и занимался тем же самым: осматривал разрушенные палатки. Даже преуспел больше меня – вон, вытащил из разбросанных полотнищ целый и невредимый ящик, мне такие находки не попадались. Хотя неудивительно, та сторона выглядела чуть менее пострадавшей.

Я бросил взгляд на озеро. Второй лодки не видно, лишь та, что привезла меня.

Но спешил я к Ивану не затем, чтобы выспросить, каким коротким путем он сюда добрался. Почему он вообще здесь? Оставшись врачевать Лайзу – здесь?!

Я знал ответ… И не хотел слышать ответа. Но все-таки попытался спросить:

– Лайза… она…

С трудом выдавил два слова, а третье застряло в глотке. Не мог произнести, и все тут.

– Спит она, – беззаботно откликнулся Иван. – Лечил ее, теперь спит. Долго будет спать. Ты не бойся. Там хорошее место. Никто не будет трогать.

Я не мог поверить. Народная медицина и прочее траволечение от скоротечной газовой гангрены не помогают. И

все-таки поверил. Так же, как поверил, что орден получен лично Иваном от большого начальника Шорохова. Должны случаться в жизни чудеса. Хотя бы изредка.

Иван неправильно истолковал мое молчание.

– Хорошее место, я знаю! Спокойное. Теперь мало будет плохих мест. Теперь Бдыр-Барус уснет.

– Брось, Иван! Эфенди все-таки уложил твоего Бдыр-Баруса! Вон, посмотри…

– Бдыр-Баруса нельзя убить.

– Почему?

– Ты сумеешь убить дождь в небе? Бдыр-Барус, как дождь. Ты сумеешь застрелить тундру? Он, как тундра. Как горы. Как небо.

– Как ты, Иван… – высказал я неожиданную догадку.

– Я человек! – обиженно возразил старик.

– Тогда скажи мне, человек, – если Баруса нельзя убить, что за падаль тут воняет на всю округу?

Прямо отвечать на вопрос шаман-орденоносец не пожелал. Очевидно, происхождение падали в круг его интересов не входило. И он вернулся к недавним своим аллегориям:

– Если на земле лужа, разве дождь умер? Если падает звезда, разве умерло небо?

– Понятно… – вздохнул я. – Жаль, что эта упавшая звезда протухла так быстро, свежатинкой не разживемся… Застряли мы тут надолго, консервы экономить надо.

– Зачем долго, железный человек? Нельзя тебе долго здесь.

– Вертолет наш отсюда не улетит. Близко слишком летает. А дирижабль того…

– Я видел. Железный пузырь ночью сгорел. Железная птица недавно упала, тоже сгорела.

– Что?

Я выпытывал у Ивана подробности, но толком ничего не узнал. Судя по его описанию катастрофы, уцелеть не мог никто. Но все ли улетевшие оставались на борту, неизвестно.

– Сам видишь… Не на чем домой добраться.

– Большой начальник железную птицу пришлет. На ней домой полетишь.

– Не знаешь ты, старче, моего большого начальника… Пришлет, когда Бдыр-Барус на горе свистнет.

– Он не будет свистеть. Выть будет, когда кушать захочет.

– Вот-вот… Не видать нам железной птицы.

– Будет птица… Сам смотри.

Он достал из-за пазухи большой кожаный кошель, высыпал содержимое на свой недавний трофей – большой ящик армейского образца, потертый и исцарапанный. Этот ящик,

кстати, я не раз видел в палатке Хасана – иногда на нем сидели, когда набивалось слишком много народа, но чаще он использовался как подставка для рации. Многофункциональный предмет меблировки.

Гадание меня не заинтересовало. Видел подобные штучки в Кольской тундре, у саамов. Игра, забава, заневестившиеся девушки женихов вычисляют…

Повествование Ивана об ожидавших меня событиях я слушал вполуха. Я б и сам ему так нагадал, легко и просто. Ну птица, ну Лайза… Что?!

– Настоящим человеком станешь. Не железным, – терпеливо повторил Иван.

Благоверная проболталась, больше некому.

Когда все фигурки отправились обратно в кошель, я вежливо поблагодарил за гадание. И кивнул на ящик:

– Что в нем? Может, тушенка?

Хотя сам сомневался… Скорее уж у Хасана тут хранится что-то стреляющее. Или взрывающееся.

– Себе забирай, – великодушно разрешил Иван. – Мне не надо. Много будет – другому отдай.

И он занялся исследованием соседней палатки. А я – взломом ящика. Если Хасан уцелел в сегодняшней аварии, надеюсь, он меня извинит. Но едва ли спасся… Не в его привычках посылать в бой подчиненных, а самому отсиживаться в стороне.

Замок оказался прочным. А сам ящик – тяжелым. Хорошо бы там хранились гранаты. Рыба здесь водится, можно наглушить…

Но внутри лежали не гранаты.

Старый обшарпанный раллер я небрежно отложил в сторону, а над остальным содержимым крепко задумался.

Трюк вполне в духе Хасана – приковать пустой сейф с кучей степеней защиты к запястью генавра-охранника, идеальной боевой машины, – а всю казну экспедиции ссыпать в ящик, словно бы подобранный на помойке, всем примелькавшийся и валяющийся на видном месте…

– Когда, говоришь, прилетит железная птица? – уточнил я у Ивана.

Он не успел ответить. За две палатки от нас началось непонятное шевеление. Разбросанные по земле полотнища шуршали, изгибались. Что-то там копошилось живое. И не пеструшка, решившая раньше нас поживиться провизией. Кое-кто более крупный…

Я вскинул «ассасин», навел в ту сторону. Иван даже не потянулся к карабину.

Полотнище откинулось в сторону, и взорам нашим предстал

растрепанный Осби. Нетвердыми шагами направился к нам. Я торопливо захлопнул ящик, раллер от резкого движения упал, покатился по камням.

Предосторожность оказалось излишней. По-моему, похмельные глаза оператора ничего вокруг не замечали. Или мозг никак не реагировал на увиденное. Труп чучундры Осби проигнорировал. Разгром лагеря словно и не видел.

Брел и бормотал себе под нос, я с трудом понимал смысл невнятной и пересыпанной жаргонизмами речи: что-то о том, на какие кайфовые сны пробивает от вискарика без закуски, а он и не знал…

Подойдя поближе, он с трудом сфокусировал взгляд на мне. Потом долго рассматривал Ивана, склоняя голову то к одному плечу, то к другому. За посталкогольную галлюцинацию Иван признан не был, поскольку обратился к нам Осби во множественном числе:

– Ребята, у вас пива случайно не найдется?

Не знаю, как шаман-орденоносец умудрился его понять – без словаря, переводчика и лингвопрограммы. Наверное, догадался. Ну о чем еще может спросить погибающий от похмелья человек?

– Пива нет, – по-русски ответил Иван. – Чай пить будешь?